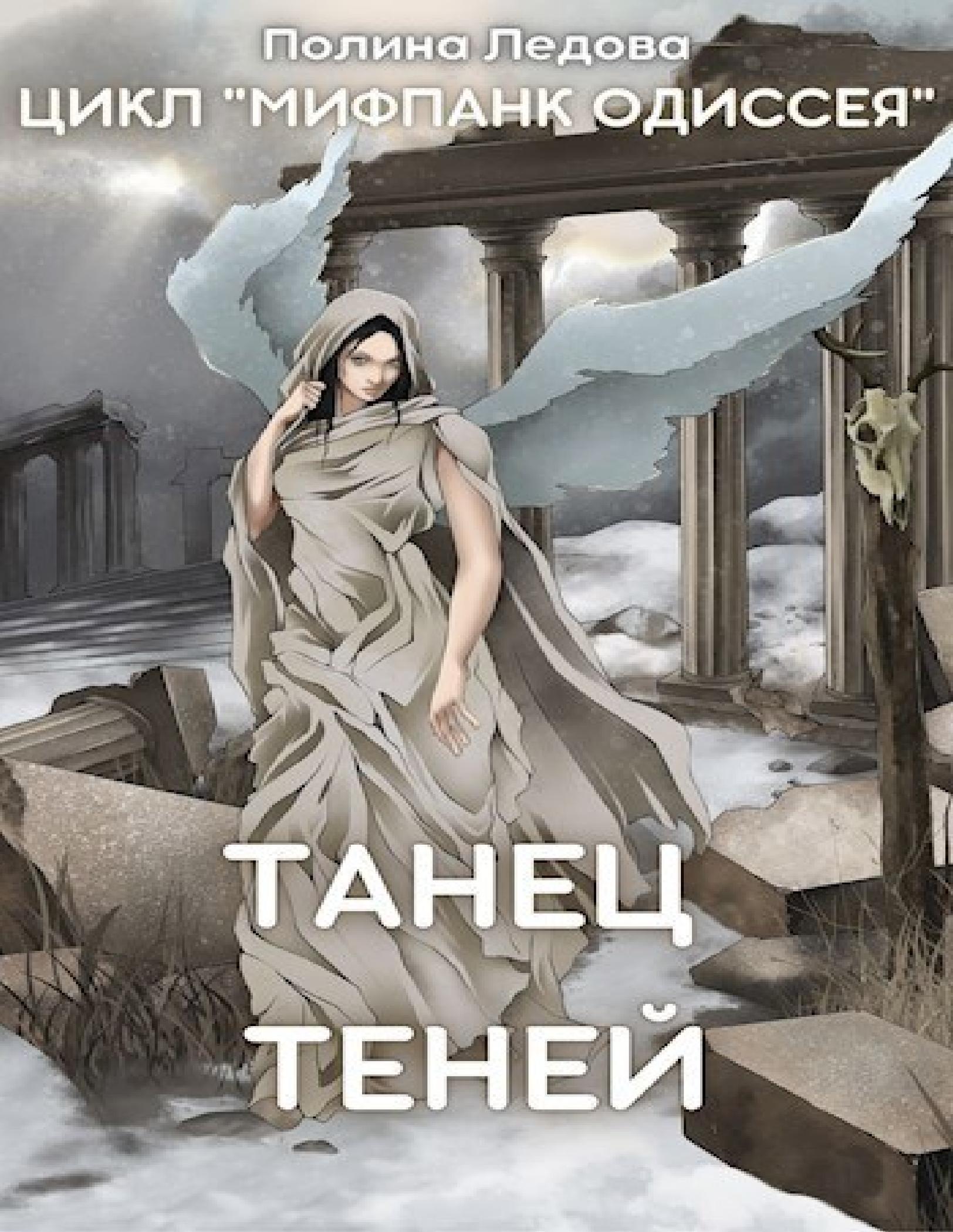

Полина Ледова

ЦИКЛ "МИФПАНК ОДИССЕЯ"

ТАНЕЦ
ТЕНЕЙ

Вторая книга цикла. Первая — "Музыка Океании".

Холодный и прекрасный мир Элласа замер на грани катастрофы, и до сих пор не ясно, что уничтожит его первым — гражданская война, ядерный взрыв или освободившиеся из царства смерти тени. Мир скован льдом и снегом, весна никогда не наступит больше. Выжить можно лишь одним способом — найти дорогу к таинственной стране под названием Океания. Не все смогут отыскать её, не все дойдут до конца. Две сестры, две певицы и бывший наёмник отправляются в эту снежную одиссею по руинам гибнущего мира.

Греческая мифология в антураже апокалипсиса.

529 день после конца отсчёта

К утру пошёл снег. Самые первые нерешительные лучи солнца, которые были такими редкими гостями на далёком севере, особенно в часы, когда мир неизбежно стремился к концу, играли в изящных гранях снежинок, превращая их в волшебные кристаллы. Снежинки походили на зимнюю пыль, трепетавшую в блекло-молочном покрывале неба, они никак не желали укладываться в очередной сугроб, то и дело взмывали обратно вверх, стремясь преодолеть земное притяжение, даже пресловутую разницу в пятнадцать секунд, отделявшие два соседних мира друг от друга. Чёрные полосы железной дороги были как никогда хорошо различимы в белой стране без надежды. Припорошённые той порослью снега, что всё-таки сдалась и осела на них, рельсы неуклонно вели в сторону города.

Белый самоед торопливо бежал вдоль железнодорожных путей, привередливо обнюхивая их и, порой, оставляя свои метки. Именно сегодня он почему-то спешил. Раньше жизнь самоеда была размеренной и подчинённой одной единственной цели — набить себе брюхо, чтобы не умереть от голода. Зимний мороз пса не страшил совершенно, его длинная шерсть с густым подшёрстком защищала его от любой непогоды, и даже понижение средней температуры на несколько градусов каждый месяц казались пустяком. Бродячие собаки долго не живут на воле, а на век пса его шкуры хватит точно. Он уже успел не раз за свою жизнь оставить потомство. Его нос украшали шрамы от клыков конкурентов, но безымянный пёс оказался проворнее и сильнее. Теперь дворовые суки растили его щенков — таких же белых полукровок, чей хвост, однако, не загибался к спине, а болтался палкой между задними лапами.

Когда-то давно, пёс уже и сам почти забыл, его жизнь была иной. Он служил человеку и получал еду за свою работу. Пёс бежал во главе упряжки и держал в подчинении остальных собак. Ему приходилось ставить на место много выскочек, которые осмеливались скалить зубы, претендуя на его первенство. Нескольких спесивцев, которые так и не усвоили урок, пёс загрыз насмерть, и его стая помогла ему в этом. В те далёкие годы у пса был не только хозяин, но и имя. Он забыл его уже давно. Возможно, оно было как-то связано с белоснежным цветом шкуры самоеда. Или со снегом. Иногда, в особо морозные ночи, когда снег скрипел во мраке, пёс, кажется, слышал голос человека, зовущего его в дом, но тут же просыпался от этого опасного сна и сразу забывал его.

Пёс давно отказался от людей. Он устал от их правил, устал ждать подачек. Снег в отменённых землях был слишком белый, в нём таилось ослепляющее душу зло. Безумие Белизны захватило рассудок пса, и он поддался её ядовитому бешенству. Пёс решил, что может подчинить человека своей воле, как это было с другими собаками. Он взбесился, потерял над собой контроль от усталости и голода. Белые зубы разодрали горло ребёнка. Пёс почувствовал вкус человеческой крови на языке, самый запретный и горький сок, что ему доводилось пробовать в жизни. Старший человек тогда здорово избил его, и явно дал понять, что псу больше не место в упряжке. С тех пор пёс был один. Свободный, голодный, бешеный.

Он чувствовал, что его срок близок. Болезнь, которую он носил глубоко в себе, было не исцелить ни едой, ни погоней за сукой. Он утратил всякий вкус к жизни, ему больше ничего не приносило удовольствия. Его вела Белизна, уводила в волчьи стаи и в стаи других одичавших собак, но компания чужаков была ему неприятна. Самоед предпочёл остаться

один. Пёс действовал, повинуюсь старым инстинктам, но не понимал, зачем продолжает бежать, охотиться на ворон и крыс, зачем задирает мелких городских дворняг. Не было чего-то действительно важного. Не было ориентира.

И вдруг этой ночью самоед понял. Он увидел человека посреди Белизны. Такого же потерянного, как и сам пёс. Тогда безумие, затмевавшее не очень подвижный разум собаки, немного рассеялось. Он вдруг понял, что человек заблудился, и не найдёт дорогу сам. Пёс преодолел своё презрение к этим двуногим. Ему захотелось опять услышать и вспомнить своё имя из их уст. Захотелось вернуться назад в тепло дома, ощутить жар костра, согревающего старые кости. Он осмелился подойти к человеку близко впервые за годы своих скитаний. Впервые с той ночи, когда он загрыз их ребёнка. А дальше всё было просто. Пёс повёл человека за собой, а тот пошёл следом.

Вдоль железнодорожных рельсов. Пёс точно знал дорогу и не только по их толстым венам, а по густому запаху железа и угля. Самоед иногда останавливался, дожидаясь, пока человек догонит его. Он шёл так медленно, в отличие от пса. И походка его была неровной, он сильно хромал, опираясь на палку. Но у пса ещё было время. Он ждал, подгоняя своего нового хозяина взволнованным лаем. Ждал и вёл. Туда, в город, прочь от ослепляющей душу Белизны. Это было последним, что пёс хотел осуществить. Самый важный его поступок в жизни. Цель, в которую он обратил своё существование. Пёс волновался, как никогда в жизни. Если человек останавливался дольше, чем на минуту, пёс изводился, подбегал к нему, обнюхивал, раздражённо рычал и обеспокоенно взвизгивал. Тогда человек усмехался, говорил что-то и шёл дальше за псом.

Город был уже совсем рядом, когда человек замедлил свой и без того неспешный ход. Посреди чёрных рельсов стоял огромный железный монстр. Пёс обнюхал чудовище, на его глазах такое однажды убило старого водолаза, оставив от него лишь половину туловища. Он фыркнул и зарычал на монстра, но тот не пошевелился, никак не отреагировал на пса. Тогда самоед помочился прямо на железные чёрные лапы зверя.

Внимание человека что-то привлекло. Он оглядывался, осматривая снег. Пёс подошёл ближе и тоже заинтересовался произошедшим возле монстра. Воздух наводняли тысячи запахов. По их разноцветным потокам пёс мог прочитать целую историю. Вот глубокие рытвины, оставленные тяжёлыми ботинками. Такие носили «злыдни», как звал их пёс. Таких было много в городе и за его пределами, они никогда не кормили пса, а тяжесть их ботинок он не раз ощущал на своей шкуре. Пёс злобно хрюкнул, вспоминая старые обиды и, оскалившись, куснул снег в том месте, где ступали ноги «злыдней».

Были и другие вереницы следов. Лапы собак. Этих «злыдни» водили с собой. Чёрно-рыжие овчарки. Они были научены служить «злыдням», беспрекословно исполняли их требования. Пёс предпочитал избегать таких, обходить стороной, но в лентах дорожек, оставленных овчарками, он почуял сладкий запах текучей суки, а потому не мог просто так пройти мимо. Пёс пометил место, где та испражнилась, и старательно взрыл снег вокруг, чтобы никто больше не посмел взять над ней верх.

Человека, однако, заинтересовали совершенно другие следы. Расправившись со своими делами, пёс вернулся к нему и задрал морду, вопрошая человека, что его так озадачило. К удивлению пса, человек протянул ему какой-то предмет. Это была небольшая шерстяная варежка, насквозь пропахшая запахом людского ребёнка. Самоед вспомнил, как загрыз такого, ему стало стыдно и он, взвизгнув, прижал уши к голове.

Однако человек не собирался ругать его или бить. Из уст мужчины вырывалось

единственное слово, которое пёс понял и вспомнил, что оно означало. В этом слове было столько азарта, столько интереса:

— Ищи! Ищи!

Да! Пёс точно знал, что это такое. Обрадованный, он замахал закрученным к спине хвостом, запрыгал от нетерпения, и пошёл по золотистому запаху, тянувшемуся от варежки.

Да! Она бежала здесь. Не одна. С ней были ещё. Они шли быстро, не то, что человек Торопились. Спешили, продираясь сквозь снег. О! Что это? Пёс заинтересовался, и тотчас расстроился.

Текучая сука. Лежала неподвижно в рыхлом красном снегу. Пасть навсегда замерла в страшном оскале, в голове дырка. Самоед громко заскулил, развернувшись к человеку.

— Ищи! Ищи! — требовал человек, опять показывая ему шерстяную варежку.

Вечно эти люди поступают так нелогично! Пёс прекрасно видел линию запаха, но как же овчарка? Её запах был куда гуще и притягательнее этой золотой нитки. Вокруг неё вились красные и чёрные кудри. Красные — крови и уже остывшего биения жизни. Чёрные — запахи людей, запах огня, взрывающейся пыли. Едва уловимый серый запах железки, застрявшей в черепе. А ещё ярко-жёлтый — запах её ярости. Она тоже целила в горло. Ещё бы чуть-чуть и достала. Пёс заворчал. Ему не хотелось отходить от овчарки, но человек требовал от него:

— Ищи!

На месте, где лежала овчарка, были ещё следы. Она завалила в снег кого-то. Пыталась удержать, может, убить. Получилось ли у неё? Крови так много... Пёс обнюхал взрытый след. Опять подцепил носом золотую нитку. Нет, овчарка метила не в неё. Она побежала дальше. Пёс пошёл вперёд. Его чёрный нос сходил с ума от того, как сильно он старался.

Новые следы других собак, опять «злыднинские», они преследовали их. Ту, что обронила варежку — «золотая девочка», ту, что чуть не лишилась горла от клыков текущей суки. Два сильных мускулистых кобеля. Неслись во весь опор, следы их лап располагались далеко друг от друга. Почти летели, едва отталкиваясь от снега. Вдруг, смогли нагнать? Кого-то точно схватили, пёс добрался до следующей точки. Здесь лежал человек. Не «злыдня», а «сырой». Таких пёс тоже встречал в городе. От них всегда пахло странно — плесенью и затхлой водой, а ещё воском. Человек, нагнав его, оглядел тело. Пёс поднял голову, вопросительно взглянув на мужчину. Тот дышал тяжело, очень сильно волновался. Его сердце заметно участило бой до того, как он увидел труп, но сейчас, вроде перестало так гремять. Нет, это вовсе не «золотая девочка», она точно пошла дальше. Запах сырости от мёртвого тела сбивал самоеда с толку. Пришлось отойти, чтобы опять перехватить нитку в спутанном клубке событий. Она сошла с пути, не иначе. Куда-то спряталась. Пёс поводит головой из стороны в сторону, ему пришлось вывалить наружу горячий язык, чтобы чувствительное нёбо могло уловить золотой след девочки.

Она не пошла дальше. Куда? Тут пёс понял. Он с опаской подошёл поближе к железному чудовищу. Возле чудовища лежали ещё два мёртвых брата. Но на сей раз кобели, поэтому самоед лишь презрительно рявкнул, продолжив нюхать воздух, старался не отвлекаться на них. И кажется, нашёл... Конечно! Густой чёрный смрад монстра сбивал его с толку. А она была храброй, эта золотая. Нырнула прямо под брюхо задремавшему зверю. Вот только самоед видел, что стало с тем водолазом. Монстр разорвал его пополам, а заднюю часть тела проволока за собой ещё около полукилометра. Пёс прижал уши и заскулил. Вроде, чудовище стояло неподвижно, но мало ли, что могло прийти ему в голову.

Оно тоже жило в Белизне и убивало без разбору всех, кто вставал у него на пути.

Человек не уставал повторять свой приказ, превращая его для пса в настоящий завет. Самоед не мог перестать искать, эта идея стала одержимостью. Преодолев страх, он залез под живот чудовища. Здесь золотая нить задержалась, оставив более густой след. Он видел отпечатки её ботинок на снегу. Совсем маленьких по сравнению со «злыднями». Куда дальше она пошла? Из-под живота монстра можно было разглядеть полую часть платформы. Пёс поспешил пролезть туда побыстрее, желание поскорее удалиться от чёрного чудовища не оставляло его. Зато под платформой было много всего интересного. Огромные размашистые пятна гниющего мусора, в которых копошились крысы и вороны. Мозг пса сходил с ума от многообразия ароматов, особенно сейчас, когда он так старался нюхать изо всех сил.

Человек нагнал его и тут. Только пёс отвлёкся, силясь порвать один из мусорных пакетов, как тот опять начал говорить ему «ищи». Пёс устал. Очень устал. Он бы с радостью остался здесь, но как же золотой след? Нить терялась в этом безумном сосредоточии ароматов еды и событий. Она казалась псу неправильной. След как будто вёл куда-то вниз, под кучу коробок. Но даже самоед, пусть он и не считал себя особо умным, понимал, что «золотая девочка» там бы не поместилась. Ладно... раз человек хотел от него, чтобы он нашёл, он найдёт. Облизнувшись и проглотив слюну, которая выделялась так неистово в этом раю ароматов, самоед подошёл к коробкам и стал вскапывать снег рядом с ними. Человек подполз к нему, в полный рост человек бы здесь не встал. Он сдвинул коробки в сторону и тут удивился даже пёс. Под ними открылся туннель.

— Вперёд! Ищи!

Пёс заскулил. Он не любил туннели, они вызывали в нём панику. Самоед вырос в Белизне, в бесконечной снежной пустыне. Он не мыслил своей жизни без широкого северного неба над головой. От смятения пёс даже оскалил клыки, из туннеля отчётливо пахло смертью. Неужели человек настолько глуп, что не почуял запаха? Самоед посмотрел на человека внимательно. Нет, он, наверняка, знал смерть и знал очень хорошо. Это считывалось в человеке.

Золотая нить, несомненно, вела туда. Но где псу набраться смелости, чтобы заступить на территорию смерти? Оказаться замкнутым, отрезанным от привычной Белизны, пёс отчётливо понимал, что обратно он уже не выберется.

А человек всё продолжал зазывать его туда. Человек искал девочку. Такого же ребёнка, которого загрыз он сам годы назад. Нет, Белизна точно повредила разум человека. На севере такое случалось со всеми — и с животными, и с людьми.

Самоед хотел опять огрызнуться, но тогда человек заговорил с псом. Да, он и раньше говорил ему слова, но в основном только команды, а здесь стал рассказывать что-то. И пёс слушал его. Слушал очень внимательно, напрягая тугий мозг, изо всех своих собачьих сил пытался понять слова. Но напрасно. Он слишком давно не слушал людей. Он забыл смысл их языка, забыл значения звуков, которые они издавали. Пёс всё равно слушал, насторожив уши, слушал до тех пор, пока не заболела голова и тогда он зевнул. Из всего сказанного он понял лишь одно слово, произнесённое с болью в голосе, с надломом. Человек сказал псу «вина». И да, пёс действительно был виноват. Ровно столько же, как и человек. У них была одна общая вина на двоих, которую они должны были исправить.

Пёс глубоко наполнил воздухом лёгкие в тот миг, когда шагнул в туннель. Хоть так, хоть на несколько секунд, он попытался заглушить страшный запах этого лаза, от которого

становилась дыбом шерсть на загривке. А потом он погрузился в него с головой.

Человек пошёл следом за псом, но если пёс шёл привычным ему способом на четвереньках, лишь иногда прижимая уши к голове, да и то больше от страха, нежели от неудобства, то человеку пришлось ползти следом за псом, с трудом протискиваясь в узкий лаз. Пёс слышал, как тот кряхтел сзади, как елозила его нога, на которую он не мог опираться, как он постоянно подтягивал её за собой.

Пёс шёл долго и ещё дольше за ним следом полз человек. Самоеду даже приходилось иногда дожидаться его, он останавливался и ждал. Дороги назад не было. Даже если бы захотелось повернуть назад, он не смог бы пролезть мимо человека, туннель был слишком узким для двоих. В черноте этого лаза даже пёс был слеп. Не хватало не только света, но и воздуха, поэтому он выкатил широкий язык из пасти, и его дыхание стало частым-частым, а на губах скапливалась пенная слюна. Но пёс шёл вперёд. Несмотря на страх, который подкрадывался всё ближе с каждым новым его шагом, он продолжал идти.

Пёс не имел представления о человеческом времени, а в пустоте без неба, не мог ориентироваться ни по солнцу, ни по звёздам. Когда он служил человеку в прошлом, он знал об этой скользкой субстанции гораздо больше. Люди подчинялись времени, они ели и спали по часам. Пёс уже забыл и эту мудрость тоже, хотя раньше мог догадаться, что уже пришло время кормёжки, или что человек должен вот-вот проснуться. Последние же годы жизни самоеда были слишком хаотичными, лишёнными правил, поэтому он совершенно не знал, сколько они с его новым человеком провели времени в туннеле. Пёс только почуял, что откуда-то спереди идёт поток воздуха, и от этого псу стало немного легче дышать. Они вышли в помещение, пропахшее сыростью, где самоед сумел, наконец, оглядеться. Человек выглядел усталым, по его лбу ручьями стекал пахучий пот, смешанный с солонатовой кровью от ссадин, покрывавших его лицо. Он не сразу заговорил и не сразу смог продолжить поиски, но самоед терпеливо подождал его, теперь путь самоеда зависел от решений человека. Он нашёл что-то, и в его руке загорелся огонёк свечи, так что пёс тоже смог видеть его. Человек заговорил с ним снова.

— Ищи, — в конце концов, — сказал он свою непреложную заповедь. Опять показал варежку, но пёс и без того чуял золотой след. Он сосредоточил на нём всё своё естество, всю собачью натуру положил на этот поиск. Самоед гавкнул, ободряя человека, и тот вновь пошёл за ним.

Они оказались в новом коридоре, уже не таком узком, этот был похож на сотворённый людьми, а не землеройками. Собачьи отросшие когти постукивали по каменному полу, а туннель вёл неуклонно вперёд и куда-то вниз. С каждым шагом запах смерти становился всё полнее, насыщеннее, где-то там внизу и впереди должна была находиться сама Царевна суповых костей. Ни одно другое существо не могло источать такого жуткого смрада. Пёс фыркал и чихал, когда запах становился нестерпимым. Его серые потоки заматали всё остальное. Даже «золотую девочку». Больше всего, даже больше смерти, пёс боялся теперь потерять след и подвести человека. Не найти её, не искупить свою «вину». В минуты паники эта мысль подстёгивала его идти дальше. И он шёл.

Туннель изгибался и не раз разветвлялся в разные стороны. Коридоры норовили запутать их. Да, они могли сбить с толку человека, но никак не пса. Он явственно слышал запах золотой нити. Иногда она становилась рассеянной, иногда едва заметной, но пёс не потерял её ни разу, он продолжал идти, не обращая больше внимания на «ищи» человека, которые тот повторял, как заведённый, на новых развилках. Пёс не мог сбиться. Он почти

помешался на идее найти её, и он должен был найти.

Вдруг пёс ощерился при входе в новый коридор и от гнева пронзительно залаял, так что его голос разнёсся по всему лабиринту коридоров. Он нашёл её, но вовсе не девочку. Здесь жила смерть. Смерть украшала стены жуткого человеческого подzemелья, состоявшие из скелетов и черепов. Это и была та самая Царевна суповых костей, которую он почуял ещё у входа. Она таилась где-то здесь, в каждой теневой нише, взирала на пса из каждого угла своими пустыми глазницами и ухмыляющимся ликом. Его собственная смерть — подкрала его в смердящем подzemелье, куда даже звери не осмеливались ступить.

— Тише, тише! — скомандовал человек, но пёс слишком перепугался. Он отчётливо слышал, как Царевна крадётся к нему, как гремят её костяные лапы. От страха он был готов дать дёру. Бросить человека, бросить нить и «вину». Бежать отсюда прочь. — Тише!

Но тут человек остановил его. Он нагнулся, углубил пальцы в густой белый загривок. Провалился сквозь свалывшуюся шерсть. Сжал шею пса так крепко, как умел, и пёс замолчал от смятения.

Вторая рука внезапно опустилась на макушку и почесала за ухом. Пёс остолбенел от этого жеста. Он столько всего забыл из своей прошлой жизни. Слишком многое, видимо, всего и не упомнить.

Человек говорил снова. Опять какие-то слова, в смыслах которых самоед плутал и путался, словно в постромках в самый первый раз, когда оказался в упряжке. Слишком давно, чтобы вспоминать...

«Золотая девочка», «вина», «ищи». Да, он помнил это. И этого ему было довольно. Он рывкнул, отгоняя Царевну и свои собственные страхи. Он опять пошёл вперёд. Краем уха самоед слышал, как та продолжала идти следом за ними. Нет, конечно, никуда она не делась. Её воля была неотступна, как сама Белизна. Если смерть захочет взять своё, она всегда возьмёт. Для этого знания не нужно быть человеком, даже собакам было известно о существовании Царевны. У всего всегда был свой срок.

Туннель шёл вниз, и нить вела именно туда. Она шла здесь совсем недавно, запах наполнялся новыми оттенками. Внизу становилось всё более сыро, и пёс хорошо различал запах, нить золотилась по каменным плитам пола, которые грызла плесень. Она шла не одна, но самоед старался игнорировать сторонние следы, слишком переживал и боялся ошибиться. От его носа слишком много зависело сейчас, нельзя было отвлекаться, да и заниматься обычными метками в таком плохом месте, самоед не стал бы. Нет, ни за что это царство суповых костей не станет его территорией. Как только он сможет покинуть подzemелье, он никогда больше сюда не вернётся.

Вскоре лапы пса стали намочать, а потом и вовсе пришлось идти по мутной луже. Вода затапливала коридор. Не очень сильно, самоеда это точно не пугало, а уж тем более человека, вот только пёс больше не видел пола. Это тоже не страшно, нить тянулась в воздухе и была хорошо различима, но всё-таки, пёс не любил не видеть пола. В отдалении затуманенной собачьей памяти всплывали образы об угрозах, которые таятся прямо под ногами. Люди иногда прятали что-то в рыхлом снегу. Что-то настолько мощное, что могло остановить и медведя, но эти воспоминания казались слишком мутными, прямо как эта вода. С самим псом ничего плохого не случилось, но, наверное, он когда-то давно видел волка, прикованного к Белизне. Его лапа стала неподвижной, он не мог выбраться самостоятельно и яростно рычал, щелкая голодными зубами. Прошлый хозяин пса расставлял в лесу такие волколочки, и иногда они срабатывали.

Пёс пошёл ещё осторожнее, медленно переставляя лапы. Запах гнал его вперёд, гнала «вина», но он ступал медленно и напряжённо. Внезапно лапой он почувствовал что-то едва заметное под водой. Тончайшая нить, но отнюдь не золотая, она преграждала дорогу. Пёс фыркнул и перешагнул через неё. Царевна не провела его в этот раз! Он научился чувствовать опасность за свою жизнь и ловко преодолевал такие уловки. Вот только человека пёс не мог предупредить о скрытой угрозе.

Внезапный звук отвлек пса от тягостных раздумий. Нехороший звук, человеческий. Он услышал тихий хлопок, почти такой же, с которым рвётся тугая верёвка. Вдруг стены сотряслись, и самоед немедленно оглянулся на человека, угодившего в волколовку. Псу некогда было оценивать и думать. Он сделал лишь то, что мог. Прыгнул на человека, стремясь сбить его с ног. Прыгнул так же, как если бы метил в горло, но зубы пса остались сомкнуты. Он тут же ощутил сильнейший удар от балки, свалившейся откуда-то с сокрытого во мраке потолка. Удар такой силы, что мгновенно сломал в самоеде что-то важное, а потом ощутил и железные гвозди, вонзившиеся в спину. Человек упал от толчка. Пёс прикрыл собой человека. Пёс не мог пошевелиться.

А где-то над ухом пса хохотала Царевна суповых костей. Пёс услышал её и оскалился от досады. Только на это у него и хватило сил.

Человек кое-как выбрался из-под пса и балки. Его тёплая рука гладила белую голову. Ещё несколько первых секунд самоед мог чувствовать её прикосновение, затем тело стало терять чувствительность. На глаза накатывалась темнота, но пока он всё ещё слышал. Он слышал, как капли его крови каплют в воду на полу, слышал свой собственный хриплый рык, а ещё новую сумятицу человеческих слов, в которой вдруг он различил что-то знакомое. Даже не просто знакомое, он услышал своё имя, и в последний миг своей собачьей жизни пёс очень хотел бы повилять хвостом, только уже не мог этого сделать.

— Ты хороший, хороший дружок. Хороший пёс... Дружок.

Дружок ушёл вслед за своей Царевной. Не в Аид, но в лучший иной мир только для хороших собак.

Глава I. Песня о китобоях

455 день после конца отчёта

С мрачным видом Эльпис положила трубку, и её пальцы непроизвольно дёрнулись к пачке сигарет. Механическим движением она подожгла кончик и вышла на террасу.

— Испортишь голос, если так и продолжишь курить одну за одной, — напомнила ей Ника.

— К чёрту. — Ответила Эльпис, нервно затягиваясь. — Голос — это последнее, что меня сейчас волнует.

Ника догнала её и обхватила руками плечи подруги, зарывшись лицом в её волосы. Пахло шампунем с нотками карамели и сигаретным дымом.

— Ойкумена потеряет свою самую любимую музу. Вот тогда точно настанет конец света.

Они стояли на террасе и смотрели, как редкие солнечные лучи раскрашивают крыши домов в янтарный узор. Сегодня день был на удивление тёплым, тот редкий случай, когда хотелось верить в благоприятный исход для Элласа. Прогнозы же не предвещали ничего хорошего в ближайшем обозримом будущем. Последствия катаклизма продолжали утягивать их мир в бесконечную зиму.

С момента возвращения в Харибду Ника и Эльпис приняли решение стать осторожней и не провоцировать неприятности. Их попытка побега провалилась, больше идей ни у одной из девушек не было, поэтому они желали встретить конец света вместе, сохранив свою любовь и жизни друг для друга. После того, как они выселились из люкса гостиницы «Резиденция», Пигмалион подарил Эльпис роскошные апартаменты с мансардной крышей и террасой в квартирном комплексе «Орофус». Ника сняла квартиру на том же этаже, и они могли приходить друг к другу через совмещённые балконы. Жить вместе стало слишком опасно, Пигмалион явно дал понять, что не желает больше видеть, как Ника делит постель с его музой. Он не оставлял своих попыток занять освободившееся в кровати Эльпис место, но той пока удавалось отшивать его в самой непринуждённой манере, которой Эли владела в совершенстве.

Обладать не просто гостиничным номером, а настоящей квартирой, пусть и съёмной, стало новым опытом для обеих девушек. Они оставили родительский дом, переехав в общежитие Академии, познакомились там друг с другом, и сразу же после окончания учёбы попали в мир шоу-бизнеса. Постоянные гастроли по стране до того, как случился катаклизм не дали им ни возможности, ни необходимости покупки своего жилья, да и компании «Оморфия» было выгоднее снимать для музы Эльпиники гостиничные номера по мере необходимости. Так они всегда могли контролировать любой шаг звезды.

Зато теперь у них был дом. Да, пусть в разных квартирах, но они могли бывать вместе сколько хотели. Иногда Ника представляла, как они сносят стену, разделяющую их спальни, и остаются жить вместе навсегда, ничего и никого не боясь. Пока же... у них был повод для переживаний.

— Что он сказал? — спросила Ника у самого уха девушки. Она поёжилась от мороза и, подхватив плед с кресла, укутала плечи Эльпис.

— Ждёт в офисе через час. Хочет внести какие-то финальные правки по альбому. Как будто на это есть время! Три дня до выхода... поверить не могу!

Эльпис злилась. Когда это происходило, её глаза буквально полыхали гневом, а между бровями закрадывалась настоящая молния.

— Скорее всего, ничего особенного. Попросит переписать какую-нибудь строчку, как обычно.

— Переписать! Когда всё уже и так записано! Мы же давали ему тексты на утверждение, разве он не дал зелёный свет?

Все два месяца с момента возвращения они неустанно работали над записью нового альбома «Музыка Океании» и теперь готовили его к выходу в свет. Эльпис совершенно потеряла всякое рациональное чувство меры, она могла не спать сутками, пить по шесть кружек кофе в день, мучила всех на студии, заставляя переписывать одну и ту же песню до тех пор, пока не получит желаемое, словом, как всегда отдавалась работе и музыке без остатка, не взирая ни на что. Задача Ники состояла в том, чтобы помогать ей снимать эмоциональное напряжение в редкие минуты близости, когда они уединялись в подсобке вдвоём. Поцелуи Эли никогда не были так отчаянно страстны.

— Не будем терять времени. Поехали и узнаем, — предложила Ника. — Может, если управимся за день, послушаем вечером «Искушение Сиринги»? — Она недавно приобрела пластинку на блошином рынке и ждала возможности послушать её вместе с Эльпис. Эта современная опера вольно пересказывала классический миф о Пане и нимфе Сиринги. Только в «Искушении» вместо того, чтобы испугаться козлиноподобного полубога, нимфа вполне смело ему отдавалась. Можно было провести незабываемый вечер.

Эльпис обернулась к ней. Замерла на миг в безмолвии, почти с удивлением глядя на плед на своих плечах, так, словно и не заметила его. Затем с рассеянным видом, сняла плед, небрежно бросив его обратно в кресло, и уверенно прошла назад в гостиную. Её взгляд проплыл по комнате и зацепился лишь за шкаф-витрину, в которой девушки хранили самые памятные им вещи. Здесь, за стеклом, стояли пластинки Эльпиники, помещённый в рамку самый первый фанатский рисунок, который им подарили после первого большого концерта в Неа-Макри, набор открыток из Сельге, где они провели незабываемый отпуск после большого тура по всей Ойкумене. Но Ника знала, что привлекло внимание Эльпис. Она смотрела не на все эти безделушки, а на огромную красную ракушку. Закрученная в тугую спираль, каждым своим оборотом, она неизбежно завлекала внутрь себя. Интересно, что за невиданное науке существо когда-то считало этот уютный панцирь своим надёжным домом? У подножия древнего храма покоилось много даров моря, но попали они туда из-за невозможных сбоев в гравитационном поле этого сакрального места. Храм на крайнем севере представлял собой точку соприкосновения двух миров — Элласа и Океании. Проблема заключалась лишь в том, что срослись миры между небесной твердью и дном океана. Граница, которую невозможно пересечь, если не принести поистине чудовищную жертву. Иногда ракушки, скелеты рыб и жемчужины падали со дна на землю их мира. Эли утверждала, что гул, преследовавший её последние полгода, исходил именно из этой ракушки. Красной. Они забрали её с собой в качестве утешительного приза. Жалобы на шум в ушах прекратились сразу после того, как девушки покинули храм. Вот только Ника часто ловила подругу за мрачным любованием этой раковиной. Может, Эльпис врала, когда говорила, что больше ничего не слышит. Взятая в заложники, увезённая так далеко от своего дома, ракушка даже Нике почти не вверяла своих морских секретов. Звуки, исходящие из её чрева, были тихими, едва различимыми, они напоминали даже не шум волн, а слабое эхо, доносившееся из потустороннего мира. А ведь там, у врат храма, Ника слышала отчётливое

пение. Она была уверена, что они слышат голоса жителей Океании. Наверное, так всегда происходит с предметами, которые насильно вырывают из их природного дома. Морские камешки в плесках волны и зареве солнца всегда имеют разноцветный окрас, переливаются и блестят, а лёжа в шкафу неизбежно тускнеют. У броских певчих птиц, заточённых в клетку, постепенно блекнет оперение и вместо залиvistых трелей они лишь иступлённо чирикают. Ракушка же сохраняла свой яркий алый цвет, но, словно в назидание — молчала.

— Эли, всё в порядке? — осмелилась спросить Ника, плотно задвинув дверь террасы.

Девушка медленно перевела на неё взгляд. Опять это отсутствующее выражение на лице. Совершенно потерянное, будто Эльпис только что проснулась и не понимает, где она.

— Эли?

— Дай мне минуту, ладно? — Попросила она. — Вернее, полчаса. Я соберусь и зайду за тобой сама.

— Всё в порядке? — Усомнилась Ника.

— Да, всё славно, — заверила её Эльпис, — просто не была готова срываться куда-то с утра. Нужно накраситься и выбрать наряд.

— Хорошо, — сдалась Ника. Она подошла к подруге и поцеловала её в щёку. — Жду по секретному звонку.

Они условились звонить в дверь трижды — в определённом мотиве. Два быстрых звонка и один долгий. Ника не считала, что им на самом деле пригодится этот код, но всегда приятно точно знать, кто ждёт тебя за дверью. Да и в такое беспокойное время, как сейчас, даже крайняя осторожность была не лишней.

Ника вернулась в свою квартиру через подъезд и решила, что успеет выпить кофе, пока Эльпис собирается, поэтому пошла на кухню греть кофейник.

Она успела выпить целых три чашки. Эльпис позвонила в дверь без малого через полтора часа.

К счастью, дороги успели расчистить от снега с утра, поэтому доехали они быстро. Настроение Эльпис заметно приподнялось. Она надела потрясающее фиолетовое платье и накрасила губы в тон. Плечи её украшала горжетка из песка, голова зверька покоилась на пышной груди, а хвост изящно обвивал горло. Ника не сомневалась, что, увидев свою главную музу, Пигмалион точно не разочаруется из-за того, что та заставила его ждать.

Чёрный «опсиан», машина класса люкс, которую предоставил Эльпинике Пигмалион вместе с личным водителем, прибыл к зданию, где располагался офис «Оморфии». Ника, по привычке, помогла Эльпис выбраться из машины, подав ей руку и пошла позади девушки, словно верная тень. Конечно же, на входе их встретила Леда, заместитель директора компании и организатор всех концертов Эльпиники. От её пронизывающего взгляда сфинкса, Ника всегда ощущала себя виноватой. *Она просто слишком сильно похожа на мать. На десяток лет моложе и на порядок стержовней.* — Больше всего на свете Ника ненавидела жадных до власти мужчин, на втором месте были старые суки. И покойная кирие Паллада (как мать просила называть её на людях), и начальница вполне подходили под вторую категорию.

— Кириос ожидал вас к часу, — сурово заметила Леда, сверившись с часами на костлявом запястье. Стальной браслет ремешка так и гулял туда-сюда по руке, издавая

неприятный звук, похожий на лязг собаки, грызущей кости.

— Заносы на дорогах. — Безмятежно отмахнулась Эльпис. — Добрались так скоро, как только смогли.

Было заметно, что Леда не поверила в оправдание. И без того напряжённые брови ещё сильнее натянулись.

— Идите сразу в студию. Я сообщу о вашем явлении. — Леда, не дожидаясь ответа, приложила к уху трубку телефона, всем видом показывая, что не желает тратить время на певиц.

Эльпис тоже не горела желанием вести с ней беседы, потому уверенным широким шагом поспешила по коридору. Каблуки весело стучали по черно-белым квадратам плитки.

— Раз в студии, значит, точно придётся переписывать, — раздражённо заметила она, когда они удалились от стойки регистрации вместе с её плотоядной обитательницей.

— Уверена, ничего страшного, — ответила Ника. — Управимся за час.

— Надеюсь. — В голосе Эльпис уверенности слышно не было.

Эли и Ника знали офис «Оморфии» лучше, чем свои новые квартиры. Здесь приходилось проводить долгие часы, репетируя, записывая песни, отвечать на вопросы во время длительных конференций, подписывать кипы документов. Эльпис с уверенностью вошла в комнату записи, но тут же опешила. Удивление застыло на её лице. Из студии лилась незнакомая ей музыка.

— А вы все здесь зачем? — воскликнула Эльпис при виде музыкантов. Ника зашла в комнату следом, притворив дверь. Вся группа была в полном составе. Четверо парней при виде девушек отложили инструменты.

— Вас ждём уже час, — с осуждением в голосе заметил Каллимах, поправляя в руках кифару. Это был мужчина лет на пять старше Эли и Ники, он носил недлинную бороду и был невысокого роста. Каллимах состоял в группе дольше остальных музыкантов, с ним они познакомились ещё в Академии. Он же помог им найти остальных.

— К счастью, было чем заняться, — обронил самый молодой из парней — светловолосый Гермес, отвечающий за перкуссию.

— В смысле? Материал весь уже записан. — Эльпис всё ещё не могла понять, что происходило.

— Отнюдь. Ты что, не слышала о своей новой песне? — Каллимах подмигнул девушке. Он отличался особенно ядовитым чувством юмора и дерзким характером.

— Нет, — растерянно сказала Эльпис, заняв своё место возле микрофона.

— Зря. Это точно будет хит, — с загадочным сумраком в голосе сказал их клавишник Махаон. Он был примерно одного возраста с девушками и носил длинные волосы, убранные в конский хвост. Махаон всегда казался Нике чувствительным и понимающим. — Текст на пюпитре, можешь почитать.

Эльпис схватилась за нотные листы и пробежалась глазами по строчкам. Ей хватило нескольких секунд, чтобы побледнеть от ярости.

— Это что ещё за хрень?! — воскликнула она, пламенея.

Ника подошла к клавесину и, прилегла на плечо Махаона, чтобы понять, о чём идёт речь.

— Вот и я сказал тоже самое, — вставил Евр, контрабасист.

Чем дальше Ника углублялась в текст, тем больше вопросов появлялось в голове. Самый главный из них был — кто и зачем вообще написал такую абсурдную песню? Второй по

значимости — они что, действительно должны это петь?

В этот момент в студию вошёл Пигмалион. На нём был очередной костюм, другой одежды он не носил. Войдя внутрь, он немедленно направился прямо к своей обожаемой музе.

— Эли, наконец, ты добралась! Придётся оштрафовать водителя за то, что ехал так долго.

— Не стоит, это просто я — капуста, — Эльпис вновь нацепила на себя милую и кроткую маску. Пигмалион приобнял её в знак приветствия, проигнорировав остальных присутствующих в студии. Оно и не удивительно. С Никой он вообще никогда не говорил напрямую, на музыкантов ему всегда было наплевать. Так что для владельца компании в комнате действительно была только она одна. — Скажи, пожалуйста, зачем мы здесь? Что это за песня?

— Последняя, тринадцатая песня, которая дополнит твой новый альбом. — На гладком лице мужчины зияла добрейшая в мире улыбка.

— Но альбом записан. Ни я, ни Ника не писали этого. Ты же знаешь, что мы всегда исполняем только свои собственные песни...

— Я уверен, небольшое исключение не повредит. За авторские права не беспокойся, юридически песня принадлежит тебе. Можешь ознакомиться с документами в моём офисе, но сначала её нужно записать. И чем скорее, тем лучше.

— Подожди! — остановила его Эльпис. — Я хочу понять, почему мы должны её петь? Что ещё за китобои?

На миг весёлость Пигмалиона сменилась озабоченностью. Ему словно было утомительно объяснять такие простые и прописные вещи, но он всё-таки нашёл в себе силы, приобнял Эльпис за плечо и заговорщицки проговорил, понизив голос:

— Ну, Эли, дорогая. Нужно иногда читать новости. Ты что, не слышала о новом военном подразделении на востоке страны? Ойкумена активно развивает морские войска, чтобы дать отпор врагу. Гиперборее и не снилась такая мощь. Ты пойми правильно, у тебя весь альбом состоит из прекрасных песен об этой сказочной Океании, но нет ни одной, которая прославляла бы нашу замечательную страну. Ты же хочешь, чтобы пластинка продавалась хорошо? Хочешь, чтобы власти относились к нам лояльно? А они будут, в том числе будут поддерживать талант Эльпиники своими железными талантами, в случае если она покажет себя настоящим патриотом в то непростое время, в которое мы все живём.

— Мой альбом состоит из песен об Океании, потому что называется «Музыка Океании». — Эли перешла на нравоучительный тон, словно объясняла ребёнку очевидные истины. — Океания — это летающие в небе киты, о которых мы тоже поём. Объясни, пожалуйста, как они смогут жить в одном альбоме вместе с песней «Китобои»?

Пигмалион явно терял терпение. Нику всегда пугало, когда он начинал так глубоко дышать, раздувая ноздри. Ей доводилось видеть его в гневе, в том числе, когда она ляпнула со сцены, что Эльпиника отменяет концерты после падения Эли в обморок прямо на сцене. В прошлый раз всё закончилось очень плохо, в первую очередь для её подруги. Она хотела бы предотвратить взрыв в этот раз, но понятия не имела, как обезвредить бомбу. Тем более, что и сама испытывала гнев, смешанный с возмущением.

— Уживутся прекрасно. — Процедил Пигмалион, растеряв всё своё добродушие. — Я уверен, ты с этим справишься. В конце концов, у тебя есть твои другие двенадцать песен и лишь одна, которую предложил я. Сущая малость, которая позволит нам получить много

приятных бонусов в дальнейшем. Поэтому пой её и не перечь мне. — Больше он был не намерен церемониться. — Всем хорошей записи. Чем сильнее постараетесь, тем быстрее запишитесь. — С этими словами Пигмалион покинул студию.

Эльпис потребовалось несколько минут на то, чтобы прийти в себя.

— Что это за история с китобоями, кто-нибудь объяснит? — Ника тоже чувствовала полнейшую растерянность.

— Как я понял, правительство не очень любит китов. Из-за того, что люди толпами бегут из страны и ищут дорогу в эту самую Океанию, китобои стали в почёте. Как символ борьбы с самообманом и фантазией. — Объяснил Махаон.

— А война тут причём? — Спросила Ника.

— Ну вот уважаемый кириос уже объяснил, что Ойкумена вкладывает больше сил во флот. Там появился элитный военно-морской отряд, который как раз и называли «Китобои». Поэтому песня как бы про победу в войне над Гипербореей. Ну, это мы с ребятами так за час решили. — Махаон кивнул головой Каллимаху, словно прося одобрения.

— Понятно. — Мрачно ответила Ника. — Откуда она вообще? Кто автор?

— Да боги знают, кто. — Буркнул Евр. Из их группы он был самым старшим, с густой рыжей бородой и гладковыбритым черепом. Нике всегда казалось, что ему бы больше подошли ударные, но Евр всей душой любил свой контрабас и его густые насыщенные музыкальные краски. Он был немногословен, и Ника считала его глубоким и надёжным человеком.

— Какие-то правительственные рифмоплёты. Из серии тех, кто строчат лозунги и гимны. — Заключил Каллимах. Он, пожалуй, был самым резким правдорубом из всех, кого знала Ника. В последнее время нрав Каллимаха ещё больше испортился, его недавно бросила девушка, с которой они прожили вместе больше пяти лет.

— Мы с парнями музыку уже прогнали. Мотив там простой, надо сделать и забыть об этом, — сказал Махаон.

— Эли, ты как? — спросила Ника. Девушка всё ещё пыталась внутренне примириться, исступлённо глядя в нотный лист.

— Забыть об этом не получится. Оно теперь всегда будет на пластинке рядом с моим именем. — Сказала она.

— Ой, умоляю тебя! — Воскликнул Каллимах. — Никто не знает Эльпис, все знают Эльпинику. А вот наши имена там действительно будут. Что собираешься делать? Иди, отговаривай его, если для тебя это важно.

— И пойду! — Эльпис вытянулась, как напряжённая струна и уже была готова направиться вслед за Пигмалионом.

— Нет, Эли, не надо! — Перед глазами Ники промелькнули ужасные сцены. Те, которые она никогда не видела, но которые преследовали её в ночных кошмарах. Чужие руки на её коже. Мужские губы на её лице.

Ника подбежала и обняла Эльпис, погладила её по щеке.

— Хочешь, давай я спою вместо тебя? На записи наши голоса всё равно не отличишь.

Эльпис отмахнулась от её слов.

— Я не пушу тебя к нему, — прошептала Ника чуть слышно, но, не сильно надеясь, что её слова не услышат музыканты.

Никогда больше. Она знала точно. Ника сделает всё, но не допустит, чтобы Эльпис досталась ему.

Она ещё раз сотряслась, как неуёмный язык пламени, но тут же сдалась, встретив сопротивление рук Ники. Сразу обмякла, ослабилась, стала такой хрупкой под её пальцами. Голубые глаза блеснули унынием, смирением перед неизбежным. Они все были бессильны.

Эльпис развернулась и встала напротив микрофона.

— Записываем. — Сказала она холодно.

Группа мгновенно всколыхнулась, приготовив инструменты.

— Ты не хочешь порепетировать? — Предложил Гермес.

Эльпис отрицательно качнула головой.

— Правильно, — поддержал её Махаон. — Как пластырь. Так быстро, как получится.

— Надеюсь, они не станут потом заставлять нас петь эту оду убийцам на каждом концерте, — буркнул Каллимах.

— Я не позволю. Я пою её первый и последний раз. Только для пластинки. — Заявила Эльпис. — Никогда больше.

— Посмотрим... — Вздохнул кифарист недовольно.

— Включайте запись, — скомандовала Эльпис в окно соседней комнаты, где находились технические рабочие. Затем, когда музыканты заиграли музыку, склонилась к микрофону, не отрывая глаза от нотного листа, и сосредоточенно пропела первый куплет:

Сильные сердцем плывут, продираясь

Сквозь враждебный туман,

За наши жизни страстно сражаясь

По опасным волнам.

И каждый день идут китобои

В холодные моря,

Сотни матросов на старом судне

Солят тушу кита...

Она с отвращением поморщилась и, подавив в себе тошноту, продолжила:

Они постоят за нашу свободу,

Славу стране возвратят.

С каждым рассветом выходит на воду

Наш китобойный отряд!

Ойкумена,

Моя родная земля.

Ойкумена,

Я не оставлю тебя.

Ойкумена,

И с борта корабля

Полетят гарпуны —

Прямо в сердце врага.

Для второго куплета Эльпис собрала все возможные эмоции и сделала его действительно ярким:

Страх не заставит нас подчиниться

*И изменить стране.
Мы отстоим все свои границы,
Даже в вечной зиме,
И впереди нас ждут перемены,
Когда мы свергнем врага.
Победа за нами, вперёд Ойкумена!
Метим в спину кита!*

*И только вместе мы выстоим в битве
В наших родных городах.
Пойте со мною эту молитву
О китобойных судах!*

Они сумели записать «Китобоев» с пятой попытки. На всё действительно ушёл час. Эльпис сказала, что не довольна результатом, но сделает исключение для этой песни и оставит её такой, какой она получилась. «Лучше ей всё равно не стать». — Добавила она.

Они покинули офис «Оморфии» с каким-то дряным и подавленным настроением. Водитель «опсиана» терпеливо ждал девушек, но Эли направилась в ближайший магазин. Не проронив ни слова, она взяла с витрины три бутылки красного вина и, молча, прошла на кассу, протянув купюру и оставив сдачу престарелой продавщице с желтоватой кожей.

— Эли? — Позвала её Ника у выхода, но певица отозвалась лишь ядовитым взглядом.

Ника послушно забрала у неё одну из бутылок и обняла напряжённые плечи.

— Всё будет хорошо, — пообещала Ника, желая поддержать подругу, но поймала себя на мысли, что сама не уверена в предсказании.

529 день после конца отсчёта

Жёлтое на белом всегда хорошо бросалось в глаза. Интересно, почему власти выбрали для своей полиции такой заметный цвет? Особенно здесь, на севере. Не даром у членов Сопrotивления одежда была светло-серой, почти сливавшейся со снегом. Янтарные костюмы они заметили ещё до того, как поезд приблизился к платформе. Где-то на фоне белоснежной пропасти серела распахнутая пасть невысоких домов Термины.

— Вы вдвоём идите к заднему тамбуру, — приказала Веспер. — Фрикс и Дардан вас прикроют.

— А вы? — Усталая за ночь Тереня подняла глаза на рыжеволосую активистку.

— Я... буду с другим отрядом, — уклончиво ответила девушка.

Невероятно! После всего, что мы пережили, она опять готова нас бросить...

Вестании тоже пришлось не по нраву решение Веспер. Да, она доверяла Фриксу и даже не просто доверяла ему... Но ведь Веспер всего каких-то пятнадцать минут назад признала, что оставлять их в «Восточном Вестнике» было неправильно. Конечно, она не была обязана защищать их, но всё же...

Не успев возразить, Вестания проследила за взглядом рыжеволосой. Тот огонь, что вспыхнул в её глазах, оказался на удивление понятным Вестании. Девушка смотрела с волнением и жаром вдаль вагона, на тот ряд кресел, где сосредоточилась большая часть революционеров. Человек с мешком на голове почти не шевелился, его тело безвольно подрагивало, вторя незамысловатому ритму челнока. За скоплением людей Вестания едва ли могла разглядеть его, но ей показалось, что его скрывают от посторонних глаз вполне намеренно.

Алкид — лидер Сопrotивления, символ их надежды. Кем он был на самом деле, почему они с таким рвением скрывали его личность, прятали лицо под мешком? Он был окутан вуалью тайны. Такой близкий в этот самый миг, сидящий с ними в одном вагоне и совершенно недоступный. Но у Весты были сейчас более важные проблемы. Нужно было спастись. Спасать себя и сестру.

— Пошли, Тера, — позвала Вестания решительно. Девушка почувствовала, как сильно устала физически, только когда поднялась на ноги. Колени дрожали, она еле могла идти. *А ведь предстоит бежать. Что есть мочи...* Всю прошедшую ночь сёстры только и делали, что бежали. Сначала по коридорам Акрополя, потом от убийцы — по сугробам. В глазах был песок, конечности не слушались, и она едва не оступилась, но в последний момент рука подхватила её под локоть.

— Чшш, — прошептал Фрикс на ухо. Как бесконечно благодарна она была ему сейчас. Если бы с Алкидом пошёл он, а не Веспер, Вестания точно не нашла бы в себе сил.

Втроём с сестрой и активистом они добрались до тамбура. Внутри стояли ещё двое революционеров в масках — мужчина и женщина, Вестания понятия не имела, кто они.

За окном возникла платформа, словно вынырнув из бесконечных облаков снега. Сумерки рассеивались, предрассветные лучи постепенно разбавляли безопасную вуаль ночи. Жаль. Во мраке они бы могли укрыться от лишних глаз, но утро наступало неумолимо быстро. На платформе их поджидали янтари с собаками. Ещё немного и челнок упрётся в тупик, а они окажутся схвачены.

— Фрикс... — воскликнула Вестания, почувствовав укол сомнения. *Почему поезд доехал до самой платформы? Как они собираются выбраться?*

Он наклонился к её уху и почти беззвучно прошептал продолжительное «чшшшш!»), после чего челнок остановился. Неожиданно резко, яро дрогнув всем своим туловищем, Вестания вновь чуть не упала, но успела опереться о стену. Внезапно прямо перед ними раскрылась дверь поезда, но не та, что вела на платформу, а противоположная, раскрылась в Белизну. Фрикс с силой толкнул их с сестрой к выходу. Вестания развернула Теренею так, чтобы та спустилась первой. Едва Теренея оказалась снаружи, парень подтолкнул Вестанию туда же, указав пальцем в хвост состава.

— Куда бежать? — прошептала девушка, охваченная паникой и готовая зарыдать от ужаса при мысли о собаках и оружии в руках янтарей.

Парень лишь покачал головой и практически вытолкнул её из тамбура в снег. Глубокий сугроб смягчил её падение, сделав его почти бесшумным, Теренея сразу же оказалась возле сестры и помогла ей подняться. Снаружи было очень холодно, зимний суровый мороз моментально окатил Весту с ног до головы. Соприкоснувшиеся со снегом руки сразу укололо болью.

Не успев отряхнуться, Вестания тут же взглянула на Фрикса, который махнул автоматом в сторону хвоста поезда, сам он спускаться не спешил. Девушка слышала голоса полицейских где-то с противоположной стороны челнока, слышала возрастающую суету. Они бежали вдоль платформы, намереваясь обогнуть поезд. Времени не было...

— Бежим, — прошептала Вестания на ухо Теренее, опасаясь вообще говорить вслух.

В больших и ясных глазах сестры можно было без труда прочитать растерянность и страх. *Что будет? Что делать дальше?* — проносились в голове Вестании хаотичные мысли, когда, взяв Теренею за руку, она потащила её в указанном направлении. Впереди бежали ещё активисты. Прямо за ними были двое людей из тамбура. Все с оружием наперевес. Вестания бежала, увязая в густом снегу, она тащила за собой сестру, которой из-за невысокого роста приходилось ещё труднее.

Вдруг позади раздалось грозное собачье рычание и лай.

— Стреляй! — услышала она голос полицейского, и сердце опять принялось колотиться с удвоенной силой.

Остолбнев на мгновение, она оглянулась на вагон, в котором они ехали, и увидела, как Фрикс, всё ещё стоявший у раскрытых дверей, ударил прикладом по железному поручню соседнего вагона, а затем ловко взобрался на крышу.

— Веста! — вырвалось из уст испуганной Теренеи.

— Бежим! — прошептала она, рванув сестру к хвосту локомотива, до которого ещё оставалась пара вагонов. И они побежали что есть силы.

В следующий миг лай раздался совсем близко, сзади, а потом и вовсе потонул в звуке стрельбы. Вестания слишком боялась обернуться, чтобы понять, что именно происходит. Она не помнила, чтобы когда-то раньше бежала так же быстро, как сейчас, даже с учётом снега, замедлявшего бег.

Звук взрываемого снега. Одна из собак была совсем рядом. *Нет! Только не это!* — подумала она, оборачиваясь и с ужасом понимая, что расстояние между свирепой овчаркой становится все более ничтожным. Поняв, что собака готовится к прыжку, она толкнула Теренею подальше от себя и от траектории скачка животного, одновременно с этим загородившись сумкой. Вестания почувствовала, как зубы сильной хваткой вонзаются в

холщовую ткань, норовя вырвать сумку из её рук. Из пасти доносилось утробное рычание. Овчарка разжала клыки, девушка услышала, как испуганно закричала Теренея, затем в двух жёлтых собачьих глазах мелькнула целеустремлённая ярость, и животное бросилось на неё, метя в горло, так стремительно, что Вестания не успела загородиться. Звуки стрельбы все не утихали, как и крики людей, как и лай других собак.

Но вместо горячих клыков, вонзающийся в горло, на Вестанию летела безвольная туша. Что-то оборвало её грандиозный прыжок. Овчарка тихо взвизгнула, и обрушилась всем весом на Вестанию, заставив её упасть на спину прямо в снег.

Когда Вестания пришла в себя от шока, она поняла, что зверь лежит неподвижно; из оскаленной пасти, устремлённой на её горло, текла слюна, а под кожей и короткой шерстью дёргались напряжённые мышцы. Только затем она заметила кровь, но не свою. Кровь текла с собачьего лба, в котором застряла маленькая пуля, потом она увидела, что и в пасти овчарки заалела смерть, медленно струясь и стекая с языка.

Подавив крик, Вестания столкнула с себя тело собаки и, окинув взглядом соседний вагон, заметила Фрикса, махнувшего ей автоматом. Он ловко взобрался обратно на крышу поезда, прижавшись к ней, чтобы не попасться на глаза полицейским, и, кажется, возобновил пальбу.

— Вестания! — позвала сестра.

В голове поезда она увидела военных в форме и ещё двух собак, устремившихся им навстречу.

Девушка поднялась с земли, в последний раз посмотрела на труп овчарки, не теряя времени, она опять сжала руку Теренеи, и они побежали туда же, в сторону хвоста поезда.

«ПОЛИЦИЯ ТЕРМИНЫ ПРИКАЗЫВАЕТ ВСЕМ НАРУШИТЕЛЯМ НЕМЕДЛЕННО СДАТЬСЯ ВЛАСТЯМ, ИНАЧЕ ПОСЛЕДСТВИЯ МОГУТ БЫТЬ НЕПРЕДСКАЗУЕМЫМИ», — раздался угодливый, но бездушный голос Диктатора по громкой связи.

Нам не выбраться отсюда, — подумала Вестания, но останавливаться и сдаваться было слишком поздно.

Вестания почувствовала, как что-то потянуло её вниз и назад. Теренея, бежавшая позади неё, упала в снег. Их руки, сжатые слишком крепко, чтобы разжаться, так и остались скованными, поэтому Вестания, не удержав равновесия, свалилась следом.

— Вес, меня кто-то тянет за ногу! — прошептала Теренея.

Вестания тут же посмотрела в щель между сугробом и колёсами челнока и увидела прямо под поездом незнакомку, сжимавшую в руке лодыжку её сестры.

— Сюда! Быстрее! — приказала она, увлекая Теренею под состав.

Некогда было оценивать их положение. Вестания нырнула под поезд, едва увернувшись от щёлкнувших челюстей. Как только сестры успели влезть поглубже, собаки попытались последовать за ними, но в этот же миг незнакомка уверенно направила пистолет на их морды и, не мешкая, выстрелила несколько раз. Овчарки замерли без движения, и Вестания отвернулась, не желая смотреть на их изуродованные головы.

— За мной, быстро, — приказала незнакомая им активистка.

Куда? — мучила Вестанию ужасная мысль. — *Как отсюда можно выбраться?*

Тут громкий металлический звук заставил её содрогнуться от неожиданности, он раздался прямо над ними, сотрясая весь локомотив.

— Пошли! — шепнула девушка сразу после этого, и толкнула Вестанию по

направлению ко второй щели, ведущей под платформу, где они были бы скрыты от глаз полиции. — Ползите туда! Живо!

Вестания подчинилась, хотя места под составом было слишком мало, чтобы развернуться, у невысокой Теренеи это получалось гораздо проворнее. Незнакомка же задержалась на несколько секунд у щели, удостоверившись, что за ними нет хвоста, затем, когда девочки уже были в укрытии, довольно быстро догнала их.

Прямо над головой, на платформе Вестания слышала звуки пальбы и разгневанные мужские голоса, только у неё совершенно не осталось сил, чтобы вслушиваться в них. Единственная мысль упорно не отпускала. *Что с Фриксом? Сумеет ли он выбраться оттуда?*

Активистка, выбравшись из-под поезда, бесцеремонно толкнула её дальше, к тому месту, где платформа заканчивалась стеной.

«Живей! Живей!» — донёсся до ушей Вестании даже не шёпот, а просто едва различимый звук воздуха, вырвавшийся из уст их спасительницы, подталкивавшей её к тупику.

Под платформой места было лишь на ладонь побольше, чем под поездом, им все равно пришлось ползти по бурому снегу, грязи и сору, что обычно скапливался в таких местах. Когда они добрались до конца, девушка толкнула Вестанию и, не произнося ни слова, указала на прислонённую к задней стене фанеру. Отодвинув её, Вестания обнаружила чёрный лаз, уходящий куда-то в неизвестность. *Куда он ведёт?* — подумала Вестания, но шум стрельбы на поверхности был гораздо страшнее этой бездны. Лишь на единую секунду до того, как ступить туда, Вестания успела оглянуться на сестру, её глаза были круглыми от ужаса.

Тера, я люблю тебя! — хотела сказать она те слова, которые не произносила очень и очень давно, но в этот момент автоматная очередь на поверхности замолчала на секунду, и она не решилась произнести их вслух.

Вместо этого Вестания вновь получила сильный толчок от активистки и поползла вперёд. Видимо, та загородила вход, потому что свет, даже самые малые его лоскутки, не освещал их пути. *Мы пропали,* — поняла Вестания.

Она не знала, как долго им пришлось ползти по чёрному узкому и душному туннелю. Все это время Вестания слишком боялась разговаривать, чтобы задавать вопросы, её пугала мысль о том, что у них мог закончиться воздух. Никогда раньше она и подумать не могла, что боится замкнутого пространства, но нахождение под тоннами промёрзшей земли в этом жутком лазе приводило её в панику; тишина, нарушаемая лишь её учащённым дыханием, съедала душу. Лишь когда Вестания всерьёз начала думать, что им не выбраться отсюда живыми, она заметила в конце туннеля тусклый, едва различимый свет, а потом поняла, что стенки немного расширяются. Разом забыв об усталости, о саднящих коленях и локтях, она поползла ещё быстрее навстречу пахнувшему на неё морозному воздуху. Она не могла обернуться, чтобы поделиться радостью с сестрой, и все ещё боялась разговаривать, но теперь, во всяком случае, немного успокоилась, и смогла вслушаться в звуки позади неё, поняв, что Теренея ползёт следом.

Выбралась из туннеля Вестания в небольшое и очень пустое помещение, *если так можно сказать,* — подумала она. По всей видимости, это был подвал какого-то здания.

Она дождалась, когда из лаза покажется лицо Теренеи, и помогла ей выбраться.

— Где это мы? — спросила девочка, все ещё не решаясь говорить громко, слишком

долго им сегодня приходилось шептать.

— Я не знаю, — так же тихо ответила Вестания, глядя, как ловко их сопровождающая выбирается наружу. — Что это за место? — спросила Вестания у активистки.

— Не здесь. — Отрезала незнакомка, попытавшись отряхнуть грязь с когда-то серой куртки из дублёной кожи. — Дойдём до места, тогда поговорим.

— Какого места? — спросила Вестания.

На лице незнакомки родилась серповидная самодовольная ухмылка, после чего она уверенно зашагала к старой деревянной лестнице, ведущей из подвала.

— Город мёртвых, — загадочно ответила она, зажигая свечи, расставленные на полу.

— А как же Фрикс? И остальные? — не унималась Вестания.

— Молчи! — шикнула на неё девушка. В тусклых плясках зажжённых свечей, Вестания, наконец, смогла её рассмотреть. Внешность у активистки была необычной. Кожа немного странного оттенка, словно сероватая, нос с гордой орлиной горбинкой и глубоко посаженные глаза какого-то странного, инородного цвета, который в сумерках подвала Вестания не могла разобрать. — Здесь небезопасно.

— Вы же не можете бросить их! Они с вами! — настаивала Вестания.

Девушка раздражённо сузила глаза и подошла к ней вплотную, так что огонёк свечи почти обжёг лицо Вестании.

— Никто никого не ждёт, девочка. — Она говорила сдавленным голосом, очень тихо, но теперь Вестания могла различить незнакомый акцент в её речи. — Ты новая здесь, и я тебе помогаю только потому, что Весп так сказала делать. Вы обе идёте за мной и ступаете нога в ногу, если не хотите умирать.

— Но... — попыталась возразить Вестания.

— Он сам о себе заботиться. Тебе точно бояться не стоит. Я бы боялась на месте янтарей. А теперь пошли.

Больше спорить с активисткой Вестания не могла. Они последовали за ней по лестнице в длинный узкий коридор.

Туннель из подвала уходил всё ниже, куда-то под здания Термины. Вестания не верила своим глазам. Город они с сестрой видели лишь мельком, когда их везли на автобусе с вокзала, но она даже представить не могла, что он оказался буквально изрыт бесчисленными подземельями. *Как только здания не проваливаются под землю?* Возможно, затяжная зима и была спасителем северного городка, удерживая мёрзлую почву от обвалов.

Коридоры извивались, образуя целые лабиринты туннелей. Вестания не знала, куда они шли, но, прежде чем активистка заговорила, она успела изрядно устать.

— Здесь начало Некрополя, — произнесла она гордо, выведя девочек в очередной коридор. По спине Вестании пробежали мурашки. Стены с обеих сторон оказались выложены из черепов и костей, которые в блеклом огоньке свечи приобретали во истину жуткие очертания. — Это есть город мёртвых.

— Ужас! — не удержалась Тереня, остолбенев от страха и не решаясь идти вперёд в этот зловещий коридор.

Активистка оглянулась к девочкам, почувствовав их смятение.

— Бояться нужно живых наверху, эти все давно мертвы, — сказала она.

— Как вас зовут? — спросила Вестания.

— Кирка.

— Здесь вы, наконец, скажите, куда делись остальные? Почему никто не догнал нас,

почему мы никого не догнали.

— Разные дороги ведут в одно и то же место. Так безопасно, — объяснила Кирка. — Они просто пошли другими тропами. Была договорённость, как идти. Мы планировали этот побег.

— Что, если кто-то умер? — не отступала Вестания.

— Кто-то умирает. Так бывает, — ответила Кирка холодно. — Ты же не о них беспокоись. О тех, кого не знаешь. Ты опять спрашиваешь о Фриксе.

Вестания потупила глаза в пол. Кирка не стала больше дожидаться девочек и уверенно зашагала вперёд. Сёстрам ничего не оставалось, кроме как последовать за ней, иначе они бы остались одни в крошечной темноте среди усмехающийся черепов.

— Кирка, а почему он не говорит? — прервала тишину Тереня, больше желая поддержать разговор. Идти в молчании было страшно. Вестании и самой казалось, что черепа на стенах Некрополя следят за ними своими пустыми глазницами.

— Когда-то давно Алкид взял с него клятву. Это было единственным способом остаться в живых. Фрикс знал слишком много тайн. Алкид хотел так, чтобы они все достались только ему. Поэтому он забрал у Фрикса голос.

Вестания вспомнила силуэт человека с мешком на голове. Даже не зная о нём ничего толком, ей почему-то было страшно смотреть в его сторону.

— Расскажи про Алкида. — Попросила она. — Кто он, вообще? Почему он скрывает своё лицо?

Кирка тихо ухмыльнулась, словно обдумывая ответ. Потом, всё-таки заговорила:

— Никто не знает, кто Алкид. Сейчас в Соппротивлении людей много, но из тех, кто видели его и знали лично — лишь единицы. Алкид — больше не человек. Он знак свободы и войны за неё. Он меняет лица. Становится, кем захочет. Алкид — это наша тень. Он всегда с нами. Поэтому мы говорим — «С нами тень Алкида». — Она опять обернулась на девочек, точно желая проверить их реакцию на свой рассказ. Кажется, она осталась довольна. — Нельзя быть всесильным и быть на виду. В какой-то момент стало ясно, что Алкид должен быть скрыт. Он сам не хотел этого, но опасность слишком выросла. Его почти заставили уйти в тень. Мы просто слишком боялись потерять его.

— Но ты сама знаешь, кто он, — догадалась Вестания.

— Да. В этом нет секрета. Алкид был из детей Акрополя. Они вырастили его и держали у себя. Он и тогда был не просто человек. Гений, изобретатель, учёный. Очень-очень умный. Он поднял восстание и сбежал из Акрополя, освободив из тюрьмы тех, кто были там тогда. Вesper служила в Акрополе и была первая, кто примкнул к нему. В тюрьме они нашли Фрикса.

Сердце предательски ёкнуло в груди.

— Как Фрикс попал в тюрьму Акрополя?

— Фрикс был шпионом, я думаю, ты это знаешь. Он и сам, скорее всего, не знал, чью сторону занимал в войне между континентами. А теперь представь сама. Алкид взял армию из преступников, врагов Акрополя, но их всех объединяло недовольство и непокорность власти. Они были едины в своём гневе. И тут среди них есть ещё и крыса. Человек, отдававший одни секреты в обмен на другие, доносивший сразу и на Ойкумену, и на Гиперборею, незнамо как пересекавший границу очень много раз. Люди никогда не любят таких. И Фрикс сопротивлялся очень долго. Он был последним, кто признал власть Алкида, а всё потому, что со своими секретами он мог бы сам занять его место. И хотел. Но Алкид

умный. Очень умный. Он приблизил Фрикса к себе, заставил себе поверить, а потом отобрал способность говорить, убедив его в том, что это опасно для Фрикса. Он победил его этим. Но была и ещё одна причина в этом поступке. Фрикс был не просто шпион властей. Он из Гипербореи, и пусть наш враг в этой войне — это Акрополь Ойкумены, все люди в Ойкумене ненавидят Гиперборею. Даже не важно, на чьей тогда стороне был Фрикс, в нём всё равно видели врага, а многие и сейчас ждут ножа в спину.

Вестания была очень сильно удивлена тому, что сказала Кирка. Зато теперь все, наконец, встало на свои места. Фрикс не принадлежал миру, в котором выросла она сама. Он был чужаком. Активистка была права, пусть Вестания и сама никогда не понимала действий властей, порой не соглашалась с ними, то, что им удалось сделать очень хорошо — это убедить Ойкумену, что гиперборейцы — смертные враги. Граница между государствами была настолько запретной, что никто никогда не мог бы даже в мыслях решиться пересечь её. Впрочем, сделать это было не легче, чем попасть в Элизий или Океанию. Она даже представить не могла, как это удавалось Фриксу. *Скорее всего, он уже тогда знал, что это ненадолго*, — догадалась Вестания. Никто бы не смог ходить с одного конца на другой так долго. Теперь Вестания очень хорошо понимала всё, что сказала Кирка насчёт Фрикса. Если бы он захотел этого тогда, если бы его не поймали, он мог бы быть вместо Алкида. Не стоило недооценивать Фрикса. Он был не только хитрым, но и опасным. *И чужим. Пришелец из другого мира.*

Тут, видимо, Кирка вошла во вкус своего собственного рассказа.

— Он отдал Алкиду не только голос, но и сердце. Не стоит надеяться, что из этого может что-то получиться, — прошептала она очень тихо.

— Я ни на что не надеюсь, — ответила Вестания, хоть и сама не поняла, была это правда или ложь. — Фрикс помогал нам. Вечер тоже, и я благодарна. Мы обе, всем вам... Просто Фрикс... он почему-то всегда рядом, когда нужно.

— Ты ещё такая молодая. — Сказала Кирка, слегка улыбнувшись, — я понимаю, как девы падки на красоту парней. — Она рассмеялась, заставив Вестанию покрыться краской.

— Кирка, а как ты присоединилась к Сопrotивлению? — спросила Тереня, внезапно перейдя с активисткой на «ты». Вестания не уставала поражаться прямотой и бестактностью своей сестры.

— Я из антропосов. — Ответила Кирка. — Северных племён, что живут на Пацифиде. Когда началось Сопrotивление, в первый год после побега, Алкид искал людей. Мой народ продавал шкуры в Термине. В те годы, нас ещё подпускали к городам. Алкид хотел поддержки племён, хотел объединиться с антропосами, но вожди племён не привыкли вмешиваться в дела инландеров. Я поверила ему, как и ещё несколько храбрых воинов. Я бросила дом, чтобы драться здесь.

— Ты не скучаешь по семье?

Кирка качнула головой.

— Я не знаю, слышали вы об антропосах раньше, но про нас говорят, что мы не умеем любить. У нас есть друзья, родные, но мы ни к чему не привыкаем надолго. Всю жизнь моё племя двигалось с места на место, гнала оленей. Я решила, что лучше буду гнаться за идеей, которую дал Алкид. И за столько лет столько людей погибло. Все антропосы, мужчины, присоединившиеся к Алкиду, мой родной брат. Их всех не стало. А я жива.

Вестания пыталась разобрать в её голосе хотя бы тень скорби, но Кирка говорила на удивление ровным, бесстрастным голосом, так что звучала почти притворно, но возможно,

она и правда привыкла ко всему, даже к потерям. На вид ей было не больше тридцати пяти, но она относилась к происходящему с высоты умудрённой годами пожилой женщины.

— Скоро мы выйдем в оссуарий, но будьте осторожны тут, — предупредила она. — На каждой дороге есть ловушки от незваных гостей.

Девочки осторожно перешагнули через едва заметную над полом прозрачную леску и Вестания с ужасом представила, чем чревато было её задеть.

529 день после конца отчёта

Коридор уходил всё дальше. Костей здесь было много. Они были аккуратно сложены в причудливые узоры. Тусклый свет скромных огоньков от огарков свечей, что они несли, заставлял мрак отступать, закрывшись в миллионах глазниц неопознанных черепов, усмехавшихся своими широченными улыбками со стен многочисленных коридоров, что разбегались в разные стороны.

Тереня лишь с интересом и опаской поглядывала на хранителей Соппротивления, в то время как Вестания старалась смотреть под ноги, а не на них. Кирка, привыкшая к их присутствию, не удостаивала хранителей подземелий вниманием, просто продолжала вести сестёр к городу мёртвых.

— Кто построил это всё? — спросила Тереня после долгого молчания.

— Раньше здесь были шахты, — отозвалась Кирка. — Потом склеп.

— Сколько здесь... скелетов? — продолжила Тереня расспрос, по-прежнему опасно озираясь по сторонам.

— Не считала. Примерно пять.

— Тысяч? — спросила Тереня, на что Кирка лишь усмехнулась.

— Миллионов, глупая, — заключила Вестания, пытаясь осмыслить масштабы массового захоронения. — Откуда они здесь взялись? И почему кому-то это понадобилось?

— Я покажу вам главную комнату Некрополя. Лучше увидеть, чем услышать.

Спустя четверть часа бесчисленных поворотов, коридоров и костей, она завела их в небольшой зал. Если в большинстве туннелей останки были уложены более-менее одинаково: разобранные на отдельные детали бывшие представители человечества — кости — аккуратно сложены друг на друга, черепа заботливо выстроены в ряд, то здесь все выглядело несколько иначе. Вмурованные в стены тесной комнаты, почти цельные скелеты изображали сцены из мировой летописи. В центре композиции, прямо на стене напротив вошедших, располагался удивительно огромный скелет. Вестания могла бы предположить, что его хозяин был никак не меньше двух метров ростом, да ещё и с непропорционально длинными конечностями относительно тела, с гигантской головой. Девушка лишь надеялась, что останки принадлежали нескольким людям, потому что очень боялась представить подобное существо с плотью и кожей. Уродливый скелет великана, стоявший в полный рост в горделивой, властной позе, протягивал хищную, жадную ладонь к тем, что располагались у него в ногах. Примерно дюжина человек, стоящих на коленях возле него, протягивали властелину подношения: свои собственные головы, снятые с пустых шейных позвонков, черепа каких-то животных, скорее всего, коров, как могла посудить Вестания, но хуже всего — совсем крошечные скелетики детей. Во второй руке, обращённой на правую часть помещения, чудовище, по задумке художника, сжимало в руке скипетр, длинную кость, увенчанную разбитым черепом, так что трещина проходила через всё бывшее лицо. С противоположной стороны от властелина мертвецов, куда указывала треснутая черепушка, также из костей были изображены десятки крестов поверх тех же маленьких детских голов. Шагнув внутрь, Кирка поднесла свечу поближе к стене. Внизу, под основной картиной, была выгравирована пояснительная надпись: «После многолетних экспериментов над людьми и казней, кладбища крайних земель стали переполнены и опасны для населения. На 13 год

после начала отсчёта III эры все захоронения были дезинфицированы и свезены сюда, в Термину, где из них возвели Памятник Скорби Падшим Во Имя Государства».

— Тринадцатый год третьей эры, — прочитала Тереня вслух. — Это было давно?

— Давно, — кивнула Вестания. — Почти за двести лет до окончания отсчёта.

— Что за эксперименты? И кто их ставил? — спросила Тера у Кирки. Та отошла к центру зала и направила свет свечи на огромный скелет в середине.

— Власти. — Ответила женщина. — Они до сих пор проводят опыты над людьми. Если бы вы не выбрались из Акрополя, могло бы произойти страшное.

Всё теперь казалось ей логичным. Все те, кто примкнули к Алкиду знали, за что им драться. Тем, кто сомневался, стоила ли революция их жизни, достаточно было увидеть катакомбы и эту комнату, чтобы понять, сколько крови было на руках Акрополя. Вестания много слышала о том, что происходит с заключёнными, приговорёнными к смерти, слышала о том, куда отправляют детей-отказников, Акрополь уже не одну эру готовился к чему-то, не зря ведь из года в год все попытки активистов ввести закон о запрете экспериментов над людьми, оставались напрасными. Никто не знал, что именно исследовали в лабораториях.

Сопrotивление не было поднято Алкидом, всё началось намного раньше, ещё когда эти кости возложили здесь, они уже хотели продемонстрировать ту губительную силу, что имели в своих руках власти. Алкид просто продолжил их идею и перешёл к открытым действиям, потому что времени у человечества оставалось всё меньше.

Кирка приложила ладонь к сердцу, потом шагнула к Вестании и дотронулась до её груди:

— С нами тень Алкида, — произнесла Кирка вслух. — Там мы говорим, когда злимся. Или, когда боимся. И ещё, когда мы идём на войну.

После этого Кирка молча повела их прочь из комнаты.

Они добрались до оссуария спустя ещё примерно полчаса. Судя по словам Кирки, это место считалось основным пунктом встречи членов Сопrotивления. Здесь было просторно, относительно светло, как ни странно, тут горели неяркие электрические лампочки. По краям зала вверх центральной площадки тянулись лесенки, ведущие на три уровня, оттуда линии коридоров вели в десятки комнат, которые, по словам Кирки, могли вместить до тысячи человек, хоть сейчас здесь и жило раза в три меньше.

— Пока нет нужды задействовать всех, — объяснила им Кирка. — Но, когда придёт час, и Алкид позовёт их, к маршу примкнут миллионы.

Вестании всё равно казалось, что активисты существенно приумножали свои силы, чтобы казаться мощнее и опаснее в глазах всех: и врагов, и друзей. Конечно, все знали о Сопrotивлении, даже в Сцилле небольшие теракты не были редкостью, но там революция казалась ей чем-то абстрактным. Там Алкид — слово из пяти букв, что порой люди произносили с гордым видом или писали на стенах, никто в Сцилле не знал, кем был главарь революции. Да и никто никогда не умирал из-за действий активистов, самое крупное из того, что они могли сделать — прервать радиозфир или выбросить бордовый флаг в общественном месте, хотя в Термине, эпицентре Сопrotивления, Вестания нигде не заметила бордовой символики, она была слишком заметной и очевидной, чтобы скрывать тайну. Кирка, Веспер, Фрикс и другие участники грядущей войны носили бледно-серое, чтобы было незаметно на снегу, если шли на дело, а вообще ходили в обычной одежде. Да даже если где-то в Сцилле и звучала фраза «С нами тень Алкида», никто понятия не имел, что она означает.

Как только они вошли в основной зал для собраний и встреч, десятки испытующих глаз устремились на них. В центре находились скамьи с низкими деревянными столиками, среди активистов Вестания заметила много женщин, совсем юных и вовсе непохожих на Веспер и Кирку. Их участь была ненамного завидней — они ждали. Ожидание моментально считывалось по их встревоженным лицам и голодным глазам.

— Где он? — раздался женский крик, заставивший Вестанию опешить.

Из рядов активистов выскочила девушка с длинными чёрными волосами и бросилась к Кирке. В её глазах читалась такая нескрываемая скорбь, что Весте стало не по себе, словно она подсматривала за кем-то в самый неудобный и неловкий момент.

— Рея... — по одному выражению лица Кирки, Вестания догадалась о том, что по изначальному плану она не должна была вести их в одиночку.

Слёзы вспыхнули в глазах девушки. Она практически оттолкнула сестёр от Кирки и вцепилась длинными жаждущими пальцами в ворот её куртки.

— Где он?! — заорала Рея ей в лицо. — Вы говорили, что он вернётся! Где Мекон?!

На помощь Кирке уже спешил другой активист, попытавшийся обхватить её за плечи, но Рея ловко увернулась, мотнув Кирку в бок вместе с собой. Однако его помощь не понадобилась. Кирка сама сняла мигом ослабевшие и обмякшие руки девушки со своего воротника, пронзительно глядя ей в глаза.

— Рея, он шёл сам, — сказала Кирка. — Мекон знал риск.

Девушка резко зашла в рыданиях и приникла к плечу Кирки. Той не оставалось ничего, кроме как утешающе погладить её по спине.

— Янтари его застрелили на сходе с поезда. — Говорила Кирка невероятно ровным для всей этой жуткой ситуации голосом. — Он был совсем близко к выходу. Почти справился. И сражался как настоящий герой.

В зале повисла гнетущая тишина. Среди активистов Вестания видела много других женщин, которые молча смотрели на Рею, а та с каждым новым всполохом рыданий сползала с Кирки всё ближе к полу, оседая на подломившихся коленях. Парень с русыми волосами, пытавшийся поймать её секунду назад, стоял с потерянным видом рядом, но успел подхватить под локти прежде, чем Рея скатилась бы вниз. Казалось, её горе было неумным, но каким-то чудом она взяла над собой верх. Пронзительные глаза взметнулись обратно на Кирку.

— Я хочу забрать тело. — Сказала она непоколебимым голосом.

Кирка опешила от такой резкой перемены.

— Рея, тебе надо спать. У всех ночь была тяжёлой...

— Нет, — отрезала она. — Я заберу тело. — По её глазам Вестания поняла, что та не шутит и пройдёт насквозь весь город мёртвых, чтобы осуществить задуманное. Она оглянулась к толпе позади и сказала уже громче, им, — Мекон умер, сражаясь за Алкида. Он сделал всё, чтобы помочь его спасти. Его тело не должно достаться Акрополю. Он должен покоиться в Некрополе, как и все остальные жертвы их преступлений. — Она посмотрела на русого парня, — отведи меня наверх, Зефир. Сейчас.

На долгое, тягучее мгновение, наступила невыносимая тишина. Вестания чувствовала себя лишней во всей этой сцене.

Смятение прервала появившаяся из ниоткуда Веспер. Рыжеволосая девушка подошла к Зефиру и положила руку ему на грудь, затем выставила её в сторону и, словно зачерпнув горсть воздуха, поднесла уже к своему сердцу.

— С нами тень Алкида! — Произнесла она на выдохе, придавая невероятную значимость каждому слову. — Мекон был храбр на поле боя. Он не пожалел своей жизни за нас. — Эти слова она обратила ко всем присутствующим, но следующие произнесла только для Зефира. — Иди и приведи нашего брата домой.

После этой речи Зефиру не оставалось ничего, кроме как согласно кивнуть. Его ободрили несколько присутствующих в зале мужчин, после чего Веспер холодно обратилась к ещё одному активисту:

— Ясон, помоги ему донести тело.

Из рядов Алкида вышел блондин с такими же светлыми бровями, и молча, устремился во мрак туннеля. Бледная Рея и согбенный Зефир удалились вслед за ним.

Как только взгляды активистов остыли на их спинах, Вестания поспешила обратиться к Веспер с единственным вопросом, который действительно беспокоил её сейчас:

— Где Фрикс?

Рыжая усмехнулась, затем приобняла девушку за плечи и отвела в сторону от толпы. Теренея пошла следом.

Они поднялись на подиум чуть выше общей залы и зашли в один из коридоров с несколькими дверями по обеим сторонам. Веспер загадочно молчала, а Вестания больше не могла найти в себе храбрости, чтобы спрашивать. Наконец, они достигли верной двери, и рыжая открыла её перед Вестанией.

Сердце Вестании обрушилось перед дверью. Она была готова принять, что угодно, но увидела внутри скромную казарму с простыми кроватями по периметру, на одной из которых сидел тот, кого она так сильно желала встретить. Она громко и обессиленно выдохнула, и ринулась к нему, позабыв все возможные принципы, бросилась с размаху в раскрытые объятия, бросилась в ловушку своих желаний. И, что хуже всего, нашла там вполне ясный ей ответ. Он обнял её. Тепло и почти жадно. Прижал к своим колючим рёбрам, зарылся ледяной рукой в вихрь длинных волос. Она забыла на единый миг всё, что было, поддалась этой внезапной и одновременно сладкой мечте. От взвихрившейся волны чувств, Вестания сама не заметила, как на щеках появились слёзы, они исторглись неожиданно и так предательски, что ей стало почти смешно из-за них.

— Чшш, — прошептал Фрикс, заглушая её всхлип. Оберегая её чувства от лишних свидетелей. От Веспер и Теренеи. От всего мира вокруг них.

Аластор лежал во мраке, прижимая к груди тело мёртвой собаки. Сказывалась невыносимая усталость и гнетущая безысходность. Он не хотел никуда идти. Если бы только ни эта дурацкая тяга, тянувшаяся от его сердца куда-то вдаль по коридору. Если бы ни она, он бы остался там, но ведь с тем же успехом можно было просто остаться посреди Белизны. И всё же он выбрался оттуда, ведомый белой собакой, которая в последнюю секунду своей завидной жизни всё же услышала своё истинное имя. Несмотря ни на что Аластор был обязан продолжить свой путь.

Вдруг где-то в черноте коридора до его ушей донёсся приглушенный звук шагов. Цербер, как и всегда, среагировал быстрее. Он затаился, приняв подобающую позу для атаки. Рука легла на рукоятку «агоназа», которого чуть было не поглотила Белизна, и моментально выставила его перед собой, как только незнакомцы возникли в обозримом для выстрела в

темноте пространстве. Каково же было удивление Аластора, когда он отчётливо увидел точно такое же дуло второго «агоназа», устремлённое на него. Братья-близнецы нашли друг друга в самом неподходящем для этого месте, и в самый неподходящий момент.

— Кто ты?! — воскликнул мужской голос, но отнюдь не обладатель оружия. — Какого чёрта... — крошечный ореол свечи высветил лицо молодого юноши.

Всего их было трое, два мужчины, одна девушка, именно она целилась в лицо Аластора. Она находилась чуть впереди и её окружал мрак. В таком плохом освещении можно было различить лишь её тёмные волны волос, лежавшие на плечах и очень напряжённое, скорбное выражение, она отнюдь не выглядела напуганной неожиданной встречей или угрозой своей жизни. Аластор различил отпечаток ужасной боли, которую не могли скрыть даже катакомбы Некрополя. Такая тоска запечатлевалась лишь на лицах тех, кто успел потерять самое дорогое в жизни. Она прищурилась, сиюсь рассмотреть его, и в этот момент они узнали друг друга.

— Это ты! — воскликнула она, сразу же спрятав пистолет в карман и бросившись к нему на колени. Взгляд рассеянно пробежался по белому неподвижному телу собаки. На мрачном лице читался непроизнесённый вопрос.

— Ты была в поезде. — Вспомнил Аластор, пряча пистолет. Мужчина и девушка с ребёнком на руках. Она не выпускала его тогда ни на единую секунду, прижимала к груди, как самое сокровенное. Он взглянул на её пустые руки сейчас, выглядели они безмерно осиротевшими. Ему сразу всё стало ясно.

Смешно. Я даже не знаю, как её зовут. Зато знаю всё о её потерях.

— Это он помог нам сойти с поезда, — сказала девушка своим провожатым. — Я рассказывала. Он опытный боец. И на нашей стороне.

— И как его зовут, Рея? Насколько хорошо ты его знаешь? — Потребовал мужчина со свечой. Он весь состоял из недоверия, прямо как маленький злой зверёк, так и ждал удара со всех сторон.

Девушка (*Рея*) открыла было рот, но все возможные догадки растаяли о полнейшем неведении.

— Аластор. — Ответил он уверенно и, наконец отпустив шею пса, положил окровавленные руки в её ладони. Они поднялись на ноги вместе с девушкой. — Я последовал за вашими людьми сюда. Мне... — он осёкся. Всего на секунду. *Нельзя пока говорить про сестёр.* — Хочу вступить в отряды Алкида. Присоединиться к войне.

— Аластор очень хороший воин, Зефир. — Запричитала девушка. — Ты бы только видел его возле «Призрака»!

Зефир переглянулся со вторым мужчиной, который пока сохранял молчание.

— Кто рассказал тебе, как сюда попасть? — спросил блондин. — И как ты нашёл дорогу в катакомбах?

— Её звали Ино. — Ответил Аластор, вспомнив встречу с экстравагантной вербовщицей. *Интересно, удалось ли ей сбежать из Акрополя?* — А потом просто пошёл за собакой. — Он кивнул на тело Дружка. — Он, видимо, бывал здесь.

Аластор сомневался, как псу удалось довести его почти до самого логова Алкида. Он помнил, что у активистов были собаки, они помогали транспортировать приезжих с «Призрака», но понятия не имел, держали ли собак в катакомбах.

— Мне кажется, это всё — дерьмо собачье, — процедил Зефир, шагнув к Аластору и поднеся свечу к лицу бывшего наёмника. Ростом он был ниже почти на голову и моложе лет

на десять, но Аластор чувствовал, как Зефир любил хорохориться, особенно в присутствии Реи, к которой точно неровно дышал. Ему безмерно хотелось расквасить это самодовольное лицо, но он сдерживался.

— Зефир, это правда! — настаивала Рея.

— Я знаю Ино, — осадил задиру блондин. — Она вербует вновь приезжих в городе. Так что, может оказаться правдой.

— И что ты предлагаешь, Ясон, дать ему разгуливать по катакомбам одному? — Зефир оглянулся к товарищу. — Смотри, как далеко он забрался, прежде чем угодить в ловушку. Почему пришёл именно сейчас, после большого дела наверху? Ты что, не сечёшь? Он подослан властями. С ним не оберёшься проблем. И мы пошли по делу, если вдруг, вы оба забыли! — Зефир повернулся к Рее. В отблеске свечи Аластор увидел, как слёзы дрожат в её глазах, а переносица болезненно напряглась.

— Мы недалеко ушли. Можем вернуться. Много времени не займёт. — Предложил Ясон.

— Да, у нас уйма времени. Уверен, никто не заметит десятков трупов у города даже к полудню. — голос Зефира от раздражения переходил к открытой агрессии. — И конечно же, они отдадут нам тела. Оставят тело её мужа, прямо у входа в катакомбы перевязанным праздничным бантом.

— Замолчи! — Крик Реи огласил коридоры. Она едва ли сдерживала слёзы, которые буквально застряли в её глазах.

Зефира осадил её вопль. Аластор не мог не наслаждаться видом того пристыженного выражения, что теперь читался на лице юноши. Он бросился было утешить девушку, но та отстранилась от его объятий.

— Пошли назад. — Сказала она властно.

— Рея? — переспросил Ясон.

— Я сказала — пошли назад. — Повторила она.

— Рея, это твой муж. Мы шли за его телом. — Напомнил Зефир на сей раз обеспокоенным голосом.

— Мекон мёртв. — Отрезала она жестоко. — Его нет там, на поверхности. Он теперь вместе с нашим сыном на Асфоделевых полях. — Тяжёлые и горькие слёзы блестели в глазах, но отказывались проливаться. — Нет смысла рисковать жизнями. Я хочу вернуться. — Она обратилась к Зефиру.

Мужчины вновь переглянулись, принимая решение, стоит ли подчиняться решению скорбящей женщины, но Рея не оставляла им выбора.

— Хорошо, — согласился, наконец, Зефир. Затем обратился к Аластору. — Ты идёшь впереди. Хоть одна глупость — и тебе несдобровать. Вesper с Дарданом решат, что с тобой делать на месте.

Аластор сделал вид, что не слышал выскочку. Он подошёл к Рее и произнёс, глядя в её опустевшие глаза:

— Мне жаль.

— Это мне жаль, — вдруг сказала она. — Что тебя не было рядом с нами, чтобы нас защитить ещё раз.

Аластор понятия не имел, как ему отреагировать на эти её слова. *Не за того ты меня приняла, Рея.* К счастью, она не ждала ответа, а просто побрела в коридор, из которого они недавно пришли. Трое мужчин последовали за ней. Слепой от горя девушки, которой хватало

сил не только идти, но и скрывать от них слёзы.

Вестания едва пришла в себя после встречи с Фриксом. Удивительно, но стоило обнять его, и эйфория вытеснила всякую усталость. Она была готова вынести с десятков насмешек Теры ради этого сладкого мгновения, что пробыла в объятьях Фрикса. Всё осуждение мира было теперь неважным.

— У вас тут целый город под землёй! — с восторгом сказала Тереня. *Неужели, она впервые в жизни поняла, что такое чувство такта?* — Все эти люди живут тут?

— Да, крошка, — Веспер села на одну из свободных кроватей рядом с Фриксом. — Условия не ахти, это скорее казармы, чем курорт, но жить можно.

— Как это всё появилось? Это Алкид построил? — в одном Тере нельзя было отказать — когда она смотрела на взрослых своими широченными глазами телёнка, они проникались симпатией к её наивности и рассказывали всё. Может, она пользовалась этим? Манипулировала?

— Это бывшие шахты. Здесь добывали известняк когда-то. Потом, когда стало ясно, что дальнейшее их расширение может привести к обрушению города, их забросили. Некрополем это место стало во времена третьей эры. Его использовали в дальнейшем ни раз. Идеальное укрытие для тех, кто не хочет быть на виду. В детстве катакомбы стали моим домом. В самые тяжёлые времена, когда мне некуда было идти. Когда Алкид собрал свою армию, я привела их сюда. Это было пять лет назад, ещё до катаклизма и до конца отсчёта.

— Расскажи про Алкида. — Вестания поймала себя на мысли, что они всё ещё не знают ровным счётом ничего о лидере Сопротивления. — Вам удалось спасти его? Он в порядке?

— Да, в полном. — Заверила девушку Веспер. — Слаб и отдыхает после тяжёлой ночи. Что и нам всем не помешает.

— Кто он такой, Веспер? — Тереня куда лучше удавалось задавать прямые и неудобные вопросы. Вестания не уставала удивляться простоте сестры.

— Он — ядерная бомба. — Ответила Веспер так, словно эта фраза могла объяснить всё на свете. На вопрошающее молчание сестёр, она всё же добавила: — В прошлом Алкид был одним из тех, кого называют дети Акрополя. Он принимал участие в... — Вестании показалось странным, как та осеклась. — В эксперименте. Из него хотели создать идеального человека — «Перфекцию». Эксперимент увенчался успехом. Ошиблись они лишь в том, что Алкид стал умным, и понял, что не хочет работать на правительство и быть их лабораторной крысой. До поры он вёл себя очень осторожно и тихо, он никогда не пытался спорить с хозяевами Акрополя, потому что они могли с лёгкостью раздавить его. Он делал вид, что работает на них, а сам в это время обдумывал план их уничтожения.

И потом был день побега. Я стала первой, кто присоединился к нему. Тогда я тоже работала на Акрополь, делала оружие для них. Сколько могла, я закрывала глаза на то, что они заставляли меня совершать. И на то, какой они меня сделали. — Веспер помялась. — Акрополь заказывал некачественные материалы для оружия. Я подделывала накладные. Пыталась делать хорошо, рискуя своей жизнью. Поэтому в миг, когда Алкид позвал, я откликнулась.

Раньше мне было его немного жаль. Никто из нас даже представить не может, через что он прошёл. Я не удивлена, что никто в Акрополе не подозревал о том океане ярости, что он

копил для них. Алкид прекрасно знал, как скрывать свой гнев и мысли. Ну а потом, когда эта ярость вышла из берегов, он предстал перед нами в совсем ином свете. Я не думала тогда, когда решила примкнуть к нему. Но стоило лишь увидеть его в истинном обличии, как я влюбилась в этого человека. Совершенно не так, как принято говорить о любви между людьми. В прошлой жизни я считала, что любовь — это про власть и обладание. Алкид был совершенно иным, он — гений. Каждый раз, когда я видела этот кроваво-красный блеск в его глазах, я думала о том, сколько в нём силы, как целеустремлённо и яростно он идёт к достижению своих целей. Каждое его слово было наполнено бунтом, непокорностью, а в голосе слышалось нежелание подчиняться. Когда я смотрела на него, я была готова сделать что угодно, что бы он ни попросил, потому что за ним стояло что-то громадное, настолько сильный эффект он производил каждым своим появлением.

— Ты говоришь так, словно любишь его. — Сказала Тереня.

Рыжеволосая активистка усмехнулась.

— Я правда его люблю. Всем своим сердцем. — Ответила Веспер прежде, чем Вестания успела одёрнуть сестру, но затем сразу же сменила тему: — Я раздобуду для вас какой-нибудь еды, вы наверняка умираете от голода. Отдохнёте, а вечером поговорим о делах.

При мысли о том, что им надо отдохнуть и поесть у Вестании и правда начинала кружиться голова. За последние сутки они пережили столько событий, что она забыла о самом главном. *Мамы больше нет.*

Она и сама удивлялась, насколько ровно они с Теренеей перенесли эту новость. Ей было стыдно. Казалось, что, если происходит такая страшная трагедия, нужно время на скорбь, на слёзы. Нужно время на то, чтобы не двигаться, не общаться ни с кем. У них не было ни единой секунды для этого. Она оправдывала себя тем, что их собственные жизни висели на волоске, но никуда не могла деться от ужасного грызущего чувства стыда. *Так и бывает на войне. Теперь наша жизнь — это война, а мы в самом эпицентре сейчас.*

Зато рядом был Фрикс. И он обнимал её за плечи. И ей было ужасно стыдно за то, что она испытывала к нему сейчас. За то, что он ей нравился. За то, что она смела думать о нём в тот самый день, когда она узнала, что...

Мамы больше нет.

Фрикс поднялся с кровати, взяв её за руку и потянул за собой. Она поддалась и пошла за ним. Они вернулись в общий зал, спустившись с подиума. Люди постепенно расходились оттуда, рассеивались по всему оссуарию. Её глаза так устали, в них было столько песка. Она почти представляла, как уснёт через час, может быть даже в обнимку с Фриксом, или хотя бы с Теренеей. Ей правда очень нужно было отдохнуть. Почувствовав лёгкое головокружение, Вестания погладила пальцем висок. Но тут её взгляд зацепился за что-то. Она даже не поверила сонным глазам. Может, просто обман измождённого сознания?

Из коридора, ведущего на поверхность, откуда привела их Кирка, возникли четыре фигуры. Трое активистов — женщина, потерявшая любимого, она шла впереди. *Как они вернулись так скоро?* Двое мужчин, которые сопровождали её. И...

— Это он! — воскликнула Вестания спустя ещё секунду. Она узнала его. Он назвал себя Аластором. И он пытался их убить. — Тера, это он!

— Быть не может, — прошептала сестра.

Сама идея подобной встречи казалась абсурдной, и все же они опять встретились. Вестания даже представить не могла, что это может им посулить.

Фрикс озадаченно оглянулся на неё.

— Он пытался нас убить! — только и смогла выговорить девушка.

По лицу Фрикса ей не удалось считать ни единой эмоции. Он загородил её спиной, а затем уверенно зашагал вперёд навстречу вошедшим. Она наблюдала за ним со стороны. За стремительностью его движений. Фрикс сработал, как точнейшая машина. Прошёл словно насквозь девушки, ловко увернулся от выпада Аластора, ударил его кулаком в лицо, перехватил в полёте руку и заломил её за спину мужчины.

— Он хотел нас убить! Он пришёл за нами! — услышала Вестания свой собственный испуганный возглас.

Этого хватило, чтобы зал вновь оживился. Двое мужчин, что привели его сюда отреагировали на её крик. Не прошло и секунды, как Аластора скрутили и связали ему руки за спиной. На шум пришла и Веспер. Когда рыжая подошла к сёстрам, Вестания ещё раз выпалила свой призыв тревоги:

— Веспер, это был он! Зачем он пришёл сюда? Он пытался нас убить!

Девушка поймала её за плечи.

— Успокойся. Он связан. Я сама допрошу его и узнаю. Если всё так, устроим казнь завтра утром.

Вестания проснулась и поняла, что Теренеи нет рядом. Насколько она могла полагаться на весь свой опыт, это никогда не приводило ни к чему хорошему. Гонимая подспудным страхом, Вестания вышла из казарм и спустилась в общую залу. Шестое чувство не подвело её, потому что сестру она обнаружила возле Аластора. Его избили и привязали к колонне, подпиравшей свод Некрополя. Как ей хотелось придушить её в это самое мгновение, но страх за здоровье Теры был сильнее, она подбежала к ней.

— Тера, что ты тут делаешь?! — окликнула Вестания младшую.

— Спрашиваю Аластора, почему он пытался нас убить. — С невинным видом ответила Тера. — И что стало с мамой.

— Идиотка! — Выкрикнула Вестания. — Тереня, нечего с ним разговаривать! Пойдём! — Она попыталась схватить сестру за запястье, но та вывернулась.

— Подожди! Он же связан, он ничего мне не сделает.

— Тера!

— Вестания, я понимаю твоё беспокойство. Но я правда не намерен причинять вред. Ни тебе, ни Теренее, — подал голос Аластор.

Вестания была в ярости.

— Да, конечно, а я должна в это поверить!

Он пошевелил связанными за спиной руками, сиюсь ослабить путы и, приподнявшись, вытянул вперёд одну ногу. Правый глаз не открывался полностью из-за разбитого виска. Рубашка была грязной, тоже в следах крови. Он выглядел очень сильно помятым, но всё равно производил впечатление какой-то неуправляемой силы и внушал страх Вестании. Зверь, посаженный на цепь, всё ещё мог кусаться.

— Алкиона была больна. Думаю, ты знаешь это. — Проговорил он медленно, допрос явно не доставлял удовольствия и ему, но, кажется, мужчина хорошо понимал, что он не в том положении, чтобы уходить от ответов. — Когда мы были в поезде, ещё в первый день, ей было совсем плохо. Она умирала. — Вестания услышала, как плачет Тереня, и приложила

все усилия, чтобы подавить свои собственные слёзы. Но что было странно, он не пытался задеть их словами, осторожно подбирая их, хоть было и очевидно, что перед девочками находился враг. — Она думала только о вас. Всё время. Она просила и умоляла найти её дочерей и позаботиться о них.

— И вы решили, что нас нужно убить?! — Тут боль и скорбь сменились гневом. Вестания напряглась так, что Теренее пришлось отдёргнуться в сторону. — Вы правда считали, что наша мать могла просить об этом?

— Нет. Но я не видел другого выхода. — Он не сводил с неё глаз. — Вы остались одни. Без родителей и друзей в мире, который уже погиб. Куда ещё идти, бежать? Зачем вам Термина? Что вы хотите здесь найти? Подумай, не проще ли остановиться, чем рваться в попытке выжить? — Он сделал паузу, ненадолго откинув голову назад.

Вестания поймала себя на мысли, что не знает, как ответить. Потому что она понимала, о чём он говорил, и даже соглашалась с этим. Спираль никуда не убегает. Она просто есть. И в её центре не может быть ничего, кроме самой смерти, кроме конца.

— Я видел их. Многих. — Вновь заговорил узник. — Голодных и бедных, бездомных, слонявшихся по улицам Сциллы, молящих о хлебе, но тратящих деньги на алкоголь. Потому что ни один хлеб не заполнит их пустоты так, как это делает узо. Они разлагались, истекали кровью, замерзали, но всё ещё цеплялись за жизнь оставшимися пальцами. Я не понимал этого. Никогда. Я видел тех сердобольных, что протягивали им милостыню, считая, что совершают благое дело, которое я сам расценивал за преступление, ведь они продолжали чужие муки, растягивали их. Я же давал им свободу. Я убивал их, кладя конец страданиям их бесполезных жизней. Тогда меня прозвали Убийцей обречённых. — Он метнул взгляд этих странных пустых глаз на Вестанию, словно проверяя её реакцию. — Имя ни к чёрту, но меня называли и похуже. Отец назвал Аластором, то есть «губителем», потом, когда я стал наёмным убийцей, меня назвали Цербером, трёхголовым чудовищем, а когда лишили работы, стали звать Бешеным Псом. Так что, да. Я решил, что будет куда как правильнее убить вас, чем оставлять в живых. Сначала вас, потом застрелиться самому. Так я решил. Я уже очень давно искал смерти и увидел выгодную сделку в предложении Алкионы.

— Значит, вы — убийца? — заключила Вестания. Он кивнул. — Может, не так уж все плохо обернулось, если вы здесь. Теперь вас казнят, и вы получите, что хотели. Вы за этим пришли сюда? Вы же знали, что так будет.

— Я пришёл сюда, потому что... — он задумался. — Не знаю, зачем... Я пошёл за собакой. Наверное, чтобы дать вам право решить мою судьбу, раз я не смог решить вашу. Я... — он замаялся, — понял, что ошибался.

— Кончено, вы ошибались! То, что вы говорите — глупость, — вдруг подала голос Тереня. — Почему вы считаете, что мы бессильны и беззащитны или потеряны? И все те люди, которых вы убили... это всё неправильно! Для вас жизнь — бесполезна, но это не так. И мы с Вестанией хотим спастись, поэтому мы здесь, мы ищем Океанию, а в ней нет конца света. Если мы найдём её, мы спасёмся.

— Тера, перестань, — остановила её Вестания. — Давай не будем об этом снова.

— Ты тоже знаешь, что мы не можем стоять на одном месте, и умереть мы не должны! — не унималась сестра. — Ты тоже хочешь уехать отсюда, ведь именно поэтому мы здесь. И мама так хотела! А вы, — она шагнула к пленнику, — вы решили так, просто потому что так проще. Намного проще умереть, чем бороться. Так что в убийстве или самоубийстве нет никакой силы, это слабость.

— Мы зря теряем время, — сказала Вестания. — Он убийца. И утром его казнят.

— Нет, мы должны освободить его, Веста, — сказала Тереня, вынимая из кармана перочинный нож.

— Что?! Ты с ума сошла? Он пытался нас убить!

Вестания ужаснулась от решения сестры. Неужели она была и вправду такой наивной и глупой? *Откуда у неё этот нож?*

— Но, если мы его освободим, он не убьёт нас, — возразила она.

Вестания метнула взгляд на Аластора. Он сохранял молчание всё то время, пока они разговаривали, и следил за тем, как они решают его судьбу.

— Мы не можем быть уверены в этом. Он же сумасшедший, ты что, не видишь?

— А как ты планируешь выбраться из Термины сама? — вдруг спросила Тереня, затем обернулась к Аластору и подошла поближе к нему. — Вы ведь можете нам выбраться, если я освобожу вас?

— Думаю, я бы мог, — сказал он задумчиво. — Но вопрос скорее в доверии. А твоя сестра не доверяет мне и имеет на то все причины.

— У нас есть кое-какие деньги, — вдруг нашлась Тереня. — Сколько вам нужно заплатить, чтобы это расценивалось как плата за работу?

— Тереня! Хватит! — разозлилась Вестания.

— Хочешь нанять меня, девочка? — Он хотел улыбнуться, но из-за побоев улыбка превратилась, скорее, в гримасу. — Это так не работает. Но идея неплохая.

— Это ужасная идея, — не отступала Вестания. — Нам не нужен наёмный убийца!

— Верно, — сказала Тереня, обернувшись к ней. — Но нам нужен телохранитель или что-то вроде того. И вообще так будет правильно. Мама же просила вас позаботиться о нас. — Обратилась она к Аластору. — Вы согласны исполнить её просьбу, но только по-настоящему?

— Я сделаю это, — согласился он.

— Так сколько это будет стоить? — повторила Тереня.

Кажется, в нём возник странный азарт. Он больше не выглядел таким слабым, правый глаз приоткрылся шире, блеснув решимостью. Вестания пыталась понять, что у него на уме, углядеть злой умысел, но могла лишь предполагать о существовании такового.

— Мне нет нужды в деньгах. У меня было слишком много денег, от которых я слишком долго пытался отделаться. Пообещай что-то, что, как ты думаешь, сможет меня заинтересовать.

Что за игру он затеял? — не понимала Вестания. Ей определённно не нравилось то, куда вёл этот разговор.

— Вы помогаете нам добраться до Океании, — сказала Тереня. — И когда мы найдём её, мы простим вам то, что вы сделали. Когда пытались убить нас. Вы сможете пойти в Океанию вместе с нами.

— Он никуда с нами не пойдёт!

— Хорошо, — согласился вдруг Аластор. — Но, чтобы твоя сестра могла мне доверять, ты должна заплатить мне что-то вперёд, как аванс.

— Как это должно сработать? — не поняла Вестания.

— Деловые отношения вступят в силу, и я автоматически буду считаться вашим телохранителем, так как сделка была подкреплена платой, — пояснил Аластор. — Таким образом я буду работать на вас до тех пор, пока не получу свою полную награду.

— У меня ничего нет с собой, — сказала Теренея рассеянно.

— Это может быть что угодно. Любая вещь, которая имеет для тебя ценность. — Не отступал Аластор. — Залог, который я отдам, когда мы доберёмся до конечной цели.

Он же обманывает её! Океании не существует, и он не может верить в неё, значит он манипулирует нами!

— Не будет никакой сделки! — снова повторила она.

— У меня есть только это, — Теренея достала из кармана компас и показала Аластору. — Подойдёт?

— Отлично, — согласился он. — Теперь отдай мне его.

— Это подарок отца. — Сказала Теренея, с любовью оглядывая металлический корпус. — Он мне правда очень дорог.

— Я буду с ним бережен. И верну его тебе, — Аластор не сводил с неё глаз. Атмосфера в зале стала очень напряжённой.

Теренея уверенно зашла на колонну с ножом наперевес.

— Теренея, остановись немедленно! — закричала Вестания, забыв обо всякой осторожности, и бросилась к сестре, но та уже обнажила лезвие.

— Вестания, — вдруг произнёс Аластор, и она остолбенела, впервые услышав своё имя из его уст. Голос был тяжёлым, звучным, но каким-то неестественным. — Я связан, — и он демонстративно дёрнул руками, чтобы она услышала скрип верёвок. — И я обещаю, что не причиню вреда ни тебе, ни твоей сестре.

— Мы не можем вам доверять, — не унималась она.

— Нам придётся, — сказала Теренея, подходя к заключённому. — Мы же уже решили, что по-другому нам не добраться до Океании.

Она приблизилась к нему. Если Аластор схватит её, вырвет нож, начнёт угрожать... что тогда делать ей? Она попробовала успокоиться. Вспомнила о спирали, затем о Фриксе. Сердце немного сбавило обороты.

Теренея нагнулась и замерла возле пуг Аластора, прямо за его спиной.

— Вы ведь правда не обманете нас? — Всё же уточнила она.

— Я обещал вашей матери. Теперь обещаю тебе, — произнёс Аластор. — И у меня точно так же нет выбора.

Теренея медлила. Может, в ней и была хоть толика здравого смысла.

— Ты сама веришь мне? — услышала Вестания тихий вкрадчивый голос Аластора. — Посмотри мне в глаза. — Он повернул к ней голову. Повисла недолгая пауза. — Тогда положи компас в карман рубашки.

— А можно мне иногда будет брать его ненадолго? — спросила она.

— Конечно, — прозвучал ответ.

Теренея сделала, как он сказал. Вестании было больно смотреть на этот жест. На что же они подписались?

— Сделка совершенна, — изрёк Аластор. — Теперь освободи меня.

Прошла минута, прежде чем Теренее удалось перепилить верёвки. Вестания понятия не имела, чем могла закончиться эта безумная затея, но останавливать сестру было уже слишком поздно. Её хотелось, чтобы кто-нибудь из активистов остановил Теру, но зал был на удивление пуст. *Сколько сейчас времени? Ночь? Скорее, раннее утро.* Она вырубилась без сил, как только убедилась, что Аластор связан. Что происходило в оссуарии дальше было ей неизвестно. Судя по свежим побоям, его пытались допросить. Она была уверена, что Аластор

ничего не сказал о цели своего визита. Наверное, потому, что сам не знал до конца, зачем пришёл сюда, зачем вообще решил вновь их найти.

Верёвки были перерезаны. Он поднялся с пола и Веста непроизвольно отступила в сторону. Что угодно могло произойти в эту секунду. Он была готова ко всему — драться, кричать, бежать. От этого мужчины исходила угроза и она не верила ему, ни единому слову. Но ведь, не набросится он на них с голыми руками, да ещё и прямо посреди Некрополя?

Какой же он был высокий... Всем своим видом внушал опасность. Сердце учащённо забилось в груди, когда он шагнул вперёд и вдруг... остутился, едва не упал, согнув ногу в колене. С трудом проковылял по направлению к ней и ей стало почти жаль этого калеку. Каждый шаг давался ему с трудом, только теперь Вестания увидела, насколько уязвимым он был на самом деле.

Аластор прошёл мимо, подошёл к столу, где лежала его трость. Взял её и опёрся всем весом. Затем обернулся к сёстрам, щуря глаз.

— Нужно выбираться отсюда. — Сказал он решительно.

— В Термине повсюду полиция, — подала голос Теренея, — и теперь она будет нас искать. Здесь мы хотя бы в безопасности...

— Я не только про Некрополь. И не про Термину. — Ответил он. — Надо выбираться из Ойкумены. И из Элласа. Нужно искать Океанию. — Он окинул взором зал. — Зовите своих друзей. Уже утро, им пора вставать.

— Что вы задумали? — спросила Вестания, сторонясь его, и в то же время, не сводя с него глаз.

— Я хочу встретиться с Алкидом. Пора. — Решительно ответил Аластор.

Глава IV. Песня о войне

В кабине лимузина настроение было приподнятым, музыканты отпускали весёлые тосты за успех нового альбома Эльпиники, который сегодня утром побил рекорд по продажам во всей Ойкумене. «Музыка Океании», над которой они трудились последние несколько месяцев, теперь звучала изо всех радиоприёмников. Успех был неоспорим, вот только Ника не могла проникнуться радостью победы. За окном роскошного салона была всё та же Харибда — зубастая всепоглощающая бездна, из которой они с Эльпис так и не смогли выбраться. И фасады роскошных домов центрального квартала ни за что не могли обмануть Нику, она слишком хорошо знала, что за ними таятся ужасные трущобы с тысячами несчастных душ. И теперь они обречены сгинуть здесь, вместе с ними за компанию.

Вместе с ней.

Эльпис протянула к Нике свой бокал, приглашая чокнуться и присоединиться к веселью. Сегодня был хороший день. В хорошие дни Эли улыбалась и делала вид, что всё отлично. Заставляла притворяться и её. И Ника всегда подчинялась смене настроений, именно такой была отведённая ей роль. Флигель, который вовсе не имеет своей воли, а лишь следует за ветром.

Она нехотя ответила на тост. Бокалы тихонько звякнули, но Ника не нашла в себе настроения на то, чтобы пригубить игристое. Ощущение надвигающейся бури не покидало её уже несколько дней, а по большому счёту, с того самого момента, как они вернулись из Пацифиды. Она упорно продолжала чувствовать, что подруги упустили свой единственный шанс на счастливый конец. Все дальнейшие действия будут лишь затягивать всё глубже в ту трясиину, в которую они угодили с агентством «Оморфия».

С самым беззаботным видом Эльпис опустошила свой бокал и засмеялась в ответ на шутку их клавишника, Махаона, Ника была слишком напряжена, чтобы вслушиваться в их весёлые разговоры. Прошло не меньше пяти минут, прежде чем Эльпис опять подседа к ней, оставив музыкантов в их весёлых беседах.

— Ники, выдохни и дыши нормально, — попросила певица. — Иначе получишь кислородное голодание.

— Я в порядке, — отозвалась она.

Эльпис взяла её за руку и положила голову на плечо, так что мягкие локоны её волос расплескались по груди Ники. Воздух наполнил тёплый, чуть колючий запах её духов. Лилии и орхидеи — конечно, Эли могла пахнуть лишь как самые неугомонные цветы.

— Всё будет хорошо, — пообещала Эльпис тихо, но даже в её голосе брякнуло звено сомнений. — Мы же так решили... что будет хорошо.

Тем временем машина подъехала к зданию выставочного зала, где они сегодня должны были присутствовать на торжественном вечере в честь открытия выставки. У входа Эльпинику уже поджидала толпа журналистов.

— Надо же! — восхитилась Эли, — сколько народу собралось. Мы становимся иконами.

— Ты всегда была и будешь звездой, — ответила Ника. — Самой гениальной певицей, которую знала Ойкумена.

— Ну вот, ты всё-таки улыбнулась, — обрадовалась Эльпис. — Пошли, покажем им класс.

С небывалой лёгкостью она отворила дверь лимузина и выпорхнула на бордюр,

моментально приковав к себе внимание. В воздухе зажглись ослепительные вспышки фотокамер. Сегодня Эли была в умопомрачительном красном платье с глубоким декольте. На плечах лежала горжетка из шкуры песца. Она часто носила меха после их возвращения из Пацифиды. Говорила, что это положительно работает на продвижение альбома, в котором присутствуют такие яркие северные образы.

Она улыбалась так естественно и свободно, словно никогда не знала ни бессонных ночей, ни нервных срывов. Она сводила с ума журналистов, камеры обожали её. Эльпис уделила время каждому, чтобы все периодические издания Харибды получили свою персональную музу. Вокруг красной дорожки столпились и фанаты, которые стали выкрикивать возгласы восхищения и петь припевы полубившихся песен. Эльпис плыла по дорожке, подписывала протянутые к ней фотографии, с радостью позволяла дотронуться до её тонкой изящной руки, чем приводила публику в восторг.

Следом за Эльпис на дорожку вышли музыканты, урвав и свою минуту славы. Каллимах приветственно махал рукой фотоаппаратам, Гермес, взявший с собой тимпан, отстукивал по нему ритм, повергая толпу в восторг. Ника вышла последней, стараясь не привлекать лишнего внимания, как послушная тень. Девушку устраивало её скромное положение.

Внутри выставочного зала пред ними предстал роскошный холл. На входе им сразу же предложили по бокалу шампанского. Эльпис, судя по всему, вела приятные разговоры с приглашёнными гостями. Широкая мраморная лестница с балюстрадами вела на второй этаж, где происходила непосредственно новая выставка. Нике тоже вложили бокал в руки. Пить не хотелось совершенно, поэтому она осталась стоять с ним, ожидая, когда Эльпис закончит разговор с представительного вида мужчиной. Пока она стояла в некоторой растерянности, к ней подошёл Каллимах и чокнулся с ней бокалами.

— Ты знаешь, иногда можно позволять себе расслабиться. Не стоит всегда быть такой нервной.

Каллимах пригубил бокал и кивнул Нике, вынуждая её сделать то же самое.

— Ты знаешь, кто это? — спросила Ника, указав на мужчину, с которым беседовала Эльпис.

— Никто не знает, кто все эти люди, — ответил он загадочно. — И они сами не хотят, чтобы их знали в лицо.

Ника не сразу поняла, что Каллимах имел в виду, но потом до неё дошёл смысл сказанных слов.

— Он из Акрополя?

— Один из представителей власти. — Кивнул кифарист. — Один из тех великих людей, которые управляют нашей прекрасной страной.

Должна ли Ника была беспокоиться из-за этого? Она вдруг быстро догадалась, что Пигмалион пригласил их сегодня сюда далеко не ради выставки, и даже не из-за успеха нового альбома. Она вспомнила «Песню о китобоях». *Что он задумал? Он метит куда-то вверх? Хочет не только богатств, но и власти?*

— Да, ты всё правильно поняла, — Каллимах заметил её замешательство. — Сегодня Пигми демонстрирует высшему свету свою красоту.

— Зачем? — спросила Ника, всё ещё не найдя с ответом.

— Хочет продвинуть её? Планирует для неё большое будущее? Может, хочет отдалить от тебя? Кто же знает?

Ника внимательно разглядывала лицо мужчины. Намеренно старалась запомнить его.

Волосы уже седые, ему должно быть не меньше пятидесяти лет. Морщин почти нет, лицо гладкое, мужественный, выдающийся вперёд подбородок, маленькие холодные глаза, которые не торопились выдавать помыслов своего хозяина. Эльпис была совершенно поглощена беседой, настолько, что не обращала внимания на Нику. Девушка сделала щедрый глоток из бокала. Кисловатый привкус зелёных яблок наполнил рот.

— Нет, она не отдалится от меня, — с уверенностью сказала Ника, отдав пустой бокал проходящему мимо официанту. — Мы вместе прошли через очень многое. Она не оставит меня.

— Знаешь, я тоже так думал. А потом Орифия однажды просто пропала из дома. Из *нашего* дома.

Ника была поражена услышать такое.

— Я думала, вы расстались...

— Потому что я так сказал. — Ответил Каллимах. — Проще сказать, что тебя просто бросила девушка. Сложнее объяснить, куда она делась.

— Она не оставила записки? Не предупредила никого?

Он покачал головой.

— Собрала совсем немного вещей. В основном тёплую одежду и все деньги, какие были в доме. И всё. Больше ничего. Ни свои тетради с песнями, ни инструменты, ни детские вещи, которые хранила. Не взяла ни одно из украшений, ни единого платья. Только свитера. Всё.

— Ты искал её? Может, уехала к родителям?

— Нет, её там не было. Я искал везде, где мог. — Он тоже допил шампанское и ещё какое-то время смотрел, как остатки напитка стекают по стенкам бокала. — Два варианта. Либо она что-то скрывала, за что её насильно депортировали из города, либо резко сорвалась искать Океанию.

— Но куда они могли её депортировать?

— Не знаю. — Пожал Каллимах плечами. — В «Чёрную гарпию». Зачем ещё могли понадобиться зимние вещи?

«Чёрной гарпией» называлась колония строгого режима на севере страны. Ника слышала, что пока никому из заключённых не удавалось отсидеть свой срок до конца. Люди попросту не были в состоянии пережить настолько тяжёлые условия.

— В этом случае, у неё бы не было времени собраться. — Предположила Ника.

— Ну, тогда, сбежать ей было гораздо важнее всего остального. Важнее, чем...

Ника знала, что Каллимах хотел сказать: «Важнее, чем я», но не смог найти в себе решимости закончить фразу.

Ужасное чувство тревоги обуяло её. Оказывается, люди пропадают. Вот так в никуда. Просто не приходят домой. Забирают деньги, но не личные вещи. Растворяются без следа. Ника подошла к Эльпис и потянула подругу за руку. Эли обернулась к ней, на лице цвела улыбка.

— Ники... — она смутилась на мгновение. Синие глаза стрельнули на кириоса. — Подожди секунду, хорошо? — Мягко попросила она Нику, затем опять что-то защебетала мужчине. В конце разговора он сам подозвал её поближе и что-то шепнул в ухо, после чего отвесил Нике сдержанный кивок головой и удалился. — Прости, — улыбнулась Эльпис, развернувшись к девушке.

— Кто это был? — спросила Ника обеспокоенно.

Эльпис оглянулась через плечо и проводила мужчину взглядом.

— Он не представился. Ну... ты понимаешь, кто он...

Конечно, понимаю. Горстка людей, которые управляют всем континентом. Никто не знает точных имён, никто не знает, чем они занимаются, и какие именно должности занимают. Странные загадочные люди в строгих пиджаках. Её передёрнуло. Ника подумала, что и Пигмалион вполне подходил на роль одного из этих людей.

— О чём вы говорили?

Эльпис буднично отмахнулась.

— Да так... Ни о чём таком, — ответила она. — Он сказал, что его жена в восторге от нашего альбома. Выразил свои восхищения.

— Понятно... — Нику не покидало тяжёлое гнетущее чувство.

— Пошли, посмотрим, что там наверху? — Предложила Эльпис, устремившись к лестнице.

— Хорошо, — смиренно согласилась Ника.

Вдвоём они поднялись по мраморным ступеням. Эльпис без усталости улыбалась и здоровалась с прочими гостями. Ника отвлечённо разглядывала поручень, плавно водя по нему рукой и словно изучая рисунок на резных перилах.

— Всё хорошо? — Эльпис просканировала подругу взглядом, когда они поднялись на второй этаж.

Ника пожала плечами.

— Волнуюсь за тебя.

Эли насупилась.

— Да хватит. Что ты, правда, как туча сегодня? — Она слегка ткнула Нику в бок. — Я же в порядке.

Не я туча. Я чувствую тучу, которая вот-вот разразится грозой.

— Ладно, давай смотреть выставку, — предложила Ника.

Они углубились в зал. По периметру были расставлены скульптуры в стиле футуроклассицизма — фигуры древних богов с геометрическими частями тела, врезанных в мраморные блоки, раскрашенных кислотными цветами. Вазы, стилизованные под старину с изображениями современных благ цивилизации. Чёрно-белые фотографии, которые было сложно отличить от фресок. Эльпис с интересом изучала композиции, разглядывала картины, двигаясь между рядами экспонатов и здороваясь с кириосами в деловых костюмах.

Они остановились возле скульптуры двух китов, устремлённых к потолку зала. Из спин животных выстреливал фонтан, очертаниями больше напоминавший крылья.

— Провокационно, — сказала Ника. Ей становилось не по себе при виде статуи.

— Это смело, — заявила Эльпис. — Как думаешь, все в зале догадались, что это не брызги воды?

— Тот, кто разрешил выставить это в зале, точно не догадался, — сказала Ника, разглядывая китов.

Крылья были под запретом во всей Ойкумене. Возможно, что и в Гиперборее. Запрет был таким древним, что даже Ника точно не знала, откуда он взялся и в чём его причины. Скорее всего, что-то связанное с религией. Образ ангелов или пегасов ассоциировался с порицанием божественной власти. При этом запрет накладывался только на окрыление людей и животных, на само свойство полёта запрет не влиял.

— Что сделают с художником, если догадаются? — спросила Ника с затаённым страхом.

Эльпис пожалала плечами.

Может, спросишь, у кириосов, с которыми так любезничаешь?

— Каллимах признался, что его девушка просто пропала без вести.

Эли испуганно вздрогнула от этой новости:

— Как? — удивилась она.

— Просто исчезла.

— Люди не исчезают просто так. — Возразила Эльпис.

— В современной Харибде всё возможно. Прошу тебя, будь осторожна. — Попросила

Ника.

— Ты из-за этого так завелась сегодня?

— Возможно...

Нике самой было сложно понять характер её беспокойства. Предчувствие неизбежного.

В ней словно роилась буря.

— Я не исчезну, обещаю, — шепнула она Нике, приобняв подругу за плечо.

Её руки были тёплыми. Родными. Как бы Ника хотела на всю жизнь остаться в этих объятьях, не бояться осуждения и косых взглядов. Но миг их счастья не мог длиться вечно. Ника увидела, как, подобно рифовой акуле, между гостей к ним приближается главное препятствие, лежащее на пути их любви. Пигмалион сегодня выглядел неотразимо. Разумеется, она никогда не видела его без костюма, но этим вечером он попросту блистал в строгом фраке и галстук-бабочке.

— Моё сокровище, — поздоровался он с Эльпис и поцеловал протянутую ему руку. — Ты бесподобна сегодня!

— Ты мне, как всегда, льстишь! — Эльпис вновь включила свои заигрывания.

— Ничуть. Ты затмила собой даже экспонаты. Такую красоту нельзя держать без витрины.

Эльпис засмеялась, но Нике шутка совершенно не понравилась. Такие, как Пигмалион, умеют ценить красоту бабочки только в том случае, когда она нанизана на иглу и помещена в деревянную рамку под стекло.

— А уж как они обрадуются, услышав твой голос, — продолжил он хвальбу.

От этой фразы смутилась даже Эльпис.

— Услышат голос? Я буду петь сегодня?

— А ты думала, я просто так пригласил тебя в компании всей группы? Выставка чудесна. И Эльпиника станет лучшим украшением сегодня.

— Мы просто не... обсуждали этого. — Замялась Эльпис.

— Муза моя, всего одну песню из твоего альбома.

— Хорошо, я могу исполнить «Песню о китах», — Эльпис указала на статую. — Будет соответствовать выставке.

Ника затаила дыхание. Лицо Пигмалиона своим выражением не сулило им ничего хорошего.

— Нет, — сказал он достаточно мягко, но при этом безапелляционно. — Милая, посмотри вокруг. Здесь не зря собралось столько важных кириосов. Они пришли не просто хорошо провести время. Они хотят послушать главный голос Ойкумены. Поэтому ты споёшь сегодня «Песню о китобоях».

— Что? Нет! Я не стану петь её! — воскликнула Эльпис.

— Станешь, это часть твоего альбома. И это важная песня для всех нас, — настоял

Пигмалион. — Группа уже предупреждена, они готовятся в подсобке. Иди к ним, выступление будет через полчаса.

Он взял Эльпис за предплечье и подтолкнул к дверям с надписью «ДЛЯ СОТРУДНИКОВ». Как только Ника попыталась последовать за Эльпис, Пигмалион мягко остановил её.

— Сегодня она справится одна.

— Я так не думаю, — Ника не собиралась отпускать подругу, но Пигмалион в прямом смысле загородил ей проход.

— Не лезь! — осадил он её, шепнув на ухо. — Иди, смотри выставку.

— Я нужна ей сейчас! — Ника не планировала так просто сдаваться.

— Я здесь решаю, когда ты нужна, а когда нет. — Пигмалион схватил её за предплечье и притянул к себе. — Если я говорю не лезть — ты не лезешь.

Его рука — клешня чудовища, сжала крепко, цепко, пальцы сдавили кожу, впились в мышцы так, что ей стало физически больно. Это был первый раз, когда Пигмалион позволил себе дотронуться до Ники. *Первый и последний!* Резким поворотом плеча она вырвалась из его тисков, но не осмелилась возразить словесно.

— Не смей мне перечить, — сказал он категорично. — Тогда останешься при своём.

Она, молча, развернулась и ушла в сторону сцены, ожидать выступления Эли.

Эльпис хотела заплакать, но гримёрша запретила. Ей подправили макияж, широкие красные стрелки на пол лица, ресницы до бровей с крошечными пёрышками на кончиках. Сегодня она была похожа на искру пламени, только вот в сердце теперь ощущала настоящую бурю.

— Двадцать минут до выхода, — крикнула Леда, суевающаяся в коридоре.

— Как пластырь, — утешающе шепнул ей Каллимах.

— Где Ника? — спросила у него Эльпис, на что музыкант лишь повёл плечом.

— Я видел, как она пыталась пройти, но уважаемый кириос не пустил, — отозвался Махаон.

— Чёрт! — Эльпис спрятала было лицо в руки, но гримёрша в последний момент одёрнула её.

— Не смей трогать лицо руками!

— Вы знали про это? — спросила Эльпис требовательно у группы.

— Конечно, Пигми лично приехал и рассказал всё в деталях, а потом мы подписали соглашение, — с иронией в голосе ответил Каллимах.

— Если тебе хотя бы сообщают в последний момент, то с нами обходятся, как с холопами, — съязвил Евр.

— Поверить не могу! — Эльпис вымученно стукнула кулаком по столу, так что тюбики с помадами резко попадали на бок. Карандаш для глаз укатился под стол.

— Эй! — возмутилась гримёрша, но её проблемы сейчас не волновали Эльпис.

Она взяла листок с текстом «Песни о китобоях» и ещё раз посмотрела на него с ужасом. В каждой строчке ей виделись волны вспененного от крови моря.

— Каллимах? — Позвала вдруг она. — Ника рассказала мне про Орифию. Я... хотела сказать, что мне жаль.

На лице музыканта возникла скорбная тень.

— Почему ты не рассказал никому?

— А что бы это изменило? Что ты можешь сделать, могущественная Эльпиника? Вернёшь её? Это невозможно.

— Я... — Эльпис вся сжалась внутри.

Орифия пропала в никуда. Либо сбежала сама, либо её похитили. Причем, не преступники, а правительство. Что им могло не понравиться? Что она пела антивоенные песни? Что однажды нарисовала граффити с именем Алкида на стене здания? Орифия, как и многие, была настроена против войны с Гипербореей, но, в отличие от остальных, не боялась высказывать свою позицию. «*А что они мне сделают?*» — говорила она.

Что теперь? Сделали они, или она сбежала сама? Примкнула к Сопротивлению в отменённых землях, уехала в погоне за Океанией? Или её посадили... *Но ведь при любом раскладе, виновник один...* И ради этого виновника она должна была сейчас переступить через свои принципы и исполнить заказную песню, за что потеряет уважение к себе.

Сколько ещё людей должно кануть в смуте? Сколько умрут ради удовлетворения желаний горстки людей?

А она что могла сделать?

Эльпис нагнулась и подняла с пола карандаш для глаз. Красный, как кровь невинных. Она ещё раз посмотрела на текст «Песни о китобоях».

— Пятнадцать минут до выхода! — крикнула Леда.

— Что я могу сделать? — прошептала Эльпис самой себе.

Хотя бы что-то я могу. — Решила она уверенно.

Выступление началось без задержек. Когда под шум аплодисментов Эльпис вышла на сцену, Ника почувствовала, как у неё ёкнуло сердце. Что-то странное было в лице музы. Полчаса назад она была в ярости, как загнанный в клетку зверь, которому оставалось лишь безысходно метаться из угла в угол на потеху толпе. Теперь же её лицо выглядело на удивление спокойным и решительным. Что-то недоброе затаилось в её глазах, словно она была готова сигануть в бездну, стоя на самом краю крыши.

— Добрый вечер! — Сказала она, подойдя к микрофону. Ника сразу ощутила кожей разницу между собравшимися в зале кириосами и их обычной публикой. Если вторые ловили каждое слово и вздох Эльпиники, прощали ей любые ошибки, то эти смотрели на сцену, словно стоя на верхней ступеньке стремянки. Нет, они вообще не превозносили её, они превозносились над ней. — Я рада приветствовать вас всех сегодня. Чтобы этот вечер стал незабываемым, я спою для вас песню.

Ника направилась ближе к сцене. Кроме неё, никто не стремился подойти так близко, большинство гостей чопорно стояли в центре зала, с бокалами вина и внимательно следили за происходящим. Эльпис положила руки на микрофон, и что-то в её пальцах привлекло внимание Ники.

Что это?

Она подошла вплотную к сцене. Пламенная искра. Её руки были испачканы красной краской.

Музыканты заиграли мелодию «Песни о китобоях». Ника поймала взгляд Эльпис.

Попыталась задать ей немой вопрос. В ответ на него Эли лишь решительно кивнула и вдруг запела в такт:

*Жадные руки в горло вгрызались
И сеяли дурман.
Они удушали и насмехались,
Ставя хищный капкан.
Ложные мысли буйством цветочным
Засеяли поля,
Они прорастали и вытесняли
Мою веру в себя...*

Нет! Только не это! Ника остолбенела. К горлу подкатила страшная тошнота. *Она переписала текст песни!* Выходка Эльпис вызвала в ней одновременно и восхищение, и страх. Что она задумала?

*Они нагнетали нам час молчанья
И рвали все языки,
Но в час тишины я спою вам песню —
Эту песню войны.*

Эльпис вошла в припев, полностью отдавшись захватившей её волне, закрыв глаза и мягко покачиваясь под музыку, словно огонёк свечи. В каждую строчку она вкладывала столько смысла и боли, что у Ники сковало горло.

*Я буду петь
Песню мёртвых детей,
Я буду петь
Песню живых матерей,
Я буду петь
Песню о гневе людей.
И я не замолчу
В этом танце теней.*

Она открыла глаза и обожгла взглядом зал. Казалось, что ей удалось посмотреть в глаза каждому, кто собрался здесь сегодня. Второй куплет был ещё более дерзким и смелым, чем первый, в нём Ника слышала ничем нескрываемый вызов.

*Вам не заставит меня измениться
И изменить себе!
Я воспарю, как вольная птица —
Спою о своей борьбе.
Клич о свободе и о надежде
Я посею в миру,
Мир будет моим, будет как прежде,*

Я его отберу!

Вдруг она посмотрела вниз, на Нику и подмигнула ей.

*И только вместе мы выживем в зиму,
Мы доживём до весны,
Чтоб в свете солнца я спела вам песню —
Песню моей войны!*

Последний припев Эльпис пела на надрыве. Слившись вместе с музыкой в единый организм, став продолжением каждой ноты, она произносила страшные роковые слова:

*Я буду петь
Песню из груд костей,
Я буду петь
Песню безумных вождей,
Я буду петь
Песню тысяч смертей.
И я не замолчу,
Я не стану твоей!*

Ника знала Эльпис уже много лет, но ещё никогда не видела её такой, как в финале «Песни о войне». Она была великой, мощной, страшной и грозной, как истинная богиня. Как только стихла музыка, она громко зааплодировала своей музе, но тут же осеклась. Позади весь зал пребывал в тишине. На миг Нике даже показалось, что все разошлись, что они одни во всём здании, а может, во всей Харибде. Она обернулась. Лица зрителей выражали смятение, обеспокоенность. Эльпис же задыхалась после такого сложного эмоционального выплеска. Она изумлённо оглядывала собравшихся. На памяти Ники это была первая песня, после которой Эльпиника не была удостоена аплодисментов.

На сцене нарисовался Пигмалион. По его лицу Ника не могла ничего понять. Он улыбался, участливо распротёр руки на встречу к Эльпис и приобнял её, когда она, обессиленная, практически легла в его объятия. Пигмалион отвёл её за кулисы и, подойдя к микрофону, провозгласил:

— Иногда всем нам необходимо выпустить пар. — Попытался смягчить он углы. — Наслаждайтесь вечером. Специально для вас организован банкетный стол в Малой галерее. — Вся его напускная самоуверенность не скрыла нервно дрогнувшего голоса. *У Эли получилось! Ей удалось самое главное — смешать ему карты.* Или даже лучше — *Унизить его!* Весь риск этой выходки стоил вида Пигмалиона на сцене, того, как он извивался, будто угорь, подбирая слова, способные загладить неловкий момент.

Ника была уверена, что сегодня вечером они с Эли будут праздновать победу. Триумф воли над послушанием.

Осталось лишь дожидаться её после концерта. Ника хотела поздравить подругу немедленно. Она караулила служебный ход и ждала.

Через четверть часа вышли музыканты.

— Где Эли? — спросила Ника, поспешив к ним.

Махаон и Гермес, молча, пожали плечами.

— Понятия не имею, — обронил Каллимах.

— В смысле? Вы только что были на одной сцене! — Напряглась Ника.

— Пигмалион, наверное, задержал её. — Негромко ответил ей Евр с таким видом, словно не хотел, чтобы кто-то ещё его услышал.

Ника заметила, что парни двигались вниз по лестнице.

— А куда вы идёте? — Спросила она, удивившись их странному поведению и преградив путь.

— Домой. — Ответил Махаон. — Нас именно туда и направили.

— Где Эли? — Волнение Ники резко усилилось.

— Евр сказал тебе... — начал было Каллимах, но Ника остановила его, схватив за грудки пиджака и заглянула в глаза.

— Я спрашиваю: где она? — Повторила Ника.

— Ники... — позвал её Гермес, вызвав вспышку гнева.

— Сначала меня не пускают в гримёрку, потом вы выходите без неё и с беззаботным видом идёте на выход. Я не отстану. Говорите, где она!

— Ники, слушай, — Каллимах снял её руки с лацканов пиджака. Он хотел было что-то ответить, но тут переменялся в лице в последний момент. — Мы не будем говорить об этом здесь. Тебе нужно ехать домой.

— Я никуда не поеду без неё. — Заверила его Ника.

— Ники, — Каллимах нагнулся к её уху и прошептал, — Она просила тебя об этом. Она сказала — «пусть Ники едет домой». Пожалуйста. Не усложняй сейчас.

— Но... — вырвалось у Ники.

— Домой. — В голосе Каллимаха она услышала не просто просьбу, а настоящую мольбу. Настроение всех было пугающе-гнетущим.

Ника почувствовала, что не хочет больше находиться здесь. *Ладно, я дождусь её дома, если так надо.* — Смирилась она и пошла за парнями вниз по лестнице. Её не покидало чувство, что она потеряла что-то важное, но ключи и кошелёк были на месте. *А вот сердце — нет...*

Дома было как никогда холодно и пустынно, Ника проторчала целый час на балконе. Курила, смотрела на проносящиеся в темноте фары машин. Она ждала. Эльпис не приходила. Ника лежала в кровати и вслушивалась в тишину, ждала, когда в соседней квартире щёлкнет ключ звонка. Либо ждала, когда в дверь позвонят их тайным кодом. Ника ждала. Эльпис не приходила. Сон сломил её под утро. Ника проснулась и первым же делом пошла на лестничную площадку, постучаться в соседнюю квартиру. Она звонила и стучала, но дверь так никто и не открыл.

530 день после конца отсчёта

С полдюжины солдат Сопротивления окружили Аластора со всех сторон. Теперь-то он точно не позволит им себя связать. Допрос длился так долго, что стал утомлять его.

— Я всё ещё считаю, что его нужно расстрелять. — Настаивал на своём Зефир. Он был хорошо сложенным юнцом, на голову ниже Аластора, но дерзости и смелости ему точно было не занимать. — Пришёл непонятно откуда и неизвестно зачем, пытался убить девчонок. Мы подвергаем себя опасности, укрывая его тут.

— Мы и так в опасности всегда, — голос Кирки был басистым, грудным, а своеобразный акцент и манера слегка растягивать слова выдавали в ней коренную северянку. Такие как она, аборигены, были диковинкой даже в отменённых землях. Антропосы редко когда покидали родные племена, но Кирка даже выглядела слишком аутентично, чтобы сойти за полукровку. Неестественный лиловый цвет глаз — слишком откровенный признак, чтобы ошибиться. — Враг Акрополя — наш враг. И Алкид считает так же, как и я.

— С чего вы поверили, будто он — не шпион? — Настаивал Зефир. — Он же был в Акрополе, если я правильно понял. Что если, он приведёт сюда целую армию?

— Я был в тюрьме вместе с вашим Алкидом, — подал голос Аластор. — Так что обратно в Акрополь я не сунусь.

— Как тебе удалось выбраться из тюрьмы? — строго спросила рыжеволосая Веспер. В отличие от Зефира она не торопилась с выводами, пыталась взвесить всю ситуацию.

— С боем. — Хмуро ответил Аластор и, не церемонясь с окружающими, достал «карелию» из портсигара с бирюзовыми камнями.

— Он перестрелял всех, кого видел, — вставила Вестания. — Это было очень... сложно. Аластор понятия не имел, что девочка хотела объяснить этим словом. Веста не доверяла ему. Не мудрено. Он бы тоже себе не доверял после всего, что натворил.

— Но без него мы бы не спаслись! — выпалила Тереня. *Хотя бы одна из сестёр на моей стороне в этом суде.*

— Вы разве не утверждали, что он пытался вас убить? — в сотый раз уточнила Веспер. — Именно поэтому его связали, как только он шагнул в Некрополь.

— Да, это так. — Сказала Вестания.

— Он не за этим сюда пришёл, Веста! — не сдавалась Тереня. — Мы заключили договор.

— Дардан, неужели тебе не кажется, что слишком много разговоров? Дела должны решаться куда проще. — Зефир продолжал давить своё.

— Какой исход ты предлагаешь? Застрелить его? — спросил Дардан. — В данный момент я не вижу причин.

— С каких пор тебе стало мало причин? — Зефир терял самообладание. Аластор лишь с ухмылкой поглядывал на него, постукивая кончиком сигареты по портсигару. — Он сбежал из Акрополя, чуть не застрелил детей, припёрся сюда, запудрил им головы, а теперь качает права и хочет встречи с Алкидом! Покажи мне в Некрополе хоть одного человека, кто не хочет встречи. Я тоже хочу! Отведи меня к Алкиду, я служу ему второй год и не видел его!

Дардан был значительно старше большинства паствы Сопротивления. Лет ему было никак не меньше пятидесяти, короткая борода, глубоко посаженные глаза в рытвинах

морщин. По его спокойному и рассудительному нраву Аластор сразу почувствовал опытного бойца. Такие точно были необходимы армии, настоящие генералы, которые умели затыкать горячие головы вроде Зефира. *О субординации в рядах Алкида, кажется, не слышали. Заговори я таким тоном с Левиафаном во время учёбы, получил бы такую взбучку, что потом месяц пришлось бы ссать кровью.*

Дардан оказался куда более сдержанным в отличие от учителей Аластора.

— Алкид сам принимает решение с кем ему видется, а с кем нет. И зачастую открывает лицо тем, кто не состоит в его рядах. Я не вижу причин не позволить ему принять решение самостоятельно. Пусть Фрикс ходит, и мы получим ответ.

Веспер перевела обеспокоенный взгляд на Дардана. Казалось, даже её смутило решение генерала.

— Алкид всё ещё слаб. Не стоит беспокоить его по пустякам. — Осторожно обронила она.

— Я не собираюсь вести с ним разговоры о погоде. — Сказал Аластор. — У меня есть конкретные вопросы. Мне нужно понять, как покинуть город, и, если он действительно так гениален, как говориться в рекламе, он сможет дать конкретные ответы.

— Как будто мало у нас своих проблем, — огрызнулся Зефир. — А вы хотите довериться незнакомцу, за которого никто в Некрополе не смог бы поручиться.

— Рея знает меня. — Возразил Аластор. — И Ино. Это она привела меня в Акрополь. И пыталась завербовать.

— Что ещё за Ино? — Скривился Зефир.

От взгляда Аластора не ускользнуло то, как рыжая Веспер посмотрела на блондинчика Фрикса.

— Девушка-вербовщица. Странная немного, кривая какая-то... — он не знал, как помягче описать свои впечатления от встречи с Ино, и до сих пор не был уверен в её половой принадлежности. — Подцепила меня в трактире, потом позвала полицию.

— Достаточно, — оборвала его Веспер внезапно. Они с Фриксом обменялись многозначительными взглядами. — Иди. — Велела Веспер.

Парень моментально покинул место судилища и, молча, ушёл куда-то в коридоры Некрополя. Вестания долго провожала его взглядом. Казалось, часть её очень хотела бы последовать за Фриксом.

— Так бы сразу, — заключил Аластор и закурил сигарету.

— Эй! — окликнул его Зефир. — Здесь нельзя курить!

Аластор сделал намеренно долгую затяжку и демонстративно выпустил столп дыма изо рта. Подхваченный лёгким дуновением системы воздухообеспечения, дым потянулся к потолку.

— Ты не слышал? Затуши! — не унимался активист.

— Я тебе чем-то мешаю?

Кулаки приятно зачесались. Его прямо так и тянуло в драку. Раньше он специально вязывался в пьяные разборки на Краю. Это помогало отвлечься наравне с алкоголем, сигаретами и другими благами тамошних заведений. Теперь же Аластор мечтал набить кому-то морду, просто чтобы снять напряжение и спустить пса с цепи ненадолго.

— Здесь нельзя курить, — заявил Зефир.

— Я не подчиняюсь вашим правилам. У меня есть свои, — ответил Аластор. — Воздуха достаточно, чтобы дым выветрился.

— Аластор, перестань! — попросила Вестания, но было уже слишком поздно, чтобы остановить Цербера.

Он уже собрал силу в кулак для удара, как в зал выбежала девушка и мигом оказалась между ними. *Рея... проклятье!* Кулак сразу ослаб.

— Оба остановитесь немедленно! — закричала она даже прежде, чем остальные успели отреагировать.

Лицо Реи окончательно осунулось. Глаза провалились в бездонные ямы её горя. За считанные дни она потеряла всё, что у неё было. Любимого человека, ребёнка... Незнакомая Аластору сила воли не позволяла этой хрупкой на вид девушке сломиться. Что она вообще делала здесь, в царстве костей? В самом эпицентре беды, какие козни судьбы могли привести её сюда и задержать даже после всего, что она пережила?

Он вдруг поймал себя на мысли, что до сих пор держит сигарету в руке. Сделал последнюю затяжку и бросил на пол, прижав ботинком.

Его соперник смерил Аластора презрительным взглядом. *Жаль, что не вышло,* — согласился с ним наёмник.

Когда Аластора связали при входе в Некрополь, она снова плакала. Как-то особенно горько и надломлено. Потом Рею увели, и он не знал, что с ней было. Возможно, она спала, если потерявшая смысл жизни женщина вообще умела спать. Наверное, она была рада увидеть его без оков.

Странно, но, кажется, после смерти сына, она уже смирилась со всем остальным. Гибель мужа уже не могла её уколоть, как и гибель всего мира. Как она держится? Он помнил Алкиону. Беспокойную, готовую пойти на всё ради дочерей. Он помнил лица сестёр, когда сообщил им о смерти их матери. И, конечно, он вспомнил Эхо. Но с ней всё было по-другому, он любил запах её волос, любил гладить её кожу, любил целовать её и думать о том, что она живая, и о том, что они оба живые, нагие на этом алтаре конца света. Они были вместе совсем недолго. Он не успел ничего о ней узнать, не успел привыкнуть к ней, но Эхо удалось вдохнуть в него что-то совсем настоящее, она заставила его почувствовать тепло, она подарила ему смысл, когда разрешила войти в свой дом, тогда, после бесчисленных часов побега от своих собственных теней.

Воспоминания ожили в памяти, заставив его сердце болезненно сжаться.

Он поднял глаза на Рею. Она потеряла ребёнка. Мог ли он понять её, если тоже потерял кого-то важного? Он боялся заговорить с этой женщиной. Боялся ненароком ранить её, такую уязвимую.

— Это хороший человек, — вдруг сказала она, метаясь беспокойным взглядом по окружающим. — Пожалуйста, учтите моё мнение тоже.

Кем она была, что члены Сопrotивления должны были считаться с её мнением? Аластор понимал, что спрашивать это неуместно в данных обстоятельствах.

— Рея, пойдём, — Зефир смягчился рядом с ней. — Тебе надо отдыхать. — Он точно беспокоился за девушку. Аластор заметил это ещё и раньше, когда они шли по катакомбам. Может, хотел занять освободившееся место её мужа. Утешить. Женщинам в горе всегда нужно надёжное плечо. Однако она не давалась Зефиру так легко. Пронизанные болью глаза упрямо цеплялись за Аластора.

— Ты ещё будешь здесь? Я найду тебя позже? — с мольбой в голосе спросила она. Чёрные волосы обрамляли её измученное лицо. Она не выглядела совсем уж потерянной. Может, её напичкали таблетками?

— Держись, — обронил Аластор и сдержанно кивнул.

— С нами тень Алкида! — крикнула Рея напоследок. Кажется, кто-то из активистов поддержал её призыв, но Аластор не придал этому значения.

— Это ты помог им сойти с поезда? — Спросил Дардан, когда Рея и Зефир ушли из зала.

Он кивнул.

— Нот тоже рассказывал что-то о сильном бойце, который вывел людей из седьмого вагона «Призрака». — Добавила Веспер. — Он предлагал присоединиться к нам, но ты отказался.

— Мне это неинтересно. — Ответил он. — У меня уже есть работа.

— Да, потому что Аластор теперь работает на нас, — вставила Тереня уверенно.

— Хорошо, котёнок, не смею переманивать ваших солдат в свой лагерь, — Веспер выставила перед Тереней руки в слегка наигранном жесте. Кажется, она умела ладить с детьми, но вот от Аластора не укрылся вызов в янтарных глазах активистки. — Мне надо знать твои намерения, — сказала она прямолинейно.

— Я обещал их матери, что помогу им. — Ответил Аластор то, что уже повторил несколько раз. — Выбраться из города и добраться до Океании.

Он чувствовал, как рыжая просеивает его взглядом. Изо всех сил пытается опознать ложь.

— Поэтому пытался убить? — настаивала она.

— Я ошибся.

Аластор попросту не знал, как ещё объяснить ту жгучую тягу, что провела его через весь Акрополь и помогла добраться до Белизны. Как он мог объяснить этой женщине про ту жажду, что испытывал трёхголовый пёс в его сердце? *Я просто хотел покончить с этим. Как можно быстрее. Только я не принял в расчёт, что Алкиона не оценила бы такой спешки.* Он действительно устал жить. Он был готов расстаться с жизнью много раз. Когда завещал всё своё состояние Эхо. Когда сражался с Мантикором. Когда пришёл на закланье к Гектору. Но что-то упорно удерживало его каждый раз. И сейчас это были сёстры. Прежде чем Аластор расстанется с жизнью, он обязан искупить свой грех перед ними. Помочь Алкионе исполнить то, что она не смогла сделать. Помочь им спастись.

— Кто ты им? — спросила она, и бровью не поведя. Он возвышался над ней, пусть она и была не низкого роста, Веспер пришлось распрямить плечи и приосаниться, чтобы давать ему отпор. Аластор хотел подойти к ней ещё ближе, но при малейшем его движении он заметил, как Дардан тоже подался вперёд, поэтому решил не начинать стычку.

— Телохранитель, — произнёс он вместо этого. Кажется, она не поверила. — В отличие от тебя, я вытащил их из Акрополя, — напомнил он. — Я был там, когда вы спасали своего Алкида. Так что теперь у меня такое же право увидеть его, как и у них.

Она ещё несколько секунд держала эту осаду. Они оба вели себя, как звери, и это нравилось Аластору. Как две злые собаки, стояли друг напротив друга, вздыбив холки и оскалившись, оценивая противника перед нападением.

— Ладно. Но мы не закончили, — согласилась она, наконец. — У меня осталась пара вопросов, чтобы задать тебе с глазу на глаз.

— Мы встретимся с Алкидом. — Не отступал Аластор. — Потом поговорим.

В этот момент стычки вернулся Фрикс. Он не проронил ни слова, лишь кивнул Веспер, и та сказала рассеянно:

— Пошли, — после чего вывела их из зала. Дардан остался на месте, ничего не сказав. За Веспер пошли Фрикс, Аластор и сёстры.

Неужели им и вправду доведётся увидеть Алкида? Обычно Аластор возвышал себя над остальными. За годы работы в «Скиесе» он привык отбирать жизни, и те, кто воспринимал убийство как что-то сложное или неправильное, казались ему слабаками. В таких, как Зефир, он с первого взгляда опознавал выскочек, Фрикс казался ему смехотворным, а девушек Аластор просто не мог рассматривать в качестве бойцов, но вот Алкид его интересовал. Всё то, что ему довелось услышать о подвигах этого безумного и бесстрашного лидера революции, казалось ему занятным. Аластор хотел встретиться с ним, чтобы проверить, остались ли в мире ещё равные ему.

Кажется, сознавая значимость этой дороги, сестры не разговаривали, Аластор не знал, о чём они могли думать. Сам он испытывал самое сладкое предвкушение за последние дни. И ещё интерес, который пробуждал в нем этот мистический человек. Так же он шёл на встречу с Мантикором, думая о том, что встретит равного себе. В итоге же он обнаружил блеклое подобие искусного убийцы, сломанного, как и он сам. Ещё один бешеный пёс.

Коридор из костей оказался новым лабиринтом. Может, не таким запутанным, как тот, по которому они шли в «оссуарий», однако стоило отдать должное Сопротивлению, они были мастерами игры в прятки. *Только от властей вас это не спасёт. Если потребуется, они разберут тут каждую кость или просто обрушат потолок на ваши головы.*

Спустя некоторое время они стали спускаться ещё ниже, пока, наконец, не добрались до железной двери, смотревшейся здесь ни к месту. Аластор догадался, что стены, традиционно обложенные костями, были по меньшей мере бетонными. Железная дверь была на кодовом замке, который, наверняка, знало очень ограниченное количество людей. Алкида они берегли что надо, стоит отдать должное. Как же янтарям удалось его схватить?

— Правила такие, — сказала Веспер. По голосу Аластор понял, что она и сама волнуется. — Вы оставляете всё оружие здесь. — С этими словами она взглянула на Аластора. — К Алкиду запрещено приближаться, если он сам не приблизится. К нему запрещено прикасаться, если он этого не сделает первым. На протяжении всего вашего присутствия там, мы с Фриксом будем находиться рядом, если Алкид не попросит нас уйти. Нарушите правила, и мы уведём вас. Это понятно?

— Попахивает маразмом, — отметил Аластор, но бросил мешок с винтовкой на пол и разоружился.

— Мы всё поняли, — сказала Тереня.

Фрикс поднял оружие Аластора и отнёс подальше от входа. Наёмник проводил его долгим взглядом.

— Трость тоже, — сказала Веспер.

— Ты серьёзно? — поднял он бровь.

— Мы всё изучили, пока ты был связан, — ответила она. — Оставляй здесь.

— Очень наблюдательно, — оценил он, бросая трость на пол.

Убедившись, что всё в порядке, Веспер ввела пятизначный код, прикрыв панель с цифрами рукой. Замок щёлкнул, объявив о том, что дверь разблокирована. Девушка толкнула её и вошла внутрь. Аластор дал девочкам жест следовать за ним и пошёл первым.

Самый охраняемый зал Некрополя по размерам явно уступал остальным или, во всяком случае, тому, в котором состоялось судилище. Потолок был достаточно высоким, но всё равно казался гнетущим, нависающим над головой, как свод неба во время грозы. На

обшарпанных стенах тоже висели электрические светильники, первое, что бросалось в глаза — это отсутствие костей в оформлении комнаты. *Лицемерие*, — решил Аластор. Зачем тогда Алкид так гордился своими катакомбами, заставляя любоваться ими свою армию, но не предоставил такой радости себе?

Из мебели в комнате стоял огромный платяной шкаф, лабораторный стол, полный колб с разноцветными жидкостями, правая стена была завалена книгами, толстые тома образовывали хаотичные горы, некоторые из которых чуть ли не дотягивались до потолка, прямо на полу были разложены какие-то чертежи и формулы. В глубине зала, поделённого на две части бархатной бордовой занавеской, можно было заметить второй рабочий стол, на котором были свалены незнакомые Аластору механические и технические приборы. Внимание также привлекал и поставленный в центре экспозиции огромный аквариум. Приглядевшись, Аластор отметил, что рыб внутри не было, зато по стенкам ползали несколько дюжин улиток. Совсем уж странную композицию представляли собой два манекена — мужской и женский. Части тела кукол, кажется, были на шарнирах, и поза, в которой они стояли, не могла смахивать ни на что другое, как на половой акт. Оба манекена были почти голыми, на девушке красовался белокурый парик, на поясе мужчины висел толстый кожаный ремень с железной бляшкой, впрочем, брюки отсутствовали.

Аластор едва успел окинуть взглядом всё убранство помещения, пытаясь составить первичное впечатление об Алкиде и понять, что это мог быть за человек, как тот вышел из-за бордового занавеса.

— А что вы думали, я буду сидеть в кресле, поджидая вас и зловеще посмеиваться? — спросил он. Его появление выбило Аластора из колеи. Это был невысокого роста человек, с худым и хилым строением тела и проблемной кожей на кривом лице. Больше всего в глаза бросалась причёска. Половина головы на длинной шее была покрыта редкими чёрными волосами, вторая представляла собой скопление тонких прядей, окрашенных в разные цвета — от жёлтого до фиолетового, здесь волосы были гуще и почти достигали плеч. Прежде, чем они успели что-то сказать, Алкид остановил их жестом длинных тонких пальцев. — Нет, ладно... почему-то люди всегда хотят увидеть нечто ужасное, а потом выхожу я, и вижу разочарование на лицах. — Он снова жестом заставил их помолчать. — Хорошо, давайте я оправдаю ваши ожидания! Притворимся, что вы ещё не вошли...

Он вдруг вернулся за занавес, после чего вытащил оттуда деревянное кресло с алой обивкой, поставил его перед аквариумом, прямо напротив вошедших, уселся на него, закинув ногу на ногу, положил локоть на подлокотник и упёрся пальцами в подбородок. Растянув губы в искажённой улыбке, Алкид вдруг принялся смеяться низким грудным смехом. Сцена, на взгляд Аластора, продлилась слишком долго, но им не оставалось ничего, кроме как следить за этим цирком.

Отсмеявшись, Алкид резко переменился в лице, стал серьёзным и напустил на себя важный вид:

— Так достаточно зловеще? — Кажется, девочки покивали в ответ. — Отлично, — с этим он поднялся с кресла и, галантно спрятав руку за спиной, предложил им жестом войти. — Добро пожаловать в мою «обитель теней». Вesper много рассказывала о вас, потому рад знакомству. И счастлив видеть тебя снова, Аластор, мир поистине тесен, не так ли?

При этом Аластор остолбенел.

— Ты знаешь меня? — удивился он.

Вдруг нечто странное произошло с Алкидом: он напряг мышцы лица, так что оно несколько изменилось в выражении.

— Угостишь девушку табаком, ясноглазый? — промяукал кошачий голосок, после чего Алкид вновь расхохотался.

— Ино? — удивился он. — Я не понимаю...

— Да, мне многое придётся объяснить, — согласился Алкид, вернувшись в свой первичный облик. — Проходите внутрь, мы поговорим.

Что, мать его, происходит? — думал Аластор, оглядываясь на Веспер и ожидая хоть какого-то объяснения. Рыжеволосая девушка никак не отреагировала на представление, разыгранное Алкидом, и не прокомментировала его слова. Девочки выглядели сбитыми с толку не меньше его самого. *Так скоро можно вообще перестать удивляться,* — подумал он, идя следом за хозяином в соседнюю часть зала, скрытую занавесью от глаз.

— Про сигареты, это я серьёзно, кстати, — на полпути к занавесу обронил Алкид. — Ты думаешь, я зря проводил здесь вентиляцию?

Аластор, может, даже посмеялся бы над этим высказыванием, вспомнив недавнюю стычку с Зефиром, но сейчас нашёл в себе решительности только на то, чтобы протянуть Алкиду «карелию».

— Благодарю тебя, ясноглазый. — Алкид поджёг кончик маленькой чёрной зажигалкой. — Садитесь, — сказал он, указывая на массивный диван и несколько стульев, расставленных в центре второй части комнаты. Аластор обратил внимание на то, как старательно он держал спину прямой, однако проходя позади лидера Сопротивления, наёмник все-таки заметил небольшой горб на спине. Алкид перехватил его взгляд и елеяно сузил глаза разного размера и оттенков. — Фрикс, будь добр, захвати моё кресло, а потом присоединяйтесь к нам, — бросил он своей свите.

Аластор пропустил девочек вперёд, позволил им сесть, потом занял место ближе к активистам. Он начинал привыкать к своей новой работе и поступал почти инстинктивно, она немногим отличалась от профессии наёмника — просто теперь приходилось действовать, толкаясь от обратного, или рассматривать всех окружающих в роли потенциальной жертвы. Вестания и Тереня были явно сбиты с толку. Интересно, а кого они ожидали увидеть?

— Ты — Алкид? — уточнил Аластор на всякий случай после того, как все расселись.

— Торжественно клянусь, — положил он руку на сердце, а второй стряхнул пепел в забитую окурками пепельницу на маленьком столике.

— Это ты — «Перфекция»? — не отступал Аластор.

— Это я — «Перфекция», — согласился Алкид. — На какой вопрос ты ещё жаждешь услышать ответ?

— Какого хрена..? — предложил Аластор.

— Я так и подумал, — улыбнулся он.

— Меня больше интересует, как вы познакомились, — подала вдруг голос Вестания после долгого молчания.

— Меня тоже, — сказала Веспер. — Ты ничего о нём не рассказывал. — Обратилась она к Алкиду, на что тот, устроившись в кресле поудобнее, приступил к объяснению.

— Ну, что ж, видимо, мне многое придётся рассказать сегодня, чтобы восполнить все ваши пробелы, возникшие из-за тайны моей личности. Мы начнём именно с этого, затем я бы хотел поднять ещё один вопрос, связанный с вами двумя, — он кивнул на девочек. — Но

мы придём к этому. Итак, я должен ответить на первый вопрос Аластора. — Он улыбнулся. — О хрене. Как правило, он вызывает больше всего непонимания. Вы, наверное, заметили аквариум с улитками у входа? — Тереня, молча, покивала. — Меня всегда привлекали эти создания, хотя держать их в качестве домашних питомцев — скорее прихоть, чем хобби. Мы во многом похожи с этими улитками, потому что среди них не существует ярко выраженных мужских и женских особей. Оба представителя могут выступать или самцом, или самкой, и, как бы это ни звучало...

— Ты — андрогин? — Прервал его Аластор.

— Да, это называется именно так, — подмигнул ему Алкид. — На самом деле история моего прошлого не такая увлекательная, как могло бы показаться на первый взгляд. Вы знали, что частичный андрогизм — явление довольно распространённое, в основном среди девушек? Это тот случай, при котором родители сами вправе выбирать пол ребёнка. В Харибде проводят операции, после которых дети могут вести вполне нормальную жизнь, не очень выделяясь среди сверстников. Однако мне не так сильно повезло.

Во-первых, мать сдала меня в приют, во-вторых, мой случай на корню отличался от наиболее распространённого. Сколько лет я ни провёл впоследствии, изучая медицину, я не нашёл описания абсолютного андрогинизма ни в одной книге. По набору хромосом, по внешним и внутренним органам, по их функциям и даже по психологическому воззрению, я — одновременно и в равной степени и мужская, и женская особь. — Он выдержал торжественную паузу после этой фразы и нагнулся к столу, чтобы затушить сигарету. — Доселе это описывалось только в мифах о перволюдях. Так что вам выпала большая честь беседовать с кем-то уникальным. — Алкид расплылся в гордой улыбке, откинувшись на спинку и, видимо, смакуя момент. — Однако, как вы успели заметить, моя особенность не принесла мне много радости в жизни. Никто не прячется в подземелье из тех, кто полностью доволен положением дел. Что же касается общественного мнения, вы сами сейчас испытываете не восторг, а брезгливость, слушая мои слова. Данность есть данность. Будь то гены, мутация или, наоборот, новый виток в эволюции, для людей существуют определённые нормы, которые они принимают, есть некоторые отклонения, с которыми они готовы мириться, но в моём случае непохожесть была слишком огромной и мерзкой, чтобы общество могло принять меня.

Это стало понятно ещё в детстве, пусть я и почти не помню тот период, я знаю, что было. — Он переменялся в лице, став более задумчивым. Зелёные глаза слегка поблекли и уставились в пол. — В приюте меня считали чудовищем. Они бы обрадовались, если бы я однажды ночью задохнулся от крика и не проснулся, одним уродом меньше, и мир сделался бы чуть красивее. Но только я продолжал орать, потому что хотел есть. Старшие дети отбирали мою еду, и я не мог сказать об этом, потому что на тот момент существенно отставал в развитии. Я выживал из ночи в ночь. Не знаю, насколько бы меня хватило. И не знаю, во что бы они превратили меня в итоге. Конечно, тогда я не знал о своём отклонении, я просто знал, что не похож на других детей, что это неправильно, и что они ненавидят меня из-за этого. Они любили смотреть на меня, но только, чтобы поиздеваться. — Алкид театрально провёл пальцем под глазом, как если бы хотел смахнуть слезу, вот только по выражению его лица становилось понятно, что особой грусти он не испытывает. — Возможно, что, в конце концов, их шалости бы и зашли слишком далеко, но этого не случилось, потому что моё медицинское дело добралось до властей, которые всегда проявляли огромный интерес ко всем необычным отклонениям. Так из приюта в Харибде я

попал в лабораторию Акрополя. За что не могу обвинить их никогда, так это за то, что они явно спасли мою жизнь и раскрыли потенциал, о котором сами не подозревали.

Думаю, можно назвать это удачей. Акрополь был одержим своим новым проектом по созданию идеального человека, они искали детей с потенциально высоким интеллектом, чтобы превратить их в «Перфекцию», совершенство мысли, созданное людьми в лабораторных условиях. Я попал в эту программу и в дальнейшем, после ряда тестирований, превзошёл остальных испытуемых. Не знаю, почему так вышло. Мне было около пяти лет, когда я попал к ним, я не умел говорить и почти не ходил. К девяти годам в умственном развитии я уже ничем не отличался от других детей, к пятнадцати я опережал даже многих взрослых. Они создали идеальные условия для развития всех моих талантов, я стал их «Перфекцией». Однако, как только они заполучили меня, они поняли, что могут создать даже нечто большее, чем «Перфекцию», они решили вывести новый биологический вид. Мне вкалывали какие-то препараты, пичкали гормональными таблетками, облучали, брали бесчисленные анализы, тесты, били током и так далее на протяжении всей моей жизни.

Мысль о восстании пришла не сразу. Думаю, когда её зародыш только появился во мне, я и не обратил на него внимания, тем не менее, постепенно я всё больше обдумывал эту идею, взвешивая возможные варианты, планируя свои действия, раздумывая о том, где и как найти людей. Последнее, кстати, оказалось самым простым. У меня даже был страх, что кто-то опередит меня с Сопротивлением. В основном то, что нужно было людям — кто-то, кто позовёт их, поднимет знамя, которое они готовы нести. Я знал, что в этом случае я останусь не у дел, потому что я чувствовал отчаянную тягу к лидерству и не желал больше никому подчиняться. Иронично, верно? — Глаза вновь кровожадно сверкнули, нацелившись на гостей. — Из объекта издевательств, парии я стал самым выдающимся народным лидером, притом держа в тайне свою личность, прячась в катакомбах. Это, кстати, тоже благодаря властям. Забавно, но я нравился им. Как только они забрали меня из приюта, где я пытался понадежнее спрятаться, чтобы не быть осмеянным или побитым, в Акрополе я каждый день слышал лишь то, какой я уникальный. Не знаю, могли ли они тогда предположить, какую мощную силу растили, скорее всего, если бы да, то я был бы уже мёртв. Они, наверняка, верили, что вся доброта, которую они ко мне проявили, затмит всё остальное, что я буду благодарен им и принесу своё тело во благо их безумных экспериментов. Думаю, власти бы попытались рано или поздно проверить, смогу ли я зачать. Тогда бы история стала совсем занятной. Представьте, что можно будет сделать с *таким* ребёнком. Вот только я видел всё, что они творили на задворках у мира. И я знал, что должен и могу их остановить. Ещё тогда я хорошо знал психологию, и я мог притворяться покорным и безопасным, обманывая их и водя за нос на протяжении лет. Я терпел и позволял делать с собой всё, что они хотели, главной целью было, как можно больше узнать о них и разработать план. На это ушли годы. Приготовив всё, обдумав и просчитав каждый свой шаг много раз, я поднял восстание. Дальнейшее, я думаю, вы уже могли слышать. Тогда мне удалось увести из Акрополя группу новоиспечённых солдат, которые стали впоследствии преданными товарищами в бою. — Он выставил руку, указав на Веспер с Фриксом. — Увы, немногим удалось дожить до сего дня, но их жертва стоила свеч. — После этого Алкид решил выдержать паузу, позволив высказаться другим.

— Мы тоже готовы принести любую жертву, если это потребуется, — сказала Веспер. Её глаза по цвету очень походили на волосы.

— Так вы двое спите с ним? — прямо спросил Аластор и почувствовал, как смутились

Вестания с Теренеей. Рановато для них слушать такие разговоры, но Алкид сам позвал их сюда. Хотели правды — получайте.

Огненный взгляд Веспер обжёг его. Настоящая хищница, готова была наброситься и разорвать лицо любому, кто оскорбит её хозяина. *У нас у каждого есть свои хозяева.*

— Веспер и Фрикс вольны поступать так, как им вздумается, — сказал Алкид невозмутимо. — Но я требую преданности от своих последователей. Без них я бы не забрался так высоко, а без меня они бы оставались на поводке у Акрополя. Слишком долго находясь в статусе унижаемого, я научился уважать людей. — Произнёс он. — Все, с кем я делю постель, совершили добровольный выбор.

Аластор видел, с каким видом Веспер слушала его, буквально проглатывала каждое слово, едва оно успевало сорваться с обветренных губ. Здесь сомнений быть не могло, она обожала Алкида, превозносила и любила его всем сердцем. Фрикс вёл себя сдержанно, не произносил ни слова, просто наблюдал за остальными. Его загадочность не нравилась Аластору, он от природы не любил чрезмерно скрытных людей.

— Итак, как вы уже поняли, завладев таким высоким положением после побега из Акрополя, немедленно возникла главная проблема, связанная с безопасностью. Веспер, я и ещё несколько революционеров, которых уже нет среди нас, решили сохранить мою личность в строжайшей тайне. Во-первых, в целях безопасности моей жизни, во-вторых, так было выгоднее со стороны рекламы: людям свойственно испытывать большее восхищение перед персонажами, которые хорошо скрываются. Тайна вызывает интерес, интерес приводит к пониманию, понимание к поддержке, а поддержка к преданности. Если уж мы решили свергнуть правительство, то вполне очевидно, что лидер Сопrotивления должен оставаться максимально незаметным. Постепенно тот Алкид, которого мы создали слухами, нарастал, словно снежный ком, став чем-то ужасным в глазах не только населения, но и властей. Конечно, я не желал всё время оставаться под землёй. Были определённые дела, с которыми никто бы не справился, кроме меня, да и, признаться честно, мне всегда нравилось вылезать наружу, слушать новые сплетни о себе, общаться с другими активистами. Так я стал переодеваться. Мой облик позволял мне перевоплощаться и в женщин, и в мужчин, что дало большой простор для самых разных образов. Ещё будучи в Акрополе, я тренировал пластику лица, предвидя подобное развитие сюжета. Должен сказать, страсть к парикам тоже появилась там. Я остался без волос ещё в юности, в чем также виноваты власти. Они спровоцировали многие дефекты моего тела, но я знал о многих тех, кто понёс куда более страшные изменения в лабораториях и тюремных камерах, потому, опять же, принимал всё за данность.

— Мы любим тебя таким, Алкид, — вдруг подала голос Веспер. — Мне всё равно.

— Я знаю это, моя звёздочка, потому ценю вашу преданность, — улыбнулся он ей. Кажется, Веспер осталась неудовлетворённой таким холодным высказыванием, но больше ничего не сказала. — Одним словом, Аластор, Ино была одним из моих образов. Мне было приятно познакомиться с тобой тогда, ясноглазый, — он улыбнулся, обнажив белые зубы. — И не менее приятно встретиться снова. Нам с тобой довелось угодить в Акрополь в один день. Так что мы стали друзьями по несчастью.

— Ты знал о девочках, — вдруг вспомнил Аластор. — Это ведь ты указал мне, что они в Акрополе.

— Что?! — воскликнула Вестания. — Откуда вы знали о нас?!

— Терпение, мы скоро придём сюда, — пообещал Алкид, остановив её жестом. — Он

уже хотел продолжить свой рассказ, но Вестания слишком долго ждала этой минуты.

— Он хотел нас убить! И вы указали ему на нас!

Веспер напряглась.

— Начнём с того, что я не знал о намерениях Аластора, — заявил Алкид. — Однако, как я могу заметить, всё обернулось совсем неплохо для всех. Верно, Аластор? Помнишь совет шлюхи?

— Пошёл ты, Алкид! — оскалился мужчина.

— Как вы узнали, где мы? — спросила Теренея.

— От Веспер, как же ещё? Вы всё ещё слишком торопите мой рассказ, прекрасные создания. Хотя, впрочем, я и так слишком долго рассказываю о себе, может, нам и вправду пора сменить тему.

Они с Фриксом переглянулись. Аластору не понравилась глубина и интимность этого обмена, слишком много всего было между ними двумя в этот миг.

— Фрикс, как вы успели заметить, поручил мне не только своё сердце, но и язык.

Аластор хотел добавить к списку органов ещё и член, но удержался, вовремя подумав о сёстрах.

— Так вот, сначала, когда Веспер рассказала мне о двух девочках, прибывших в Термину на «Восточном Вестнике», я не придавал тому значения. Но потом мне удалось переговорить с Фриксом, и он сообщил мне очень ценную информацию о вас двоих.

— Какую? — не поняла Теренея. Алкид специально выдерживал паузу.

— Как я понимаю, вы обе не знаете об этом сами? — спросил он, однако, не дожидаясь ответа, продолжил: — Могу я задать вопрос, как много вам известно о ваших родителях?

Вопрос озадачил и Аластора. Почему вообще Алкида интересовала такая информация?

— К чему это? — спросил он первым. — Я знал их мать, она была честной женщиной.

— Как я понимаю, Аластор, ты не связан с ними двумя кровью, потому не лезь туда, о чём не знаешь. — Мигом осадил его Алкид. — Меня интересуют оба родителя.

— Мама родилась и жила в Сцилле, — ответила Вестания. — Отца мы не знали. Он бросил нас в детстве.

— Неправда! — тут же вспыхнула Теренея. — У него была причина оставить нас.

— О, тогда я не сомневаюсь в том, что была, — покивал Алкид.

— Вы знаете его? — Спросила Тера, её лицо озарилось свечением. — Расскажите!

— Я не знаю его, — сразу же заявил Алкид. — Однако, сдаётся мне, я знаю, кем он был, и почему ему пришлось уйти. — Он опять нагнал на себя таинственный вид и помолчал несколько секунд, смакуя напряжение в воздухе. — Фрикс сказал мне, что заподозрил это, как только увидел вас. Что-то есть в вашей внешности, несвойственный разрез глаз, необычные цвет и структура кожи, совсем незначительные черты, особенность цвета волос... в общем, с девяностопроцентной вероятностью, ваш отец был... мягко скажем, не местным.

— Вы хотите сказать... — но Вестания не осмелилась произнести это вслух.

— Вы наполовину гиперборейки, — озвучил Алкид. — Да, может звучать резковато, но вам придётся с этим смириться.

— Нет... не может быть, — Вестания была подавленной. Аластора это не удивляло, он и сам не ожидал услышать от Алкида что-то подобное. *Гиперборейки*, — подумал он. — *Звучит, как приговор.*

— Я знала, что он не бросил нас просто так! — тут же обрадовалась Теренея. — Веста, я

же говорила, что он бы никогда нас не бросил!

Видимо, Вестания не нашла в себе сил ответить ей что-то.

— К счастью для вас, мало кто может уловить эту разницу. — Продолжил Алкид. — Фрикс тоже гипербореец, многие не замечают этого, но чувствуют принципиальное различие. В вашем случае гены матери уберегли вас от лишних проблем. Не могу даже представить, как вашим родителям удалось провернуть такой трюк, как ему удавалось провести в Ойкумене столько лет и не попасться янтарной полиции. Вам ведь известно, что любые контакты между Ойкуменой и Гипербореей строго запрещены. Фриксу удаётся скрываться все эти годы только потому, что он хороший шпион. Вам двоим повезло, что мама с папой так умело скрывали от остальных ваше происхождение. Сложно сказать, чем власти могут покарать такое кровосмешение.

Аластор никогда не видел никого из жителей второй державы. Во всяком случае, не знал, что видел. Между Фриксом и девочками действительно можно было заметить нечто общее, точнее, перекликающееся. Если они и вправду принадлежали к расе Гиперборей... то, впрочем, что это меняло для него? Он поклялся их охранять, не важно, кем они были.

— Я не могу в это поверить, — заявила Вестания.

— А, по-моему, это все объясняет! — тут же вставила её сестра. — Именно поэтому мама ничего не рассказывала об отце, поэтому мы не знали, почему ему пришлось уйти. Все просто! Он сделал это, чтобы не подвергать нас риску, и ещё затем, чтобы спастись самому, вот и всё!

— Тера, помолчи! — прикрикнула она на младшую.

Вестания спрятала лицо в ладонях. Её дыхание стало частым и прерывистым.

— В порядке? — спросил Аластор тихо.

Сначала она не ответила, потом с неохотой кивнула. *Похоже, её тошнит.*

— Дайте ей воды, — потребовал Аластор.

— Нет, со мной всё хорошо. Не трогай меня! — огрызнулась она, когда он попытался положить руку ей на спину.

— Мне жаль, что пришлось огорошить вас обеих этим известием, — сказал Алкид, хотя по его тону Аластор не поверил в сожаление. — Но я считаю, вы должны были знать.

— Вы знаете, как найти папу? — спросила Тереня.

— Из Гиперборей новостей нет с обнуления отсчёта, — ответил Алкид. — Но есть основания полагать, что она удержалась от атаки. — Он почему-то теперь пристально смотрел на Вестанию. Девушка все ещё не могла прийти в себя. — Девочка, с тобой точно все хорошо? — спросил он.

— Я же уже сказала, — по голосу Аластор понял, что она готова заплакать. — Я просто очень устала... мне надо побыть одной...

Алкид резко поднялся с места, Веспер вздрогнула от этого, хотела последовать за ним, но он, не обращая на девушку внимания, остановил её жестом. Лидер Сопротивления подошёл совсем близко к ним, миновал Аластора и остановился возле Вестании, согнул ноги в коленях и присел напротив неё. Наёмник нагнулся вперёд просто интуитивно, сознавая, что должен был так сделать.

— Дитя, позволь взглянуть на тебя, — вблизи Алкид выглядел ещё более странным и неправильным, можно было рассмотреть все шероховатости его лица, резкие изгибы, кривые гротескные черты.

Вестания убрала руки от лица, но, похоже, боялась смотреть на него прямо или

испытывала брезгливость. По её приоткрытому рту Аластор понял, что она хотела спросить что-то вроде: «Что вы хотите сделать», но Алкид опередил её, приподнял подбородок повыше, а второй рукой развернул её голову так, чтобы на неё упало больше света. Вестания опешила, впрочем, как и все остальные присутствующие в комнате.

— Тише, больно не будет, — мягко, но равнодушно пообещал Алкид. — Мне так всегда говорили в Акрополе, никогда, кстати, не верь этой фразе, — зачем-то добавил он. — Отведи глаза в сторону. Нет, направо, не на лампу... да, вот так.

— Что ты делаешь? — разозлился Аластор. Он видел, как Вестания напряглась всем телом, пытаясь стерпеть руки андрогина на своём лице. Наёмник чувствовал себя обязанным помочь ей.

— Вы что-нибудь слышали о тенях? — спросил Алкид, в конце концов, отпустив девушку.

— Тени? — переспросила Тереня, не сводившая глаз с революционера.

— Что вообще ты несёшь? — вставил Аластор. Алкид поднялся на ноги, и наёмник был готов воспрепятствовать любой его попытке ещё раз приблизиться к девочкам.

Андрогин поднёс руку к груди, затем выставил её перед собой в любимом жесте Сопротивления.

— С нами тень Алкида! — изрёк он гордо и громко. Аластор не заметил, но ему показалось, что Веспер и Фрикс быстро повторили жест. — О тенях то и дело где-то вскользь говорят. Тени в представлении всех религий, даже верующих в один Хаос, это души покойных. Потому мы и говорим про тень Алкида, то есть про его дух. — Объяснил Алкид. — Но всё несколько сложнее. Если кратко — то вся проблема именно в тенях.

— В смысле — проблема? — не поняла Вестания. — Какое это имеет отношение ко мне?

— Не хочу пугать тебя, милое создание, — сказал он с таким видом, словно соврал, — но самое прямое. В общем, если мы обратимся к любой из религий, не беря в расчёт пантеон богов, которым они и разнятся, мы увидим очевидную закономерность в картине загробного мира. В Акрополе мне удалось найти несколько книг, точнее, несколько томов «Дороги к Элизию». В них описан образ загробного мира и тот путь, что проходит душа после смерти. Сложно сказать, но, скорее всего, эта версия Аида верна, хотя бы отчасти. — Алкид стал прохаживаться взад-вперёд по помещению. — После смерти человека у души есть три возможные дороги. Хорошие идут в Элизий, плохие — в Тартар, но есть и третий путь, о котором мы редко слышим, потому что это не дорога, а бескрайнее поле. — Он остановился, желая предать следующей фразе как можно большую значимость. — Асфodelевы поля. — Кривая улыбка исказила его лицо. — Спит она среди цветов, Белых, в царстве вечных снов... — Строчка напоминала какое-то очень древнее стихотворение. — Обитель самой смерти. Именно это место уготовано тем, чья душа серая, в просторечье их называют тенями. Их удел скитаться вечность по Асфodelевым полям, не помня ни себя, ни своей прошлой жизни. Конечно, их это не устраивало. В Элизий и Тартар им нельзя пройти, но они смогли прорваться в мир живых, в Ойкумену и Гиперборею, может, и в Океанию, если та существует. Они стали похожи на паразитов, пристают к человеку и затем пытаются вытеснить его собственную душу, подменив её собой. Зачем им это нужно, сказать уже сложнее, к тому же мне попадались разные виды теней с разными намерениями. Что их объединяет, так это эффект, оказываемый на носителя — обычно это беспокойство, чувство тревоги или панические атаки, равнодушие и потеря вкуса к жизни, боязнь или неприязнь

света, холодок на сердце, отчаяние и частичная потеря памяти, так как сами тени не помнят своего прошлого. А ещё отсутствие снов.

Аластор посмотрел на Вестанию. Она очень испугалась, но по ней было заметно, что ей знакомо то, о чём говорит Алкид.

— Сожалею, дитя, но в тебе сидит тень. — Заключил он безжалостно.

— Откуда вы знаете? — прошептала она надломленным голосом.

— Что ей надо? Что будет с Вестанией? — воскликнула Теренея, не менее напуганная.

— Теней можно научиться видеть, — сказал Алкид, обращаясь только к Вестании. —

Ты сама можешь увидеть её. Для этого отведи глаза направо, но обрати внимание на левый нижний угол. Там ты заметишь свою тень.

Вестания последовала совету Алкида. Когда она с испугом моргнула, а затем утёрла слезы, Аластор с сожалением понял, что Алкид не ошибся.

— Никто не знает, что именно движет тенями, цыплёнок, — ответил он на вопрос Теренеи. — По своей сути тень не желает оказывать влияние на твою сестру. Помнишь, они не добрые и не злые, серые. Я встречал людей, которых тени сводили с ума, большие сильные тени. В случае с Вестанией всё немного лучше, её тень не так мощна.

— Ты знаешь, как достать её? — спросил Аластор, глядя на Вестанию, пытаясь рассмотреть что-то инородное в ней, но не мог увидеть. По затянувшейся паузе, он понял, что ничего обнадеживающего не услышит.

— Убрать её полностью, скорее всего, нельзя, — сказал он. — По своей природе любая душа не исчезает бесследно до тех пор, пока не попадёт в Элизий или Тартар. Во всяком случае, я никогда не слышал о том, что кому-то удавалось прогнать тень. Но с тенью можно договориться. Как показывает практика, чем больше носитель знает о тени, чем лучше чувствует её, тем они лучше уживаются с ней.

— Просто скажите, что мне делать, — попросила Вестания. Аластор ещё не видел её такой. Слезы застыли в глазах, озарив её взгляд пугающей силой и уверенностью. Такой же была Алкиона, когда говорила о своих дочерях.

— Ты знаешь, дитя, когда она могла вползти в тебя? Обычно это момент замешательства, сильного потрясения. Люди становятся уязвимы в этом состоянии.

— Это было в семь лет, — произнесла она уверенно после короткой паузы. — Но я не помню ничего до этого момента.

— К счастью, девочка, у меня есть средство, которое поможет тебе вспомнить всё, — улыбнулся Алкид.

— Вы введёте её в гипноз? — спросила Теренея.

— О! Нет, цыплёнок. Гипноз — для слабаков. Я использую наркотики. — Ослабился Алкид.

530 день после конца отсчёта

Раз-два, небо-земля.

Всё ниже и ниже, по плавной дуге. Она скользила так глубоко, туда, куда никогда не могла забраться самостоятельно. Только теперь всё казалось таким ярким, таким понятным и доступным. Сладкий привкус травы, тонкие струйки дыма, которые закручивались в тугую спираль. Река больше не подсакивала на очередном пороге. Теперь она кружилась по этому кольцу, проваливаясь в сердце водоворота. Только вниз. До предела.

Три-четыре, выше-шире.

Эти шаткие опоры её прошлого, наконец, высились прямо перед ней, вокруг неё. Она могла видеть так глубоко, рассмотреть дно с края пропасти. Или она купалась прямо в ней? Понятия стали такими стёртыми. Верх и низ не играли никакой роли. У глубины не бывает дна. Спираль может виться лишь в одну сторону.

Пять-шесть, счастье есть.

Она видела всё ясно и чётко. Видела свою жизнь от начала и до конца, сквозь границы времени. Она видела свою смерть от финала до истока, именно такой, какой она была. И она видела те далёкие дни, когда она была чиста, до того, как тень начала пожирать её душу. Тогда всё было легче. Сердце весило не больше, чем пёрышко. Дышалось так свободно. Там не было ничего.

Семь-восемь, лето-осень.

И она видела день, когда всё закончилось. Ту отправную точку, в которой она никак не могла оказаться. Детская площадка. Вечер. Она пришла туда вместе с отцом. Как она могла это забыть? Конечно же, он был там. Она видела его лицо, он улыбался, только с ним было что-то не то. Тогда она не могла этого понять. Теперь она это видела. Его лицо, было в нём нечто странное. Но ей тогда было хорошо. Она была с ним вместе. Они были.

Девять-десять, звёзды-месяц.

Он ведёт её за руку. Прикосновение его руки, как она могла забыть? Она смотрит на него, хочет заглянуть ему в лицо, но он такой высокий! Ей никогда не рассмотреть его, никогда не вырасти такой большой, чтобы ему не приходилось нагибаться к ней. И всё-таки как здорово, что они пришли сюда вдвоём. Мама с Теренеей были в гостях у бабушки, Вестания не захотела идти. После рождения Теренеи бабушка всё время и внимание уделяла только младшей, словно больше не любила Вестанию. А теперь они были с отцом вдвоём. И пришли сюда, на детскую площадку. Он вдруг подхватывает её на руки и сажает на качели.

Одиннадцать-двенадцать, постарайся раскачаться.

Качели. Там всегда были качели. Вестания никак не могла научиться раскачиваться самостоятельно. Отец делает это. Вверх-вниз. Почему вверх-вниз, если вперёд-назад? Верха и низа здесь не существовало.

Он раскачивает её, и она летит. Туда-сюда, летит вверх-вниз. Вперёд-назад. Она видит серое небо, нависшее над Сциллой. Уже вечер. Других детей здесь не было, все давно разошлись по домам. Только Вестании всё равно. Она летит в темпе маятника. Мерно и плавно. И отец иногда подталкивает её, чтобы полёт не прекращался. Кажется, она смеётся. Наверное, ей было очень весело. Они ещё о чём-то говорили с отцом по дороге сюда. Она помнит о чём, но это были обычные глупости. Он всегда веселил её, и мама ругалась, когда

они играли допоздна, потом Вестанию становилось невозможно загнать спать. Как давно это было! Как всё могло так страшно измениться?

Она все смеётся и смеётся. Качели всё летят и летят. Вперёд-назад и вверх-вниз. Ледяные железные поручни. Руки начинают замерзать от них. Всё-таки уже поздно и уже холодно. Она оборачивается на отца, чтобы попросить его остановить качели и спустить её. Но его нет.

Что происходит? Почему его нет? Где он? Только что был здесь, рядом с ней, рядом с качелями и толкал её взад-вперёд и вверх-вниз. Где он теперь?

Она хочет обернуться, но боится сильно крутиться на полном ходу. Качели вдруг начали скрипеть. Почему-то раньше она не замечала этого скрипа, может, потому что смеялась слишком громко? Теперь было не до шуток. Она должна спуститься и поискать отца. Он, наверняка, где-то рядом. Она зовёт его. По имени Вестания его никогда не называла, она просто кричит «папа!», не важно, как его зовут, для неё он всегда был «папа».

Но его не было, никто не пришёл на крик. «Скrrrrrrрдджжж-скrrrrрдджжж» — ныли качели, теперь всё громче и громче, вторя её голосу. Что ей делать? Она слишком маленькая, ноги не достают до земли. В этом месте, прямо под качелями, небольшая ямка из-за детей постарше, которые умели тормозить сами. Ещё некоторые спрыгивали с качелей на разгоне. Она видела несколько раз, но мама не разрешала так делать. Она говорила, что можно очень больно удариться, даже до крови.

Ей становится страшно. Она начинает плакать. В детстве так легко начать плакать. Слезы всегда где-то рядом, нужно только почувствовать грусть, разочарование, страх, иногда даже смущение, любая сильная эмоция призывает слезы. И пока ты ребёнок, нет повода скрывать и прятать слезы, нет смысла бороться с ними. На её крик никто не приходит. А качели всё продолжали раскачиваться: «Скрыыыыдджжжжжжж-ссскрыыыдджжжжжжж». Как будто они рыдали вместе с ней, а может, издевались. Руки совсем заоченели, но отпустить поручни она боялась. Просто сидела там, на качелях, схватившись за них так, что побелели костяшки пальцев, просто рыдала, совсем как маленькая, но больше Вестания не знала, что делать.

Тогда это произошло, — поняла Вестания. Она надеялась, что ей удалось заметить тот самый момент. Со стороны видно гораздо лучше. Спустя столько лет рассуждать вообще стало очень легко, но тогда она не могла ничего сделать. Просто плакала, просто ждала отца. Но он так и не пришёл. Не пришёл уже никогда.

Так он бросил нас.

Бросил меня.

Вместо него пришла тень. Качели уже почти остановились. Она могла бы спуститься теперь, но зачем? Она просто плакала. Что изменится, если она спустится? Отца всё равно теперь не было. И она была одна. Но ненадолго. Вот он, этот момент. Вестания не умела видеть теней. Только когда Алкид велел ей отвести глаза в сторону, она заметила её. Может показаться, что это просто слепая зона — небольшое серое пятно в левом нижнем углу. Но если сконцентрироваться на нём, обратить на него внимание, наверное, если знать о нём, то можно увидеть целый силуэт. Не силуэт человека, но образ тени.

Тень выждала момент, когда качели остановятся. Тогда она и подползла к ней, нежно потёрлась головой о её щеку, как кошка, а затем вползла в неё. Куда и как? Кто же мог понять и сказать точно, где находится душа, и как она покидает тело? Так же и с тенями. Никогда нельзя знать точно.

За ней был холод. Была темнота. И только страх.

Тереня не сводила глаз с Вестании. Ей казалось, что сестра почти не дышала, пока этот страшный человек склонялся над ней и задавал свои вопросы, но Вестания не отвечала на них. Она выглядела спящей, но иногда вздрагивала и слегка стонала.

— Что это за отвар? — спросила Тера.

— Это называется «мистико генезис». — Ответил Алкид. — В древние времена, ещё до того, как люди стали поклоняться каким-либо богам, кроме Хаоса и Калиго, шаманы использовали сок этого растения для того, чтобы вспомнить всё своё прошлое. Считается, что те люди, которые помнят своё рождение на свет, сразу узнают и дату смерти. Шаманы верили, что смерть провожает ребёнка в этот мир и прямо за мгновение до рождения тихо шепчет ему секретные слова — например: «ты умрёшь в шестьдесят девять лет от смертельного недуга», — услышав это, ребёнок начинает истерично плакать и кричать от страха, так, с ужасом перед смертью, он входит в этот мир. «Мистико генезис» помогает обратить время вспять и показать забытые и стёртые моменты жизни.

У напитка получился очень тяжёлый густой запах, от которого начала болеть голова. Алкид заставил Вестанию выпить целую чашку залпом. Горячий отвар по цвету напоминал зелёный чай, но, как сказала Вестания, был очень горьким. После того, как она выпила до дна, Алкид поднёс к её лицу ладонь с чем-то, напоминающим пыль, и сдул её прямо Весте в лицо. Тереня понятия не имела, что это было, но Вестания сразу же потеряла сознание и провалилась в глубокий сон.

— Ты сам пробовал эту дрянь? — спросил Аластор у Алкида.

— Я бы не стал давать девочке средство, в котором сам не уверен, — отозвался Алкид.

— Ты знаешь тайну своего рождения? Знаешь, как умрёшь?

Алкид сидел в изголовье Вестании, вслушиваясь в её дыхание, пристально наблюдал за подрагиванием век.

— Мне это не интересно, ясноглазый, — он произнёс это как-то по-женски. Теренее казалось, что Алкид меняется каждую секунду, как рябь на воде, скрывая от глаз истинное отражение, дрожь от столкновения горячего и холодного воздуха. — Если я решу умереть, я сам выберу способ. Такой, чтобы он был наиболее полезен революции. — При слове «революция» или «Сопротивление» его глаза всегда так пронзительно вспыхивали. Глядя на Веспер и Фрикса, Тереня читала восторг в их лицах, даже самый настоящий трепет, который они испытывали перед этим жутким человеком, созданным для войны.

Вдруг что-то произошло. Вестания вздрогнула, она глубоко вдохнула воздух, жадно заглотнула его, Тереня испугалась, хотела броситься к ней, но тут Алкид произнёс:

— Началось.

Кажется, все очень перепугались, но Алкид совершенно никак не отреагировал, он встал со своего места спустя несколько секунд, присел на краю кушетки, так, чтобы хорошо видеть Весту и сказал:

— Слушай и запоминай, маленький цыплёнок. — После этого он обратился к Вестании, — Вестания, — Сестра как-то странно отреагировала: вся натянулась, как струна, задержала дыхание. — Я помогу тебе спуститься. Плыви вниз, далеко вниз. Знаешь детскую считалку? Каждый раз ты будешь спускаться всё ниже и говорить, что происходит. Я помогу тебе остановиться в правильном месте. Поехали. Раз-два, небо-земля. — Произнёс Алкид. — Что там?

— Спираль. — Ответила Вестания тихо.

Алкид выждал около минуты, но не дождался от неё ещё слов.

— Три-четыре, выше-шире, — сказал он, но Вестания никак не отреагировала. — Пять-шесть...

— ...счастье есть, — произнесла вдруг Вестания.

— Что там? — спросил Алкид.

— Глубина, — ответила она жутко.

— Так глубоко не надо. Плыви по течению. Семь-восемь, лето-осень.

— ...осень... — повторила Веста. — Это была осень.

— Ты там одна?

— Да... да и нет.

— Тень с тобой?

— Я свободна... но он тут. Они тут.

Алкид нагнулся к ней и взял за руку, затем тихо прошептал:

— Девять-десять, звезды-месяц.

— Его рука. Папа... он со мной.

— Куда вы идёте? Он ведёт тебя за руку?

— Ведёт за руку, — эхом повторила Вестания.

— Ты в нужном времени? Видишь тень?

— Где-то здесь... там есть качели, но только я ещё не умею раскачиваться.

— Одиннадцать-двенадцать, — говорит Алкид.

— Постарайся раскачаться, — произносит Вестания тихо.

Она опять напрягается, крепче сжимает руку Алкида.

— Всё! Глубже не ходи, — останавливает её Алкид. — Оставайся в этом дне. Говори, что происходит.

— Я на качелях.

— Вверх-вниз, — говорит Алкид.

— Вперёд-назад, — отвечает тихий голос Вестании. — Он со мной. Папа со мной. И никого больше. И мы на детской площадке. И ещё качели...

— Вверх-вниз, — продолжает Алкид. — ты должна увидеть тень.

— Туда-сюда, — отвечает Вестания, продолжая вести этот странный диалог. — Здесь никого нет.

— Вверх-вниз. Продолжай качаться. Что происходит?

Тело Вестании начало странно подрагивать, как если бы она и вправду была на качелях.

— Вперёд-назад. И мы смеёмся. Так громко и хорошо... и ещё тепло. — Вестания нахмурилась. — Вперёд-назад. Папа, где ты? Вечереет. И пора домой... как мне спуститься отсюда? — она долго молчит, только тяжело дышит. — Я не умею тормозить... Папа? Папа! Я, наверное, одна... совсем одна, а его больше нет. И никак не знаю, как спуститься отсюда. И здесь есть кто-то ещё. Он способен мне помочь. Он хочет отвести меня домой. Согреть... развеселить... сделать так, чтобы я не была одна... Потому что он тоже один... он подходит так медленно. Подходит совсем близко, но не решается так сразу стать со мной одним целым. Он что-то тихо шепчет, плавно, мелодично, певуче. Если бы я была ближе, я бы могла разобрать слова, но не могу. Ему придётся сделать что-то ужасное. И я знаю, что ему жаль. И мне страшно. И мне грустно. И я не знаю, где папа... но потом он обещает, что всё это скоро кончится... потому что... потому что он поможет мне всё забыть...

После этого Вестания уже ничего не говорит, она тихо стонет и трясётся.

— Выходи оттуда. — Сказал ей Алкид. — Медленно и спокойно, так же, как и входила.

Наверх.

Вестания пробуждается.

— Тише, тише, — заклинал Алкид, придерживая её голову.

Вестания очнулась от транса или от галлюцинаций. Аластор даже вспомнить не мог, каково переживать это в первый раз. Видимо, «мистико генезис», из которой Алкид заварил отвар, была сильным средством. Лидер революции приставил к губам Вестании стакан с водой, но девушка отказалась пить.

— Вестания! — позвала её Тереня. — Веста, ты в порядке?

Говорить ей было сложно, в конце концов, она всё-таки согласилась выпить немного подслащённой воды. Аластор видел, как Алкид размешал в ней сахар. Почувствовав сладкое, Вестания отодвинула стакан от лица, но лидер Сопротивления заставил её сделать ещё несколько глотков.

— Да... всё хорошо, — проговорила она тихо, затем закашлялась и шумно прочистила горло.

— Что ты видела? — потребовал Алкид незамедлительно.

— Я что-то рассказала? — спросила она, с трудом проговаривая слова.

— Немного, — сказала Тереня.

— Я видела глубину... — произнесла она как-то странно. — Видела всё до конца...

Фрикс, этот женоподобный ублюдок, тоже склонился над ней. Теперь всё внимание было приковано к Вестании. Может, революционеры и искренни в своих намерениях, но Аластор предпочитал не доверять им и не терять обороны в их присутствии. Он безошибочно мог опознать понимание этого факта в глазах Фрикса. Тот видел и знал, что Аластор следит за ним, но всё же вёл себя непринуждённо. Фрикс положил ладонь ей на руку, и пальцы Вестании моментально сжали её. Опираясь на неё, она приподнялась и обняла Фрикса. Это выглядело странно. Совсем не понравилось Аластору. Девушка даже закрыла глаза, пытаясь насладиться их единением в этот короткий промежуток времени. Словно они остались одни.

— Ты видела тень? — потребовал от неё Алкид, не обращая никакого внимания на эту секунду близости.

— Да... я видела, как она вошла в меня... качели... отец... — теперь в её глазах стояли слёзы. Аластор уже успел понять это, пока она шептала несвязный бред, будучи в трансе. — Он бросил меня там! Совсем одну, наедине с этой тенью... оставил там, на детской площадке, и мне было страшно... а потом тень...

— Как выглядела тень? — настаивал Алкид. Кажется, ему были не важны остальные её слова, его интересовали факты. — Ты сумела её рассмотреть, дитя? Мне нужны все подробности, какие сможешь вспомнить.

— Нет, ничего особенного... просто... просто тень, только не привязанная к земле, она перемещалась свободно.

— Как она вошла в тебя? Важно, чтобы ты заметила сам момент.

— Я не знаю...

— Она ворвалась насильно? Ты слышала что-то похожее на тихое шипение?

— Она что-то шептала... но я не поняла слов. Или не могу вспомнить, — ответила девушка. — Она... я бы сказала, она была миролюбивой. Проползла совсем аккуратно, почти нежно. Она, кажется, потёрлась о моё лицо, прежде чем сделать это. Как если бы хотела меня утешить... — тут Аластор заметил, что Вестания как будто опять проваливается в трясину «мистико генезис». Зрачки стали расширяться, сам взгляд убежал куда-то в неопределённость. — Она, наверно, жалела меня. Ей не хотелось, чтобы я была одна.

— Дитя, — Алкид сжал в пальцах её подбородок и развернул голову к себе. Туман в её глазах развеялся. — Тебе нельзя так говорить. — Предупредил он. — Как только ты смиришься с ней, ты проиграешь эту войну. Тогда уже обратного пути быть не может.

— Но я не могу бороться с тем, что часть меня! — возразила Вестания. — Не знаю, как это сказать, но... я почувствовала эту тень. Она тоже была потерянной, такой несчастной. Она замерзала там в одиночестве. Вдвоём мы всё равно, что нашли друг друга.

— Нет! — Алкид разозлился. — Нельзя её жалеть! Это просто тень. Уже не человек, лишь призрак. Если ты признаешь её, то она проникнет в твою душу и поглотит её. Тогда ты, девочка, окончательно потеряешься.

— Что это значит? — спросила встревоженная Тереня. — Что с ней тогда будет?

— Ничего, цыплёнок. — Он перевёл разноцветные глаза на неё. — Твоя сестра останется здесь, только она уже будет ненастоящей. Не будет собой. Ты тоже это поймёшь. Просто не сможешь узнать её, не поверишь в её поступки.

— Что мне делать? — спросила Вестания. Голос её звучал отчаянно.

— Я уже сказал — не поддавайся ей, — заявил Алкид. — Не пытайся бороться, ничего не выйдет. Тени — как болото, чем больше сопротивляешься, тем быстрее тебя засасывает. Помни, они не белые и не чёрные, поэтому и действовать с ними нельзя радикально. Будешь ненавидеть её — она станет подавлять тебя, пожалеешь её — станешь податливой ей. Лучшее, что ты можешь сделать — попробовать договориться со своей тенью.

— Как? — спросила Вестания.

— Она — это серая душа со своей историей, со своим прошлым. Научись с ней общаться, и для начала узнай, как её зовут, или звали, или как она себя сама называет, — сказал Алкид. — Если тебе удастся установить с ней контакт, то попробуй заключить что-то вроде пари. Узнай, что ей надо от тебя, и уговори её прийти к какому-то согласию. Я видел случаи, пусть и нечастые, когда тени выступали в роли союзников своих носителей. Тень не станет желать смерти своему носителю, поэтому здесь возможен некий симбиоз. Может, ты сумеешь помочь ей вспомнить её прошлое, но ещё раз повторю: не увлекайся и не иди на поводу у неё, иначе пропадёшь.

— Я устала, — пожаловалась Вестания. Аластору стало жаль её. Девочка точно через слишком многое прошла за день.

— Алкид, — подала голос Веспер. — Я думаю, мне лучше увести девочек.

— Да, им и в самом деле пора отдохнуть, — согласился он. — Проследи, чтобы у них было всё необходимое... — Аластор поднялся с места, желая побыстрее покинуть «обитель теней».

— Задержись, ясноглазый. — Прокурлыкал Алкид. — Я ещё хотел поговорить с тобой.

— Я не оставлю их одних, — заявил Аластор.

— Я лично гарантирую им безопасность, хромой пёс, — улыбнулся лидер Сопротивления. — Я не задержу тебя надолго. А до сей поры они, кстати, справлялись без

тебя. И весьма неплохо. Если я ничего не путаю, ты шёл с целью убить их, когда мы с тобой впервые встретились.

Что он себе позволял? К чему была эта провокация? Алкиду удалось разбудить Цербера.

— Я порешу здесь каждого, кто пожелает им вреда! И ты это знаешь, — прорычал Аластор. Девочки с подозрением посмотрели на него. Пусть сомневаются. Главное — чтобы поверил Алкид.

— Я не сомневаюсь в тебе, мой милый друг, — улыбнулся Алкид как-то совсем дружелюбно и совсем по-женски. — И поверь, я точно не рискну меряться с тобой силой. Ни с тобой, ни с ними ничего не случится. Нам нужно поговорить наедине. Фрикс останется, чтобы засвидетельствовать нашу беседу. Веспер, уведи девочек. — Распорядился он.

Активистка тут же поднялась с места и помогла встать ослабевшей Вестании. От Аластора не укрылось синее пламя, всполохнувшееся в глазах Веспер. Она завидовала Фриксу, его близости с лидером Сопротивления, в этом не было сомнений. Аластору же претила мысль присутствия в зале молчаливого свидетеля, но, видимо, свита Алкида не позволяла тому оставаться наедине с кем-то ещё.

— Спасибо, что согласился, ясноглазый, — обратился к нему Алкид после того, как Веспер увела девочек. — Ты всегда желанный гость в моём доме.

Алкид опять устроился в своём кресле. Фрикс предпочёл стоять прямо за ним, таким образом, контролируя ситуацию. Вряд ли кто-то из них выкинет сейчас номер, но терять бдительность не стоило.

— Я так не думаю, — усомнился Аластор. — Говори, что хотел.

— Во-первых, я бы хотел заверить тебя в том, что мне сообщили о вашем желании покинуть город, — начал Алкид. — Я переведу стрелки путей, на которых стоит состав «Восточный Вестник», когда время будет наиболее уместным для вашего незаметного отъезда. Это будет самым верным и надёжным способом покинуть город. Уж поверь мне, я умею просчитывать варианты. Рельсы, что тянутся от Термины, уходят в неизвестность до самой границы с Гипербореей, это край отменённых земель. Ими давно не пользовались и не ремонтировали. Они могут быть напрочь занесены снегом, сломаны или покрыты льдом. Для вашей безопасности я не рекомендую разгонять поезд быстрее девяноста километров в час. И уж точно вам следует отсоединить лишние вагоны от состава. Одного вместе с кабиной машиниста будет вполне достаточно. Скорее всего, вам попытаются помешать при выезде, поэтому запасись патронами.

Если он и вправду станет нам помогать... а впрочем, что это меняет? На самом пути мы всё равно одни, и только я в силах спасти их всех.

— Я знаю, как бороться с реальными противниками: с полицией и с солдатами. Лучше расскажи, как я могу воспрепятствовать тем, кого не вижу, — сказал Аластор.

Он не так уж и хорошо понял объяснения Алкида. На Вестании висела тень, но что он мог сделать, чтобы помочь ей?

— Для начала научись видеть её. — Сказал Алкид. — Учись смотреть сквозь слой того, что считал раньше реальностью, тогда тебе на самом деле откроется настоящее.

— Я не понимаю.

— Раньше ты смотрел на меня и видел Ино. — Улыбнулся Алкид. — Потом ты понял, что корсет и немного косметики могут обмануть не очень пристальные взгляды. Что ты видишь теперь?

— Урода, — ответил он.

— Я обожаю твою прямоу, Аластор, — заявил Алкид, не переставая приветливо улыбаться. — Смотри сквозь девочку и думай о том, что сам ждёшь в ней увидеть. Я не могу научить тебя видеть тени, но я настаиваю на том, чтобы ты был готов увидеть их.

— Можно спросить тебя? — произнёс Аластор и продолжил, не дожидаясь ответа. — Зачем тебе эта война? Чего ты хочешь добиться в итоге?

— Свергнуть Акрополь. — Ответил он игриво.

— А потом что? Никто не хочет свергнуть Акрополь, чтобы оставить трон пустым.

— Да, ты прав. — Согласился Алкид.

— Значит, тебе, как и остальным, нужна власть? Так сильно, что ты не страшишься ставить тысячи жизней на кон?

— Любая власть уродлива и извращена, ясноглазый, — сказал он, не задумываясь. — И я презираю любые её проявления.

— Поэтому стремишься к ней?

— Аластор, — сказал Алкид очень серьёзно. — Я сплю и вижу тот день, когда взойду по ступеням Акрополя, чтобы занять трон. Я сяду на него нагим, демонстрируя всем своё кривое искорёженное тело, просто чтобы показать им, насколько уродлива и омерзительна власть на самом деле.

У Ино глаза были ярко-зелёными. Радужки Алкида — два взорванных фейерверка на День Ойкумены. Ближе всего, пожалуй, и в самом деле был зелёный, но они немного меняли свой цвет, как хамелеоны, градиент мог колебаться от серого до болотного. В нём не было ничего постоянного, ничего ровного и симметричного, и все же Аластор признавал, что его внешность сложно было назвать совсем уж отталкивающей. Все несовершенства становились заметными только при более внимательном рассмотрении. Этот странный обман был заложен в нём природой изначально, а может, противоречил ей. Не мужчина и не женщина, что-то на грани, пусть он и говорил о себе, как о сильном поле, пусть и носил мужское имя, Аластор прекрасно понимал, что он себя считал именно андрогином. Алкид — воплощённое совершенство, «Перфекция» этой революции, такой же корявой и искажённой, как и он сам.

— Я оправдал твои ожидания, ясноглазый? — спросил Алкид, заметив, что наёмник не перестаёт рассматривать его, как неведанный науке вирус под микроскопом.

— Более чем.

— Я не видел тебя в деле, — продолжил андрогин. — Но даже по сцене в той таверне я уверен, что ты мог бы стать хорошим воином и преданным членом Сопrotивления. Я не хочу терять тебя, потому предлагаю ещё раз — примкни ко мне в этой войне. Я сделаю тебя своим телохранителем, генералом моей армии или главой отряда. Разрушь Акрополь для меня, и я дам тебе всё. Погибни за меня, и я превращу твоё имя в легенду. — Вдруг Алкид шагнул к нему, резко, стремительно, так, что ни Аластор, ни Фрикс не успели отреагировать. Нежная мягкая рука с длинными ноготками легла ему на шею, углубив пальцы в волосы. У него был странный сладковатый запах, почти приторный. Это бледное лицо с гротескными чертами прижалось щекой к его щеке и изогнутые в усмешке губы прошептали в ухо: — Полюби меня, и я буду твоей, — услышал Аластор голос Ино.

Он почувствовал тело Алкида, приникшее к нему, попытался отдёрнуться, но лидер революции, предугадав это движение, последовал за ним. Тонкая талия, хрупкое туловище, небольшая женская грудь, кадык... он хотел занести руку для удара, как тут же заметил напряжённого Фрикса уже впереди кресла.

— Ты же знаешь, что я не соглашусь, — прошептал он, пытаясь сдерживать приступ неприятной тошноты и забурлившую в нём ярость.

— Знаю, — ответил Алкид печально. — Но я рад, что ты не ударил меня. — Губы, удаляясь от уха, слегка коснулись щеки в мимолётном поцелуе. Аластор зажмурился от новой волны отвращения, затем Алкид всё же отпустил его.

Он вернулся в своё кресло, Фрикс так и остался стоять подле «трона», никак не выразив своих мыслей, сохраняя тишину. Несколько минут они все молчали, Алкид забросил ногу на ногу и смотрел куда-то в пол с таким увлечением, словно там разверзлась пропасть в Аид.

— Фрикс отведёт тебя. — Сказал Алкид. — Оставайтесь здесь, пока не наберётесь сил. Как только будете готовы уходить, дайте мне знать, и я переведу стрелки. Прощай, Аластор. — Улыбнулся он краем губ. — С нами тень Алкида!

Рука непроизвольно влезла в карман. Вестании хотелось уже поскорее остаться одной, спрятаться от всех, только вот совершенно одинокой она больше стать не могла, теперь она знала, что никогда за последние одиннадцать лет не оставалась наедине сама с собой, с ней всегда был её неотступный спутник.

Веспер вела их вверх по коридору, обратно в «оссуарий». Тереня держалась поближе к Вестании, но та избегала сейчас контакта с сестрой, словно боялась, что тень могла заразить и её. Она в очередной раз отвела глаза в сторону, как научил Алкид, проверяя наличие тени. Да, теперь, как и все предыдущие разы, она была там. *Как только я раньше её не замечала?* — Всё равно, что читать издали текст с мелким шрифтом: почти невозможно, но если примерно знать, что там написано, то мозг обманывает зрение, делая расплывающиеся строчки понятными, а буквы чёткими.

Аластор и Фрикс остались там, в «обители теней» Алкида. *Тени. Тени повсюду, они всегда были здесь? Или появились недавно? Сколько ещё людей носят их? Сколько из них ничего не подозревает?* — Алкид вдруг открыл им глаза на реальность, хоть та и показалась совершенно фантастической. Однако вопросов у Вестании не убавилось, наоборот, стало ещё больше. Что ей вообще теперь делать? За последние несколько часов она узнала не только о тени, но и об отце. Они с Теренеей были наполовину гиперборейками, как это могло быть правдой? Что бы с ними сделали, если бы узнали?

Отец... — она видела его в этом странном наркотическом сне, в этом безумном видении, но теперь не могла вспомнить его лица. Тереня была больше похожа на маму, может, тогда Вестания пошла в отца? От этой мысли ей сделалось не по себе.

— Веста, — позвала Тереня.

— Не сейчас, — *Она что, не видит, что если я заговорю, то заплачу?*

— Но я хочу с тобой поговорить, — настаивала сестра. — По-моему, тебе сейчас нельзя оставаться одной...

— Я устала от всех! — разозлилась Вестания. — От Алкида, Аластора, от твоего нытья. Можно меня уже оставить в покое?

— Вестания, — произнесла Веспер строго, когда они вышли в «оссуарий». — Ты сейчас в одиночестве ничего хорошего придумать не сможешь. Не устраивай конца света из своих проблем. Алкид сказал тебе, как вести себя, и я не помню там ни единого упоминания о слезах в одиночестве. — Вестания не знала, как отреагировать на этот выпад, но

революционерка всё же смягчилась. — Послушай, и я, и Тереня хотим тебе помочь. Если будешь продолжать отгонять от себя любую помощь, останешься одна.

Вестания шагнула к Веспер так, чтобы сестра не услышала её.

— Веспер, я не знаю, что происходит... — прошептала она, почувствовав, как слёзы подобрались слишком близко.

Вдруг произошло нечто странное. Веспер приблизилась и против воли Вестании обняла её, прижав к груди. Девушка поняла, что больше не может сдерживаться и заплакала от бессилия и жалости к самой себе. Так они и стояли несколько секунд, в которые Вестания сотрясалась в рыданиях.

— Я какая-то не такая... — Прошептала Вестания. Ей показалось странным, что Тереня ничего не сказала на это, может, Веспер дала ей знак? — Я, наверно, всегда это знала...

С самых качелей. Тогда-то всё и пошло не так...

— Пойдём со мной. — Предложила ей Веспер. — У меня есть одна идея. Потом, если взбодрись, пойдёшь отдыхать.

Вестания согласилась.

Веспер отвела её в небольшое помещение на втором ярусе «оссуария». Вестания поднялась по лестнице из костей. Всё убранство выглядело поистине жутко, но она пережила за день слишком много потрясений, чтобы на самом деле испугаться человеческих останков.

— Садись сюда, — предложила ей Веспер, выдвинув стул в центр комнаты. Внутри всё выглядело довольно аскетично, из мебели в комнате стояли кровать, сундук, видимо, для одежды, стол и пара стульев.

Вестания подчинилась.

— Ты живёшь здесь? — спросила она Веспер.

— Да, — ответила активистка, ища что-то в выдвижном ящике стола. — Борцам за свободу много места не надо, так что извини, если моя скромная коморка не так впечатляет, как палаты Алкида.

— Он называет её «обитель теней», — вспомнила Вестания. — Он раньше рассказывал тебе про тени?

— Да, но я так и не научилась их видеть. Для этого нужен или особый талант, или долгая практика.

— Ты знала тех, кто тоже носит тени? Среди активистов есть такие? — Как вообще они должны называть себя? Хранители теней? Носители? Заражённые?

Обречённые.

— Сейчас нет. В прошлом приходилось знать одну революционерку. — Веспер, кажется, нашла, что искала, потому вернулась к Вестании, встав позади неё. Она так и не поняла, что активистка собиралась сделать. — Она была хорошим товарищем в бою, была среди тех, кого Алкид вывел из Акрополя, но поддалась теням слишком сильно. Увы, тень её не уберегла, и она пала, отважно сражаясь за нас.

Звучит обнадеживающе, — подумала Вестания уныло.

— Что ты хочешь сделать? — спросила она, когда Веспер вдруг распустила её волосы, стянув резинку.

— У тебя красивое лицо, но тебе бы больше пошло, если бы локоны обрамляли его, закрывая уши. — Сказала Веспер, и тогда уже девушка услышала щелчок ножниц,

разрезавших воздух. — Вы отправляетесь в очень далёкий путь, длинные волосы там будут только мешаться.

— Поэтому ты хочешь меня постричь? — удивилась Вестания. Решение Веспер немало сбило её с толку.

— Воспринимай это, как преобразование, — посоветовала она. — По-моему, момент как раз подходящий.

Вестания услышала первый щелчок, отрезавший длинный локон. Непонятный страх овладел ею.

— Может, не надо? — напряглась она.

— Сиди смирно. — Посоветовала Веспер. — У тебя хорошие волосы, почему ты прячешь их в хвост?

— Так удобнее. И они непослушные...

— Видишь, это потому что им нужно придать правильную форму. — «Чик» — и второй локон упал на пол. — Доверься мне, ладно? Я раньше стригла... — её голос вдруг дрогнул, и она не закончила предложение.

Вестания постаралась расслабиться, хоть у неё это и плохо получалось.

Почему вдруг она вообще решила этим заняться? Хотела отвлечь её от проблем? *Что ж, хуже не будет*, — смирилась Вестания.

— Веспер... — спросила девушка. — Я хотела... хотела спросить об Алкиде, и о вас с Фриксом.

— А-а, милая, — вздохнула Веспер. — Ты же не станешь мне читать морали?

— Значит, это правда?

— Ты ещё слишком молода, чтобы меня понять, — сказала активистка. — Да, и это долгая, неприятная история. — «Чик-чик», щелкали ножницы. — Когда началась очередная война с Гипербореей, моих родителей убили, и я оказалась на улице. Я сама могла стерпеть холод и нехватку еды, но у меня была младшая сестра.

Вестания не удержалась и обернулась к ней, услышав это откровение. Она выглядела так, словно не произнесла ничего особенного, продолжала орудовать ножницами, но теперь уже была не в силах спрятать предательские скорбные глаза. Веспер мягко развернула голову Вестании, продолжая стричь её волосы.

— Мы все состоим из наших потерь, — произнесла она скорбно. — Ей было всего шесть, когда родители погибли. Как только это произошло, я схватила её и сбежала. Сирот в Термине помещали в тюрьму, в лучшем случае, учили мыть полы в Акрополе. Я не хотела для нас такой судьбы. Почему-то тогда мне казалось, что три года — это немного, что мы сможем прожить эти три года на улице, а потом, когда мне исполнится шестнадцать, я смогу взять опеку над Эвникой. И тогда я была слишком глупой, чтобы мыслить трезво и видеть истину. Не прошло и нескольких месяцев, как Эвника умерла. Это была трагедия, она... подорвалась на противотанковой mine в поле... В Белизне, как называют её местные. Это была та ошибка, которую я совершила, и за которую я никогда себя не прощу. — Сказала Веспер твёрдо, не позволив своему голосу дрогнуть. — Это прозвучит отвратительно, но без неё стало легче. В одиночку я могла прожить, через какое-то время я узнала и о других беспризорных, что жили в Термине и прочих городах, что теперь назвали отменёнными землями. Многие сбивались в стаи, и ближе к зиме мне пришлось бы к ним присоединиться, чтобы выжить. Здесь, на севере, всегда было холодно, но зимы отличались суровыми морозами. Думаю, всё закончилось бы совсем плачевно для меня, стань я одной из них,

потому что уже тогда я понимала, что из этой ямы не выбираются. Но Акрополь поймал меня раньше. Там меня и обучили. Акрополь всегда любил подбирать дворняжек с улицы и делать из них своих преданных псов. Потом я стала работать на них и познакомилась с Алкидом... ты знаешь эту историю. Так вот, Алкид был первым, кто не смотрел на меня, как на сироту, бездомную, девчонку, по чьей вине погибла её сестра, он не принуждал меня делать что-то против моей воли, как это было в Акрополе, и он не заставлял чувствовать себя обязанной ему. Вместо всего этого он открыл мне дорогу к жизни, что я хотела. Я полюбила его, но вот за ответную любовь мне пришлось бороться. Я никогда и ничего не получала просто так. Когда мы только объединились — горстка революционеров, желавших устроить государственный переворот, Алкид сразу приблизил Фрикса к себе. Сейчас я понимаю, что, не сделай он этого тогда, кто-то из других активистов, наверняка, перерезал бы ему горло. Фрикса не любили по многим причинам. Среди нас были те, кого он подставил, пока играл за Гиперборею, и люди видели в нем чужака, предателя. Впрочем, тогда, пусть нас всех и тянуло к Алкиду, Соппротивление ещё было слишком молодо, чтобы между нами появилась сплочённость. Очень скоро поползли слухи о том, что Алкид и Фрикс спят друг с другом. Я помню, как это задело меня, потому что я любила его, и, чтобы там он ни говорил о себе, я всегда видела в нем более ярко выраженную мужскую часть его личности. Мне до сих пор обидно за то, что Алкид подпускает Фрикса намного ближе к себе. У них есть свои собственные секреты, свои дела. Но я рада, что мне тоже дозволено быть с Алкидом, пусть мне и пришлось самой бороться за это место. Доказывать свою преданность и свою любовь.

— Понятно... — пробормотала Вестания подавленно.

— Ты должна понимать, что Фрикс всегда будет любить Алкида больше всех других и ставить его выше всего остального. Но в то же самое время сам Алкид никогда не сковывает нас в наших действиях. Мы свободны выбирать, но мы должны принадлежать только ему, — сказала Веспер.

— Просто Фрикс сейчас единственный человек, который объединяет меня с тем, кто я такая. — Объяснила Вестания. — Мне кажется, словно между нами изначально была эта тяга, которую мы не понимали, но чувствовали. Но теперь, по-моему, я сама не знаю, чего хочу.

— Милая, — сказала Веспер, демонстративно звонко щёлкнув ножницами в последний раз. — Я понимаю, что именно тебя смущает во всей этой истории, но я могу сказать тебе единственный факт, что поможет принять верное решение. — С этими словами Веспер достала откуда-то зеркальце и вернулась к девушке. — Фрикс любит в Алкиде женщину так же, как я люблю в нём мужчину. Поэтому ничего совсем уж отталкивающего мы не совершаем. Остальные решения зависят только от тебя, поэтому в любом случае пойдём вниз, и я уверяю, у тебя даже, кроме Фрикса, найдётся много поклонников.

С этими словами она поднесла зеркало к лицу Вестании.

После разговора с Алкидом, Фрикс проводил Аластора обратно в главный зал «оссуария», который уже наполнили жители подземелья. Тереня сидела на одной из скамей, что-то записывая в свой дневник.

— Где сестра? — спросил Аластор осторожно.

Серые задорные глаза моментально устремились на него.

— Пошла куда-то вверх с Веспер, — ответила Тереня невинно.

Аластор постарался придать разговору с ней как можно более непринуждённый тон, но часть его всё ещё сопротивлялась при общении с детьми.

— Алкид сказал, что мы сможем воспользоваться поездом, на котором вы прибыли сюда. Если отсоединим вагоны, а он переведёт стрелки, то поедем дальше на север, в сторону Пацифиды. — Он протянул ей компас, — Что говорит стрелка, Океания в той стороне?

— Да! — обрадовалась Тереня, — на северо-востоке и на пятнадцать секунд впереди! — Девочка схватила прибор и принялась любоваться компасом.

— Неплохо, — согласился Аластор. — Осталось понять, как преодолеть время.

— Сохраните его, пожалуйста, — попросила Тереня, с неохотой возвращая подарок отца. — Я знаю, что мы заключили сделку, но он мне дорог.

— Как зеница ока, — пообещал Аластор. Ему самому показалось, что он говорит всерьёз.

Вдруг на лестнице, ведущей в казармы жителей Сопротивления, появилась Вестания. Аластор сразу уловил в ней перемену. Волосы больше не были убраны в хвост, теперь они стали короче и обрамляли овал её лица плавными волнами. А ведь не было похоже, что она курчавая. Девушка выглядела преображённой. Аластору показалось, что все взгляды устремились на неё в этот миг. Молодая и прекрасная девушка, только почувствовавшая, что заступает во взрослую жизнь. Смена причёски изменила её, и изменила сильно. Она спустилась вниз и предстала перед «оссуарием» настоящей королевой. Но в этот момент произошло нечто странное, почти неподдающееся словам. Аластор увидел, как между Вестанией и Фриксом пролёт невидимый взгляду электрифицированный провод. Они оба не проронили ни слова, Фрикс просто покинул своё место, прошёл с другой стороны лестницы, не сводя с неё глаз, и направился куда-то в сторону комнат, унося этот провод вслед за собой. Они оба не проронили ни слова, но эта тишина свербила у Аластора в голове и приумножалась, превращаясь в громкий крик. Нужно было быть идиотом, чтобы не считать призыва. Вестания едва успела развернуться, чтобы направиться следом за ним, как Аластор подоспел к ней и встал у девушки на пути.

— Пропусти меня! — сказала Веста, но он только мягко сжал её предплечье. — Я могу делать то, что хочу!

— Ты с ним не пойдёшь.

— Почему?

— Потому что я не дам тебе совершить ошибку, — ответил ей Аластор.

Вестания попыталась вырваться, но он не дал ей пройти.

— Ты не имеешь права! — тут уже Вестания ни на шутку разозлилась.

— У меня больше прав остановить тебя, чем у кого бы то ни было, — заявил он.

— Ты нам не отец! — закричала тогда Вестания, но, кажется, она слишком уже устала в этот момент, чтобы сопротивляться или спорить, поэтому сдалась. Она ушла, очень быстро, в ту же сторону, откуда пришла.

Фрикс тоже скрылся из вида. *Урод чёртов*, — подумал Аластор. Он не хотел портить отношения с сёстрами, но что он мог ещё сделать? Позволить ей совершить то, о чем она будет жалеть? Он знал, что должен охранять их, и, по его мнению, поступил правильно.

— Считаешь, я виноват? — спросил Аластор у Веспер, когда она вела его к свободным

комнатам.

Рыжеволосая активистка повела плечом. В её лице читалось осуждение, но ещё яснее — нежелание вступать в чужие дела. Она казалась задумчивой и слегка подавленной, *но пусть лучше и правда не лезет*, — решил Аластор.

— Ты сам взвалил этот долг на себя. Тебе и разбираться. — Ответила она. — Мне не понравилось, что ты обидел её, когда она, наконец, взбодрилась. Девочки потеряли мать, чёрт возьми. Мог бы и не мешать ей сегодня.

— Потом она мне будет благодарна, — ответил он, полностью уверенный в своём поступке. — Мы уедем. Сомневаюсь, что твой дружок захочет присоединиться и заботиться о ней.

— Поэтому будешь заботиться ты, так? — Вesper стрельнула на него глазами.

— Я здесь для них. Хочешь верь, хочешь нет, — ответил он, но так и не нашёл одобрения в пылающих глазах активистки.

Он направился в комнату, которую указала ему Вesper. Сами революционеры спали в казармах, около десяти человек в одном помещении. Алкид же решил, что гостей следует разместить со всеми удобствами. Наёмник вспомнил этот странный запах, вспомнил тонкое точёное тело, жавшееся к нему. Всё это было неестественно, неправильно, отвратительно. Как тот подобострастный голос Эхо, когда она, пьяная, избитая, нагая, лежала на настиле, раздвигая ноги, когда манила его к себе, произнося какие-то глупости, когда играла в шлюху... *Замолчи*. Жар, исходящий от кожи; два тела, сомкнувшихся в танце продажной любви.

Он хотел уснуть. Слишком долгий день после слишком долгой ночи. Его силы были на исходе. Аластор вошёл внутрь комнаты, хотел лечь и уснуть, даже не зажигая света, но на столе в крошечной комнате уже горела свечка, а на грубо сколоченной кровати сидела девушка. На единственный миг ему вдруг показалось, что это была Вестания, но он видел её только что, Вesper остригла ей волосы.

Чёрные длинные локоны покоились на мерно вздымавшейся груди. Она была одета в тонкую ночную сорочку, плечи оголены, на них только бретельки, босые ноги, гладковыбритые острые колени и столько тоски в глазах...

— Рея... — произнёс он нерешительно.

— Пожалуйста, сделай это, — сказала она с мольбой в голосе.

— Что ты задумала? — он подошёл ближе, хотел увести её, хотел схватить за запястье, как она вскочила с места, сверкнув решительными глазами.

— Дай мне объяснить! — потребовала она.

— Чего здесь объяснять? — прошипел Аластор. Перспектива совершить ошибку после того, как он остановил Вестанию, совсем его не привлекала.

— Мекон был моим мужем, но этот брак был не по любви, — затараторила она, словно опасаясь, что он не даст ей сказать. — Я дочь Акрополя, — так называли всех детей политиков. *Вот оно что... Рея — дочь кого-то сверху, одного из горстки, кто правит страной*. — Когда я познакомилась с Меконем, и он рассказал мне всё, я поняла, что не хочу подчиняться им, мы поженились втайне и сбежали, ребёнок нужен был для шантажа... мой отец хотел наследника, ему нужен был мальчик, внук... с ребёнком мы бы остановили войну, они не посмеют напасть на Акрополь, пока знают, что ребёнок здесь, а он умер, мой мальчик умер... я должна родить ещё сына, чтобы спасти Соппротивление.

— При чем тут я? Я не принадлежу Алкиду, я скоро уйду... — попытался прервать её

Аластор.

— Именно поэтому я и хочу, чтобы это был ты! Я больше не хочу терять, я не хочу спать с кем-то из них, а потом увидеть их мёртвыми.

— Поэтому ты хочешь, чтобы я зачал тебе ребёнка? А если не получится?

— Я знаю, что получится... я это чувствую. Пожалуйста, Аластор!

— Твой отец же уже знает о ребёнке, так? И что, ты думаешь, не говорить ему, что он мёртв? Хочешь родить ещё одного, прежде чем он догадается?

— Да... да... всё так. — Прошептала она. Из глаз опять хлынули слёзы. — Это же наш единственный шанс остановить войну... чтобы никто не умирал... или хотя бы задержать её... К тому же большинство в Некрополе... ты видел их, — она задыхалась из-за рыданий, истерично заглывала воздух и выдыхала слова. — Они мальчишки... армия детей... мне нужен сильный, здоровый сын... Аластор... я выбрала тебя, помоги мне...

Рея выглядела такой усталой, истощённой болью, долгом, горем.

— Это будет не твой сын... это... это будет сын Акрополя. Так всегда говорят. Ты никогда о нём ничего не узнаешь... не увидишь его... не дашь ему имя и не поддержишь на руках... я никогда не скажу, кто его настоящий отец... скажу, что Мекон... что он сделал его до того, как умереть. И никто ничего не узнает... тайна, похороненная под чужими костями... сделай это. — Последнюю фразу она произнесла решительно, непоколебимо. Не как просьбу или мольбу, скорее, как призыв, команду.

Что, собственно, от него требовалось? Интересно, что думала Рея о нём? Что ему всё равно? Что, может, у него есть и другие дети, о которых он не знает?

Вместо ответа Аластор нагнулся к ней и попытался поцеловать, но она отстранилась. Подошла к кровати, залезла на неё, повернувшись к нему спиной, затем стянула с себя сорочку. В Некрополе всё же было холодно. Даже в тусклом мерцании свечи он заметил гусиную кожу, покрывшую её спину. Ещё немного, и она начнёт дрожать.

Рея медленно легла на кровать, на спину, но руками всё же немного прикрыла две полные молока груди. Она старалась не смотреть на него. Кожа белая, тонкая, как и у всех в этом мире без солнца. Сама стройная, но на животе были растяжки, обвисшая кожа, как у всех женщин после родов. Аластор разделся, несмотря на холод. Было бы неправильно заставлять мёрзнуть её одну. Он залез на односпальную кровать, поверх неё. Попытался перехватить взгляд Реи, но девушка спрятала глаза. Было похоже, что она стеснялась своего когда-то привлекательного тела. Он прислонился к ней, хотел поцеловать, но Рея опять не позволила ему. Как только губы сблизились, она прошептала:

— Давай покончим с этим, — тихо, нерешительно.

Я тебе вообще нравлюсь? Ты, вообще, хочешь секса, или тебе всё равно? — зазвучал в голове голос Эхо. Это тогда он был мёртвым. Это тогда он ничего не чувствовал и давился от пустоты. Спать с Реей — всё равно, что с мёртвой Лиссой. Холодное тело девушки напомнило Аластору туловище сумасшедшей.

Ну что? — вопрошали полные скорби глаза, когда Рея всё же осмелилась взглянуть на него. Он прижался к ней телом, всё равно было холодно, может, хоть так им удастся согреться? Меж ними не было страсти, не было любви, не было влечения. Только долг, а чувство долга не могло возбуждать.

— Я могу что-то сделать... если нужно, — прошептала она.

Можешь. Несомненно, можешь, — только так. Долг.

— Закрой глаза, — сказал он тихо.

Она подчинилась. Прямо, как Лисса. Тело холодное. Податливая. Она может сделать что-то, если нужно. Не по своей воле. Рея не станет возражать ему сейчас, сама же попросила. Можно обойтись и без поцелуев, в конце концов, на что им играть в любовь? Она не проститутка, не Эхо. С ней они притворялись. С Реей они были честны.

— Не бойся, — прошептал он, когда она вздрогнула от его прикосновения.

Он повернулся к столешнице и задул свечу издалека. Зачем им свет сейчас? Только отвлекает.

Аластор положил руку ей на горло и слегка сдавил, так, чтобы она могла дышать. На миг он смутился, опасаясь, что Рея подумает что-то не то, но она подчинилась. *Или так, или тебе придётся что-то делать*, — подумал он. Аластору не хотелось заставлять её, поэтому пусть просто потерпит.

Локоть покоился меж её круглых упругих грудей. Под его рукой трепетало дыхание Реи. Он контролировал его, держал в кулаке и мог бы отобрать, если бы сдавил сильнее пальцами. Всего-то стоило немного надавить. Задушить легко, даже одной рукой, если знать, куда нажимать. В неравномерных вдохах всё ещё крылись её рыдания, хриплые звуки потерь. Он мог так легко отобрать их. Чёрный мрак тесной холодной комнаты обволакивал их. Сколько теней здесь копошилось, ожидая момента слабости, чтобы поглотить их с Реей треснутые души? Он прижался к ней ещё плотнее, не убирая руки с горла девушки, не ослабив, но и не усилив хватки. Аластор не стал её целовать. Он прижался носом к её заплаканной щеке, вдыхая запах её страха и скорби. От неё пахло смертью, словно та и на Рее оставила свой смрадный отпечаток. Живая. Мёртвая. Не всё ли равно? Они все рано или поздно умрут: толпа ходячих мертвецов, пища для червей и ворон.

Рея вдруг схватила его за руку, впиалась ногтями в кисть, пытаясь оторвать её от горла. *Я не душу её. Она может дышать. Точно.* Тогда он сжал её запястье, прижал к подушке так, чтобы она не смогла вырваться. Она ещё попыталась сопротивляться. Ему это нравилось. Мрак словно сгустился. Глаза отказывались привыкать к темноте.

Вдруг Рея словно взбесилась, стала вырываться, выкручиваться всем туловищем, толкать его коленями, но Аластор не оставил ей ни единого шанса, прижимая её к кровати тяжестью тела. И тут, когда трепещущий от удовольствия Цербер освободился от своих пут, когда Аластор вошёл в неё, Рея неожиданно перестала двигаться. Её тело обмякло, сделалось податливым, безвольным. И ему это понравилось. Он убрал руку с её горла, она никак не отреагировала. Время неслось, как будто часовой механизм пришёл в неисправность. В конце концов, дело было сделано.

Не могла же она на самом деле задохнуться? — подумал он, отстраняясь. В чёрно-синем блеклом сумраке он видел силуэт Реи, расплывшейся на кровати. Она не двигалась. Потом, когда в ушах утихло биение крови, до него донеслось её прерывистое дыхание. Аластор не знал, как реагировать на её поведение. Теперь то, что они совершили, стало казаться ему низким и грязным. Рея перевернулась на бок, подобрав колени к животу и обхватив их руками. Аластор сел рядом, не решаясь ни заговорить, ни дотронуться до неё, ни зажечь свечу. Спустя минуту он услышал, что она начала тихо плакать.

— Рея... — произнёс он шёпотом, сбитый с толку такой реакцией.

— Нет, все хорошо, — запричитала она. — Спасибо тебе... ты всё сделал правильно... мне... мне понравилось... — почему-то Аластору показалось, что она солгала. — Я просто... подумала опять о них... о Меконе и нашем сыне.

— Прости, что я... — но она опять не дала ему договорить.

— Всё хорошо... правда... спасибо... спасибо, что не стал заставлять меня...

— Я понял.

Ещё некоторое время они не говорили. Рея продолжала рыдать, наёмник сидел рядом, разглядывая сгустки мрака, силясь разглядеть в них возможных невидимок.

— Я так долго пыталась внушить себе, что не люблю его, — заговорила, наконец, она. — Что делаю всё это ради Соппротивления, что тоже приношу свою жизнь во имя народа. Это же был мой выбор, меня никто не заставлял. Этот ребёнок должен был остановить войну. И вообще, я всегда знала, что не выйду замуж по любви, и что не буду растить детей. Мои дети не могут мне принадлежать.

Тут Аластор напрягся. Вдруг он усомнился в её намерениях.

— А потом Мекон... он был хорошим партнёром. У нас родился сильный, здоровый малыш, но роды были тяжёлыми... на последнем месяце я уже не могла ходить, лежала в медицинском институте Сциллы. Отец так настоял. Как только малыш родился, Мекон выкрал нас оттуда. Потом мы скрывались, а потом попали на тот поезд. Мекон обещал заботиться о нас, обещал отвезти нас к Алкиду, где мы будем в безопасности. Мы думали, что, когда доберёмся до Термины, обоснуемся там, тогда выберем имя для сына. И теперь их обоих не стало.

— Ты, правда, думаешь, что твой отец тебе поверит? — спросил он с сомнением. — Да даже если тебе удастся так долго сохранять в тайне то, что ребёнка нет... если ты родишь второго, неужели ты считаешь, что он не найдёт способа просто отобрать его у тебя?

В конце концов, кто знал, сколько ещё устоит Соппротивление? Аластор не думал, что долго. Слишком много всего Акрополь позволил активистам. Побег их лидера из тюрьмы они просто так не оставят без ответного удара.

— Посмотрим, — ответила она уклончиво и тихо всхлипнула.

— Ты же не для себя его хочешь. Так?

— Это уже тебя не касается, — ответила она холодно. — Ты согласился, что он не будет твоим сыном. Вот и всё.

— А если девочка?

— Это будет мальчик. — Упорно ответила Рея.

Откуда она вообще знает, что у нас получилось зачать ребёнка с первого раза? — подумал Аластор, хотя мысль почему-то показалась ему самоутешающей.

— Аластор, — позвала она его, спустя ещё почти минуту.

— Что? — он так и не решился зажечь свет.

— То... то, что ты делал... только не думай, мне всё понравилось, просто... это тебя возбуждает, да?

— Да, — произнёс он просто.

— Я так подумала, когда ты... — она замялась. — Поэтому просто решила подыграть.

— Спасибо, — сухо ответил он.

Она больше ничего не сказала на этот счёт, и Аластор даже был благодарен ей за это молчание. По своей натуре он ненавидел, когда кто-то начинал копать в его голове. Может, по этой причине он так и не нашёл себе девушку.

Раньше, ещё до Эхо, он снимал шлюх. С ними было проще, достаточно заплатить вдвое больше, и они соглашались исполнить любую прихоть клиента. Их это тоже устраивало: за четыреста талантов вместо двухсот они должны были лежать неподвижно и никак не реагировать на происходящее. Он прогадал только с одной. Слишком сильно стиснул её

тонкую шею. На прозрачной коже остались фиолетовые следы рук. Грудь уже не колыхалась, а губы так и остались немного приоткрытыми, силясь поймать глоток воздуха. Она расцарапала ему руки, пытаясь освободиться, но ничего не вышло. Волосы были выкрашены в ярко-рыжий, но отросшие корни выдавали природный русый цвет. Она называла себя Афродитой, хотя, наверняка, имя было фальшивкой. Он и сам не понял, как это произошло, был слишком увлечён, потом увидел, как безвольно её тело распласталось по кровати. Нельзя спутать мёртвую и спящую, во всяком случае, Аластор видел слишком много мертвецов, чтобы ошибиться, даже с первого взгляда. Он просто оставил её тело и ушёл. Сколько их умирало каждый день? Кого станет волновать смерть очередной пчёлки? Никто не знал, с кем она была, он никому не называл своего имени, и их не видели вместе. Уходя, он старательно проверил, чтобы в её квартире отсутствовали следы его присутствия.

Нет ничего трагичнее, чем смерть молодой девушки, — так сказал ему однажды Гектор, на втором году службы, когда он впервые получил задание застрелить не какого-нибудь наркобарона, перешедшего путь криминальной шайке, а семнадцатилетнюю модель. Дело было в Харибде. Он не знал, кем она была. Скорее всего, изменила мужу или ухажёру. Задание было лёгким, она не сопротивлялась, пусть и умоляла, предлагала даже заплатить намного больше, но Аластор знал, что бывает за такие торги в «Скиесе». Она была красивой, безмерно, даже для модели. Прямые угольные волосы обрамляли удивительно правильный круг её лица с огромными чистыми глазами. Он выстрелил ей в лоб, точно над переносицей, так что тонкая струйка крови из маленькой дыры в месте, куда вошла пуля, заструилась меж её захлопнувшихся навсегда глаз. Это тоже был важный урок Гектора — никогда никого не жалеть, не слушать никакие уговоры и молитвы.

— Придумала, как назовёшь его? — спросил Аластор.

Почему вообще Рея так затянула с именем для первого её ребёнка? Надеялась, что это уберёжет его от сглаза, или хотела саму себя уберечь от привязывания? Ничем хорошим затея не кончилась, во всяком случае, не помогла.

— Мекон, — произнесла она из черноты комнаты. — В честь его отца.

А что ты удивляешься, — подумал он. — *Сам знал, на что соглашаешься.*

— Прости... — осеклась она вдруг. — Ты, наверно, устал... мне лучше идти.

Аластор и сам не знал, сможет ли уснуть теперь.

— Доброй ночи, — пожелал он ей.

— Спасибо, тебе тоже. — Отозвалась Рея, поднявшись с кровати и подобрав с пола свою сорочку. — Я, правда, очень признательна тебе.

— Ещё увидимся.

Он услышал по шелесту ткани и по лёгкому дуновению, как она прошла рядом. Вдруг Рея остановилась напротив него, сидящего на кровати, наклонилась и мягко поцеловала его в щеку. Лишённое зрения сознание наполнилось её едва уловимым раньше запахом. Запах надежды, ароматом нового начала, зарождением целого мира, в котором ему места не было, куда он сам зарёкся ступить.

Вопреки ожиданиям, Аластор уснул почти сразу после того, как Рея ушла.

Глава VII. Песня о китах

532–535 дни после конца отчёта

Ночь сменилась днём. Эльпис не пришла.

У Ники закончились сигареты. Эльпис не пришла.

Она прилегла спать днём, решив, что Эли придёт вечером, как только она проснётся.

Представила, как подруга разбудит её поцелуем.

Ника уснула и проснулась. Эльпис не пришла.

Всю следующую ночь она проплакала. Утром спустилась в магазин за вином.

Следующий день прошёл в тумане.

Когда Ника осмелилась позвонить в «Оморфию», язык уже прилично заплетался.

— Леда... где-е-е... где Эльпис? Она у в-вас?

— Не понимаю, о чём ты, — раздался ледяной голос на другом конце трубки.

— Понимаешь! — Она запнулась, подавляя приступ икоты. — Ты всё, блять, понимаешь! Где Эльпис?

— Ника, она живёт по соседству от тебя. Иди и позвони ей.

— Её нет дома. Уж-же второй день. — Ника почувствовала, как щёки обожгло слезами.

Горло опять сдавило, но на этот раз не тошнотой, а страшной болью.

— У меня нет такой информации. — Ответила Леда.

— Тогда я обраща-щ-щусь в полицию! — Заявила Ника.

— Попробуй. — Был хладнокровный ответ. — Но, если твоя подружка просто решила загулять, они тебе не помогут.

— Пигми знает об... — она всё-таки икнула, — ...знает об этом?

— Кириос предупреждал, что ты будешь звонить. — Уклончиво ответила Леда.

— Так переведи меня на него! — Разозлилась Ника. — Слышишь? Дай ему хренову трубку!

— Такого распоряжения он мне не давал.

— БЛЯТЬ! — Заорала Ника и швырнула телефон о стену. Белый аппарат из дешёвого пластика треснул. Круглый диск сместился со своей орбиты.

Ей показалось, что этого недостаточно, она собрала всю свою ненависть в кулак и треснула по столу. Рука онемела от боли. Ника осела на пол, заливаясь истерическими слезами.

Спустя ещё час она попыталась воспользоваться телефоном снова. К её удивлению, он даже работал, только трубку приходилось теперь держать обеими руками, чтобы она не развалилась на две части.

Ника обзвонила всех участников группы. Никто не видел Эльпис, и все сделали вид, что ничего необычного не произошло. Допытаться до правды не получилось, хотя Ника отчётливо ощущала, что ей чего-то не договаривают.

— Евр, умоляю, скажи, где она! Пожалуйста! — стонала Ника.

— Ники... успокойся. Поспи. — Голос Евра был взволнованным, но выражал полное бессилье. — Утро вечера.

— Евр! Я не буду спать. Ты себя услышь! Эли пропала, но никто и пальцем шевелить не желает. Что если ей нужна помощь? Если она... — Она не смогла произнести вслух слово, которое копошилось у неё на губах, как груда личинок. — А ты мне говоришь поспать? Ты

же знаешь... скажи, пожалуйста, что с ней!

Евр тяжело вздохнул. Надежда щелкнула в сердце, зажглась, словно бедный лучик фонарика в царстве теней.

— Послушай, Ника. — Теперь девушке показалось, что Евр тоже не спал несколько дней. — Я бы очень хотел тебе помочь. Но у меня есть моя семья. И в первую очередь я буду заботиться о них.

Прослушка? Конечно, наверняка, её телефон могли прослушивать. Но кому и зачем сдалось следить за ней?

— Просто скажи, жива она или нет.

— Ника...

— Да или нет? — прервала она его.

Евр ответил спустя очень долгую паузу. Нике уже стало казаться, что он повесил трубку, как вдруг его низкий бас произнес обреченно:

— Я не знаю.

Гермес без конца повторял то же самое. Три самых страшных слова — «я не знаю». Каллимах в разговоре показался Нике странным. Его словно бы подмывало что-то ей открыть, но он постоянно переводил тему, чем взбесил Нику.

Третий день прошёл без изменений. Ника ничего не ела. Вино закончилось. Уснуть она смогла только к ночи. Слушала их пластинку — «Музыка Океании», уносясь мыслями куда-то далеко на заснеженный полуостров Пацифида. Интересно, как там сейчас Торна? Такая маленькая и хрупкая, однако ей предстояло возглавить племя кочевников. Они помогли этой девочке вернуться домой, но сами сбежать не смогли. *Нужно было отпустить её тогда... Нужно было позволить Эльпис уйти в Океанию. Даже против её воли.* Ника отдала бы сейчас свою собственную жизнь, лишь бы не это чёрное неведение, в котором, в конец одичавшие, мысли слали ей самые мрачные образы.

Она уснула, лишь когда вспомнила сказку Торны. Историю про мальчика, у которого отец стал каннибалом, убил и съел свою жену и дочь. Мальчик, его звали Киммуксук, сумел отомстить за убийство сестры, но решил всеми правдами спасти её из царства мёртвых.

Измученный вином и слезами рассудок постепенно засыпал, а в голове, как пластинка на патефоне, крутилась мрачная северная история. Рассказывал её голос Торны, мелодичный, затягивающий, как вязкий мёд:

«Так начались странствия Кимуксука. Вместо того чтобы отправиться в ближайшее поселение за помощью людей, он стал искать вход в мир духов. Однажды возле берега моря он увидел белуху, запутавшуюся в сетях. Так как Кимуксук не был охотником и никогда не пробовал мяса, он решил помочь животному. Нырнул вслед за белухой и разрезал сеть костяным ножом. Каково же было его удивление, когда вместо белухи перед ним оказалась прекрасная девушка с прозрачной кожей и волосами цвета морской волны.

«Спасибо, что спас меня, самой мне было не выбраться», — сказала девушка. Она тоже оказалась колдуньей — рамаси, но не той, что искал Кимуксук. Она поведала ему о том, как угодила в сеть, пытаясь увести охотников от стаи настоящих белух. Никогда раньше она не встречала людей, которые пытались бы помочь белухе, а не убить её. Кимуксук же рассказал белой рамаси о той беде, что обрушилась на его семью. Он рассказал ей о своей сестре Кане, самой доброй и кроткой девушке на всей земле. «Как жаль её, моё сердце скорбит за твою утрату», — сказала ему белуха. В обмен за своё спасение девушка пообещала помочь Кимуксуку вернуть сестру. Свой путь они продолжили вместе, и Кимуксук взял колдунью-

белуху себе в жёны, хоть та и пыталась его отговорить: «Срок людей слишком короток для рамаси, ты уйдёшь слишком рано», но Кимуксук не согласился с ней.

Чем дальше они шли в мир духов, тем более причудливые создания встречались им на пути. Кимуксук видел целые стаи латак (собак с тюленьими головами), видел рогатых волков с длинными оленьими ногами, величественных гигантов, разгуливающих под самыми небесами, и белых медведей с человеческими глазами. Все они хотели прогнать или даже убить чужака, коим он и являлся в их мире, но преданная колдунья-белуха всегда защищала его, отгоняя духов. В конце концов, странники добрались до царства чёрной рамаси. Двор её дома был усыпан человеческими черепами.

«Не ешь и не пей ничего из того, что она тебе предложит», — напутствовала Кимуксука белуха, но он и сам уже знал, что делать этого не стоит. Чёрная рамаси стояла на пороге, перекладывая кости из одной горы в другую. «Зачем пожаловал ко мне в дом?» — спросила колдунья зычно. «За своей сестрой, — отвечал ей бесстрашный Кимуксук. — Она умерла по твоей вине, поэтому я хочу, чтобы ты мне её вернула. «Заходи в мой дом и будь мне гостем», — сказала рамаси, поводя рукой в воздухе.

Во входном туннеле дома путь охраняли две огромные собаки. Увидев вошедшего, псы обнажили зубастые пасти и громко зарычали. На просьбу отогнать собак, чёрная рамаси лишь посмеивалась. Кимуксук уже думал сразиться с псами, но белуха вовремя остановила его: «Прикажи им, и они послушают», — шепнула она на ухо. «К ноге!» — велел Кимуксук грозно, и псы мгновенно присмирели, подошли к страннику и принялись лизать ему руки. Чёрная рамаси лишь злобно поглядывала на белуху, скрипя зубами.

Внутри дома стол был весь уставлен яствами, но Кимуксук ни к чему не притронулся. Тогда чёрная рамаси вложила ему в руку чашку с горячим напитком. «Хотя бы выпей с мороза, — настояла она. — Ни то, обижусь, что не ценишь моего гостеприимства». Кимуксук осторожно поднёс напиток к носу и понюхал его: пахло отваром из душистых трав. «Не пей, муж мой, — остановила его белуха, — её чары одурманили тебя, в чашке горячая человеческая кровь!» Снова удалось Кимуксуку обойти уловки рамаси. Колдунья заламывала руки от злости и почти рычала.

«Хочешь вернуть сестру свою, выходи через вторую дверь во внутренний двор. Там лужа. На дне её лежит череп твоей сестры. Забирай и носи мне», — сказала рамаси. Кимуксук вышел на задний двор, а там вместо лужи было настоящее море. «Вот карга! — разозлился он, — ведь знает, что мне во век не сыскать её». Верная жена Кимуксука и тут не оставила его — обратилась белухой, нырнула на самое дно и в миг возвратилась с черепом.

Вернулся Кимуксук в дом колдуньи и отдал рамаси череп. Тут уже старуха волком взвыла от гнева. «Хитрец! Хочешь сестру свою вернуть? Пусть тогда твоя белуха остаётся здесь вместо неё!» Кимуксук не был готов согласиться с таким условием. Хоть сердце его оставалось чёрствым, он привык к своей доброй супруге, которая уже столько раз выручала его. «Ничего, муж, — утешила его белуха, — я принадлежу этому миру, а тебе пора возвращаться в свой. Иди туда вместе с сестрой твоей, я буду рада пожертвовать собою ради неё. Ради той единственной, кого ты действительно любишь».

Чёрная рамаси вложила череп в руку Кимуксука: «Иди домой. Закопай его в снег и оставь на ночь. На утро на этом месте окажется твоя сестра. И не возвращайся в мир духов больше никогда!»

Так и поступил Кимуксук, не без горести оставив белуху в царстве чёрной рамаси. Череп сестры он закопал в снегу близ их лачуги, а на утро на этом месте действительно

оказалась Кана, но не на том закончилась история брата с сестрой».

Ника заснула. И проснулась.

Серая шершавая реальность никуда не делась. Как она надеялась, что всё произошедшее рассеется, словно страшный кошмар, что на её грязной голове будет лежать белая тонкая рука. Погладит её и прошепчет мечтательно и благоговейно: «С добрым утром, милая».

Вместо этого её поприветствовали головная боль от сильнейшего похмелья, пронзительный свет, льющийся от окна, натянутая струной тишина комнаты.

Она слезла с кровати и почти скатилась на пол. Подобрала расплесканный по полу халат и накинула на худые плечи. На ткани красовался тёмный развод от вина. Ника запахнулась и вышла на балкон.

Ледяной воздух окутал её. Сегодня был один из редких ясных дней, когда с небес восторженно светило солнце, только впервые в жизни оно не приносило ни толики радости, только резь в глазах. Ника глянула на соседнюю квартиру. Та сохраняла неприступную и безутешную пустоту. Нащупав онемевшей от холода рукой пачку сигарет, Ника закурила. Ветер сносил дым, отбирая его из легких. Сигарета не принесла ничего, кроме тошноты.

Она вернулась в квартиру. Собрала волосы в пучок, взяла кошелёк, накинула шубу и спустилась в магазин.

Оказалось, что день уже стремился к вечеру. Сколько она спала? Ника потерялась в пространстве и времени.

Не раздумывая, она купила ещё сигарет, четыре бутылки вина. Подумав, подхватила пятую и вернулась назад в своё логово скорби. Откупорив одну из бутылок, она принялась пить вино из горла. Красный жгучий сок причинял физическую боль, спускаясь в пустой желудок. Ника поставила пластинку, «Музыку Океании». Легла на диван и уставилась в белый потолок, по которому разливались лучи солнца. Из патефона звучал её голос, голос Эльпис:

*Кто о чём, а я все о китах,
Что живут глубоко в облаках.
Мне за ними лететь суждено,
Прямо вверх — на небесное дно...*

*Гладь морскую прижму я к груди,
Попадутся в объятья киты,
Устремимся мы в Млечный Путь,
Чтобы там, наконец, утонуть.*

*Не увидят китов никогда,
Кто часами глядит на моря.
Промелькнёт сапфировый хвост
В океане из лун и из звёзд.*

*Что-то холодно стало совсем
В этом мире дворцов и систем,
Лучше уж побежать босиком
За китовым моим косяком.*

Песня закончилась. *Хорошая песня.* Игла добежала до крайней на пластинке бороздки. Первые же ноты «Песни о китобоях» повергли Нику в ярость. Она подскочила, рывком выдернула пластинку и швырнула об стену. Затем, обессиленная, замерла на полу в рыданиях.

Она допивала первую бутылку вина, когда раздался звонок в дверь. Ника мгновенно подскочила с места.

Всего один гудок. Это не она.

Но бешеное сердце не готово было сдаться так просто. Она бросилась ко входу, отдернула щеколду и распахнула дверь. Сердце рухнуло в бездну. На пороге стоял Каллимах. Его визит удивил Нику так сильно, что она растерялась и не знала, что ему сказать.

Она, по-прежнему, была в грязном халате, с пучком спутанных сальных волос на голове. Ника намеренно не смотрелась в единственное в её доме маленькое зеркальце в ванной — но она прекрасно понимала, насколько отвратительно и паршиво она сейчас выглядела.

Каллимах, к её удивлению, не отшатнулся и не бросился бежать вниз по лестнице. Его зеленоватые глаза блестели знакомой Нике болью.

— Уходи. — Пьяно проговорила Ника.

— Можно? — спросил он, явно напрашиваясь внутрь.

— Скажи, где она. — Потребовала Ника, отказываясь пропускать Каллимаха.

Что он тут делал? Зачем пришёл? Ника по своей натуре не любила мужчин. Нет, она чувствовала себя совершенно комфортно в группе, ставила себя в одну позицию с музыкантами. В лучшие времена они отлично проводили время вместе, веселились и выпивали. Ника была одной из них, своя в доску. Но сейчас Каллимах стоял перед ней совершенно в другом качестве. И Ника понятия не имела, что ему нужно.

Однако в зелёных глазах даже в таком расшатанном состоянии, Ника видела скорбь, видела сочувствие и какую-то совершенно дикую для неё эмоцию — желание взять часть её боли на себя. Она не привыкла доверять людям. Никому в целом мире она не могла довериться, кроме Эльпис. Ей стало не по себе. Как будто кто-то пытался залезть ей под кожу.

Осторожность требовала прогнать его и закрыть дверь. Маленький злой зверёк, который слишком много раз получил по ушам и готов был теперь искушать любую протянутую в его сторону руку, даже если в ней лежал кусочек сала. С другой стороны, её сердце так больно жгло уже который день кряду, что Ника попросту очень сильно устала. Устала настолько, что была готова сдаться, лишь бы кто-то забрал хоть щепотку её боли.

— Я не знаю, — ответил Каллимах, и Ника по суровому лицу поняла — не врёт. — Я принёс гирос. Будешь?

Когда она ела в последний раз? Живот резко скрутило такой болью, что Ника покачнулась, опёрлась о косяк.

Мокрые глаза потупились в пол. Она, молча, кивнула, и Каллимах вошёл внутрь. Она закрыла дверь. Посмотрела ему в спину. *Это первый человек, кроме Эли, который вошёл сюда. Первый мужчина, которого она, в принципе, впустила в свой дом.* Ей вдруг стало нестерпимо стыдно за себя. За свой внешний вид, за разбросанные по всей квартире бутылки, сломанный телефон, разбитую пластинку. Каллимах, не разуваясь, прошёл на кухню. Окинул взглядом разруху, оценил масштаб трагедии, затем занял одну из высоких табуреток, положил свёрток с едой на стол.

Почувяв запах жареного мяса, Ника потеряла над собой всякий контроль. Она села рядом

с Каллимахом и набросилась на еду.

Сознание вернулась к Нике лишь через четверть часа. Каллимах никак не прокомментировал её аппетит, и девушка была благодарна ему за это понимание и за чувство такта.

— Вино будешь? — Спросила Ника, пододвигая поближе к себе бутылку.

Каллимах покачал головой, потом показал ей фляжку, спрятанную во внутреннем кармане его тёплой куртки.

Ника отвинтила вино и сделала глоток прямо из горлышка. Эльпис тоже пила всегда только так. Забавно, обычно это ей приходилось сидеть рядом с Эли и поддерживать её в особо тяжёлые моменты. А сейчас Нике самой требовалась помощь. *Кто сейчас помогает тебе, Эли?*

— Зачем пришёл? — Спросила Ника, несколько расслабившись и смирившись с его присутствием. Она взобралась на барный стул вместе с ногами и с интересом разглядывала свою небритую лодыжку.

Он пожал плечами.

— Подумал, что тебе нужен кто-то рядом.

— Не нужен. — Ответила Ника уверенно.

— Да, такая сильная и волевая. — Каллимах перешёл на ироничный тон. — Сидишь здесь, бухаешь третий день подряд.

— Четвертый, — поправила его Ника. *Если я ещё сама не сбилась со счёту.*

— Мне тоже было плохо, когда пропала Орифия.

— Кто пришёл к тебе, чтобы тебя поддержать?

— Никто.

— Так и уходи отсюда.

— Ты меня ужепустила.

Ника опять не знала, что ему нужно. Зачем испытывать её терпение? Она никого не звала, ни в ком не нуждалась, и уж точно, никто на свете не мог ей помочь сейчас, кроме Эльпис.

— Ты знаешь где она? Что с ней стало? Пигмалион сказал вам что-то, когда вы спустились со сцены. Я точно это знаю!

Путаные мысли стали выстраиваться в цепочку. Пигмалион не пустил её за кулисы во время концерта. Потом вышли музыканты, вели себя странно. *Он запугал их.* Ника вспомнила слова Евра по телефону: «Я бы очень хотел тебе помочь. Но у меня есть моя семья». Эли оттуда так и не вышла и не вернулась домой. Но что бы с ней ни случилось, Каллимах точно хоть что-то да знал.

Он открутил крышку и сделал глоток из своей фляги.

— Давай сыграем в игру. — Предложил вдруг Каллимах.

Ника разозлилась и стукнула кулаком по столу.

— Эльпис пропала! Никто ничего не говорит. А ты предлагаешь играть в игры?! — Закричала она во всю силу лёгких.

Каллимах никак не отреагировал на её гнев. Он отпил ещё из фляжки и покивал.

— Да. Давай сыграем.

— Во что ты хочешь играть? — Оскалилась Ника.

— Правда или действие. Как в старые добрые времена.

Ника посерьёзнула. С Каллимахом они познакомились во время учёбы в Академии. Их

познакомила Эльпис, если быть точнее. Каллимах был старше их на несколько лет и пытался сколотить группу. Может, из-за разницы в возрасте, Нике тогда казалось, что он опекает их с Эли, берёт на себя роль их старшего брата. Лишь после появления Пигмалиона, Каллимах отошёл на второй план. В те беззаботные годы, пока слава ещё не обрушилась на Эльпинику, они действительно классно проводили время. Она помнила лёгкость и непринуждённость, принятие друг друга. Много посиделок, совместные репетиции. Да, они играли тогда в «Правду или действие» и в другие игры для компаний. И хоть предложение Каллимаха сейчас казалось абсурдным и неуместным, она вдруг осознала, что он что-то задумал.

Да к чёрту! — Сдалась Ника и отпила ещё вина.

— Хорошо. Выбирай первый, раз предлагаешь. — Сказала она уверенно.

— Действие, — ответил он, не моргнув.

— Херня! — Разозлилась Ника. — Я хочу слышать правду.

— Ты загадываешь мне действие, — повёл он плечом, как бы показывая, что готов возвести правила игры в абсолют и подчиняться им беспрекословно.

— Загадай правду в следующий раз. — Приказала Ника.

Каллимах покорно склонил перед ней голову с колючими тёмными волосами.

— Торжественно обещаю. — Он отпил. — Твоя очередь.

— Правда. — Ника не понимала людей, которые могли без конца выбирать только «действие». Безрассудные авантюристы.

Каллимах разглядывал её какое-то время.

— За что ты любишь Эльпис? — спросил он, не сводя с неё внимательных зелёных глаз.

Ника удивилась вопросу. Эльпис любили все. Она была эталоном красоты и элегантности. Безупречной. Но Ника понимала, что Каллимах спрашивал о чём-то более глубинном.

— Она единственная, кто увидел меня. Наверное, так. — Ответила Ника. — Даже я сама не вижу себя так, как видит Эльпис. До неё я ненавидела всё и всех. Больше всего ненавидела себя. Она научила меня любить и быть любимой.

— Почему ты ненавидела себя?

— Это уже второй вопрос. Твоя очередь. — Поймала его Ника. Она сделала глоток. — Ты обещал выбрать правду.

— Правда, — согласился Каллимах.

— Где Эли? Не говори, что не знаешь. — В голосе Ники сверкнула сталь. Теперь она точно не примет отговорку.

— Она у Пигмалиона. — Ответил Каллимах. — Где именно, не имею понятия.

— Что ему нужно?

— Эли очень сильно досадила ему с её последним неофициальным треком. Пигми был в ярости. Скорее всего, хочет сломать её.

— Зачем это ему? — Ника чувствовала, как на глаза опять наворачиваются слёзы. Откуда в ней столько воды? Целое море слёз. При мысли, что Эли сейчас плохо или больно, Нику выворачивало наизнанку, все внутренние органы буквально просились на воздух. Её трясло от ужасного озноба. Она не помнила, чтобы когда-нибудь в жизни ей было также плохо.

— Чтобы сделать её покорной. Чтобы владеть ею. Подчинить себе и только себе. — Ника открыла было рот, но Каллимах её прервал. — Ники, ты задала очень много вопросов, и я ответил на них. Твоя очередь.

— Правда. — Сказала Ника посеревающим равнодушным голосом.

— Почему ты себя ненавидела? — Кажется, Каллимах был ещё не настолько пьяным, чтобы забыть то, что хотел узнать. Нике больше всего на свете сейчас не хотелось говорить о себе. Эта тема казалась максимально вторичной.

— Потому что я некрасивая. И бесталанная. Скучная. Серая. И вся моя жизнь ровно такая же.

— Кто тебе это сказал?

Ей не хотелось продолжать, но Каллимах действительно ответил на целых три её вопроса, поэтому она с неохотой отозвалась:

— Не помню. Наверное, мать. Она никогда не была мною довольна. Но я склонна согласиться с ней. Во многом она была права, хоть и оказалась редкостной сукой.

Кирие Паллада походила на яд. Всё, что находилось рядом с ней всегда, быстро увядало. Отец Ники сбежал от своей жены вовремя, не то действительно бы умер. В их старой квартире вяли все цветы без исключения. И овощи гнили в три раза быстрее, чем в других домах. Ника прекрасно понимала, что стоило ей пробыть с матерью чуть больше, не сбеги она из дома, то тоже бы умерла.

— А сейчас? — Спросил Каллимах. — Тоже ненавидишь себя?

— Да, потому что ничего не могу сделать, чтобы спасти Эльпис. Правда или действие?

— Действие. — Ника разозлилась, услышав ответ. *Если он так и продолжит спрашивать «действие», мне до утра не выпытать всего.* Она поняла, что нужно его заставить сделать что-то совершенно неприятное, чтобы в следующие разы Каллимах выбирал только «правду».

Ника встала, прошла вглубь своей спальни и вернулась оттуда с кифарой. Протянула Каллимаху. Ей безумно хотелось сейчас, чтобы ему стало больно, уж слишком спокойным и невозмутимым он выглядел.

— Сыграй любую песню, которую написала Орифия. — Приказала она.

— Ника... — Каллимах опешил.

— Ты сам выбрал «действие». Я хочу услышать её музыку.

— Просто выгони меня на балкон без одежды на час. — Предложил он.

— Нет. Играй. — Потребовала она.

Каллимах набрал полную грудь воздуха и нерешительно взял инструмент. Ника ценила его технику. Она сама играла на арфе и знала тонкости работы с щипковыми инструментами. Каллимах превосходно владел кифарой. По кухне разлилась тягостная музыка, как траурное пение соловья среди сожженного леса. Мелодия обличала что-то скрытое в ней самой, а может быть, в каждом, кто слышал её. Казалось, что горло залили расплавленным свинцом. Ника заплакала. Каллимах не смог закончить композицию, потому что и сам сорвался.

Его пальцы дотянулись до оставленной на столе пачки сигарет. Каллимах закурил.

— Я понял тебя, — сказал он неопределённо. — Правда или действие?

— Правда. — Сказала Ника. Каллимах с сомнением глянул на неё, но никак не прокомментировал выбор Ники.

— Ты когда-нибудь была с мужчиной? — Спросил он, выпуская под потолок клуб дыма.

Ей показалось, что вопросы Каллимаха становились всё более зубастыми. Вслух же она решила отшутиться, лучшая защита — это смех.

— Что за ребячество? Ты не слишком взрослый для таких вопросов?

Каллимах сохранял непринуждённый вид.

— Нет, не была. И ни с кем не была, кроме неё. Мужчины... то есть мальчики мне никогда не нравились. А ещё до шестнадцати лет я не знала ничего другого, кроме музыки. Ещё мне казалось, что мужчины не умеют любить, что они хотят только обладать. И казалось, что я не заслуживаю любви вовсе. Правда или действие?

— Правда. — Ответил Каллимах. Он покончил с сигаретой и пил дальше из своей фляжки.

— Как мне найти её? Ты ведь не просто так пришёл. Скажи. Ты знаешь. — Ника не сводила с него глаз. — Я же вижу, Каллимах. Ты знаешь.

— Пигмалион объявил какой-то банкет через неделю. Скорее всего, она будет там.

— Банкет? — Ника оживилась. — Почему я про это ничего не знаю?

— Всё просто. Он не хотел, чтобы ты туда пришла. Он хочет от тебя избавиться. Ему нужна только Эльпис. И ему нужно обладать ею.

— Помоги мне туда попасть! — Ника понимала, что разобьёт любую стену, чтобы добраться до неё. Теперь, когда у неё была цель, она была готова биться головой о глыбу льда, лишь бы оказаться рядом с Эльпис.

— Твоя очередь, Ника. Правда или действие?

— Правда.

Каллимах посмеялся, но этот смех не показался Нике беззаботным и весёлым. Теперь она чувствовала, что и его ломает от боли.

— Скажи, ты когда-нибудь задумывалась, что всё не так, как ты придумала? Что Эльпис по-своему пользуется тобой. Что ей с тобой удобно, потому что ты без конца решаешь её проблемы. Терпишь её истерики. Превозносишь её. Ты думала когда-нибудь, что она не единственный человек на земле, который видит тебя? Что ты красива? Что ты красивее Эльпис? Что тебя могут любить другие люди?

Ника испугалась. Прочная броня вокруг её сердца получила повреждения. Вопросы Каллимаха оказались совершенно неуместными. Её стало пугать, куда он вёл свой разговор. Вслух она сказала:

— Это был вопрос? Что ты хочешь услышать от меня? Нет. Нет на всё.

— Ты, правда, не понимаешь? — Каллимах выглядел вконец отчаявшимся. — Ника, мир не должен вращаться вокруг одной Эльпис! Тебе нужно есть, спать, мыться, думать о себе тоже. И о других людях, не только о ней.

— Выбирай — правда или действие?

— Действие.

— Проведи меня на тот банкет.

Каллимах терял самообладание. Да, она намеренно проигнорировала всё то, что он сейчас наговорил.

— Да легко! — Крикнул он совершенно одичавшим голосом. — Хочешь на банкет? Я устрою. — Вдруг он влез во внутренний карман куртки, откуда вытащил фляжку и швырнул какой-то листок на стол. — Забирай пригласительный. Иди вместо меня. Мне наплевать!

Ника схватила листок. Надпись была краткой и красноречивой: «Приём в Бальном театре Харибды. 542 день после конца отсчёта. Время: 19:00. Дресс-код — белый галстук». *Белый галстук? Самый торжественный стиль одежды. Вечерние платья с перчатками и строгие парадные костюмы для мужчин.* Белый галстук означал что-то исключительно церемониальное. Ника не знала, что именно, но на этом вечере должно проходить, по

истине, роковое событие.

— Спасибо, — сказала она с искренней благодарностью. — Я понимаю, что ты подставляешься, отдавая мне пригласительный. Я ценю это.

— Забудь. — Отмахнулся Каллимах. Вот теперь он казался Нике достаточно пьяным. — Выбирай — правда или действие.

Ника хотела было опять выбрать «правду», но тут ей стало не по себе из-за слишком прямолинейных и липких вопросов Каллимаха. Она подумала, что игра и без того подходит к концу. Во всяком случае, она добилась от него того, что хотела. Теперь у неё хотя бы есть надежда увидеть Эльпис. Реальность стала приобретать хоть какие-то отличимые контуры, блеклая жизнь напиталась смыслом.

— Действие. — Сказала Ника, надеясь, что Каллимах не станет мучить её слишком сильно.

Сначала ей показалось, что музыкант раздумывает над заданием. Он казался таким же невозмутимым, как вначале их посиделки. Потом вдруг Каллимах резко вскочил с места, уронив свою табуретку, в один миг оказался возле неё и впился губами в её губы, притянув её лицо к себе руками. Его поцелуй был горячим и страстным, словно он бродил три дня по жаркой пустыне и вдруг, наконец-то нашёл пруд с чистой прохладной водой. От Каллимаха пахло дорогим виски и дешёвым одеколоном. В его прикосновениях Ника отчётливо ощутила разорвавшуюся на части страсть.

Она оттолкнула его с силой, едва придя в себя от потрясения. Каллимах, к её облегчению, не стал сопротивляться.

— Ника, прошу. Я вижу тебя. Я всегда тебя видел. Я вижу тебя лучше Эльпис.

— Уйди... — прошептала она растерянно. *Только бы он не начал сопротивляться. Пожалуйста!*

— Если для тебя это важно, — он махнул рукой на стол, — ну так иди. Но ты не знаешь, что тебя ждёт. Может быть, Эльпис никто не удерживает силой. Может быть, это её выбор. Иди. Узнаешь. Я бы всё равно туда не пошёл. Нахрен сдались их белые галстуки. Если для тебя важно, то иди. — Ника видела, что он окончательно сорвался в истерику, потеряв всякий контроль над собой. — Ники... Ники... — его голос смягчился, играясь с её именем. — Я всё сделаю, что спросишь. Только не отвергай меня. — Он попытался протянуть к ней руку, но Ника отпрянула назад. — Что ты, Ники? Ты меня боишься? Нет, прошу, не стоит меня бояться... Я ведь ничего тебе не сделаю... — Каллимах пугающе зашатался.

— Каллимах... — растерянно проговорила она. — А как же Орифия? Ты ведь с ней уже больше пяти лет... я думала, вы поженитесь, я думала, вы...

— А что мне было делать, если ты не видела ничего кроме Эльпис? — Воскликнул он. — Никогда и ничего. Тебе было плевать на весь мир. Лишь бы была Эльпис. Как ты думаешь, ей тоже было плевать? Или... или нет.

Нику пугал этот разговор. *Нужно выгнать его. Так быстро, как только возможно.*

— Да, я встретил Ори. И она была славной. Я даже полюбил её по-настоящему. Я так устроен, Ники. Мне нужно заботиться о ком-то. Но Орифии тоже было мало моей любви и заботы. А может, она чувствовала фальшь. Это её выбор, я не осуждаю её. Сбежала она сама? Может быть. Этого я не узнаю. Но я понял, когда ты позвонила, что мне всё ещё есть о ком заботиться. И что ты нуждаешься во мне. Поэтому я здесь.

— Каллимах... — Ника протянула к нему руки. — Я люблю Эльпис. Я люблю только её.

Мне жаль тебя ранить. Но я никогда не...

— Не продолжай. — Остановил он её. — Я всё это знаю. Дело твоё, но... — Зелёные глаза заметались по комнате, как светлячки. — А к чёрту всё это, Ника. Я скажу Пигмалиону, что дал тебе пригласительный. Пусть делает, что хочет. Найдёте другого кифариста, если от Эльпиники ещё хоть что-то останется. С меня хватит. Я же с самого начала с вами. Сколько грёбаных лет прошло! Прошёл конец света. Я устал постоянно видеть тебя и не иметь права дотронуться. Не иметь даже жалкого клочка надежды. Ты сказала, что тебя никто никогда не видел, кроме неё. Ники, ты же сама никого и ничего не видишь. Эльпис — да, ослепительная. Но она затмила для тебя вообще всё.

— Пожалуйста, уйди, — прошептала Ника, голос разрывал плач. Ей казалось, по горлу ползёт вверх змея.

— Ты говоришь, что мужчины хотят обладать, но сама хочешь того же.

— Я люблю её! — Слезы брызнули из глаз Ники.

— Но её здесь нет! — Закричал в ответ Каллимах. — Я сейчас здесь! Я стою перед тобой и признаю тебе в чувствах, а тебе всё также насрать. — Он прервался. Вдруг бросился снова к ней. Ника испугалась и закрылась от Каллимаха руками. — Думаешь, я ударю? — Его рот разорвала истерическая улыбка. — Ну и дура!

Он так и не дотронулся до неё, развернулся и выбежал из кухни.

— Прощай, Ника. — Сказал он на пороге, зажав в губах сигарету, а затем ушёл, хлопнув дверью.

Ника ещё несколько минут остолбенело застыла на своём прежнем месте. Сердце колотилось в груди, как припадочное. Её трясло.

Эльпис пропала, теперь Каллимах уходит из группы. И не факт, что остальные музыканты останутся после угрозы в их адрес. Всё, что мы строили столько лет... всё обращено в прах.

Она вдруг вышла из оцепенения. Ника взглянула на пригласительный билет на столе. *Пигмалион хочет, чтобы Эльпис сделала какое-то объявление. Об этом должны были знать все, кроме меня. Каллимах отдал свой билет.* Ей вдруг стало страшно за него. Если Пигмалион мог удерживать Эли в заточении так долго за её выходку на сцене, то, что он сделает с Каллимахом? Стыд расползся по груди. Она вскочила с места.

— Каллимах! — Закричала Ника, выбегая к входной двери. Она вылетела на лестничную площадку. Тёмная сырость подъезда охладила эмоции. — Каллимах, стой!

Тишина и пустота заполнили коридор. *Он хотел помочь. А я прогнала его. Он готов понести наказание, а оно будет страшным. Нужно сказать ему, чтобы уезжал из города. Неважно куда.*

Что-то отделилось от сумрака. Живое, клокочущее, скользкое. Сначала Нике показалось, что это Каллимах вышел из тени, но только человека она так и не увидела. Серая тень прокралась по лестнице, подползла ближе и замерла у её ног.

— Что это? — прошептала Ника самой себе и нагнулась вниз, силясь разглядеть существо. *Крыса? В элитном доме?*

Она протянула руку к сгустку темноты и внезапно тень сама бросилась к ней в ладонь. Нику обуяло холодом изнутри. Живот резко скрутило, страх застлал сознание, а перед глазами на миг мелькнула беспроглядная тьма.

Через секунду всё отступило. Ника захлопнула дверь изнутри и защелкнула щеколду. Тошнота подкатила к горлу, и её тут же вырвало на пол красным месивом вина вперемешку с

недавним гиросом.

Ника отползла от мерзкой лужи и обхватила руками колени. Её всё ещё колотила дрожь. Стало на удивление неуютно и зябко. Она сорвала с вешалки шубу, закуталась в меха, но скользкое чувство внутри не проходило. Казалось, что миллионы невидимых глаз следят за каждым её шагом. Она рывком набросила на голову капюшон. Стало гораздо лучше. Шуба показалась ей латным доспехом.

Ника вернулась на кухню и ещё раз взглянула на пригласительный.

До приёма осталось пять дней. Нужно привести себя в порядок. И раздобыть платье... а может, лучше костюм.

Ника решила, что чтобы ни произошло в Бальном театре, она непременно вернёт Эльпис домой. Или не вернётся сама.

Глава VIII. Пандора

531 день после конца отсчёта

Ей так не хотелось просыпаться. Все тело и душа были словно парализованы усталостью, а желанный отдых только начинал вливаться в них, наполняя Вестанию силами. Под землёй, скрытая грудой костей от внешнего мира, она спала в одной из комнат Некрополя. Сон был глубоким, целебным, вот только сновидений она не увидела, как не видела никогда прежде. Была ли причина в тени, о которой рассказал Алкид?

Вестания потянулась, попробовала открыть глаза, но те были всё равно, что склеены воском. Почему она проснулась? Понять это удалось достаточно быстро. Снаружи стоял жуткий шум. Громкие шаги, разговоры, но пронзительнее всего звучали суета и паника.

Что-то происходит, — поняла она, поднимаясь на кровати и слясь рассмотреть что-то во мраке этого подземелья, где свет повсюду слишком блеклый.

Стоило прийти в себя, как до неё стали доноситься обрывки разговоров, смысла понять ещё не удавалось, но по обеспокоенному тону она поняла, что ничего хорошего этот день им не сулил.

— Тереня, ты спишь? — позвала Вестания, повернувшись к противоположной стене, где стояла вторая кровать. — Слышишь меня?

Она вскочила с кровати и принялась ощупывать стену в поиске выключателя. Ориентироваться в незнакомом помещении было сложно, но, в конце концов, на потолке зажглась жёлтая лампочка.

— Веста... что случилось? — сестра сонно щурилась и закрывалась рукой от света.

— Вставай, — приказала девушка. — Там что-то происходит. Надо пойти узнать.

Тереня едва успела подняться, как вдруг они вдвоём непроизвольно осели на пол от страшного грохота, прозвучавшего где-то недалеко. После него до них сразу донеслись звуки стрельбы. Вестания почувствовала себя испуганным кроликом, который чувствует опасность, но от страха не знает, куда бежать.

— Одевайся! Быстро! — приказала Вестания, решив, что, во всяком случае, пока им ничего не грозит.

С момента взрыва не прошло и минуты, как они были готовы к любым действиям. Вдруг дверь открылась, заставив сердце Вестании подпрыгнуть от страха. Оружия у них не было, что ей делать?

К счастью, на пороге стоял Аластор, в одной руке у него была трость, в другой он держал пулемёт.

— В порядке? — спокойно спросил он и, не дожидаясь ответа, добавил: — Пошли.

Ей захотелось воспротивиться ему, сказать какую-то колкость про вчерашнее, обвинить в том, что он вошёл без стука, напугав их. «Ты нам не отец!» — сказала она ему вчера, пока у неё ещё была смелость ненавидеть его. Но сейчас всё изменилось. Они все слышали взрыв. Инстинкт выживания брал верх над всеми принципами. Она без колебания потянула Теренею за рукав и потащила следом.

— Что произошло? — спросила Вестания, как только они оказались в коридоре.

— Я слышал, как говорили об армии Акрополя, — сказал он, идя в сторону главного зала, прихрамывая. — Похоже, они здесь.

— Что это был за взрыв? — спросила Тереня, но Аластор не успел сделать

предположения, как им навстречу выбежала Веспер.

— Все целы? — бросила она взволнованно. — Пошли за мной, я помогу вам выбраться.

«Где Фрикс?» — хотела спросить Вестания, но тут раздался ещё один взрыв, от которого вздрогнули стены, обрушив на пол несколько костей и черепов, видимо, таких древних, что те сразу рассыпались в прах.

— Быстрей, быстрей! — она указала им в направлении «обители теней».

Они опять спустились ещё на уровень ниже. На этот раз Веспер не просила их разоружиться, они вошли в комнату Алкида без каких-либо преград.

Лидер Сопротивления был там, он сидел на полу, разбирая какие-то чертежи. Вместе с вчерашнего пёстрого, теперь на его голове был ярко-красный парик с длинными волосами, завивающимися на кончиках. Выглядел он странно, но зато вполне мог сойти за девушку.

— Что там наверху, Веспер? — спросил Алкид, не отрываясь от чертежей.

Вдруг Вестания почувствовала такое головокружительное облегчение, что ей стало немного холодно. Фрикс тоже был здесь, стоял возле стены рядом с двумя манекенами, отвёрнутыми один от другого. Он походил на призрака, выходца из другого мира. Девушка вспомнила вчерашнее и спрятала глаза, как только он её заметил.

— Дардан и его люди завалили два главных туннеля, — сказала Веспер обречённо. — Многим солдатам удалось проникнуть в зал, где их сразу же застрелили. Но их больше. Если они намерены убить нас всех, то они это сделают.

— Уничтожьте все коридоры. — Распорядился Алкид равнодушно. — Но только так, чтобы похоронить под костями максимально много солдат.

— Но тогда мы же тоже останемся здесь запертыми! — испугалась Вестания.

— Не вы, дитя, — успокоил её Алкид, впервые взглянув на вошедших. — Вы покинете Термину раньше этого события. В каком-то смысле вам даже повезло, все будут слишком заняты, чтобы ловить вас. Вы выйдете по туннелю прямо к вокзалу Термины.

— Какой смысл вам оставаться здесь? — спросил Аластор. — Ты же сам сказал, что они сильнее. Сопротивления больше нет. Сколько бы людей Акрополь сегодня ни потерял, они всё равно разобьют вас.

— Аластор, мне очень лестна твоя забота. — Улыбнулся Алкид почти ласково. — Но ты не прав на счёт нашего поражения. Я бы рассказал тебе свой план во всех возможных деталях и красках, только на это совсем нет времени. Если кратко — я хочу увести отсюда как можно больше людей по тем выходам, что ещё остались. Потом мы завалим их. Внутри останутся лишь те, кто примет это добровольно. А потом грянет час «Пандоры». То, над чем мы работали все эти годы, то, к чему готовились так долго.

— Что такое «Пандора»? — спросил Аластор.

Ответ вертелся на языках не только у активистов, но и у самой Вестании. Она была уверена, что и у Теренеи, и у Аластора тоже. Они все знали правду, но она была слишком страшной, чтобы поверить в неё или чтобы произнести вслух. Алкида называли по-разному: его сравнивали с гидрой, с пожаром, называли символом революции, тенью, они превращали его имя в лозунги: «С нами тень Алкида», «Алкид в каждом из нас», но была и ещё одна агитационная фраза...

«СЛАВЬСЯ, ЯДЕРНАЯ БОМБА!»

— Мы работали над ней много лет, — произнёс Алкид. — Нам невероятно повезло, что при побеге Веспер унесла все разработки над ней, её зовут «Пандора». За всю историю мира была лишь одна война с участием ядерного оружия. Одну бомбу взорвала Гиперборея, одну

Ойкумена. Раньше в местах взрыва стояли процветающие города, теперь там заброшенные руины, и после этого государства прекратили друг с другом какие бы то ни было контакты. Акрополь проводил работу над созданием новой водородной бомбы, но теперь ею владеем мы. Она не очень мощная, не та, как те две малышки, положившие конец перемирию на материке, но «Пандора» способна уничтожить Акрополь.

— Тогда Термина падёт, — произнёс Аластор тихо.

— Нельзя победить без жертв. — Сухо констатировал лидер Сопротивления. — Ты думаешь, ясноглазый, я просто так оказался в камере? Думаешь, они случайно меня сцапали? — В этот момент Вестания ощутила неприятный холодок, пробежавший по спине. — Мне нужны были точные координаты, для этого я должен был попасть внутрь. В перевалочном пункте недалеко от Термины есть дирижабль с «Пандорой» на борту. Если сбросить её прямо в Акрополе, то их не спасёт ни одно бомбоубежище.

— Земля будет заражена на многие километры вокруг. — Продолжил Аластор. — Ты уничтожишь тысячи, а может, миллионы невинных.

— И всё равно это лучше, чем ждать конца света. — Заявил Алкид, поднимаясь с пола. — Это будет жертва, но она не пройдёт зря. Я добьюсь своей цели. Когда власти в Термине будут уничтожены, мы пойдём на Сциллу и Харибду и заставим тамошних политиков оставить пост и разоружить армию. Мы найдём каждого, кто согласится примкнуть к нам, и создадим анархию в Ойкумене. Всего за год Сопротивление обретёт такие масштабы, что мы и сами забудем, что когда-то нам приходилось прятаться под землёй. И когда будет уничтожен последний Акрополь, мы построим новый мир, где не будет автократии и тирании.

— Я не верю в это, — произнёс бывший наёмник. — Ты сам ничем не лучше любого политика на поверхности. Такой же жадный до власти стервятник.

— Хочешь остановить меня, ясноглазый? — Алкид шагнул ближе к ним. — Застрели меня. — Вестания заметила, как Веспер напряглась, хотела что-то сделать, но лидер Сопротивления остановил её жестом. — Ты ничего не исправишь, если убьёшь меня. Я отдал приказ. Бомба будет взорвана, со мной или без меня. Цепочку событий уже не остановить.

— Вы же все можете погибнуть от взрыва, — проговорила Вестания. — Кому тогда править?

— С нами Тень Алкида, — произнёс он, загадочно улыбнувшись, — и она в каждом из нас. — Вдруг он переменялся в лице. — Если хотите спастись, то вам нужно уходить сейчас. Чем дольше длится наша беседа, тем ближе подступают солдаты. Я не могу так рисковать.

Аластор так и не выстрелил, а Вестания не смогла решить, правильно он поступил или нет.

— Веспер, звёздочка моя, — почти нежно произнёс Алкид. — Ты не исключение. Как и всем остальным, я предлагаю тебе покинуть Некрополь вместе с детками и их сторожевым псом. Другого шанса у тебя не будет.

— Я никуда не иду, Алкид. Я тебе уже говорила. — Заявила она, и Вестания слышала сколько решимости она вложила в эту фразу.

— Ты же понимаешь, что Некрополь — не бункер, это общая могила. Никто не может предсказать, выдержит ли потолок взрыва, а если да, мы не знаем, сумеем ли мы потом выбраться из-под земли.

— Я останусь с тобой, — упёрлась она.

— На поверхности звёздочка могла бы замерцать. Жаль. — Девушка услышала в его

голосе неподдельную жалость. Алкид разгладил черты лица, превратив его в женское. — Фрикс, — вдруг произнёс он решительно. — Уводи их отсюда, мы только теряем время, прощаясь.

— Вesper... — Прошептала Тереня, и активистка наклонилась, обняв её. Всё вдруг переменилось. Они поняли, что прощаются навсегда, и хоть Вестания и чувствовала странную благодарность к рыжеволосой девушке, она не могла не думать о Фриксе.

— Берегите друг друга, — пожелала Вesper сёстрам, после того, как они обнялись, попрощавшись.

— Прощай. — Сухо обронил Аластор.

Вesper вдруг строго ткнула пальцем в грудь Аластора.

— А ты несёшь за них ответ теперь! — объявила она. — Если с ними что-то случится, это будет твоя вина!

Вестании не понравился такой вердикт, но в то же время она понимала, что без Аластора они не справятся, и уж точно без него они бы не стояли здесь сейчас.

Фрикс сорвался с места, подошёл к дальней стене комнаты и отодвинул от неё шкаф, за которым скрывалась потайная дверь. Склянки и какие-то незнакомые Вестании приборы на полках зазвенели.

— Спасибо вам, — сказала она Алкиду. Не хотелось с ним заговаривать, но просто так уйти они не могли, он слишком много для них сделал.

— Мы квиты. — Улыбнулся он, не пытаясь приблизиться к сёстрам, должно быть, понимая, что они не очень-то этого хотят. — Фрикс, задержись на одно мгновение. — Попросил Алкид.

Революционер покорно подошёл к своему главарю. Алкид обнял Фрикса, как-то совсем нежно. Ей показалось, что они хотели поцеловаться, но вместо этого андрогин отодвинул тонкими пальцами светлые волосы парня и прошептал что-то ему на ухо. После этого прощания они тут же отстранились друг от друга, и Алкид дал ему знак уходить.

— Фрикс знает, как перевести стрелки. Он отведёт вас на вокзал и убедится, что вы покинули Термину. Я дам вам около пяти часов на то, чтобы уехать так далеко, как сможете. Потом взорвётся «Пандора». Взрыв будет не таким сильным, но, возможно, вы почувствуете толчок. Фрикс, — в последний раз обратился он к парню. — Ты знаешь *всё*, что должен сделать?

Он кивнул в ответ без воодушевления, как будто соглашался с приговором на смертную казнь. Вesper в последний момент рванулась с места, подбежала к Фриксу, ворвавшись в его объятия, и ласково поцеловала его в щёку, после чего провела по ней рукой, словно стирая следы своего внезапного душевного порыва.

— Уходите. Найдите Океанию или что-то получше этого мира. — С этими словами Алкид и Аластор обменялись кивками, и лидер Сопrotивления повернулся к ним спиной.

Вesper отпустила Фрикса, так больше и не произнеся ни слова. Она смотрела, как они зажигают несколько свечей и уходят. Уже в туннеле Вестания оглянулась назад, но тьма и первый поворот тут же поглотили «обитель теней», скрыв её из вида.

Фрикс шёл первым, Вестания и Тереня следовали за ним, Аластор завершал процессию. Они вчетвером почти неслись по коридору, так, что вскоре Вестании стало сложно дышать. Фрикс замедлил шаг, обернувшись к ней, и вдруг взял за руку.

— Фрикс... — прошептала Вестания, даже не надеясь на то, что её слова будут услышаны только им одним. — Пойдём с нами, пожалуйста... — он лишь крепче стиснул её

руку в своей. — Ты же знаешь, что у Алкида ничего не выйдет.

Он молчал.

— Ты больше ничем ему не обязан. Всё кончено.

— Идите вперёд. — Вестания остолбенела, мгновенно выпустив его руку, словно она внезапно обожгла её. — Дойдете до развилки, остановитесь. Нужно завалить этот проход.

— Фрикс! — Вестания поверить не могла в то, что, наконец, слышит его голос.

— Фрикс, ты разговариваешь! — не удержалась Теренея.

— Потом-потом, — он остановился, прижавшись к стене, чтобы пропустить их вперёд.

Звук его голоса. Он был таким новым, громким, мелодичным. Так красиво могла звучать лишь вода, тронутая мелкой рябью. Ещё когда-то глубоко в детстве, когда были ручьи и пруды, а не только лёд. Ещё когда они находили время для забав, бросая плоские камешки в воду, а те отскакивали от поверхности, создавая идеальные круги, а не замкнутые спирали.

— Ты точно вернёшься? — усомнился Аластор, насильно проталкивая Теренею по коридору вперёд.

— Поэтому мне и нужно завалить проход сейчас. — Вестания увидела, как он достал динамит, — чтобы дороги назад не было.

— Возле первого поворота. — Строго заметил Аластор, на что Фрикс обречённо кивнул.

Они углубились внутрь коридора. Вестания не хотела идти, не хотела так надолго отпускать его. Что, если он, правда, бросит их тут? Завалит проход, но с противоположной стороны, отрезав их от Некрополя, не знающих дорогу в этом лабиринте? Сумеет ли Аластор их вывести? Получится ли тогда у них уехать из Термины?

Но Вестания отгоняла такие мысли. Она проверила тень. Та была на своём месте. *Ты знаешь, что у него на уме?* Ей даже показалось, что она услышала тихое шипение, но не могла разобрать слов. *Кто ты?* — но тень не ответила.

Не успели они достигнуть развилки, как раздался громкий взрыв, от которого вздрогнули ненадёжные стены. Вестания зажмурилась, слегка присев. Аластор тотчас оказался рядом, она не успела даже заметить, в какой момент он прикрыл её. *Ты всё ещё пытаешься доказать, что я могу тебе верить?* — подумала она, обжигая его взглядом. Если бы не он, то вчера они с Фриксом могли провести вечер вместе, и она бы не чувствовала себя сейчас такой потерянной.

Что, если он, правда, не придёт? Не могло так быть! У неё было столько вопросов, на которые только Фрикс мог ответить. Он бы не заговорил с ними сейчас, если бы хотел бросить тут.

Звук его голоса... мелодия весны.

В неясном трепете свечи ей виделась заря. Не так уж и долго они пробыли под землёй, всего одну ночь, а Вестании казалось, что в последний раз солнце она видела тысячу столетий назад. Конечно, чаще всего их небо было затянуто тучами, мечущими ливни снега на обречённую землю, но всё же на поверхности не так безнадёжно, как здесь.

Долгое время они не слышали ничего, затем всё-таки из глубины туннеля донёсся звук шагов, и через минуту Фрикс предстал перед ними. Одежда и волосы были покрыты пылью и землёй, но чистые голубые глаза устремились в даль коридора.

— Пошли, времени мало, — произнёс он, заставив Вестанию ещё раз содрогнуться от необыкновенного тембра его голоса.

Они вновь продолжили подъём по петляющему узкому туннелю. Фрикс держал её за руку, и это показалось Вестании самым естественным из того, что могло произойти. Пусть хоть их сейчас расстреляют солдаты янтарной армии, пусть обвалится потолок, или всю Термину испепелит гневный огонь революции, теперь она была согласна на всё, лишь бы эта рука не отпускала её.

— Фрикс... — она хотела столько всего сказать, столько всего спросить у него, но с губ срывалось лишь имя. Вестания многое готова была отдать за способность общаться мыслями, не произнося слова вслух, не разрушая сокровенное таинство молчания.

— Странно, я заговорил, а все остальные онемели, — усмехнулся он.

— Что происходит? Ты пойдёшь с нами? Алкид отпустил тебя, так? — вопросы тотчас посыпались сами собой.

— Вы всё слышали. Я помогу вам выбраться.

— И поедешь с нами? — тут уже заговорила Теренея.

Интересно, что она вообще думала обо всём этом? Вот Аластор, наверняка, был против, потому молчал. *Ему ли решать? Его вообще не должно было быть здесь!*

Ей нравилось то, что они больше не были одни с Теренеей. Вдвоём было бы сложно, она бы не справилась, но вот идея отправиться в странствие с надоедливой сестрой и убийцей ей никак не нравилась. В конце концов, это Теренея настояла на том, чтобы Аластор пошёл с ними, значит, она может позвать с собой хотя бы Фрикса.

Вдруг Вестания опять вспомнила, что на самом деле никогда не была одна, и по спине пробежал жуткий холодок, словно её тень проскользнула где-то под кожей вдоль позвоночника.

— Ты больше не служишь Алкиду, так? Он тебя отпустил? — спросила Вестания.

— Он просто вернул мне голос. Я выполняю последнюю его просьбу.

— Скажи, что ты поедешь с нами! — попросила Вестания.

— Если ты этого хочешь.

От его голоса и руки, от него самого исходило такое далёкое тепло. Он ведь был ей ближе всех остальных, он был родом из Гипербореи, она чувствовала это странное родство крови, которого ей не хватало в Теренее. Тайна их происхождения перевернула всю её жизнь вверх тормашками. Ей казалось, что теперь любой, кто встретится им на пути, сразу сумеет рассмотреть в них чужаков, кровных врагов. Словно никто больше никогда не станет относиться к ним по-другому, и только Фрикс нёс в себе тот же потенциальный вирус, так же, как и она, Фрикс был проклят. Вестания думала, что если они объединятся против всего мира, то это обернётся величайшим счастьем. Они будут друг для друга, и тогда ни Теренея, ни Аластор, ни Алкид уже не сумеют им помешать.

Вестания не смогла произнести этого вслух, но слова и не требовались. С Фриксом было привычнее молчать. Зачем им нужны теперь слова? Он вёл её за руку, догнать его и поравняться было непросто, но Вестания хотела бежать с ним на одном уровне, рука в руке и две свечи, что озаряли мрак подземного туннеля. Фрикс замедлил бег так, чтобы девушка поспевала за ним. В трепетании маленького огонька она видела его лицо, омытое сумраком, его острый подбородок, тонкие губы и хитрые лисьи глаза.

— Ты точно знаешь, как перевести стрелки? — спросил Аластор откуда-то издалека, из того мира, куда Вестания не хотела возвращаться.

— Да. — Он обернулся к наёмнику. «Да» Фрикса сотрясло стены. — Алкид объяснил мне, как, сегодня утром, — сказал Фрикс. — Он хотел бы сделать это самостоятельно, но

должен оставаться с армией.

— Он предложил Веспер уйти, но она отказалась. — Заметила Теренея. — Выходит, ты не захотел...

— Алкид не дал мне выбора, — вдруг произнёс Фрикс. — Он отдал приказ.

— Но он говорил, что каждый выбирает сам: покинуть Некрополь или остаться с ним, — сказал Аластор. — В чём дело?

— Мне он выбора не дал. — Повторил Фрикс. — Я бы остался там... но, если он послал меня с вами, значит так надо.

— Ты серьёзно намерен присоединиться? — Засомневался Аластор. Вестании не понравился тот тон, с которым наёмник произнёс вопрос. Она хотела возразить, осадить его, напомнить, кто принимает решения. Пока она держала Фрикса за руку, она могла позволить себе эту смелость, но потом вмешалась сестра.

— Но это же хорошо, да? Фрикс сильный, он может сражаться. Чем нас больше, тем больше шансов дойти до...

— Тера! Помолчи. — Огрызнулась Вестания, которой больше всего на свете не хотелось слышать сказки о волшебной стране.

Как ни странно, сестра послушалась, не стала препираться.

— Давайте для начала выберемся отсюда. — Изрёк Фрикс отстранённо, положив конец разговорам на некоторое время.

Вестания была даже рада помолчать. Дышать в туннеле становилось сложно, к тому же на бегу. Несколько раз они замедлялись, переходя на шаг, но девушка всё равно чувствовала, что не может насытить лёгкие. В чем была причина одышки? Бег? Страх? Сигареты? Или всё-таки тень? Она вспомнила, как Алкид говорил о тенях, о том влиянии, какое они оказывают на людей. Трудность при дыхании входила в перечень симптомов. Как и холод, как и страх, как и боязнь света...

Она думала про Фрикса и Алкида, про то, что они были вместе. «Фрикс любил в Алкиде женщину», — сказала Веспер. Так что, это могло считаться нормальным? Алкид сам по себе противоречил любым законам природы, его называли «Перфекцией», идеалом мысли, что создал Акрополь, но Вестания бы скорее причислила его к совершенству чего-то сломанного, неправильного, весь он олицетворял хаотичное безумие, как часы, бегущие то в одну, то в другую сторону. Почему Фрикс, Веспер и остальные видели в нем полубожество, лидера, авторитет которого они не ставили под сомнение? И каким образом подпускали так близко к сердцу?

Она вспомнила то, что ей рассказали о Фриксе Кирка и Веспер: Алкид намеренно приблизил Фрикса к себе, чтобы оградить и защитить его от остальных повстанцев. Интересно, как сам лидер Сопrotивления относился к гиперборейцам? Что думал на этот счёт Фрикс? Она не знала о второй стране ничего. Растили ли их в такой же ненависти к Ойкумене? Был ли государственный строй и власти во второй стране лучше, чем Акрополь? Или на всем материке не осталось счастливого народа?

«Кроме Океании», — предвидела она ответ сестры. Когда-нибудь Теренея перестанет мечтать и жить детскими сказками. Когда-нибудь, стоя на краю мира, спиной к разрушенным и опустошённым смертью городам, она поймёт, что их единственная надежда — просто идти вперёд. Идти так долго, как они только смогут. Так далеко, как никто никогда не забирался. Туда, где нет Предела.

Тут они оказались в тесном, узком туннеле. Им пришлось пригнуться, потолок нависал

над головами. Фрикс крепче сжал её руку.

— Не волнуйтесь, мы почти дошли, — пообещал он. И Вестания поверила ему. Ей хотелось положиться на него во всём. Пусть он проведёт её через все снежные пустоши. Рука в руке. И ей не о чем переживать.

С каждым шагом лаз всё сужался. Вестания уже совершенно не понимала, где они находятся и сколько им ещё предстояло пройти. Тут Фрикс принялся ощупывать стены, стуча по ним кулаком. После третьей или четвёртой попытки стена отдалась глухим стуком.

— Мы никогда не пользовались этой дорогой, — пояснил он, прижимаясь к противоположной стене спиной так, чтобы был хоть какой-то размах для удара. — Коридор выходит в подсобное помещение здания вокзала. — С этими словами он со всей силы ударил ногой по старой каменной кладке.

Аластор пролез ближе к нему, места в туннеле едва хватало на то, чтобы разойтись.

— Откуда ты знаешь, куда он ведёт? — спросил он, толкнув с такой силой, что камни вздрогнули.

— Алкид пользовался им. Там есть выход дальше, но нам нужно сперва проникнуть в вокзал, чтобы разблокировать рельсы...

— Куда ведёт выход? — спросил Аластор. Камни затряслись от нового удара. Где-то на другой стороне они слышали звук падающих на пол опшметков цемента.

— Сразу за зданием вокзала есть потайной выход под землю. Отсюда вверх ведёт верёвочная лестница, там будет люк.

— Тогда я увожу всех туда, — решительно заявил Аластор, проламывая новым ударом дыру в стене. — Сделаешь всё, я пока разберусь с управлением поезда, отцеплю вагоны.

— Фрикс едет с нами! — разозлилась Вестания. Это и был план Аластора избавиться от парня? Она знала, что не позволит бросить Фрикса в Термине.

— Мы подождём тебя, — сказал Аластор равнодушно. — Сам выберешься оттуда? — При этом он кивнул в сторону образовавшейся дыры, которая вела в тёмное пустое помещение.

Вместо ответа Фрикс перехватил руками автомат, ранее висевший за его спиной.

— Садитесь в поезд. Я догоню. — Сказал он.

— Нет! — Вестанию совершенно не устраивал такой порядок вещей. — Я пойду с тобой!

— Глупости! — отрезал Аластор.

— Идти одному опасно, я пойду с ним! — она не стала говорить о своей догадке в желании наёмника бросить Фрикса тут.

— Я должен охранять вас, — упёрто заявил Аластор.

— Вестания, нам нельзя разделяться! — расстроилась Тереня.

— Дай мне оружие, — потребовала девушка у Аластора. — Я иду с Фриksom, ты меня не остановишь!

Только ни в этот раз.

— Нет времени, — сказал Фрикс. — Быстрее.

Вестания смотрела на Аластора требовательно. Что он попытается сделать? *Остановить меня он точно не сможет. Вчера смог, но не теперь. Теперь я сильнее.*

Наёмник тяжело вздохнул и быстро вытащил из кобуры на поясе пистолет, проверил обойму, снял с предохранителя и протянул ей.

— Если что-то пойдёт не так... — оскалился он.

— Я приведу её, — пообещал Фрикс.

Вестания взяла оружие в руки. Стрелять она не умела, но почувствовала себя немного увереннее и попробовала прицелиться куда-то в пустоту подвала.

Едва они с Фриксом успели шагнуть внутрь, как Аластор остановил её, подошёл сзади, поднял её руку с зажатым в кулаке пистолетом, и заставил девушку расправить плечи.

— Стреляешь правой рукой, значит, закрываешь левый глаз, концентрируешься только на мушке; прежде чем выстрелить, делаешь вдох и выдох.

Я вообще не хочу стрелять, — подумала она, но вслух сказала другое:

— Я разберусь. — При этом она окатила его ледяным взглядом. Кажется, он хотел сказать что-то ещё, но лишь провёл языком по губам.

— Веста, осторожней! — бросила Тереня. Наверно, хотела подойти и обнять её, но девушка тут же проскользнула в щель вслед за Фриксом. Оглядываться назад ей совсем не хотелось.

Они потушили свечи и бросили их в этом подвале. Помещение было небольшим, кажется, им совсем не пользовались, так как пол был грязным, лампы не горели. Фрикс повёл её к выходу, к единственной двери, что была здесь.

— Там могут быть солдаты или полиция, — прошептал он.

— С тобой мне не страшно, — произнесла она тихо, сама не зная зачем, просто хотела, чтобы Фрикс это знал.

— Чшшш, — прошипел он, подбираясь к двери.

Прежде чем открыть её, он прижал Вестанию к стене, затем попробовал повернуть ручку, та была закрыта. Особо не церемонясь, он выстрелил в замок из автомата и пнул дверь ногой, припал к стене, подождал с мгновение, прислушиваясь, потом высунулся и шагнул из подвала, увлекая Вестанию за собой.

Они оказались в небольшом коридоре, из которого на верхние уровни вела лестница.

— Не шуми. Иди позади, — тихо сказал Фрикс.

— Я хочу помочь, — отозвалась Вестания.

— Я обещал привести тебя назад. — Сказал Фрикс, пробуя новую дверь, — поэтому не надо.

— Фрикс, я... — она хотела так много ему сказать, хоть и знала, что момент не подходящий, но тут он прервал её жестом, не дав договорить. — Там кто-то есть, — прошептал он чуть слышно.

Выстрелив в дверь и толкнув её ногой, не выжидая в этот раз, он сразу же принялся палить из автомата в новое помещение. Спустя секунду ворвался внутрь, потом позвал за собой Вестанию, которая почти ничего не слышала из-за оглушительной пулемётной очереди. Фрикс схватил её за запястье и вытащил в помещение, быстро ведя к какой-то новой двери. На полу в луже крови лежала пожилая женщина, по форме Вестания догадалась, что это была уборщица. Фрикс провёл её мимо, но она не могла оторвать глаз от тела.

— Быстрее, времени мало, — донёсся до девушки его голос, когда гул в ушах все же утих.

— Фрикс, она...

— Эй, времени нет! — остановил он её. — Хочешь убраться из Термины? Тогда иди за мной.

Она была не вооружена. Ни при чём. Просто уборщица.

Фрикс открыл ещё дверь.

— Вестания! Сюда, быстро! — позвал он, а она не могла пошевелиться, стояла в том же коридоре и смотрела на тело на полу.

Фрикс схватил её за локоть и втолкнул в комнату.

— Нужно забаррикадировать дверь. Помоги мне, — вновь услышала она его голос.

Как бы поступил Аластор в этой ситуации? Тоже застрелил бы её? Может, тогда, она была не права, когда думала о Фриксе иначе? Может, он был таким же убийцей?

Вестания не могла совладать с тошнотворным комком, застрявшем в горле. *Что произошло?* Её бросило в холод. В холод и в странную дрожь. Левый уголок глаза. Причина крылась там.

— Вестания! — Фрикс встряхнул её за плечи. Она пришла в себя.

— Прости, я не знаю...

— Всё в порядке, — сказал он спокойно. — Это тень. Не позволяй ей этого делать.

— Делать что?

— В моменты, когда ты напугана, она берёт верх. Это защитный механизм. Единственный плюс тени — она оберегает тебя. Но сейчас этого не нужно. Я с тобой. Помоги мне.

Его глаза... Черты его лица... Фрикс возвращал её к реальности.

— Хорошо, конечно...

Вдвоём они повалили большой металлический шкаф, загородив единственный проход.

— Это займёт их на время, — сказал Фрикс, после чего бросился вглубь комнаты.

Только теперь Вестания сумела оглядеться. Помещение представляло собой компьютерный зал. Фрикс немедленно принялся переключать какие-то провода, вытаскивать штекеры из розеток и щелкать по клавишам.

— Когда-нибудь видела такие игрушки? — спросил он её, заметив искреннее удивление девушки.

— Откуда... Неужели ты знаешь, как они работают?

— Это не так сложно, как кажется на первый взгляд, — пояснил он. — До Сопротивления компьютеры были сложнее, уходило больше времени на выполнение простых операций.

— Я могу чем-то помочь? — спросила Вестания, которая вдруг почувствовала себя такой глупой.

— Вообще-то, да. — Он подскочил к ней и подвёл к одной из машин с небольшим окошком-экраном. На экране появлялись загадочные символы, которые постоянно сменяли друг друга, при этом по поверхности мигающего монитора пробежали горизонтальные полосы. Фрикс указал на нижнюю строчку. — Этот индикатор сменяется каждые тридцать секунд. Каждый раз называй мне последние цифры.

Глаза девушки разбегались по экрану, к тому же строки прыгали, так что было непросто уследить за знаками.

Фрикс бросился к противоположной машине и стал что-то вводить.

Вдруг проснулся громкоговоритель где-то в здании вокзала, издал металлический «бряц», и потом, минуя белый шум, до ушей Весты донёсся голос Диктатора, только какой-то неестественно-замедленный, с резкими паузами между словами, как запись на старой, затёртой пластинке: «Вла-асти Термины призы-ы-ывают... вас. Сохраняйте бдительность. Всем насто-оййательно рекомендует-ца покинуть улицы через... 'ол часа. В связи с ...

частившимися террористически-и-ими актами в городе в в в веден комендантсццкий час», — после этих слов возобновилось громкое шипение, затем тот же самый голос вдруг обрёл уверенность в речи и отчитал своим чётким воодушевлённым голосом: «ВСЕ ЕЩЁ НИ ЗНАЕТЕ, В ЧЕМ ПОЙТИ НА ПЛЯЖ? НЕПРЕМЕННО ПОСЕТИТЕ НАШ ФИРМЕН МАГАЗИН «ПОНТ»! ТОЛЬКО ДЛЯ ВАС САМЫЕ ПРЕКРАСНЫЕ Ж‘ОЛТЫЫЕ ПЛАТЬЯ подавился вдруг голос, — ПО САМЫМ ДОСТУПНЫМ ЦЕНАМ! А ТАКЖЕ ОГРОМН АССОРТИМЕНТ САНДАЛИЙ И КУПАЛЬНИКОВ НА ЛЮБОЙ ВЫБОР! СПЕШИТЕ КОНЦА АКЦИИ ОСТАЛОСЬ ВСЕГО ТРИ ДНЯ!» Ещё раз сменившись шипением, Дикта вдруг добавил едва различимо из-за помех: «С НАМИ ТЕНЬ АЛКИДА». Затем сообщение закончилось.

— Времени мало, они знают, что мы здесь. Давай, — приказал он ей.

— Фрикс, я хотела спросить...

— Конечно! Скажи цифры.

Она тут же осеклась.

— Двадцать, шесть, пятнадцать, тридцать, один, тринадцать, двенадцать, десять, пять, один. — Произнесла она чётко. — Фрикс...

— Говори, что хотела. — Разрешил он.

— Ты же знаешь, что всё равно ничего не получится, верно? Тереня считает, что мы найдём Океанию, но ты же понимаешь, что это просто легенда... я так и не смогла ей объяснить этого... она всё ещё такая глупая. Теперь, когда ты идёшь с нами... Фрикс, я хотя бы не буду так одинока там, знаешь... Но мы ведь идём в никуда, никаких запасов еды не хватит на этот поход, мы совершенно к нему не готовы. К тому же если будет взорвана бомба...

— Вестания, цифры, — напомнил он ей.

Она опять взглянула на монитор. Прыгающие в разные стороны значки сменились.

— Шесть, девятнадцать, двадцать, тридцать, семнадцать, восемнадцать, шесть, пять, один, двадцать, шесть, тринадцать, тридцать. — Назвала она поочерёдно.

— Спасибо. — Откликнулся он. — Я думаю, каждый находит то, что ищет. Твоя сестра верит в Океанию, и её упорству разве что Алкид не позавидует. Чего ищешь ты?

— Как раз это я и хотела сказать, — призналась Вестания. — Просто столько всего произошло... тень, наш отец. Мне сейчас кажется, что ты единственный, кто способен меня понять. У меня столько вопросов о Гиперборее! Ты, правда, считаешь, что мы с Терой оттуда?

— Я всегда узнаю этот разрез глаз, — усмехнулся он. — Ты никогда не думала, что Вестания и Тереня — слишком редкие имена?

— Они гиперборейские? — удивилась она.

— Да, вроде того. Цифры.

Вестания прервалась и прочитала очередной набор символов:

— Шестнадцать, девятнадцать, двадцать, шестнадцать, три, пятнадцать, один, пять, шесть, восемь, пять.

— Ты знаешь, что «Гиперборея» — это ойкуменское название для континента? — Сказал Фрикс после того, как ввёл новый шифр. — Местные используют древнее название, они называют свою землю Арктида.

«Арктида», — от этого слова веяло таинственным морозом, не тем, что подвёл мир к его черте, а тем, что кутал секреты в глубине своих ледников. Словно где-то в этой стране

могли храниться не только мастодонты, замороженные в айсберг, но и что-то совсем невероятное и запретное, как, например, ангелы...

— Арктида, — Вестания попробовала звучание слова на вкус. Оно было совсем новым, не то, что легендарная Океания, о которой сложили столько песен и баллад. Арктида. И она была реальной, она существовала на самом деле, и они могли прийти туда вместе. Арктида могла стать её мечтой. — Какая она? — Вестания чувствовала, как они подбираются к запретной теме. Нельзя говорить о враге Ойкумены с таким вдохновением. Она понимала, что сейчас рискует услышать такую информацию, из-за которой её могут обвинить в государственной измене.

— Большая и холодная. Но не похожа на Ойкумену. Даже теперь.

— Кому ты всё-таки предан? К кому относишь себя? — спросила Вестания.

— Тридцать секунд прошло, — равнодушно произнёс он, словно специально выдержав паузу.

— Девятнадцать, четырнадцать, шесть, восемнадцать, двадцать, тридцать, девятнадцать, семнадцать, десять, двадцать. — Произнесла она без запинки.

Фрикс молчал, с сосредоточенным видом вводя что-то на компьютере. Его сдержанное лицо с резкими чертами находилось в тени. Он одновременно и решал сложные математические уравнения, и обдумывал ответ.

— Туда можно попасть? В Арктиду? — спросила она, не желая терять напрасно очередные тридцать секунд.

— Нельзя ни в чём быть уверенными после того, как взорвётся «Пандора», — сказал он.

— Сколько раз ты пересекал границу?

— Очень много. — Отстранённо ответил он.

— Пять? Десять? Тридцать раз?

— Даже один раз — это уже много.

— Ты сможешь это сделать ещё раз? Вернуться туда?

— Зачем? — он перевёл глаза на неё, всего на миг отвлекшись от монитора.

— Потому что я хочу пойти с тобой. — Не дожидаясь ответа, Вестания тут же перечислила следующий набор цифр: — Двенадцать, двадцать, шестнадцать, шесть, семь, восемнадцать, один, девять, два, двадцать один, пять, десять, двадцать.

Фрикс ввёл очередной шифр и затем продолжил набирать что-то на компьютере.

— Так что ты скажешь? — спросила она, не дождавшись ответа.

— Я обещал отвести тебя обратно к сестре. Это ваш единственный способ спастись — уехать как можно дальше.

— Зачем уезжать, если мы можем быть с тобой вместе? Тера хочет найти Океанию, Аластор будет присматривать за ней. Я им не нужна. — Протараторила она.

— Ты же знаешь, что это не так. — Сказал Фрикс.

— Я знаю, что с тобой мне будет лучше, чем с Аластором. — Голос дрогнул, когда она произносила его имя.

— Отчего ты так думаешь? Ты почти меня не знаешь.

— Я знаю Аластора. — Ответила Вестания. *А знаю ли?* — тотчас подумала она. — И я знаю, что он сделал. Что бы он ни говорил, он убийца. И он уже пытался нас убить... как ты думаешь, такое вообще можно простить? — Она была готова заплакать, как её отвлекли сменившиеся цифры: — Девятнадцать, тринадцать, один, три, один, семнадцать, один, пятнадцать, пять, шестнадцать, восемнадцать, шесть.

Прежде чем Фрикс успел ввести последние символы, до их ушей донёлся звук быстрых шагов где-то снаружи компьютерного цеха.

— Нужно торопиться, — сказал Фрикс. — Дверь их надолго не сдержит.

— Долго ещё? — прошептала Вестания.

— Нет. Уложимся за пару минут.

— Фрикс, уведи меня отсюда, пожалуйста! — выдавила она сквозь страх.

— Я обещал, значит, я это сделаю. — Упорно повторил он.

— И мы отправимся в Арктиду?

— Мы отправимся очень далеко. Тебе даже не снилось.

Когда ей в последний раз вообще снился сон? Только ночные кошмары. Иногда в них были причудливые, искажённые вечной темнотой чудовища, иногда качели (раз-два, небо-земля), иногда просто шёлковые тени, затаившиеся на берегу её бездонного одиночества. Вестания не видела снов, только странные видения на самой границе с пробуждением, её страхи, наверное, это все из-за тени. Всё теперь было из-за тени.

Шаги становились ближе.

А если у них нет нескольких минут?

— Открывайте дверь! Немедленно! — раздался голос после нескольких попыток прорваться внутрь комнаты.

— Не обращай внимания, говори код, — приказал Фрикс.

— Пятнадцать, шесть, три, шесть, восемнадцать, тридцать, один, пятнадцать, четыре, тринадцать, один, четырнадцать, — был новый набор. Что вообще значили эти цифры?

— Мы вооружены! Говорит генерал янтарной армии! Открывайте дверь!

— Да пошли вы в Тартар, — пробубнил Фрикс тихо, особо не обращая внимания на угрозы с другой стороны баррикады.

Тут он подскочил к Вестании, смахнул рукой какие-то электрические приборы с соседнего стола. Незнакомые девушке приспособления посыпались на пол, электронные схемы и некоторые провода гневно заискрились. Не придав им значения, Фрикс перевернул стол так, чтобы загородить им Вестанию.

— Если им удастся проникнуть, прячься здесь.

Солдаты продолжали ломиться внутрь. Им удалось приоткрыть тонкую щёлку, из которой раздавались предупредительные крики. Баррикада пока отгораживала их от угрозы, но надолго её бы не хватило.

— Фрикс!

— Цифры, милая! Только цифры.

Называть показатели становилось все труднее. Дыхания едва хватало, до того напуганным казалось сердце, которое стучало всё быстрее и быстрее. Как назло, следующая последовательность была очень длинной:

— Тридцать три, один, тринадцать, двенадцать, десять, пять, пятнадцать, десять, двенадцать, шестнадцать, семнадцать, шестнадцать, тринадцать, тридцать. — Теперь она лучше понимала, что с ней происходит. Причиной этому чувству была тень. Вестания взглянула на неё. Теперь это получалось у неё так легко. Чья-то чужая душа была на своём месте, бестелесная, но почему-то напоминала ей свернувшуюся в клубок змею. До ушей донеслось её тихое гипнотическое шипение. Она пыталась ещё больше напугать её? Или успокоить?

После нескольких попыток проникнуть в компьютерный цех, генерал, видимо, отчаялся

и перешёл к суровым мерам:

— Даю последний шанс! Или мы взрываем дверь!

— Конченые мрази! — выругался Фрикс. Он кинулся к ней, оторвавшись от компьютера, схватил и повалил на пол перед барьером в виде стола.

— Три, два, один! — объявил генерал. — Всем отойти от двери!

Вестания, кажется, вскрикнула, когда взрыв подавил все остальные звуки. В стол ударилось что-то твёрдое, на неё посыпались щепки от двери, стенная крошка, что-то ещё. Как только взрыв стих, Фрикс вскочил на колени и, не вылезая из укрытия, принялся стрелять в образовавшийся проход. Солдаты ответили тем же.

— Вестания! Вестания, последние цифры! — услышала она его едва различимый голос, почти потерявшийся от гула в ушах. — Введи их сама, я тебя прикрою! Быстрее!

Она подползла к первому компьютеру, почти не понимая, что происходит, заблудившаяся в звуке стрельбы, в своей собственной тени, в пыли и шуме. Она подползла к монитору, не осмеливаясь подняться. Цифры. Цифры кочевали по экрану, прыгали, танцевали, как пьяные.

«20 6 15 30 14 6 25 6 15 16 4 16», — последний набор. Как вообще она могла их запомнить? Что будет, если ввести их неправильно?

Вестания старалась не смотреть ни на Фрикса, ни на появившуюся дыру в стене в том месте, где раньше была дверь. На четвереньках она поползла ко второму компьютеру, пытаясь удержать последовательность в голове. Вестания повторяла их снова и снова. Вот бы не забыть их. Вдруг она уже опоздала? Вокруг неё шла война.

Она видела только монитор и только клавиатуру с какими-то значками, с буквами и цифрами. Сколько вообще было цифр в последнем наборе? Она помнила первую. Ну, может быть, первые три...

Дрожащей рукой она принялась вводить последовательность. *2061530*. Нужно ли вообще делать между ними пробелы? У неё на экране они появлялись чаще всего двузначными, с прогалинами по бокам. *Слишком поздно, все равно не знаю, как стереть*. Только бы правильно их ввести.

146256. Нет, или что-то не так?

2061530146256, что было дальше? Правильно ли она ввела? Никак не проверить, просто нет времени. *Я не помню, что дальше!*

1516 — это легко, они идут по порядку. Но порядка уже нет.

Я не знаю, что дальше!

«4» — донёсся до неё приказ. От кого он исходил?

4, — нажала она на клавиатуре.

«16».

16, — послушно ввела Вестания.

Экран замигал. Из огромной машины донёсся одобрителный скрежет. Команда была исполнена.

Стрельба.

Она легла на пол.

Вдруг её сейчас застрелят?

Несколько секунд Вестания не понимала, что происходит, выстрелы дребезжали в ушах, она слышала, как на пол со звоном скатываются отстрелянные гильзы. Прямо как колокольчики в храме космических богов.

Она негромко вскрикнула, когда рука сжала её плечо, поднимая с пола и утягивая за собой. Как только глаза смогли поймать фокус, она увидела Фрикса и последовала за ним. Он заставил её вернуться назад в укрытие за столом.

— Фрикс... я...

— Ты всё правильно сделала, — успокоил он её.

— Получилось?

— Да, молодец.

Она хотела спросить его про солдат, Вестания совершенно ничего не успела рассмотреть. Кажется, что с той секунды, когда она лежала на полу лицом вниз, и до настоящего момента не прошло почти никакого времени. Едва только её губы успели приоткрыться, как Фрикс тут же приложил к ним палец.

«Чшшшш», — желала услышать она, так же, как и в первый раз, когда они только встретились, но теперь он мог говорить.

— Ты должна бежать так быстро, как только сможешь, — сказал он.

С этими словами Фрикс вынул из внутреннего кармана своей серой куртки гранату, отточенным движением руки сорвал с неё чеку и метнул в противников.

Стены сотряслись от нового взрыва, в ту же секунду он схватил её за руку, и со всей силы рванул к единственному выходу. Вестания была напугана, всё проносилось мимо с такой остервенелой скоростью, что ей не удавалось ничего рассмотреть. Какие-то смазанные, расплывчатые красные пятна на полу и янтарные со всех сторон, обуглившиеся от взрывов стены, чёрные круги копоти, расщеплённые остатки двери и шкафа, которым они забаррикадировали дверь. Коридор. Ещё и ещё. И звуки выстрелов позади. Крики, шум. Она не чувствует ног. Как будто её несёт какая-то волшебная сила. Может, она уже давно мертва? Лежит там, в компьютерном цехе, застреленная. Рядом с ней лежит и Фрикс. Два тела, положенных на гору других — что эта жертва могла значить равно как для Акрополя, так и для Алкида? Война обесценивает жизнь и смерть, особенно гражданская.

Труп уборщицы в коридоре. Нет, значит, Вестания всё-таки жива. Она жива, и жив Фрикс. Не эта женщина и не отряд солдат, оставшийся позади. Какая разница, если на смену ему пришёл второй?

Она задыхалась. Сердце колотилось так оглушительно, что она уже не могла сконцентрироваться на его шуме. Фрикс протолкнул её в дыру в стене, которую совсем недавно пробил Аластор. Она больше не могла бежать, не могла бежать здесь, в тесном туннеле, без единой свечи.

«Ты должна бежать так быстро, как только сможешь».

Выбора не было. Фрикс толкал её вперёд. Вестания не могла сказать, насколько быстро они продвигались, всё вокруг сотрясалось от поразившей её паники, весь мир сотрясался в лихорадке страха.

Вдруг, когда она уже потеряла надежду найти что-то в конце беспроглядного туннеля, её рука, выставленная вперёд, наткнулась на каменную стену.

— Фрикс! — прошептала она.

— Ищи лестницу. — Его голос казался спокойным, но решительным. Что-то ещё она услышала в нём, но не поняла, что это.

Руки стали гладить воздух. Кажется, Фрикс занимался тем же самым. Интересно, где были солдаты? Следовали за ними или уже поджидали снаружи?

Тут Вестания случайно задела его локтем и тут же услышала сдавленный стон.

— Ты ранен? — испугалась она.

— Тише! Ищи лестницу! — приказал он.

— Фрикс...

— Да, ранен! Веста, мы оба умрём здесь, если не выберемся, быстрее!

Тут, наконец, она нащупала нижнюю перекладину.

— Вот она! Слишком высоко... я не смогу залезть.

Верёвочная лестница заканчивалась выше уровня её головы. Кажется, была прочной, но болталась возле стены, никак не закреплённая снизу.

Он подошёл к ней, обхватил за талию.

— Фрикс, нет, ты же ранен...

Но парень не обратил внимания на запрет, легко подбросил Вестанию в воздухе и помог взобраться повыше.

— Лезь вверх. Наверху будет небольшая дверца. — Сказал он.

В какой-то момент Вестания даже перестала бояться, что может сорваться. Ей вдруг стало казаться, что Фрикс решил оставить её одну, остаться где-то внизу. Потом из туннеля донёсся шум какой-то возни. Видимо, солдаты всё же пошли следом за ними. Она хотела окликнуть Фрикса, но тот опередил её:

— Не обращай внимания ни на что, просто лезь!

Теперь его голос уже не казался ей таким уверенным, он был каким-то неестественным, почти пугающим.

Почему он до сих пор не на лестнице? Чего он хотел?

Вдруг она едва не сорвалась вниз, в последний момент успела сильнее вцепиться в спасительную перекладину. Новая граната взорвала напряжённую тишину подземелья. Вспышка белого света мигнула, отогнав бесконечный мрак, затем растворилась без остатка в новом шуме обрушивающихся стен и жизней. Вестания задыхалась от ужаса. На несколько мгновений она нарушила приказ Фрикса. Просто висела на лестнице, не имея никакого понятия о том, сколько уже пролезла и сколько ей ещё оставалось. Она никак не могла заставить себя пошевелиться.

Потом неожиданно канатная лестница вздрогнула и натянулась вниз.

— Вестания? — окликнул её Фрикс.

— Да! Как ты?

— Всё в порядке. Лезь вверх. Быстрее.

Интересно, успел он хоть что-то просчитать? Думал ли о том, что от взрыва лестница могла сорваться, или что я упала бы вниз?

Ей не хотелось отвлекаться на посторонние мысли, только бы поскорее вернуться к свету, к воздуху, куда-то в безопасность...

Тут она вспомнила о куда более мощном взрыве, который скоро должен стереть с лица Элласа Акрополь, а может, вместе с ним и всю Термину. Была ли хоть где-то ещё безопасность? Тут она уткнулась головой в потолок, едва не стукнулась затылком, но вовремя почувствовала преграду.

— Здесь конец... — пролепетала она.

— Там дверь. Поверни ручку и открывай вверх.

Она нащупала что-то, что походило на круглую ручку. Железные створки заскрипели. Дверь лениво поддалась.

И она оказалась на поверхности, прямо под платформой. Вестания выбралась наружу и

осталась лежать на грязном снегу и старом мусоре, дожидаясь, когда поднимется Фрикс.

— Фрикс... боги... ты в крови... — испуганно запрочитала Вестания, когда, наконец, они оба покинули туннель.

Серая форма активиста пропиталась алым, на правом плече и чуть ниже него Вестания видела два входящих пулевых отверстия. Посмотрев на бледное и покрытое испариной лицо Фрикса, она пришла в ужас.

— Всё нормально, не умру, — успокоил он её.

— Откуда ты знаешь? — воскликнула она.

— Не в первый раз. Пошли... нужно уезжать.

У неё не осталось никаких сил, и она не знала, откуда они были у Фрикса. Парень схватил её за руку и повёл к краю платформы.

— Чёрт! — тихо выругался Фрикс, попробовав взять автомат правой рукой. Тогда он отпустил Вестанию и переложил оружие в левую, сняв ремень с шеи.

Вдруг до их ушей донёсся скрип и скрежет колёс поезда, сдвинувшихся с места. Фрикс бросился из укрытия к рельсам, девушка поспешила за ним.

«Восточный Вестник» слегка забуксовал назад, Вестания с облегчением заметила, что рельсы больше не вели поезд в тупик, стрелки сместились, отправляя состав куда-то очень далеко в заснеженную неизвестность.

— Они отсоединили вагоны, — заметил Фрикс. — Быстрее, нужно ехать. Военные могут прийти в любую минуту.

— Вестания! — Услышала она крик и тут же заметила Теренею, появившуюся в открытых дверях первого вагона.

Фрикс подтолкнул её вперёд, заставив побежать. Стоило ей только сорваться с шага, как позади она услышала звуки стрельбы.

Они догнали нас! Нам не уйти!

— ВСЕМ НАРУШИТЕЛЯМ РЕКОМЕНДУЕТСЯ СДАТЬСЯ НЕМЕДЛЕННО, загремел голос Диктатора из громкоговорителей, но он утопал в клочоте её сердца, Вестания бежала сквозь высокие сугробы, сквозь пулемётную стрельбу, она бежала в безопасность.

Было ли хоть где-то безопасно сейчас?

— Езжайте! Быстрее! — закричал Фрикс где-то позади.

Два головных вагона сорвались с места, сначала поползли вперёд совсем медленно, потом постепенно стали набирать обороты. Пули вонзались в стены, Вестании казалось, что они летели вокруг неё, но она уже не обращала внимания. Всё стало таким неважным. Она бежала в безопасность. *Пусть даже безопасности теперь не было.*

Ей пришлось запрыгнуть, схватиться за поручень возле двери, на одно мгновение повиснуть на нём, прежде чем её ноги нащупали ступеньку. Руки Теренеи впились в её локоть. Хватка была такой отчаянной, что Вестания изумилась, откуда у её сестры столько силы.

— Фрикс! — закричала она, как только обрела равновесие и нашла в себе духа посмотреть назад.

Он был возле неё, бежал вровень с поездом, но девушка чувствовала, как состав набирал скорость с каждой секундой.

Она нагнулась, протянула ему руку. Бой сердца и стрельбы где-то далеко, голос Диктатора, стук колёс слились в какую-то единую какофонию ужаса. Весь мир сошёл с колеи, трепетал и вибрировал в эту единую секунду. Мысли смешались в пятнистое полотно

нечётких разводов. Лишь одна алая черта рассекала сознание Вестании: она могла думать лишь о том, что боится потерять его.

Парень взглянул на неё вновь этими глазами, хранившими загадку. Вдруг он подпрыгнул, схватил её за руку, и Вестания едва не сорвалась от веса его тела. Они обхватили друг друга, чтобы удержаться на самом краю тамбура. Девушка больше не чувствовала прикосновения сестры, кажется, та отпустила её.

Они стояли в проёме открытых дверей на самом краю белоснежной пустоты, которая неистово гудела, рычала, алчно и свирепо вопила, манила и звала к себе. *Белизна*. Глубокая, непостижимая Белизна, которая никого не выпускала из своей чистой колыбели. Они стояли вдвоём на краю рокочущей пропасти. Глаза в глаза. Схватившиеся друг за друга, придерживая плечами двери, желавшие захлопнуться. Лицо в лицо. Вестания не могла понять, отчего дрожали её руки: от тряски, от холода, от страха, от напряжения, из-за всего сразу? Короткие волосы растрепались, она не успела привыкнуть к ним. Они струились на ветру, лезли в глаза, но всё было неважно в этот момент. «Восточный Вестник» скоро умчит их очень далеко. Скоро всё останется позади.

Глаза в глаза. Она прижалась к нему плотнее, и он наклонился ближе, совсем близко. Ей казалось, что возле этой пропасти они двое вдруг обрели что-то ещё более бескрайнее и исполненное смысла.

И когда их губы, наконец, встретились, мир ушёл у неё из-под ног. Мир перестал существовать, были только они на краю Великой Белизны, на краю сменяющихся пустых вселенных, в стране несозданных пейзажей. Только один поцелуй, затмевавший значимость вечности. Она провалилась в это чувство, в едином порыве, она больше не сомневалась и не боялась, она просто была.

Тут их губы разошлись. Глаза вновь уставились в глаза. Вестания не знала, сколько прошло времени. Казалось, они успели оставить Термину и все беды позади. Глаза в глаза. И это выражение лица, эта неразрешённая тайна.

Ещё спустя мгновение, она бы всё же предложила ему войти вглубь вагона, в тепло и безопасность, подальше от рокочущей бездны. Тогда она нашла бы в себе силы обнять Теру, может, даже сказать что-то Аластору. В конце концов, они сделали это, они сбежали из Термины, Акрополя, от Алкида, теперь они, наконец, были свободны и мчались по железной дороге куда-то далеко, прочь от конца света, прочь от Пандоры, которая устроит повторный Апокалипсис и похоронит под собой отменённые земли и Соппротивление. Но в это мгновение...

Глаза в глаза.

И эта загадка.

И эта Белизна.

— Фрикс..? — только и успела прошептать Вестания, как он вдруг отстранился от неё.

Нет! Куда? Я не хочу...

Она потянулась за ним, желая удержать. Тогда Фрикс резко толкнул её внутрь тамбура, а сам подался назад, провалившись в гул Белизны, и тотчас исчез, смытый ею.

— ФРИИИКС!!! — Завизжала она, подскочив с пола и безвольно стукнувшись в захлопнутые двери.

Она хотела прыгнуть следом за ним, но было слишком поздно, двери отрезали Белизну от Вестании. Поезд неумолимо мчал всё дальше, оставив Фрикса где-то позади. Выжил он, или попал под колеса? Разбился от удара о заледенелый снег? Вестания уже не могла знать,

она не могла заглянуть за край стены состава.

Тереня бросилась к ней, пытаясь оттащить её от двери, но Вестания с силой отпихнула сестру.

— Веста...

— Оставь меня! — огрызнулась она и так и осталась на полу в тамбуре «Восточного Вестника», который уносился прочь из Термины.

531–532 дни после конца отсчёта

Младшая отказывалась идти внутрь вагона без Вестании. Прошло около получаса, как та просидела в тамбуре, не желая подниматься.

— Вестания, пожалуйста... пойдём, — молила её Тереня. Аластор видел, что обе уже порядком замёрзли. В вагоне работал обогреватель, там было тепло, а вот от дверей дуло сильно, всё равно что на улице.

— Отстаньте от меня! — в очередной раз повторила Вестания. Слёзы лились из её глаз, ей явно хотелось сейчас побыть одной, но долго она так просидеть всё равно не сможет, руки стали совсем красные, она прятала их в складки пальто.

— Но Веста! — не успокаивалась её сестра.

— Ну всё, достаточно, — решил Аластор. Он подошёл к девушке, подхватил её на руки, несмотря на сопротивление, и силой втолкнул внутрь вагона. Там ей всё же удалось вырваться, наверняка бы вернулась в тамбур, но он загородил ей проход. — Достаточно, — отрезал он.

— Пусти меня! — выглядела она грозно. Глаза полыхали, в них была яростная решимость и почти злость.

— Ты ничего этим не исправишь. — Произнёс Аластор.

— Я хотела остаться с Фриксом...

— А он не захотел. Ты сама сказала, что он выпрыгнул по собственному желанию. Значит, так надо.

Как она выглядела в этот момент... Лицо заплаканное, глаза метали искры, взгляд напомнил Аластору её мать. И теперь ещё эти волны каштановых волос вокруг чётких линий лица. Она походила на воинствующую богиню. Наёмник мог почти почувствовать ту боль, что вопила в её сердце. Ощутить мог, но как утешить её, не знал.

Аластор пожалел, что встал у неё на пути. Тут девушка вырвала из пояса его «агоназ», подержала в руке с секунду, а затем швырнула к его ногам, после этого Вестания развернулась и бросилась в первое же купе, хлопнув за собой дверь.

Глубоко вздохнув, Аластор нагнулся и поднял оружие, убрав его в карман пальто.

— Тера... Тереня, — осёкся он. — Побудь пока с ней, пока она не успокоится, — посоветовал он девочке.

— Хорошо, — согласилась та, подняв на него свои лучистые добрые глаза. — Аластор? — окликнула она его, когда тот пошёл в сторону кабины машиниста.

Он остановился и оглянулся. С Тереней всё решалось гораздо легче. Она была тихой и послушной. Совсем ещё маленькая, пусть и успела познать горести и лишения, но не в той доле, что выпадала многим другим детям, отбирая у них детство. С ними всегда была Алкиона, она оградила своих дочерей от бедности, от голода.

— Как ты думаешь, почему Фрикс так поступил?

— Не знаю. Наверное, у него были свои причины. И своя цель.

Она потупила глаза, уставилась в пол, но Аластор почувствовал, что девочка ещё не закончила. Вновь посмотрела на него. На лице за это время успело зародиться сомнение.

— Ты же не бросишь нас? — спросила она.

— Нет. Я с вами до конца. — Тут он смутился. Не ответил ли он слишком быстро? Поверила ли она ему?

— Хорошо, — улыбнулась Тереня. Ему захотелось ответить ей тем же, но мужчина посчитал, что не сможет так умело подделать улыбку сейчас. — И, кстати, можешь звать меня Терой, если хочешь, — добавила она.

Его тронула эта открытость. Пришлось всё же растянуть губы в улыбке, но, кажется, девочка поверила ей.

Она тихонько прошмыгнула вслед за сестрой. *Пусть пока побудут одни,* — решил Аластор, хромая по направлению к кабине машиниста. *Но лучше приглядывать за старшей. Чтоб не выкинула глупостей.*

К счастью, как он и догадывался, система управления поездом была полностью автоматизирована. Запустить состав оказалось проще простого, «Восточный Вестник» мог ехать на автопилоте, если не требовалось выбирать направление. Конечно, он не знал, как далеко вела железная дорога. Этим маршрутом не пользовались уже очень давно, одному Хаосу известно, были ли там развилки, но так как они и сами не знали, куда едут, заблудиться они не могли.

В вагоне машиниста возле консоли управления располагались два сиденья, ближе ко входу стоял небольшой круглый столик. «Восточный Вестник» был поездом класса «люкс», обставлен куда богаче, нежели «Призрак», даже технические помещения производили должный эффект. Аластор прошёл внутрь вагона. Впереди расстилалась бесконечная белая пустошь, рельсы уносились куда-то за горизонт, скрытые в бесцветном мареве. Снег не шёл, день стоял спокойный. Сложно поверить, что совсем скоро они станут свидетелями взрыва ядерной бомбы.

Аластор вынул пистолет из кармана и устремил глаза куда-то в белую пропасть. «Агоназ», один из тех двух, что достались ему от Мантикора. Этот был тот самый, что он отдал Мекону, мужу Реи.

Рея подошла к нему этим утром. Он уже и не ожидал её увидеть.

«Аластор», — сказала она, а весь «оссуарий» в этот момент носился в панике. Едва заслышав шум, он хотел немедленно найти сестёр, но встретил Рею. Кто-то из мужчин, Аластор уже не помнил их имён, хотел увести её прочь, но она вырвалась, прибежала к его комнате. Глаза светились страхом, большие, круглые, лицо выражало столько всего сразу... в нём было и сомнение, и предчувствие опасности, и сожаление, а сколько скорби... сколько боли, тоски... как удивительно могли выглядеть люди, которые что-то потеряли.

«Тебе нужно уходить», — сказал он ей. Он не понимал, что происходило, но не сложно было догадаться о наличии потенциальной угрозы. «Оссуарий» походил на разворошённый муравейник, если Рея ещё могла на что-то надеяться, ей нужно было немедленно бежать.

«Я знаю, Зефир уведёт меня... был приказ покинуть катакомбы немедленно. Я хотела попрощаться... и ещё раз сказать тебе «спасибо».

Он не знал, как повести себя с ней, она стояла так близко. По коридору носились революционеры, чтобы их двоих не сшибли с ног, пришлось, положа руки ей на талию, притянуть поближе к себе, упереться лопатками в стену. Он чувствовал, как она дрожала под своей меховой накидкой. Странное ощущение. В неисследованных глубинах своего сознания он тоже обнаружил дрожь, но совсем иного толка. Так трясётся тело разъярённого пса, когда тот завидел врага.

Кажется, она рассмотрела в нём это природное зло. Переменилась в лице, посмотрела так, словно спрашивала что-то. Он подумал про её чрево. Интересно, зародилась ли там жизнь? Сможет она родить ещё одного сына? Должно ли ему быть до этого дело?

«Пожалуйста, не потеряйся в *этом*», — произнесла она тихо, так, что он едва услышал её слабый голосок. «Никогда не теряйся» — то же самое было выгравировано на компасе Теренеи. Может, теперь у него всё же был ориентир?

«Рея, тебе нужно уходить», — сказал Аластор, он слышал, что её звали где-то в конце коридора, но сейчас они оба испытывали какое-то ложное ощущение уединения. Может, отгородиться от всех возможно лишь в шумящей толпе?

«Сейчас... я хотела отдать тебе то, что твоё», — она протянула ему свёрток холщовой ткани. Аластор взял его, развернул и обнаружил свой пистолет, точнее, пистолет Мантикора — «агоназ».

«Мекон оставил его мне перед тем, как уйти на дело. Сказал, чтобы я оберегала себя, а сам не смог себя сберечь...»

Аластор был удивлён.

«Спасибо, Рея», — сказал он.

«Рея! — теперь им было уже не укрыться от наблюдателей. — Пора!»

«Тебе нужно бежать», — вновь повторил он.

«Знаю, знаю, — отмахнулась девушка. — Береги себя, ладно?»

Тут ему даже захотелось отдёрнуться от неё, если не оттолкнуть. Рея привстала на мыски, чтобы дотянуться до него. Её шёлковые губы поцеловали его в щеку. Станный жест, неожиданный. Он услышал шелестящий звук, с которым её заплаканная щека встретилась с его отросшей щетиной.

«Ты тоже», — сказал он ей, понимая, что сейчас придётся отпустить её, оторвать руки от её бёдер. К счастью, она выскользнула сама из его неловких объятий. Всего несколько секунд до того, как Рея скрылась за поворотом в сопровождении своих защитников, он всё ждал, что она обернётся. Сам не знал почему, просто хотел перехватить её последний взгляд. Посмотреть на неё на прощание. Но Рея ушла, так и не обернувшись ни разу, как и обещала, исчезла из вида.

— Аластор... — Теренея вырвала его из омута мыслей, ворвавшись в кабину машиниста. Сколько времени прошло? Может, он успел задремать?

Девочка выглядела смущённой, она застала его с пистолетом в руке. Аластор поспешно спрятал оружие.

— А ты меня можешь научить?

— Стрелять? — удивился Аластор. — Ты хочешь этого?

— Да, — кивнула девушка. — Мало ли что...

— Посмотрим, — подмигнул наёмник. — Но лучше в поезде этим не заниматься.

— Хорошо... ой! Вестания опять ушла в тамбур, — вдруг опомнилась Теренея.

Аластор глубоко вздохнул, пытаясь понять, как унять старшую сестру.

— Может, лучше оставить её одну? — предложила девушка.

Он тоже так считал, во всяком случае, так проще. Однако в тамбуре было холодно, если она заболит или решит что-то учудить... Нет, он не мог её там оставить.

— Я что-нибудь придумаю, — пообещал Аластор, направляясь к двери. — Побудь пока здесь.

Он прошёл через пассажирский вагон к тамбуру. Как только дверь открылась, стук колёс и зимний холод немедленно загудели с утроенной силой. Девушка стояла там, смотрела в заиндевевшее окно, всё в замысловатых узорных разводах. Лицо немного опухло от слёз, глаза смотрели решительно, но как будто ничего не видели. Настоящая баталия сейчас

проходила в её голове и в сердце, Аластор чувствовал это.

Вестания обернулась к нему, гневно полоснула взглядом, ничего не сказала и продолжила пялиться в пустоту, прямо как Асфодель. Он понимал, она не хотела, чтобы он подходил, поэтому Аластор остался стоять в двух шагах от Вестании. Ему пришлось прислониться к стене, чтобы удержать равновесие в дребезжащем поезде. Желая прервать напряжённую тишину, он вынул из кармана портсигар и закурил «карелию». Несколько глубоких затяжек, и наёмник с наслаждением ощутил, как дым растворяет все посторонние мысли, облегчая обременительную ношу.

Вестания опять оторвала взгляд от морозных кружев на стекле. Её глаза — две пули, нацеленные прямо в голову.

Он достал ещё сигарету, отдал ей, чиркнул спичкой, но на этот раз огонёк сносило ветром.

— Подожди, давай лучше так. — Он зажал свою сигарету в зубах и протяжно затянулся, так что на кончике заалел маленький огонёк. Вестания прислонила к нему краешек своей «карелии», и, спустя мгновение, наполнила лёгкие дымом.

Жаль, сигарет надолго не хватит, — подумал он, прикидывая свои запасы. Вряд ли там впереди есть место, где их можно купить. Всё свидетельствовало лишь о том, что они едут в никуда.

— Спасибо, — обронила Вестания.

Так они стояли и курили некоторое время.

Вдруг Аластор вспомнил о чём-то. Порылся в кармане и наскрёб маленькую монетку в четверть таланта, их называли минами. Он покрутил её, посмотрел на изображение Крониона, которое теперь всегда чеканили на деньгах, затем прижал её к заледенелому стеклу и подержал пальцем несколько секунд, прежде чем холод намертво приморозил её.

— Что ты делаешь? — спросила Вестания без особого интереса.

— Когда я был ребёнком и жил в Шумах, мы часто ездили в «Хароне», то в Край, то в Сердцевину. Зимой мы лепили к стеклу дверей мины. Иногда их там скапливалось очень много, так, что они занимали всё окошко. Самое главное было дожидаться весны, когда из-за оттепели монетки оттают и упадут. Мне так и не удалось увидеть это. Может, кто-то из бездомных или полицейских отковыривал их раньше.

— Весна же больше не наступит, значит, уже не увидишь, — произнесла она равнодушно.

— Скорее всего, — согласился Аластор. — Видишь, как быстро примёрзла мина? Хочешь совсем здесь околоть?

— Какая тебе разница, что со мной будет? — спросила она совсем ровно, без вызова.

— Я обещал охранять вас.

— От чего? От зимы? От конца света?

— От всего.

Она не ответила, продолжила курить.

— От зимы, от врагов, от тени и от тебя самой, если потребуется.

При упоминании о тени, Веста поёжилась, лицо стало обеспокоенным.

— От потерь ты нас не уберёг, — произнесла она.

— Никто не в силах спасти от потерь. — Оправдался Аластор. Она покивала задумчиво, но без осуждения. — Но мне жаль. За всё, что было.

— Я до сих пор не понимаю, кто ты, — сказала она. — Ты притворяешься добрым? Ты

ведь не такой... Ты убиваешь людей и потом ведёшь себя так, будто сделал что-то хорошее.

— Вестания, если бы я сам знал, кто я, я бы ответил тебе. Ты много убийц знаешь, чтобы сравнить?

— Пока Тереня не слышит... Скажи, почему ты просто не бросил нас после тюрьмы? Не убил в туннеле? Не говори только, что это какая-то клятва или обещание, я не поверю.

— Что ты на самом деле хочешь знать, — произнёс он, понизив голос, — это хороший я или плохой. Хочешь быть уверена, что выбрала правильную сторону. Ты полна сомнений в том, где белое, а где чёрное. Тебе не кажется, что ты уже достаточно взрослая, чтобы так просто судить о людях и вещах? Так не бывает в жизни.

— Аластор. — Вестания сменила тему. — Ты когда-нибудь любил кого-то?

Соврать он ей не мог. Она как будто уже знала правду. Умела читать его, сразу бы догадалась, что он врёт.

— Нет. — Ответил он. — Но я терял. И терял многих. Терял всё.

Она подняла глаза, опять поразила своим взглядом-выстрелом. Видела его прямо насквозь. Она умела стрелять своими глазами-пулями без промаха, без единой осечки, стрелять наповал.

— Мне нравился Фрикс. — Сказала Вестания. — Я просто думала... а вдруг я смогу полюбить его. Мы могли бы быть вместе. Я даже хотела бросить вас в этом поезде, хотела уехать с ним в Гиперборею. Я знаю, он тебе не нравился, но ты не знаешь, каково это — чувствовать себя чужой. Полукровкой. Может быть, там я бы смогла найти своё место... вместе с ним...

— С ним ты бы не стала счастливее. И не оказалась бы вдруг на своём месте, — сказал Аластор, выбрасывая бычок в щель между полом и дверью. — Для кого ты чужая? У тебя есть сестра, которая тебя любит больше всех на свете. Фрикса ты не знала, не догадывалась даже о том, что у него на уме.

— Тебя я тоже не знаю. — Странно, но в этом выпаде Аластор не встретил агрессии, лишь настойчивое выражение: «переубеди меня». Словно теперь она хотела его испытать.

— Ты знаешь обо мне ровно столько, чтобы понимать меня. Ты должна знать главное — я здесь для вас. Фрикс был для Алкида. Вот то самое, что нас различает. Да, увы, у меня есть много ужасных историй, но тебе не нужно слышать их все, чтобы верить мне сейчас.

— Твои истории, — Вестания затушила сигарету. — Твоё прошлое. Все убийства, что ты совершил, думаешь, я смогу тебе полностью верить после того, как услышу их? Расскажи мне одну. Как умерла мама?

Аластор вдруг опешил. Он испугался, что она могла знать ответ. Но, как и откуда? А вдруг она знает, вдруг опять разозлиться? По щекам Вестании и вправду потекли слёзы, но вместо ярости он наткнулся лишь на скорбь.

— Она была больна. Ты сама знаешь...

— Как это произошло? — Упрямые глаза. Не терпящие отступлений.

Аластор сдался. Собрал все силы, что у него были. Для того чтобы сказать правду их потребовалось немало.

— Алкиона боялась заразить окружающих. «Призрак» был переполнен, много народа, в вагоне с нами была Рея с младенцем. Она ушла из вагона в... — он осёкся. — В тамбур. Я пошёл за ней. Она лежала на полу, совсем без сил. Умирала. — Вестания слушала его молча, сдерживая слёзы, — Тогда она попросила меня помочь ей. Избавить её от страданий. И найти вас. И я...

— И ты убил её. — Вынесла приговор Вестания.

Он хотел защититься. Подбирал слова для оправдания. Хотел бы назвать это не убийством, а освобождением. Но глядя в её карие глаза смог лишь произнести:

— Да.

Она плакала какое-то время, потом собрала всю свою волю и утёрла слезы. Кажется, она была просто слишком усталой и подавленной, чтобы обрушить на него свой гнев.

— Не говори Теренее. — Произнесла она, наконец. — Никогда.

— Хорошо. — Согласился он.

— Я знаю, что она была больна. Знала давно. И она бы умерла там. Но... — её голос наполнился силой. — Я никогда не прощу этого тебе. — Аластор слышал по голосу, что она говорит серьёзно.

— Я бы не стал просить у тебя прощения, я знаю, что это невозможно.

— Нет, ты не понял. Тера пообещала простить тебя, когда... — она запнулась, — *если* мы доберёмся до Океании. Она простит, если не расскажешь правду. А я — нет. Никогда.

Он тяжело вздохнул. К удивлению Аластора, Вестания перевела разговор в другое русло:

— О чём вы говорили, прежде чем...

— Она рассказывала о вас. Говорила о том, как сильно вас любит, и о том, что вы найдёте Океанию.

Она улыбнулась такой странной улыбкой, которая тут же разлетелась вдребезги из-за слёз.

— Ты же не веришь в неё, так? Там, в Некрополе, когда вы с Терой заключили договор, когда она наняла тебя. Ты сказал, Океания будет твоей платой. Но её не существует. И ты тоже не веришь в неё.

— Когда я приехал в Термину, я был потерян, — сказал Аластор. — Я хотел умереть. Сначала убить вас, потом себя. Для этого я повёл вас в Белизну. Много лет после того, как меня отправили на пенсию, я пытался найти в Сцилле хоть кого-то, кто не был также пуст и обречён, как я. Я видел многих: бездомных, безумных, опустившихся на самое дно, тех, для кого жизнь была тягостью, и я освобождал их. Мне казалось, что я должен был поступить с вами так же. С двумя детьми, осиротевшими, ненужными никому на заре конца света. Но потом твоя сестра смогла меня переубедить. Она дала мне цель. Ориентир, которого я не видел уже много лет. Это и есть моя Океания — защищать вас. Поэтому я здесь.

Она не сводила с него глаз, но теперь Аластор не видел в них недоверия.

— Я никогда никого не любил и никогда не жил для кого-то. Но теперь я здесь. Ради Алкионы. Для Теренеи, и я здесь для тебя, Вестания. — Заключил он. — Я должен увести тебя отсюда.

Он знал, что она всё ещё сожалела о Фриксе, что не доверяла ему полностью, знал, что она не верила в Океанию. Он думал, что она вновь заупрямится, был готов смириться и признать своё поражение. Но тут Вестания кивнула.

— Хорошо, — сдалась она. — Пойдём.

К счастью, после разговора в тамбуре Вестания успокоилась. Она молчала, замкнулась, думала о чём-то своём, но всё-таки согласилась находиться в компании сестры и Аластора.

Они сидели в одном из купе и ехали в блестящую и искрящую на солнце неизвестность, куда-то прочь из отменённых земель.

Спустя какое-то время сёстрам все же удалось задремать, и теперь, разбуженные особенно сильным толчком поезда, они с трудом продирали глаза, скованные тягучим и сухим сном измождённости. Придя в себя, Вестания резко выпрямилась, с опаской посмотрев на Аластора. *О чём она думает? Что при мне небезопасно спать? Нельзя терять бдительность? Что я убью их после всего этого?*

Аластор вспомнил Лиссу. На единый миг, и сразу прогнал это воспоминание. Где-то в глубине его сознания — её тряпичное тело, покорное, слабое, грязное, истощённое болезнью и высушенное безумием, ещё горячее, покрытое мокрыми от пота волосками. Он вспомнил боль. И отвёл глаза от Вестании, словно затем, чтобы она не успела прочесть эту картину, запечатлевшуюся на его сетчатке.

— Сколько времени прошло? — спросила Теренея. — Как долго мы едем?

Вестания достала часы и разочарованно вздохнула.

— Они встали... наверное, я их ударила обо что-то, когда мы с Фриксом взламывали компьютер на вокзале...

— Лучше остановить поезд, — сказал Аластор.

Они остановили «Восточного Вестника» и вышли на заваленную снегом пустошь. *Великое белое Ничто*, — думал Аластор, оглядывая убегающую во все стороны бескрайнюю пустоту. *Словно мы едем туда, где мир ещё не был создан.*

Ждать им пришлось недолго. Алкид говорил, что «Пандора» была небольшой, её взрыв мог превратить Акрополь в руины, выбить все окна из домов Термины, но ударная волна уже никак не сумела бы их достать. То, что они увидели, было похоже на рождение новой Белизны. Ослепительно-яркая вспышка полоснула безмятежную тишину, разлетевшись во все стороны и разом приумножаясь в размерах. Затем Белизна сменилась жёлтым пожаром, который поглотил город. Они не знали и не могли даже представить всю губительность взрыва ядерной бомбы. Они стояли втроем и смотрели, как в этом огне революции гибнут все те, кого они знали в Термине, а в первую очередь — те, кто управлял Ойкуменой. Как только столп пламени проглотил город, в небо поднялось ядовитое облако дыма. Поток смерти рванул во все стороны света, снося все на своём пути. Словно заточённое в Тартаре чудовище вырвалось на свободу.

Оставив сгоревший мир позади, они продолжили свой путь.

Сначала казалось, что они будут ехать так целую вечность. Мир смывтых красок, политый алым материк. Снег вперемешку с пеплом. В этой пыли — сгоревший город и погибшие люди. Тысячи жизней, расщепленные на атомы, на мельчайшие частички. Теперь они все обрели единение друг с другом. Вот она — революция, сгрудившаяся в небе. Правительственный состав «Восточный Вестник» совершал последний свой рейс напрямиком из Тартара в белоснежное никуда. Вестей состав не нёс. Лишь одну, которая теперь играла хоть какую-то роль во всём оставшемся мире. Падение Акрополя. Смерть властей в огне Сопротивления, в пламени Алкида, во взрыве «Пандоры».

Весь дальнейший день Вестания провела в кабине машиниста, пытаясь настроить радио. Их единственная ниточка, связывавшая с внешним миром. Увы, все частоты молчали. Белый

шум сменялся гулом профилактики канала. Веста не отступала. Приёмник был последней возможностью узнать хоть что-то о судьбе Фрикса. Она должна была знать!

Аластор сидел на соседнем кресле в кабине. Она была почти благодарна ему за то, что тот больше не заговаривал с ней, не пытался её утешить. И даже не препятствовал её тщетным попыткам, даже когда монотонный звук приёмника стал раздражать и её. Он смотрел на росчерки рельсов, бегущие вперёд по снегу. И всё-таки она почувствовала его взгляд, он не поворачивал голову к ней, но косился. *Только он смотрит не на меня, а на тень.* — Догадалась Веста.

— Кстати, я стала лучше её слышать, — сказала Вестания, хоть Аластор и не спрашивал. — С ней... то есть, наверное, с ним можно разговаривать. Но он пока не назвал своего имени.

— На что это похоже? — спросил Аластор.

Она тяжело вздохнула и отключила приёмник. *На что похоже... как будто вас всегда двое. Как будто ты — не ты. Сама ли я думаю это, может, это мысли тени? Когда он берёт верх, когда я начинаю действовать не так, как обычно. Я бы никогда не сумела ударить Аластора, вырвать трость у него из рук. А тень смогла. Мне нравился Фрикс... я не хотела его осуждать, почему тогда в здании вокзала, когда он убил уборщицу... почему я почувствовала отвращение к нему? Как тогда разобраться? Где я, где он? И есть ли какая-то разница? Что будет, если он займёт моё место, я пропаду? Может ли он так сделать? Слышишь меня? Что тебе надо?*

«помочь».

Я не в беде. Мне не надо помогать. Зачем ты здесь?

«была причина».

Какая? Что тебе нужно? Кто ты?

Но ответа она уже не получила. Тень уползала, когда Вестания становилась слишком настойчивой.

— На что похоже... — протянула она.

Холодно, темно и страшно.

— На тень... — заключила она обречённо. — Ты видишь его?

— Нет.

— Почему я его вижу?

— Я не знаю.

— Что мне делать с ним? — вопрос, который вопил о бессилии.

— Я что-нибудь придумаю, — пообещал он.

Что ты можешь сделать? Ты не можешь видеть его, ты ничего не знал о тенях. Алкид знал, но и то ничего не мог сделать. Ты не сможешь решить всех моих бед, не сможешь вечно меня спасать...

Видимо, он прочитал её сомнения. *Лучше бы тень прятала мои эмоции.* — Подумала девушка и сразу же пожалела об этой мысли. Вестания больше не была одна. Она не могла доверять даже самой себе. Другое существо вечно подслушивало, впитывало её идеи, её слова, поглощало её жизнь. Это злило Вестанию.

— Вестания... — произнёс он. Теренею Аластор звал «Герой», она, кажется, разрешила ему. Её он ни разу не пробовал назвать коротким именем, а просто так предлагать она бы не стала.

— Не говори ничего, — прервала Вестания его жестом. — Мы с тобой всё решили. Я

поняла, что ты пытаешься помочь. Но ты не сможешь прогнать того, кого не видишь. И победить его тоже невозможно.

В кабине повисла пауза. Внезапно Аластор резко дёрнул рычаг торможения. Поезд содрогнулся всем своим железным туловищем и заскользил по рельсам. Вестания едва не вылетела из кресла из-за стремительного рывка, опёрлась руками о панель.

— Что ты делаешь? — вскрикнула она. Колеса гудели, скорость резко спадала.

— Впереди на путях стоит поезд, — ответил Аластор. — Рядом с хижинкой. Не хочу подходить туда слишком близко.

Вестания прищурилась, сиюсь разглядеть хоть что-то в мерцающих сугробах. Раньше, если она долго смотрела на белое, у неё начинало резать глаза, но теперь этого не происходило, снег все равно казался каким-то блеклым.

В коридоре она слышала шаги сестры.

— Почему мы остановились? — спросила Тереня, входя внутрь.

— Впереди другой поезд и хижина, — сказал Аластор, разом переключившись на младшую сестру.

— Вдруг они заброшенные? — предположила Вестания.

— Тогда бы дом уже замело по крышу. Снег утопан, это видно даже издали. Смотри.

И Аластор указал пальцем на едва различимую полоску на непогрешимом полотне, которая могла быть только дорогой.

— Там кто-то есть, и я намереваюсь сходить разведать. Дальше мы всё равно проехать не сможем.

— Я пойду с тобой, — вызвалась Тереня почти с радостью.

— Тера! — прикрикнула Вестания. — Никуда ты не пойдёшь!

— Одному Аластору тоже опасно ходить, вдруг что-то случится! — настаивала Тереня.

Аластор лишь усмехнулся на это предположение.

— Ты даже представить себе не можешь, откуда мне приходилось выбирать. Будет лучше, если я пойду один, так мне не придётся заботиться о вашей безопасности.

— Вообще, — заметила Тереня, — я имею право тебе приказывать. Если я скажу, что ты не пойдёшь один, ты не пойдёшь.

— Я не исполняю желания. И не собираюсь подвергать жизнь кого-то из вас угрозе, даже если ты прикажешь это сделать. — Процедил Аластор. — Когда ты нанимала меня, ты знала, что я убийца. И я обещал убирать преграду на твоём пути и охранять тебя. — Он указал пальцем на заснеженное поле за лобовым стеклом. — Твоя преграда вон там.

— Зачем идти туда пешком? — высказалась Вестания. — Скорее всего, там давно знают, что мы тут, по шуму поезда. Застать их врасплох ты не сможешь, поэтому, может, лучше подъехать немного ближе и заставить их выйти к нам?

Аластор всего с мгновение обдумывал эту идею.

— Ладно, — согласился он. — Но вы обе не высовываетесь, пока я не разрешу.

«Восточный Вестник» вновь сорвался с места и медленно пополз по заледенелым рельсам, скрипя и дребезжа. Конечно, они все знали, что не смогут ехать на нём вечно, только вот что делать дальше, теперь казалось самой страшной проблемой.

— «Призрак». Так и знал, — сказал Аластор, когда они подошли ближе. — Не мы одни решили угнать поезд. Спрячьтесь, — приказал он сёстрам.

— Нас не видно отсюда, — заявила Вестания. Они с сестрой и с Асфоделем все стояли в глубине кабины машиниста, лобовое стекло, облепленное снегом, снаружи наверняка сильно

отсвечивало, так, что они точно оставались незамеченными.

Аластор пробурчал что-то неразборчивое и перекинул ремень автомата через голову, затем он сам отступил подальше от панели управления и стал внимательно оглядывать хижину, состав и лежавшую вокруг пустошь.

Несколько минут ничего не происходило, но затем вдруг откуда-то из-за дома вылетела белоснежная лохматая собака и помчалась к поезду с пронзительным лаем. Это был самоед, порода сильных северных псов, их было много в этих краях. Собака обежала поезд спереди, затем завернула за угол и исчезла из их поля зрения. Они подождали ещё некоторое время, но никто так и не вышел. Вдруг Аластор сорвался с места и решительно зашагал к тамбуру.

— Что ты делаешь? — окликнула его Вестания.

— Есть идея, — ответил он.

— Аластор! Мы решили ждать! — присоединилась Тереня, но Вестания уже знала его. Когда дело доходило до стрельбы и разборок, ждать он не умел, он действовал, и остановить его сёстры были не в силах.

Мужчина открыл дверь, ведущую к сцеплению между двумя вагонами, и высунулся наружу. Вестания бросилась к нему в тамбур. Из раскрытой двери она увидела, как собака, видимо, заинтересованная появлением человека, проскакала по глубокому снегу навстречу. Аластор выставил автомат и, прежде чем девушка успела окликнуть его, выстрелил в небо. Самоед сперва отпрыгнул в сторону от громкого звука, затем замер, выжидая.

— Эй! — закричал Аластор. — Я застрелю её! Выходи так, чтобы я видел руки!

— Аластор! — позвала Вестания.

— Нет! Только не убивай собаку! — вскрикнула Тереня, тоже подбежавшая к ним.

— Пять! — Он подождал пару секунд, не обращая внимания на девочек. — Четыре.

Собака, осмелев, пару раз громко гавкнула, скорее всего, не подозревая ничего о своей судьбе. Она была здоровой, огромные массивные лапы позволяли не увязать в снегу, лохматая длинная шерсть казалась белее снега. Только два глаза и нос — три чёрных пятна, выдававшие её даже издалека. Не имея возможности достать человека, она продолжала лаять, так, что её гавканье совпало со счётом «три» Аластора.

— Аластор, я не прошу тебе, если ты её застрелишь! — произнесла Вестания, испытывая сейчас истинный гнев к наёмнику.

— Два! — выкрикнул он вместо ответа.

Сердце колотилось в груди, но она словно остолбенела, не могла оттащить его от проёма, то ли боялась, то ли заранее понимала, что сил всё равно не хватит.

— Один, — завершил он счёт и навёл дуло на самоеда.

— Нет! Не надо! — Вестания и сама не успела разобрать, кто выкрикнул это первым — она, Тереня или незнакомец, выскочивший из дома. К счастью, выстрел не прозвучал, так что она вновь обрела способность дышать.

— Руки выше, чтобы я видел, — приказал Аластор.

Из-за его плеча она едва могла рассмотреть вышедшего из дверного проёма человека. Выглядел он безобидно: чёрные длинные волосы, глаза, округлившиеся от ужаса, приятные черты лица, одет в зимнее пальто из дублёной кожи, сшитое грубо, возможно, вручную. На руках, поднятых над головой, были такие же кожаные варежки.

— Подойди ближе, — приказал Аластор. — Медленно.

— Можно я отзову собаку? — спросил незнакомец.

Наёмник сначала не ответил, приглядывался к мужчине, потом перевёл взгляд на

самоеда. Собака, завидев хозяина, радостно завиляла хвостом, но не желала так быстро убегать. Кажется, её заинтересовало что-то в снегу, и она начала увлечённо раскапывать ямку.

— Пусть побудет тут, — сказал Аластор.

— Не стреляйте, пожалуйста...

— Аластор, не тронь её! — Шепнула Вестания злобно.

— Послушай, — ответил он едва слышно. — Я убивал многих, очень многих людей, но не собак, и не собирался нарушать это правило сегодня. Только он про это не знает.

Она кивнула. Перед глазами возникла овчарка, летевшая на неё с обнажёнными клыками. Огромное лохматое тело, пригвоздившее её к земле, кровь в разверзшейся пасти. Тогда Фрикс застрелил её в голову.

— Не буду, если не дашь мне повода. — Ответил наёмник. — Сколько вас?

Он замялся, раздумывая с ответом.

Аластор демонстративно качнул дулом, как бы привлекая внимание.

— Я не буду спрашивать дважды, — сказал он жёстко.

— Четверо всего, — пролепетал мужчина, не опуская рук и медленно бредя по направлению к поезду и к своей собаке. Судя по голосу, он был в отчаянье. — Не убивайте меня, я отдам собак, прошу...

— Кто вы? — Спросил Аластор твёрдо.

— Я... я живу здесь. — Мужчина указал на хижину. — Помогаю путникам...

— Живёшь один на краю отменённых земель? — засомневался наёмник.

— Да...

— Почему я не верю тебе? — не отступал он.

— У меня есть собаки, сани, дальше на запад — большой лес, я добываю дерево и охочусь.

— Как твоё имя?

— Алей, — ответил он.

Аластор нахмурился.

— Кто другие двое?

Алей вновь замялся с ответом.

— Такие же странники, как и вы. — Ответил мужчина в конце концов. — Ищут Океанию.

— Может, они знают, где её искать? — предположила Тереня шёпотом.

— Слушай, придумай себе другую песню! Сколько можно об одном и том же? — Огрызнулась на сестру Вестания.

— Прости...

Вестания глубоко вздохнула. Она вспомнила то, о чём ей говорил Аластор вчера в тамбуре. Что у неё есть сестра, которая её любит. Сколько уже раз она боялась её потерять, хуже всего в Акрополе. Но вот просто так сказать Тере, что она тоже ею дорожит... просто подойти и обнять, поговорить про Океанию, поиграть в глупые игры, рассказать очередную сказку об Орфее... почему это было так сложно?

— Я верю ему, — сказала Тереня. — Зачем ему обманывать?

— Никому нельзя верить, — отрезала Вестания.

«Своему псу тоже не верьте», — вдруг донёсся до неё пугающий внутренний голос.

Алкиду удалось сломать в ней какой-то блок, теперь Вестания могла прокручивать

спираль гораздо дальше. Вот только и тень стала ярче и сильнее...

Как твоё имя?

«Его уже некому произносить».

Алкид говорил, что тени — по своей сути, души умерших людей, причём те из них, которые не помнили своей прошлой жизни. Жрецы рассказывали, что, попадая в Аид, души пьют воду из реки Лето, а она стирает память.

Я должна тебя как-то называть.

«Нет».

Ты знаешь про меня всё. Я должна знать хотя бы твоё имя.

«Я и сам не помню его».

Но ты как-то себя называешь? Себя-тень, не себя-человека. Назови мне имя.

И он замолчал.

— Твои приятели не выйдут из дома поздороваться? — Спросил Аластор.

Алей покосился на дом.

— Пожалуй, ждут, когда вы придёте.

Тут Аластор обернулся к ним. Смерил обеих сестёр оценивающим взглядом. Затем вложил Весте в руку пистолет.

— Стреляла уже из него? — спросил он.

— Разберусь, — ответила Вестания с напускной самоуверенностью.

— Правило первое. — Начал Аластор. — Чем ближе ко мне, тем безопасней. Правил второе — не принимаем самостоятельных решений, разговариваю тоже я. Правило третье — быть начеку. Всё понятно?

— Можно мне пистолет? — Спросила Тереня.

— Я научу тебя стрелять позднее, — пообещал Аластор, подмигнув ей. — Пока нет.

— Веста тоже стрелять не умеет! — обиделась Тера.

— Хватит перечить! — Приструнила её Веста.

А ты умеешь стрелять? Поможешь мне?

«Если потребуется».

Аластор помог сёстрам спуститься в белую перину Белизны.

Алей стянул с руки перчатку и свистнул, призывая самоеда к себе. Собака оторвалась от своего занятия и понеслась к хозяину.

— Дети?! — не сдержался Алей, завидев сестёр. — Кто вы? Что вы здесь делаете? — спросил он Аластора.

— Я... — наёмник замялся.

— Это наш отец, — вдруг лягнула Тереня.

Вестания пошатнулась. По лицу Аластора она поняла, что даже он оказался выбит из колеи.

— Ага-а, — протянула Вестания не менее растерянно.

— Отец? — переспросил Алей.

— Да, отец, — сумел, наконец, произнести Аластор.

Тера... как всегда. Зачем только это лягнула? Они слишком чужие друг другу, даже для того, чтобы играть эту роль. Как бы наш отец отреагировал, если бы мы, правда, встретились? Обнял бы и не отпускал? Или так же, как и Аластор, молчал бы в растерянности?

Вблизи Алей показался Вестании очень нервным. Она могла поверить, что он

действительно жил в глуши, судя по растрёпанным волосам и длинной бороде.

Алей проводил их внутрь дома. Хижина была крошечной и походила на охотничью сторожку, какое-то временное жильё, вовсе не постоянный дом. На кухне слева от входа находились двое мужчин. Их внешний вид Вестании сразу не понравился. Она постаралась держаться поближе к Аластору.

— Ну вот, пришли, — проговорил Алей, растерянно отряхивая снег с ботинок. — Ещё странники... Я прослежу за собаками, вы пока чай, что ли пейте. — С этими словами Алей удалился из хижины.

Один из мужчин, тот, что был старше, поднялся из-за стола, накрытого мятой скатертью, и приветственно поклонился:

— Меня зовут Халкей. Это мой брат — Хион. Мы сами прибыли сюда только вчера вечером. — Улыбка Халкея была самой неподдельной. На вид ему было лет сорок пять, на круглой голове проступали следы залысин.

— Аластор, Вестания и Тереня. — Назвал наёмник. — Откуда прибыли?

— Из Термины, других городов в окрестностях нет. — С невинным видом ответил Хион. Он был моложе брата не меньше, чем на семь лет. Более подтянутый, волосы тоже темнее и гуще. Семейное сходство не то, чтобы очень бросалось в глаза, но Вестания вполне могла поверить, что перед ними братья. Они с Терой тоже были не так уж и похожи.

— Её больше нет. — Ответил Аластор без тени эмоций.

По спине Вестании пробежал холодок. Целый город обратился в руины. Оборванные жизни людей, чьи-то мечты, ставшие пеплом. Удалось ли хоть кому-то выжить в этом аду? Её сердце неизбежно осталось в Термине. С Фриксом и Веспер. Веста многое бы отдала сейчас, чтобы знать, живы ли они.

— Да уж слышали... Там давно пахло жареным.

— Почему раньше не уехали, раз пахло? — Веста видела, что Аластор всё ещё изучает мужчин. Но ведь у них не было нужды не доверять им?

Хион развёл руками.

— Ну, так дорога сложная. Просто так в Океанию не поедешь.

— Ждали повода. — Согласился с ним Халкей. — Что вы с порога о делах? Там опять мороз. Нужно чаю выпить. Он подошёл к кухонному столику и разжёл газовую горелку, поставив на неё железный помятый чайник.

— Вы знаете, как опасна в Океанию? — с удивлением спросила Тереня, шагнув чуть ближе внутрь хижины.

— Вы тоже держите путь на Пацифиду? — Хион присел напротив Теренеи. — На поезде туда не добраться. Нужны собаки. — Заметил он.

— Сколько здесь собак? — Аластор чуть продвинулся ближе к Тере, ненавязчиво, но явно сокращая расстояние. Веста видела, как он напряжён. Готов атаковать в любой момент.

— Много. Хватит на три упряжки. Вам и нам. — Сказал Халкей, засыпая труху от чайных листьев в чашки.

— Вам приходилось уже ездить на санях? — Спросила Вестания.

— А вы не местные, — ухмыльнулся Хион. — Все, кто живёт на севере ездит на санях. Иного выбора нет.

— Не переживай, там ничего сложного нет. Я помогу. — Сказал Халкей. — Садитесь за стол, нечего стоять.

Вестания сверилась с Аластором. Тот ничего не сказал и не пошевелился. Лицо его всё

ещё выглядело напряжённым. Он словно так и ждал подвоха.

— Алей сказал, вас трое. Где ещё один? — Спросил Аластор.

— Такое дело... — пробубнил Хион, приподняв край скатерти и показывая странникам то, что скрывалось под столом.

В следующий миг произошло сразу несколько событий. Вестания остолбенела, потеряв дар речи, потому что под столом она увидела белокурого мальчика, чья лодыжка была привязана к краю стола. Асфодель был здесь! Но выглядел при этом гораздо хуже: одежда его была грязной, а на щеке зиял здоровый синяк. Завидев старого друга, Тера, оставив осторожность, бросилась к нему, припав к полу. Хион, сидевший за столом, оказался невероятно проворным. Он подскочил к Тере и схватил сестру, опередив Аластора, который тоже рванулся к ней. Поняв, что не успеет, Аластор направил на Хиона дуло, но мужчина продемонстрировал наёмнику кухонный нож, который тут же приставил к горлу девочки.

— Не тронь её, — Аластор выпустил оружие и приподнял перед собой руки.

— На колени, или она умрёт, — сказал Хион. Веста заметила, как Халкей стал медленно двигаться вдоль стола к месту столкновения.

Аластор опустился на колени. Вестания с ужасом смотрела, как он предпринимает попытку броситься на Хиона снизу и сбить его с ног, но в этот момент Халкей наносит Аластору сокрушительный удар молотком по затылку. Тот упал на пол и обмяк. Веста вскрикнула от ужаса. Она пошевелиться не могла от сковавшего её страха. Она тоже держала в руках пистолет, но понятия не имела, что теперь с ним делать. Асфодель под столом в страхе отполз подальше от поля боя.

Халкей подошёл ближе к брату и протянул к Теренею тряпку с подозрительным влажным пятном.

— Не трогайте её! — Закричала Веста бессильно.

— Всё будет в порядке, не переживай, малышка, — заверил её Халкей, и прижал тряпку к лицу Теры. — Она немного поспит. А когда проснётся, нас здесь уже не будет. Ты кидай пистолет на пол, — посоветовал он.

Теренея затрепыхалась в объятьях Хиона, но очень скоро её тело ослабло.

Где же ты?! Ты обещал!

«Сейчас не получится. Прости».

— Но зачем... — пролепетала Вестания, вцепившись обеими руками в рукоятку пистолета. — Зачем вы это делаете?

— Потому что собак хватит только на одну упряжку. А оружия у нас нет. — Халкей поднял с пола автомат Аластора и проверил заряд.

Вестания почувствовала, как отчаянье переполнило её. Она зарыдала.

— Что вы сделаете с нами?

— Если не будешь сопротивляться, то с тобой совершенно ничего, — заверил её Халкей, подходя к Весте с верёвкой в руках. Кажется, он совершенно не боялся того, что она вооружена.

Тера, прости меня...

Веста отбросила пистолет в сторону и бессильно осела на пол.

Глава X. Испытание Сиринги

542 день после конца отсчёта

Ника понимала, что, прежде чем попасть на приём, она была обязана привести себя в порядок, ибо сама перестала узнавать себя в зеркале за те дни, что прошли с исчезновения Эльпис. Сначала она простояла под душем два часа, смывая с себя смрад прошедших в помутнении последних дней. Она сменила бельё и почистила зубы. Дальше нужно было определиться с нарядом. Она сразу решила, что не наденет вечернее платье, хоть того и требовал дресс-код. Ника и без того чувствовала себя слишком неуверенно, чтобы наряжаться под диву. Одному Хаосу было известно, какие испытания были уготованы ей в этот вечер, она хотела хотя бы находиться там в комфортной одежде. Поэтому приняла решение одеться в мужской костюм с белым галстуком. Формально это было не запрещено, девушки повсеместно носили брюки, вот только если вечеринка планировалась строго официальной, её могли не пустить без вечернего платья. Посему она приняла решение притвориться мужчиной и добавить к образу маску. Это было лучшим решением, ведь если её увидит Пигмалион, ей точно несдобровать. В бутике, где Эльпис иногда брала наряды, Ника купила мужской костюм и длинный строгий плащ с капюшоном, чтобы скрыть волосы. К счастью, природа не одарила её особо большой грудью, поэтому перетянув бюст плотной тканью, Нике удалось практически скрыть признаки женственности. Подумав, она выбрала маску козlorогого Пана и намеревалась выманить свою Сирингу любимыми средствами.

В её любимой опере «Испытание Сиринги» Пан представлял уродливым фавном, одержимым охотой за молодыми нимфами. Но погнавшись однажды за Сирингой, он оказался очарован красотой и нежностью девушки. Он не смог обойтись с ней также грубо, как и с другими, а стал стараться завоевать её сердце. Сиринга в ходе оперы тоже перестала видеть в Пана уродливое существо и поддалась на попытки очаровать её. Вот только финал у истории всё равно был печальным. Несмотря на состоявшуюся историю любви, боги противятся этому неравному союзу и наказывают нимфу, превращая её в тростник.

Нике оставалось рассчитывать на то, что маска Пана не отпугнёт от неё удачу. Она-то намеревалась забрать Эли домой. Оставалось лишь дожидаться роковой ночи. Странно, но теперь ожидание не приносило ей такой нестерпимой боли. Она словно могла отстраниться от своей внутренней боли. *В конце концов, к чему думать о плохом, если оно произойдёт неизбежно? Лучше верить в победу.* Её саму удивлял внезапный и чуждый ей оптимизм.

В назначенный день Ника чувствовала себя бойцом на ринге. Собрав всю свою решимость в кулак, она отправилась в Бальный театр на такси. Подъездная дорожка кишела дорогими машинами. Если на выставке в вечер, когда Эльпис похитили, собрался весь высший свет Харибды, то сюда явно решили снизойти, в том числе, и небожители. Мужчины приезжали строго в компании дам. Все в сногсшибательных платьях, обшитых пайетками, в роскошных хитонах с отделкой из отборного бисера, с жемчужными ожерельями и ровными белозубыми улыбками. Руки облачены в элегантные белые перчатки, в волосах диадемы с драгоценными камнями. На этом празднике Ника выглядела не просто чужой, она была ехидной насмешкой над всем высшим светом Ойкумены. Гротескным и похотливым божком, сошедшим со страниц сказки. Ей были чужды ребячества, все безбашенные поступки в их дуэте всегда совершала Эльпис, но сегодня была особенная ночь. Нику не смущал её образ, в обратном, она черпала в Пана силу. Её всегда пугала сцена, но за

макияжем и нарядом удавалось скрыть свою сущность от глаз и спокойно играть чужую роль. Этим Ника и занималась всю свою жизнь — играла роли, в том числе на сцене, когда выдавала себя за Эльпис. Сегодня ей предстояло спасти подругу и ничто не сможет её удержать. Ни на секунду. Ника знала, зачем пришла сюда сегодня.

Сад вокруг входа в здание театра был полон гостей. Дамы о чём-то оживлённо переговаривались, мужчины курили, прежде чем войти в помещение. Ника в своём одеянии шла напрямую ко входу, игнорируя удивлённые взоры гостей.

— Изумительный костюм! Стоило тоже разжиться масками, не так ли дорогой? — похвалила Нику шедшая чуть впереди пожилая кирие в компании своего супруга. Тот ответил ей неразборчивым кряхтением.

Ника не стала заговаривать с ней, боясь раскрыться, поэтому отвесила галантный поклон.

— Превосходно! — Заулыбалась та, обрадованная.

— Ваш пригласительный. — Спросил охранник. Внешне он был больше похож на телохранителя, чем на слугу. Огромный, непробиваемый, словно кирпичная стена, с таким же каменным лицом.

Ника в костюме Пана протянула билет, полученный ею от Каллимаха. *Интересно, как он... надеюсь, всё хорошо...* Нику глодало чувство стыда за то, как она обошлась с кифаристом. Терять друзей, безусловно, было больно. Но фатальнее потерять Эльпис. Ей было жаль Каллимаха, в одночасье потерявшего и свою девушку, и музыкальную группу, и даже надежду на взаимность от Ники. Но что она могла сделать, если не разделяла его чувств? И вообще... он только всё испортил своим признанием. *Могли бы остаться хорошими друзьями, а в результате...*

Рука в чёрной перчатке протянула стражнику пригласительный. Громила внимательно изучил его, потом принялся разглядывать Нику.

— Дресс-код «белый галстук», — строго сказал он. — Не заявлены маски или плащи.

Ника не знала, что сказать. Она бы предпочла молчать, чтобы невзначай не раскрыться, а не то её точно выдворят за несоответствие стилю. Кирие с мужем, оценившая костюм Пана, обернулась к охраннику.

— Ой, да что вы придираетесь! Галстук же на месте, значит стиль соблюдён! Пропустите этого молодого человека в его сногшибательном наряде! — Потребовала она.

Охранник засомневался, но женщина подскочила к Нике, взяла ту за руку и протянула за собой. Ника была поражена своей удачей. Растерянному охраннику не оставалось ничего, кроме как проводить Нику взглядом.

Кирие не выпускала Нику до тех пор, пока они не прошли в здание театра. Супруг дамы покорно шёл впереди в одиночестве. Кажется, он уже привык к выходкам своей избранницы за долгие годы и давно перестал удивляться.

— Эти снобы совершенно ничего не понимают в стиле! — Заверила Нику кирие. — Прошу вас, развлекайте нас своим образом и хорошо проведите время. — Провозгласила она, а потом шепнула, подмигнув: — Я тоже большая поклонница оперы «Искушение Сиринги». — После этого дама отпустила Нику. Та вновь поклонилась кирие.

Попав внутрь, Ника решила немедленно отыскать Эльпис. Она не планировала в этот вечер выпивать — во-первых, не хотела снимать маску, а та скрывала рот, а во-вторых, ей нужен был исключительно трезвый рассудок. Эльпис могла требоваться помощь. Ника была уверена, что подруга в беде, причём в самой ужасной, раз не выходила с ней на связь столько

дней к ряду. Но ничего, она непременно найдёт её сегодня. Любой ценой.

Здание театра было величественным и ошеломительно красивым. Нику всегда увлекала архитектура и дизайн интерьеров, она бы с удовольствием провела здесь полдня, просто разглядывая убранство комнат — величественные колонны, их золочёные капители, барельефы атлантов и божеств, подпирающих белый потолок, но сейчас на это совершенно не было моральных сил. Всё её внимание было сосредоточено на поиске Эльпис.

Ника шла сквозь толпы собравшихся, просеивая взглядом десятки лиц. Странно, маска была только на ней, но исключительно все на приёме казались ей облачёнными в жуткие звериные личины. Казалось, все гости скрывали что-то человеческое, притворялись радушными и жизнерадостными, скалили белозубые улыбки, а на деле все без исключения, испытывали боль и дискомфорт. Они сияли в своих дорогих нарядах, а в утробе прятали гнилостную болезнь. *Никто из вас не стоит и волоса с её головы.* Ника чувствовала, как с каждым шагом в ней закипал гнев, настоящая ненависть ко всем ним. Она сама почти захлебнулась от этого малознакомого чувства. Чуть было не сбилась со следа, но вовремя вспомнила, что привело её сюда сегодня.

И тут она вышла в большой зал и увидела в нём её.

Нике хватило лишь увидеть издалека стройный силуэт, чтобы напрочь позабыть обо всём.

В этот вечер Эльпис была королевой во всём Бальном театре. Казалось, все остальные были приглашены лишь затем, чтобы поглазеть на неё. Облачённая в сказочное золотое платье в пол, с эффектным вырезом от бедра и шифоновым шейфом, Эльпис была бесподобна. На её тонкой белой шее было роскошное кольцо с бриллиантами, от одного вида которого, любая кирие пришла бы в восторг. При всём своём пышном блеске и дороговизне, Ника сразу заметила, что кольцо затянуто туго и сделано таким образом, что неизбежно будет передавливать горло наподобие чокера. Эльпис в нём приходилось двигаться осторожно, плавно, намеренно контролировать движения шеи. Её макияж был бесподобным, лицо напоминало статный лик гордого сфинкса. Глаза были густо подведены и заканчивались фигурными стрелками, но, вот только подойдя к ней ближе, Ника увидела, что белки иссечены крошечными красными сетками. В глазах застыли слезы, пролитые или сдержанные, но Ника отчётливо видела их. Во всём своём великолепии Эльпис смотрелась жутко. Пожалуй, такой она никогда не видела любимую. Нику трясло от этого умопомрачительного взгляда, в котором читалась её онемевшая, холодная душа, навсегда потерявшая чувствительность.

Ника дождалась, когда Эльпис выйдет из группы молоденьких дам, наперебой расхваливающих её одеяние, и направится к столику с бокалами вина. Именно там она и поджидала свою музу.

— Юная дева, нимфа рассвета, Прошу, преступи запрет. Сменится осенью тёплое лето, Но тенью твоей я буду согрет. — Проговорила Ника нараспев, как только Эльпис подошла к ней.

Это были строчки из оперы «Искушение Сиринги», и Ника точно знала, что Эли услышала её слова и поняла тайный смысл послания. Красные измождённые глаза стукнулись о фасад маски похотливого бога. Эльпис чуть пошатнулась. На миг Ника решила, что той стало дурно. Ещё мгновение и муза совладала с эмоциями. Она опёрлась о край столика, подхватила бокал и уверенно просеменила обратно к молоденьким девочкам, ожидавшим её.

Ника осталась стоять на месте, проводив глазами подругу. Эльпис слушала рассказы девушек, кивала им, умело имитируя улыбку. В конце рассказанной какой-то наивной дурой шутки, она даже разыграла смех, только получился он совсем уж рваным, а взгляд неумолимо стремился к Нике и испуганно отскакивал от маски. Как только хохот стих, Эльпис поспешила наполнить рот вином. Он пила жадно, словно надеясь задавить в себе последние отголоски человечности. Желая превратиться в таких же жалких дурочек, как эти пустоголовые красотки.

Выждав приличное время, Ника всё-таки решила приблизиться к группе девочек, среди которых была и её муза:

— Подкрался к нимфам хитрый Пан, Был он пороком обуян. Он их хватал, терзал, ловил И мучил, сколько было сил! — Она старалась сделать голос как можно более грубым, чтобы в ней не разгадали девушку. На последних строчках, Ника бросилась прямо в толпу, выставив свои руки в перчатках так, словно пыталась поймать одну из девиц.

— Помогите! Пан! Бежим!

Кажется её выходку расценили как изысканную забаву. Девушки восторженно заверещали и бросились врассыпную. Единственный минус — теперь все взгляды были обращены на Нику. Эльпис убежала в сторону, скрылась от взгляда Ники за колонной. Теперь предстояло вновь искать её.

Ничего. Я добыюсь своего. — Решила Ника твёрдо. Она пошла вслед за своей любимой.

Во второй части зала её не было. Ника огляделась по сторонам. К её неудобству, маска ограничивала обзор, но всё-таки она увидела, как золотой шлейф мелькнул в коридоре. Ника направилась за ним. Кто-то на пути попытался задержать её, но она упорно прошла мимо, игнорируя любые комментарии на счёт своего костюма.

Коридор привёл её в бальный зал. Здесь гости кружились в танце под настоящую оркестровую музыку. Ника вскоре заметила Эльпис. Та осушила свой бокал и уже взялась за новый, она беседовала о чём-то с парой молодых кириосов. Ника бесцеремонно подошла к ним.

— Милая нимфа, тонка твоя кожа, А голос как птичья трель, — проговорила она голосом Пана.

Эльпис обратила к Нике взгляд полный боли и сострадания. Она, молча, выпила ещё.

Один из кавалеров с нескрываемым интересом изучал одеяние Ники.

— А, я знаю оперу: Что ж, очень жаль, но нимфам негоже Сбежать из родных земель, — продолжил он слова, которые должна была произнести Сирина по сюжету. — Это какая-то игра сегодня?

— Очень оригинально, — согласился второй мужчина.

— А по мне — дурной тон. — Заявила Эльпис высокомерно. Тут её внимание нарочито быстро переключилось с Пана на оркестр. — Моя любимая музыка! — Воскликнула она, вслушиваясь в однотипный вальс, — Скорее, пошли танцевать!

Эльпис буквально набросилась на кириоса, угадавшего строчки оперы и затащила его в центр зала, к другим танцующим. Нике не оставалось ничего, кроме как следить за ней из угла комнаты, молча отмахиваясь от всех девушек, пытавшихся вызвать её саму на танец. Эльпис же кружила по залу, глядя куда-то в пустоту, а вовсе не на партнёра, повторяла механически движения вальса и делала это совершенно без удовольствия. Как только музыка стихла, Эльпис поспешила смешаться с толпой и быстро сбежала от парня-танцора. Ника вновь последовала за ней сквозь толпу. В этот раз она увидела, как Эльпис упорхнула на

балкон. Ника направилась следом за ней.

В руке у музы вновь оказался бокал вина, вторая была занята сигаретой. Завидев Нику, она отвернулась.

— Ты так прекрасна... — сказал нимфе Пан.

В этот раз Эльпис не выдержала и ответила продолжением песни:

— ...а ты уродлив. Взгляни в отражение реки. Ах, если б могла, то я б обратилась В камыш или тростники.

С этими словами Эльпис гневно швырнула сигарету с балкона и бросилась было обратно в зал. Ника перехватила её за руку.

— Ну, подожди, не слушай глаза, Слушай музыку и её чудеса, — продолжила она слова песни, уже предвкушая неутешительный ответ нимфы.

— Отстань от меня, рогонос! Твою песню речной ветер унёс. — Отозвалась Эльпис и вырвалась из рук Ники.

Весь дальнейший вечер она продолжала прятаться среди толпы — присоединялась к различным компаниям, разговаривала с ними, даже изображала улыбку, но Ника знала, что что-то не так, она видела, что Эльпис тошнит от них, видела, как она прикладывалась к бокалу с вином — ещё и ещё, от чего глаза становились красными, а губы мертвенно синели.

Она же не может так и продолжать убежать от меня. Ника была уверена, что Эльпис намеренно избегала её. В этом крылась какая-то страшная тайна. В том, как Эльпис пила, давась слезами. В том, как пыталась скрыться от неё. Ника больше не заговаривала с Эли, но продолжала следить за ней издалека. Самым удивительным было то, что Эльпис весь вечер провела одна. До сих пор Ника не увидела Пигмалиона. *Что-то происходит, что-то нехорошее.* Но она пока так и не смогла разгадать эту загадку.

Ответ пришёл сам, когда часы отбили десять вечера. Внезапно слуги стали приглашать всех гостей пройти в главный зал. Гонимая любопытством и поиском ответов, Ника последовала туда же.

Прошло порядка пятнадцати минут, прежде чем все гости заполнили зал.

— Зачем нас позвали? — слышала Ника в толпе.

— Должно быть будет торжественное объявление, — предположил кто-то.

— Какая-то новая сенсация, посмотри сколько позвали репортёров.

Ника и вправду заметила, как насторожились фотографы, обратив свои объективы к центральной площадке, которая пока оставалась пустой и ждала своих героев.

Внезапно в центр зала вышел солидного вида кириос с микрофоном. Судя по восторженным вздохам, местной публике он был хорошо знаком.

— Кириосы! Кирие! — провозгласил он торжественно. — Надеюсь, вы все наслаждаетесь замечательным вечером. Чтобы он стал ещё более незабываемым, прослушайте важное сообщение. Сегодня у нас в гостях вы могли наслаждаться обществом самой потрясающей музы Харибды. Давайте поприветствуем несравненную Эльпинику!

Зал взорвался аплодисментами. Эли вышла из толпы. Она продолжала улыбаться самым неискренним и наигранным образом. Вышла в центр зала, подошла к ведущему, после чего они что-то сказали друг другу, но слова потонули в аплодисментах. Взгляд Эльпис рассеянно блуждал по залу. Лишь натолкнувшись на Нику, она сразу же стыдливо прикрыла глаза, а затем отвернулась.

— Эльпиника уже много лет радует наши уши самыми мелодичными и мечтательными песнями. Мы имеем радость поздравить её с успехом альбома «Музыка Океании». Скажешь

нам пару слов об альбоме? — Спросил ведущий.

Было явно видно, что Эльпис слишком нервничала, чтобы давать комментарии. Она изобразила на лице интерес и сказала в микрофон:

— Я очень горжусь этой пластинкой. И уверена, что каждая песня на ней найдёт отклик у моих слушателей.

Как же, каждая! Что, даже «Китобои»? Ника начинала злиться на подругу. Если та попала в беду, почему, спрашивается, она не могла искренне сказать ей об этом? К чему были эти глупые игры в кошки-мышки?

— Спасибо! — Ведущий продолжил свою речь. — Я правильно понимаю, что мы сегодня собрались здесь все ради тебя?

Эльпис наигранно развела руками.

— Возможно... — сказала она, отчаянно скрывая нервную дрожь в голосе. От кого угодно, но от Ники она не могла её скрыть.

— Давай пригласим сюда ещё одного человека, который очень ждёт встречи с тобой. Поаплодируем!

Зал зашёлся в рукоплесканиях, предвкушая интересное развитие шоу. Ника с каждой секундой чувствовала, как возрастает нервное напряжение.

Ожидаемо на площадке появился Пигмалион. Он выглядел довольным, и от одного его вида по позвоночнику Ники прополз ядовитый холодок.

— Представляю вам продюсера нашей любимой Эльпиники, главного директора студии «Оморфия» и, как я понимаю, нового председателя министерства культуры Ойкумены — кириоса Пигмалиона.

Зал поддержал шоу сдержанными аплодисментами. *Они ещё смеют хлопать этому мерзавцу! Если бы только они знали, что он за чудовище!*

Эльпис призналась Нике в том, что Пигмалион взял над ней верх. Изнасиловал её в обмен на возможность уехать из Харибды. Жаль, что эта жертва оказалась пустой. Сбежать в Океанию они не смогли, плата за вход оказалась слишком высокой. Ника никогда не сможет простить того, что совершил Пигмалион. С тех пор прошло полгода, а ненависть лишь надёжно укрепилась в её сердце. *Вот кто достоин маски насильника Пана! В той оригинальной версии истории, где он вовсе не питал высоких чувств.*

— Мало кому из вас известно моё лицо, — начал Пигмалион. — Обычно вы видите на сцене только Эли... Эльпинику, — поправился он.

Только я могу звать её Эли! Она моя! Ника едва сдерживалась от того, чтобы не прервать этот ужасный маскарад. *Только вместо масок у них гримасы.*

— Но я думаю, уважаемая публика понимает, что в основе любого успешного творческого проекта стоит хорошая организация и правильная реклама. Я рад, что этот союз таланта и маркетинга, начавшийся более пяти лет назад, привёл нас к общему успеху. И, конечно же, как и большинство из вас, я являюсь давним поклонником творчества Эльпиники.

Ника давилась от ненависти. Вдруг кожу под маской стало нестерпимо зудить. Она почувствовала, как пот стекает по шее.

— Именно поэтому мне бы сегодня хотелось разделить с вами мою радость. — Продолжал Пигмалион. Он вдруг повернулся к Эли и обратился к ней, — мы с тобой уже всё обсудили, но я всё-таки спрошу вновь. Эли, станешь ли ты моей женой?

Сердце пропустило удар. Ей показалось, что её ударили под дых. Ника шагнула назад и

едва не наткнулась на кого-то из гостей, едва удержала равновесие. Мысли путались. Ей хотелось одновременно кричать, драться, забиться в истерике. Вместо этого, она замерла без движения, ожидая услышать ответ.

— Да! — ответила Эльпис с нервным смешком, который послышался Нике залпом рыданий. Муза, однако, сдержала эмоции. Она улыбалась восторженной публике, показывая белоснежные зубы, сжатые в немом вопле. Красные глаза едва сдерживали слёзы. Плечи так и норовили ссутулиться под невыносимым весом клятвы, но видимо тогда бриллиантовое ожерелье совсем бы передавило ей горло.

Нике показалось, что пол здания уплывает куда-то из-под ног. Вся авантюра с переодеванием и маской показалась теперь нелепейшей и глупой выходкой. Глупостью было даже просто прийти сюда. На что вообще она надеялась?

Смотреть на Эльпис ей стало невыносимо, да и выглядела она так, будто выпила бокал отравы. Зал заходился восторженными криками, возгласами одобрения и поздравлениями, громким смехом и аплодисментами. Только два человека во всём театре хотели сейчас раствориться без следа — это невеста и её возлюбленная в костюме Пана.

Ника поняла, что если сейчас же не окажется на свежем воздухе, то попросту упадёт в обморок. Она бросилась к выходу из театра.

Только ночной морозный воздух привёл её в чувства. На пустынной улице она сорвала с себя маску и растёрла горячее лицо снегом, пытаясь прийти в себя. Её страшно тошнило от отвратительной правды. Ника закричала в безлюдный мрак Харибды, но никто не отозвался ей.

Вдруг ей захотелось вернуться в зал. Убить Пигмалиона. Сдавить ему горло голыми руками. Разбить одну из бутылок вина и воткнуть розочку в грудь. Даже неважно, если он окажется сильнее. Пусть её устранил охрана. Умереть сейчас казалось меньшим из зол.

Только Эльпис всё равно не станет тогда моей.

Она чувствовала, что из неё вырвали кусок плоти. Причём очень важный кусок, без которого Ника перестала быть хоть сколько-нибудь нужной на этой планете.

Я теперь тень.

Это слово показалось странно утешительным. Ведь именно так называли серые души, бродящие по Асфоделевым полям загробного мира. Непомнящие себя, навеки потерянные, пустые. Теперь это и был удел Ники.

Домой она дошла пешком. Сама не знала, сколько на это ушло времени. Не раздеваясь, она легла в кровать и поняла, что больше не пошевелится до самого конца. Реальность казалась чудовищным кошмаром. Больше всего на свете ей сейчас хотелось проснуться и оказаться рядом с Эли. Чтобы та обняла её и сказала, что это всё ужасный сон. Что всё будет по-прежнему. Да, не совершенно, да, иногда плохо. Но несмотря ни на что, они были вместе. Если бы Ника только знала, что эти безжалостные потусторонние силы судьбы однажды отберут у неё единственный смысл жизни, она бы иначе относилась к каждой секунде, когда та была рядом. Ника ни за что не выпустила бы Эли из объятий. Никогда и ни за что.

Ника приняла решение лежать неподвижно до тех пор, пока за ней не придёт смерть.
Или Эли.

После всего произошедшего, она уже не верила, что когда-нибудь вновь увидит Эльпис, поэтому ждала только смерти.

К удивлению Ники, первой к ней пришла Эльпис.

532–533 дни после конца отсчёта

Вестания потеряла всякое ощущение времени. Она просто рыдала до тех пор, пока не перестала видеть хоть что-то. Голова раскалывалась от боли, и тусклый свет из маленького окошка показался ей сродни взрыву новой галактики. Она лежала так неудобно, что все мышцы ныли от тупой, протяжной боли, правая нога затекла, кистей рук она вообще не чувствовала. Вестания пробовала перевернуться, но ничего не получилось. Руки не слушались её. Кисти были связаны у неё за спиной.

Внезапно рядом с собой она услышала вздох боли. Аластор пришёл в себя.

— В порядке? — она с трудом нашла в себе сил повернуть онемевшую шею на голос.

— Я думала, ты мёртв! — Воскликнула она. — И Тера тоже...

— Клонидин. Вызывает падение давления и обморок. Скоро проснётся. — Успокоил её Аластор, затем зашевелился, пытаясь ослабить верёвки на запястьях. Он отклонился немного назад, тогда девушка увидела сестру. Та спала, прислонившись спиной к огромному железному шкафу. Их троих привязали к железному основанию печи в глубине комнаты.

— Ты не ответила, — настаивал Аластор. — Ты в порядке? Что они сделали с тобой?

Вестания почувствовала слёзы, подступившие к горлу от отчаяния. Только бы не заплакать сейчас!

— Тереня потеряла сознание, тебя они ударили, — заговорила она, но голос предательски дрожал. — Я не знала, что делать... Халкей сказал, что, если не буду сопротивляться, они меня не тронут. У меня же был пистолет в руках, Аластор! Я должна была что-то сделать...

— Эй! — Осадил он её. — Нет. Их было больше. У них была твоя сестра. Ты всё сделала правильно. Иногда нужно сдать.

— Но теперь я не знаю, как быть дальше...

— Что им надо? — спросил Аластор, передвинувшись немного вперёд, так, чтобы принять сидячее положение.

Вестания постаралась успокоиться и сложить все факты, которые ей удалось услышать в единую картину. От страха её крупно трясло.

— Они работали на Акрополь. Тот, что старше, Халкей — военный, Хион на какой-то мелкой государственной должности. Сбежали в ночь осады Акрополя, воспользовались шумихой, чтобы угнать поезд, как и мы. Добрались сюда, они знали об этом месте. И предполагали, что ещё кто-нибудь приедет сюда. Это что-то вроде перевалочного пункта для тех, кто едет искать Океанию. Станция аренды собак, не знаю... У Халкея и Хиона слишком мало оружия, и они рассчитывали ограбить других странников, прежде чем идти в поход. И вот сейчас они снаряжают повозку снаружи и скоро двинутся в путь, забрав всех собак.

— Значит, времени мало. Его тоже знаешь, как зовут? — Аластор кивнул головой в сторону кухни.

Вестания устремилась глазами вглубь помещения. Белокурый мальчик всё ещё сидел под столом.

— Асфодель... Но он слабоумный или вроде того.

— Я уже понял, — ответил Аластор ровно.

— Всё из-за него! — Разозлилась Вестания. — Тера бросилась к нему...

Про Асфоделя Вестания не успела ничего узнать. Как он оказался здесь и зачем был нужен Халкею? Что военные сделали с Ариадной после допроса, Вестания не знала, да и не хотела знать после того, как женщина донесла на них. Странные сплетения судьбы уже в который раз сводили их с мальчиком. Да и несколько пугающих видений с его участием она просто так забыть не могла. До сей поры же казалось, что он приносит им сплошные несчастья.

— Если хочешь кого-то обвинить, то обвини меня. Не следовало брать вас в хижину. Это была ошибка. Главное теперь — выбраться из беды. — Сказал Аластор невероятно спокойным голосом, а затем обратился к мальчику. — Эй, Асфодель! Слышишь меня?

— Он тоже связан, — заметила девушка. — Что от него толку?

— Он на длинном поводке в отличие от нас. — Пояснил Аластор. — Там нет оружия, зато я вижу свою трость.

— И зачем она? — не поняла Вестания. — Мы связаны, если ты не заметил.

— Вестания, хочешь выбраться отсюда? — спросил он прямо. — Тогда придётся мне опять поверить.

— Ни к чему хорошему это ещё не привело, — заметила она.

— Асфодель, — снова позвал Аластор парня, проигнорировав это замечание. — Асфодель, мне очень нужна твоя помощь. — Спокойно произнёс он. В голосе сквозили нотки напористости. — Асфодель, я не попрошу у тебя многого. Рядом с тобой возле стола лежит моя трость. Мне нужно, чтобы ты подтолкнул её сюда. Асфодель? Сделаешь это? — Парень не реагировал, но казалось, он улавливал звуки своего имени и слегка вздрагивал, когда Аластор звал его.

— Ничего не получится, — сказала Вестания. — Он не понимает тебя.

— Асфодель? — упорно повторил Аластор. — Если ты не поможешь нам, то Халкей сделает что-то плохое с ними. Знаешь Теренею? Он причинит ей боль. И Вестании тоже. Я прошу тебя, помоги им. Думаю, ты знаешь, на что способны эти двое.

Ещё секунду Асфодель не шевелился. Но потом он вдруг оторвал глаза от пола и посмотрел в их сторону. Вестания не поняла, куда именно, кажется, что в пустоту. Однако это было хоть что-то.

— Видишь трость? Она лежит недалеко от тебя, возле стены. Толкни её мне, чтобы я смог дотянуться. — Не отступал Аластор. — Тогда я помогу Вестании и Теренее.

Асфодель нагнулся вперёд. Он не стал вставать, скорее, подполз поближе к трости. Всё же на полпути от цели он всё-таки замешкался и замер.

— Я не скажу ему, что это ты. Слышишь, Асфодель? Я не скажу Халкею. Тебе ничего не будет. Не бойся. — Продолжал наёмник. — Я не обманываю тебя. Я друг Вестании и Теры. Просто толкни её сюда.

Мальчик продвинулся ещё немного вперёд, всё также не поднимаясь в полный рост. В конце концов, его собственная верёвка натянулась до предела. Трость была всего на расстоянии протянутой руки.

— Отлично, теперь толкни её сюда. — Повторил Аластор. — Давай, малыш, я знаю, что ты сможешь.

Асфодель не смотрел прямо на трость. Это немного смущало Вестанию. Выражение на его лице совершенно не поменялось, он выглядел таким же растерянным и безразличным, как и при их первой встрече.

— Только толкни её сильно, — напутствовал Аластор, когда вдруг мальчик занёс руку

над чёрной узкой палкой.

Вестания представила, как трость докатывается до середины подвала и замирает там, где никто не сможет дотянуться. Что тогда? Всё пропало? Или у Аластора был ещё один план?

Они могут прийти в любую минуту, — подумала Вестания. А Тереня всё ещё не проснулась. Звать её опасно — могут услышать. И всё же она поймала себя на мысли, что испытывает облегчение от того, что с ними был Аластор. Без него они с сестрой просто бы дожидались своей участи.

Асфодель схватил трость, взял её в руку. *Хорошо, что не решил толкнуть просто так, без размаха.*

— Давай, Асфо, — снова ободрил его Аластор. — Только не подведи меня.

Мальчик отвёл трость назад, и затем резко швырнул её узникам. У Вестании дыхание спёрло в груди. Круглый набалдашник несколько раз ударил по деревянному полу, прежде чем трость, прокатившись ещё некоторое расстояние, не стала уходить вбок. Тогда Аластор изловчился, вывернулся всем телом и прижал её к полу носком ботинка.

— Что теперь? — не унималась Вестания.

Аластор одарил её внимательным взглядом, после чего стал осторожно подтягивать трость к себе ногами. Её вопрос он оставил без ответа.

— Теперь будем выбираться отсюда, — сказал он.

Спустя ещё мгновение она увидела, как Аластор разводит руки в разные стороны, срывая с запястий остатки перерезанной верёвки. Она хотела спросить, как ему это удалось, но потом увидела длинный тонкий стилет, скрывавшийся в основании трости. Наёмник поднялся с места, опираясь о край шкафа возле стены. В одной руке он держал ножны, служившие также и тростью, в другой — стальную «начинку». Шагнув в сторону, он едва удержал равновесие, видимо, ноги тоже успели затечь.

— Куда ты? Освободи меня, — воскликнула Вестания, увидев, как Аластор проходит мимо.

Он развернулся и бережно вложил клинок между её рук, связанных за спиной.

— Нет времени. Там на столе они оставили пистолет. Сначала надо взять оружие. — Она уже хотела возразить, но Аластор опять опередил её. — Попробуй перерезать их сама, но будь осторожна, не поранься.

Опираясь на то, что осталось от трости, Аластор зашагал обратно в сторону кухни, сильно хромя на правую ногу. Вестания поднесла затёкшие кисти к лезвию. Осторожно провела по острию своими путами и почувствовала, что верёвка медленно поддаётся. Она упёрлась ею в клинок и стала водить руками вверх-вниз, чтобы перепилить тугие волокна.

Тем временем Аластор пересёк хижину. Она заметила, как испуганно дёрнулся от него Асфодель, когда наёмник подошёл к столу, даже не взглянув на мальчика. Аластор схватил свой пистолет, проверил количество патронов, кажется, их там или не было, или было недостаточно, потому что он пробурчал что-то и полез в карман своего плаща.

В ту минуту, когда Вестания уже захотела попытаться разорвать до конца ослабшую верёвку, они услышали шаги снаружи, в следующий миг дверь открылась. Она не смогла сдержать испуганный вскрик. Там стоял Халкей, безоружный, но, видимо, настроенный решительно.

— Не двигаться, — прорычал Аластор, наставив оружие на него. Вестания не видела и не поняла, успел ли он зарядить его.

Халкей выставил перед собой руки, после чего медленно и нерешительно зашагал вперёд в сторону кухни.

— Я сказал — не двигаться! — оскалился наёмник снова, двинувшись обратно к камину, чтобы загородить Вестанию и Теренею.

— Тише-тише! — запричитал Халкей. Девушка обратила внимание на то, как, занервничал Асфодель, стоило только мужчине приблизиться к нему.

Аластор бы уже выстрелил, если б мог, — подумала Вестания. Кажется, Халкей это тоже понял, потому бесстрашно продолжил свой путь, оказавшись рядом со столом. Тут у неё дыхание в груди спёрло, потому что она не ожидала от мужчины такого проворства. Он резко нагнулся, схватив Асфоделя за шиворот, встряхнул и загородился им.

— Что вы делаете?! — услышала она свой собственный голос.

— Ты же не станешь стрелять в мальчишку-калеку? — Спросил Халкей, обращаясь исключительно к Аластору.

— Ты думаешь, мне есть до него дело? — спокойно произнёс Аластор, все ещё целясь в Халкея. — Ты его сюда приволок. Я его не знаю.

— А мне он тоже не нужен. Кажется, твои дочки знают этого паренька. — Усмехнулся Халкей.

— Это просто мальчишка, я могу выстрелить так, что снесу тебе голову, не оставив на нем ни царапины.

— Что же не пробуешь? — ухмыльнулся Халкей.

Аластор не шевелился, продолжая целиться.

— Отдавай оружие, — приказал Халкей. — Или я сверну ему шею.

Вестания видела безумные глаза Асфоделя. Понимал ли он, что происходит? Выглядел он испуганным, но не произносил ни звука. Кажется, попытался вырваться, но не сильно сопротивлялся.

Аластор по-прежнему не шевелился, то ли раздумывая, то ли оценивая ставку. Тогда Халкей положил свою огромную ладонь на макушку серебряных волос Асфоделя и немного отклонил его голову. *Неужели сейчас придётся увидеть это?* — испугалась Вестания, приготовившись зажмуриться.

— Нет, стой. — Остановил его Аластор.

Халкей глухо посмеялся, должно быть, очень довольный своим превосходством.

— Клади ствол на пол и толкай сюда, — приказал он, отпуская голову мальчика, но всё ещё прикрываясь им, как щитом.

Аластор медлил. Вестания пыталась понять, что на уме у наёмника. Она не могла поверить, что он готов был сдаться вот так легко. *В конце концов, револьвер не заряжен,* — утешала она себя, — *значит, и Халкей не сможет воспользоваться им.*

С глухим звуком Аластор выронил трость из руки, после чего, искривив край губы в улыбке, крутанул револьвер на указательном пальце несколько раз, остановил его, перехватив ладонью дуло, и только тогда принялся медленно нагибаться, выставив оружие на расстоянии вытянутой руки.

— Кидай сюда, — повторил Халкей настойчивее.

— Прости, я хромаю, — объяснил Аластор. — видишь трость?

— Заткнись, или мальчишка — труп.

— Я уже говорил, что мне плевать, — парировал Аластор.

— Я сказал: заткнись!

Аластор положил оружие на пол, после чего лёгким жестом руки послал его скользить по полу навстречу Халкею. Всё, что происходило дальше, Вестания едва смогла рассмотреть из-за невероятной скорости событий.

Как только Халкей потянулся к оружию и, соответственно, отодвинул Асфоделя, чтобы нагнуться, Аластор подался в бок, схватил трость, затем стремительно бросился к противнику, перекувырнувшись так, чтобы сразу оказаться возле него. Одним стремительным ударом он разбил нос Халкею концом трости и, что было силы, отпихнул Асфоделя в сторону, так, что тот отлетел на всю длину своей привязи и упал на пол, вовремя подставив руки для опоры.

Тут Вестания заметила, что во время своего кувырка Аластор успел подобрать свободной рукой револьвер, вогнал обойму в оружие и сразу же после первого удара выстрелил Халкею в лицо. Тот не успел даже вскрикнуть, просто обмяк на полу.

Аластор бросился к входной двери и оказался там как раз вовремя: на шум прибежали Алей и Хион. Аластор выстрелил в голову Хиона, перехватил падающее тело и столкнул его на старика. Алей оказался посреди двух трупов на полу своего дома, прямо в луже крови. Аластор воспользовался паузой, чтобы дозарядить пистолет. Видимо, он успел вставить всего два патрона до того, как пришёл Халкей. Он навёл дуло на Алея и, не произнося ни слова, слегка вытянулся к нему навстречу, готовясь стрелять. Прежде чем он отвернулся, Вестания заметила на его лице это странное и пугающее выражение, прямо как в Акрополе. Это была не улыбка, скорее, губы растянулись в предчувствии горячей крови, как пасть хищника. Черты лица, все до единой, сделались стальными, он собирался напасть.

— Нет! Аластор, нет! — Вестания оглянулась, увидев Теренею. Она, наконец, проснулась. — Не убивай его, слышишь!

— С чего? — обернулся он к ним. Под тяжёлыми бровями глаза метали искры. Она видела всю решимость, с которой он был готов выстрелить снова, как тут его одёрнули за поводок. — Он заманил нас в ловушку.

— Это ничего не изменит! — не отступала сестра. — Если ты убьёшь его, ты не избавишь мир ни от боли, ни от зла, тебе не станет легче, ты никого не спасёшь! Просто добавишь ещё одно преступление на свою совесть.

— Я защищаю вас. — Настаивал Аластор, но от Вестании не укрылось, как его голос стал ровнее. — Он представлял для вас угрозу. И всё ещё представляет, пока живой.

— У нас был договор, и ты теперь работаешь на нас. Я запрещаю тебе это делать. — Вдруг произнесла Теренея жёстко.

Он не шевелился, стоя в нерешительности с нацеленным оружием.

— Убьёшь его — и можешь идти куда хочешь. — Вдруг добавила Теренея.

Она серьёзно? — Вестания поверить не могла, что эти слова произносила её сестра. Она бы и сама не рискнула поставить такой ультиматум.

Алей умоляюще сложил руки:

— Послушайте, у меня не было выбора...

— Заткнись! — Зарычал на него Аластор. — Это ведь твой дом? Ты их сюда пустил!

— Они грозились убить меня и собак... — причитал Алей.

— Аластор, не смей. — Строго повторила Тера.

— Ты слышал её? — Прорычал Аластор. — Я бы убил тебя. Но сейчас ты ляжешь лицом в пол и подождёшь, пока я тебя свяжу.

Алей послушно выполнил требования.

— Вестания, ты освободилась? — вдруг окликнул её Аластор.

Она вздрогнула. С того момента, как Халкей вошёл внутрь, она и забыла о верёвках, просто лежала и наблюдала за этой жуткой сценой. Рванув руками несколько раз, ей удалось скинуть с себя путы.

— Да, — отозвалась она. Клинок со звоном упал на пол, она не успела перехватить его вовремя.

— Принеси всё, что осталось от верёвки.

Вестания поднялась с места, потирая затёкшие запястья. Ей очень хотелось пойти к Теренею и помочь ей освободиться, но она решила послушаться Аластора. Собрала достаточно длинный кусок и принесла ему, с трудом переставляя дрожащие ноги.

Когда она протянула ему верёвку с расстояния, не решившись подойти ближе, он вдруг перехватил её руку и поднёс поближе к глазам.

— Что..? — не поняла она, попробовав вырваться.

— Я же говорил: будь осторожна и не порежься, — произнёс он с укором, развернув её оголённую руку внутренней стороной к свету. Она и сама испугалась, увидев длинный ровный порез совсем близко от вены. Кровь стекала к ладони. Она даже не заметила рану, а почувствовала боль, только когда увидела.

Аластор опасливо покосился на Алея, проверяя, не задумал ли он что-то.

Он что, разрывается? Не знает, чем заняться сначала: Алеем или мной? — удивилась она.

— Я в порядке, — тут же вставила Вестания.

— Найдёшь, чем замотать? — так странно было от него это слышать.

— Да... конечно...

— Помоги сестре. Я скоро.

Почему же эта сцена длится так долго? — не понимала она.

За это время Аластору удалось связать Алея по рукам и ногам, так, чтобы тот не смог пошевелиться.

— Аластор, — позвала его Тереня, когда Вестания освободила её. Наёмник обернулся к ним, отряхивая руки. — Извини за то, что я сказала, и вообще...

— Не извиняйся. — Оборвал он её, прежде чем она успела договорить.

— Мне ужасно жаль, что так вышло... я не думала, что они...

— Всё в порядке, малыш, — он улыбнулся ей как-то совсем сухо и бездушно, но Тереня, кажется, успокоилась.

— Я только хотела ещё спросить... мы же возьмём теперь Асфоделя с собой?

Аластор и Вестания перевели глаза на стол, под которым мальчик укрывался от новой угрозы.

Вестании так не хотелось начинать этот разговор, но Аластор заговорил, прежде чем она успела рот открыть.

— Ну, оставить его мы не можем, — согласился он.

Интересно, когда именно Тера проснулась? — подумала Вестания. — *Сколько из сцены драки она видела? Слышала, как Аластор несколько раз повторил, что ему безразличен мальчишка?*

Наёмник сделал несколько шагов к Асфоделю, сильно припадая на правую ногу.

— Ну, что скажешь, парень? — позвал он негромко.

Асфодель попытался отползти от него подальше, но окончательно упёрся в стену.

Ничего нельзя сказать. Выглядел он ужасно напуганным. Тереня поспешила к нему. Аластор нагнулся и присел напротив.

— Асфо? — позвал он тихо. Мальчик явно боялся его, даже направил взгляд на него, чтобы видеть исходящую угрозу. Аластор протянул пустую руку к Вестании, дав ей понять, что ему нужна вторая часть трости. — Асфо, я хочу освободить тебя. Тогда ты пойдёшь с нами, хорошо?

— Асфодель, — подключилась Тереня к уговорам. — Ты же помнишь меня?

Мальчик слегка повернул голову на её голос, но всё ещё не сводил испуганных глаз с Аластора.

— Асфо, мне жаль, что я ударил тебя, но мне пришлось это сделать, чтобы тебя спасти, — сказал Аластор ровным голосом.

Вестания шагнула к нему, вложив оружие в протянутую руку.

— Я больше не сделаю этого, хорошо? Не ударю тебя.

Асфодель перевёл взгляд на руку с длинным тонким клинком. Знал ли он, что это такое? Как много он вообще понимал из их языка? Вестании всё ещё была не по душе такая затея. Она представить себе не могла, как они отправятся в дорогу с немым неполноценным ребёнком. Он же будет обузой. Его что, придётся водить на поводке, как собаку?

Наёмник быстро поднёс острие к ноге мальчика и одним движением срезал тонкую верёвку с лодыжки. После этого Асфодель отдёрнул ступню, но всё же понял, что нападения не последует.

— Асфо, — позвала Тереня. — Ты же согласен пойти с нами? Мы пойдём в Океанию. Помнишь? Я рассказывала тебе в поезде...

Аластор хотел протянуть к нему руку, чтобы помочь встать, но Тереня остановила его.

— Нет, он не любит, когда до него дотрагиваются. Он пойдёт сам.

— Это ты так думаешь? — спросила Вестания, скептически поглядывая на мальчика.

Аластор возвратил клинок в ножны и, опершись на трость, тяжело поднялся на ноги, после чего подошёл к ней.

— Она справится. Давай помогу с рукой. — Предложил он.

— Нет! Я сама. — Остановила она его.

— Рану нужно промыть...

— Я буду в порядке. Ты лучше... — Вестания покосилась на трупы посреди хижины. — Не мог бы их убрать?

Аластор решил оттащить тела подальше к лесу, чтобы хищные животные не вышли к хижине. К счастью, Халкей и Хион успели запрячь собак, поэтому наёмник воспользовался санями. *Надо будет развязать их. Сегодня мы точно никуда не поедем,* — решил он уверенно.

Вернувшись в дом, он решил допросить Алея. Пожилой мужчина вовсе не казался Аластору источником угрозы, в конце концов, он-то точно не причинил сёстрам вреда. *И всё же, мог и сказать, что эти двое опасны. Хотя бы намекнуть.*

— Давай поговорим вновь, — предложил Аластор Алею, подняв его с пола и посадив на один из стульев. Сёстры в это время пытались разжечь огонь в камине, возле которого были недавно связаны. Мальчик был с ними, но не проявлял никакой инициативы.

— Прошу, я, правда, не хотел... — начал было он, так что Аластору пришлось пнуть ножку стула.

— Ты хотел. Из-за тебя едва не пострадали дети. — Аластор указал пальцем на сестёр. — Надо было пристрелить твою собаку за это.

— Нет! — воскликнул Алей.

— Говори, откуда взялись эти двое. — Потребовал Аластор.

— Они приехали вчера на поезде. Сказали, что из Термины. Привезли с собой мальчика. Потребовали отдать им упряжку с собаками...

— Откуда они знали, что ты здесь? — Перебил наёмник.

— Да знали! Они же из Акрополя. Акрополь и установил здесь перевалочный пункт когда-то давно. Рельсы дальше уходят на северо-запад, там у самых гор находится военный полигон. За ним только граница с Гипербореей. Но Акрополь всегда знал, что чтобы перебраться на ту сторону тайно, нужны собаки. Для их целей это тоже было необходимо...

— Зачем Акрополю тайно перебрасывать людей в Гиперборею?

— Ну как же? Здесь пустая прогалина, по которой можно пересечь границу. Чтобы лучше контролировать территорию, Акрополь Ойкумены провёл сюда железную дорогу и поселил здесь пограничников. До конца света этой дорогой пользовались ойкуменские шпионы. На самой границе есть скалы и опасные ущелья, так что выставить пограничный пост там нельзя. Страны тогда готовились к войне, если бы потребовалось ввести в Гиперборею войска, они бы быстро переправили их на поезде.

— Вы знали человека по имени Фрикс? — влезла в разговор Вестания.

Алей перевёл глаза на девушку.

— Я занял этот пост уже после конца отсчёта. Смотритель, что был здесь до меня, рассказывал о нём.

— Он тоже шёл этой дорогой?

— Других способов нет. — Подтвердил её догадку Алей.

— Что случилось с предыдущим смотрителем? — Спросил Аластор.

Алей уклончиво покачал головой.

— Хронос был стар. Смерть случилась.

— Вернёмся к твоим гостям. — Продолжил Аластор. — Чего они хотели?

— Добраться до Океании, как и многие другие, кто приходил в этот дом раньше. — Сказал Алей. — Но у меня почти не осталось собак. И остались последние сани.

— Они привезли с собой мальчика. Зачем?

— Их спросите об этом. Я не знаю. Но они постоянно говорили, что не могут его оставить. Он им был нужен зачем-то.

Жаль, что трупы не разговаривают, — вздохнул Аластор с сожалением.

— Ариадна, женщина, которая ехала с нами в поезде, тоже везла с собой Асфоделя, — сказала Тереня. — Она считала, что он сможет сделать ключ, чтобы открыть врата в Океанию. Он на самом деле очень хорошо разбирается в механике. — Заверила девочка.

— Если они забрали его из Акрополя, то могли слышать эти слова от Ариадны, — добавила Вестания.

Открыть врата в Океанию... — Аластор покосился на мальчика. Он вёл себя спокойно, но совершенно отстранённо.

— Разные толки ходят про Океанию. Я чего только не понаслушался за то время, что живу тут, — сказал Алей.

— Вы знаете, где она? — тут же спросила Теренея.

— Далеко отсюда. И на пятнадцать секунд впереди. — Загадочно ответил Алей. — Вам придётся очень постараться, чтобы туда попасть. Все те, кто её искал, отправлялись на Пацифиду. Это полуостров дикарей, на восток отсюда. Скорей всего, Океания находится на стыке всего... на стыке времён, реальности и сна, жизни и смерти и так далее.

— Но она существует? — не отставала Тера.

— Я столько всего повидал за жизнь, — сказал он, улыбнувшись, — что уверен в существовании всего, на что только способно воображение богов. — Этой фразы Аластор не понял, но, кажется, на Теренею она произвела впечатление.

— Сколько у тебя собак?

— Восемь взрослых, ещё пять щенков.

— Мы возьмём шестерых сильных псов. — Сказал он прямо. — Оставь себе одного кобеля и суку.

— Да, конечно... — смиренно ответил Алей.

Аластор сощурился. Он чувствовал, что от мужчины не исходило угрозы, но всё ещё опасался довериться ему. Один раз он уже подверг жизни сестёр опасности и больше не хотел этого допускать.

— Сейчас мы выйдем во двор. Ты покажешь собак и научишь управлять ими. Если будет хоть одна попытка предательства, я нарушу данное Теренее обещание и застрелю тебя вместе с каждым из самоедов, — уверенно проговорил Аластор, стараясь, чтобы его слова звучали как можно более убедительно.

Аллею оставалось лишь согласиться.

Он показал собак, доставшихся ему от прежнего хозяина дома.

Это были шесть самоедов, и Аластору пришлось запомнить их имена и научиться их различать. Две девочки — Сказка и Леди — были очень добрые, они прямо-таки ластились к людям, как кошки. Сказка покрупнее и более лохматая, Леди — совсем ещё молодая, изящная и игривая. Потом псы: Волк — главарь упряжки, большой, намного крупнее остальных. Вожак вёл себя спокойно, но Алей сказал, что он может укусить, если его разозлить. Месяц и Восток — два брата, всегда держались друг друга, у них желтоватые пятна на груди, которые выделяются на белой шубе. И последний, самый молодой пёс по имени Малыш, кажется, даже был немного напуган людьми, он прижался к земле и тихонько скулил.

У Алея было ещё две собаки, которых тот оставил себе — Снегопад, ростом побольше Волка, и та собака, в которую Аластор целился с утра, странно, но её звали Белизна. Она была уже не молодая и недавно принесла пятерых щенков. Она же была матерью всей остальной упряжки.

Ненароком Аластор вспомнил Дружка. Уж не братом ли он был для этой стаи? Жаль, но узнать судьбу пса не представлялось возможным.

Весь остаток дня Алей рассказывал, как управляться с упряжкой. К вечеру Аластор решил, что ему можно доверять, но продолжал сохранять осторожность. Теренея провела несколько часов, играя с собаками в снегу. Аластор и сам боялся себе в этом признаться, но почему-то ему доставляло удовольствие наблюдать за этими забавами со стороны.

На следующий день Аластор обнаружил Асфоделя неподвижно сидящего за столом в одиночестве. Он просто смотрел в пол с отсутствующим выражением лица.

— Асфо. — Позвал Аластор, но знал, что останется без ответа. — Асфо, я думаю, нужно кое-что прояснить. Потому что я знаю, что ты слышишь меня. И что всё понимаешь.

Мальчик никак не отреагировал.

— Я могу допустить, что ты не умеешь говорить. Но я уверен, что ты можешь взаимодействовать, понимаешь, о чем я? Я должен знать, что происходит: страшно тебе, или ты голоден, согласен или нет с чем бы то ни было. Понимаешь меня?

Аластор вытянул руку и очень медленно поднёс к мальчику. Как только рука пересекла расстояние, разделявшее их, зашла куда-то в запретную зону, Асфодель слегка отдёрнулся в сторону.

— Ты же знаешь, что я ничего тебе не сделаю? — спросил Аластор. — Ты не боишься Теренею. Тогда не бойся меня.

Асфодель подвинулся на стуле. Аластор отошёл на другую сторону стола, чтобы не пугать его.

— Тереня сказала, что ты понимаешь устройство механизмов.

Аластор положил пистолет на стол перед собой. Заряженный, опасный. Асфодель перевёл глаза на оружие.

— Асфо? — Позвал он, но мальчик не отреагировал. Тут Аластору на ум пришла одна мысль. — Я хочу сыграть с тобой в игру. Ты нужен мне. Подойди.

Несколько секунд мальчик не шевелился.

— Просто подойди ко мне. Тебе это понравится.

Спустя ещё пару мгновений, он всё-таки поднялся с места и осторожно приблизился к мужчине.

Аластор поднял со стола пистолет, показал Асфоделю, поднеся к нему поближе, потом вернул обратно.

— Любишь такие игрушки? Он может стать твоим, если научишься с ним управляться. Тереня говорила, что ты умеешь собирать сложные механизмы, и я хочу знать, что ещё ты умеешь. — Мальчик приподнял голову, вид у него был неуверенный. — Я думаю, что у тебя получится. — Ободрил его Аластор, затем немного отошёл от стола, позволив парню проявить себя.

Асфодель нерешительно потянулся к оружию, глянул на наёмника, потом опять на пистолет. Всё-таки взял его в руки, подождал с секунду, после чего развернул дулом к себе, заглянул в глубокую скважину, на дне которой жила погибель. При этом жесте Аластор даже и глазом не повёл, почему-то он был уверен, что мальчик не станет стрелять, не таким уж и глупым он был, к тому же оружие было на предохранителе. Асфодель убрал дуло от лица, направил в пол, оглядел пистолет со всех сторон, а затем вдруг твёрдым движением нажал на кнопку и вынул магазин из рукоятки. Затем действия начали сменять друг друга с возрастающей скоростью, мальчик выключил предохранитель, отдёрнул затвор, перевёл спусковую скобу и отсоединил затвор от пистолета. Последним шагом он снял пружину и сложил все детали на стол.

— Вот видишь, — кивнул Аластор довольно. — Теперь нужно опять собрать.

Асфодель быстро справился с задачей, пожалуй, ещё быстрее, чем с разборкой.

— Неплохо, — сказал Аластор и ненароком вспомнил Левиафана. Странно, что он решил перенять стратегию поведения своего бывшего учителя. Интересно, где теперь были

Левиафан и Берсерк? Он надеялся, что оба давно мертвы. — Посмотрим, как ты справишься с другим оружием.

Аластор предложил парню поочерёдно сначала револьвер, затем автомат и снайперскую винтовку — весь запас, который ему удалось унести с собой из Термины. Последние два разбора оружия он сперва продемонстрировал Асфоделю, прежде чем позволил попробовать самому. Во всех случаях мальчик безошибочно выполнил все действия, может, только не так быстро и ловко, как это делал Аластор.

— Ладно, хочешь узнать, как стрелять из них? — спросил Аластор. Он думал начать с пистолета, но тут дверь в хижину открылась, и внутрь вошла Тереня.

— Аластор, — позвала она, но тут же остолбенела при виде пушек.

— Все в порядке, просто показывал Асфоделю, как обращаться с оружием, — объяснил Аластор.

Её лицо сначала выразило сомнение, но спустя пару секунд на нём возник, скорее, интерес.

— И как он? — спросила девочка, кажется, забыв то, зачем пришла.

— Справляется хорошо.

— Это не опасно? — прищурилась она.

С одной стороны, Аластор не считал Асфоделя и Тереню достаточно взрослыми, чтобы стать стрелками. Однако времена требовали отчаянных мер, и он сам был довольно молод, когда впервые взял в руки оружие.

— Я держу всё под контролем, — заверил он её. *Однако лучше всё же достать пули из магазинов.*

— А меня ты научишь? Ты обещал, — напомнила девочка.

— Договорились, Тера. — согласился Аластор. — Ты что-то хотела?

— Да... Можно мне компас?

Он не умел улыбаться. Никогда. Губы порой пытались изобразить тень радости, но Аластор знал, насколько фальшиво это выглядело. Когда Тереня посмотрела на него, он столкнулся с полностью противоположным явлением. Она словно озарилась изнутри, глаза стали больше походить на материнские, как будто поменяли цвет. Лицо вроде оставалось спокойным, мышцы расслабленные, но каждая черта светилась, как весеннее солнце. Он протянул ей компас, достав его из кармана. Тереня взглянула на гравировку, потом нашла север. Аластор знал, что ей бы хотелось оставить его себе, но пока компас был единственным, что поддерживало шаткий остов их взаимодоверия, он не мог пойти на это.

— Как ты думаешь, если папа из Гипербореи, мы сможем найти его где-то здесь, на границе? — спросила Тереня.

— Было бы здорово, но мне сложно в это поверить, — ответил Аластор прямо.

Ей не хватает отца. И она ищет его. Даже во мне...

— А ты помнишь своего отца? Каким он был?

— Пьяницей. — Сказал Аластор холодно. — И настоящим ублюдком.

Тереня вздрогнула от этих слов. Даже Аластору показалось, что стоило ответить мягче.

— Я рано остался без родителей. В фирме, где я работал, у меня были сильные наставники.

— Чем ты занимался до... до того, как стал наёмником?

— Я воровал, — ответил он и улыбнулся, чтобы не пугать Теру. — Так что паршивый из меня пример для подражания.

Потом он взял компас из её рук и ловко завращал его между костяшками, перенеся через всю кисть без помощи больших пальцев.

— Гектор, босс моей фирмы, оценил ловкость рук. Она бывает невероятно полезна, когда ты в беде. — С этими словами Аластор протянул компас Теренее. Девочка попробовала совершить такой же фокус, но ничего не вышло, и компас упал.

— Научи меня. Я хочу всё уметь. Стрелять, драться, быть сильной и ловкой, чтобы, если что-то случится, я могла постоять за себя и за Весту с Асфо.

— Сегодня мы отдыхаем. А потом отправимся в очень опасное путешествие. Я научу тебя, тебе это будет необходимым, чтобы выживать там, — он махнул рукой в неопределённость.

— Хорошо, — согласилась Теренее.

— Ты знаешь, где Вестания?

— В поезде. Её что-то долго нет.

Лучше проверить, — решил Аластор.

Вестания сидела в кабине машиниста и упорно крутила ручку приёмника. *Должно же быть хоть что-то...* Все станции отвечали лишь белым шумом. Создавалось ощущение, что весь внешний мир вымер. Ойкумена развалилась, на месте Термины — пустое пепелище. Акрополь пал, Некрополь сгорел в пожаре ненависти. Трон холоден и пуст и навсегда таким останется, потому что править тоже некем.

А белый шум был единственным ответом на её вопросы.

«Тебя не должно это беспокоить».

Это не твоё дело!

«Они всё равно остались в прошлом. И он тоже».

Вестания разозлилась. Даже тень заставляла её чувствовать себя глупой.

— Можно?

Она обернулась. В дверях стоял Аластор. *Опять он!* Почему её всегда нужно искать?

— Давай, скажи, что я зря теряю время! Что они всё равно мертвы, что меня это не должно беспокоить. Что Фрикс мне не пара, что я не должна торчать тут одна и надеяться на чудо... — к глазам вновь подступили слёзы из-за отчаянья.

Аластор, молча, прошёл вглубь кабины и сел во второе кресло рядом с Вестанией.

— Если не скажу? — спросил он. — Если попробую помочь тебе найти сигнал?

Она с удивлением подняла на него глаза. Лицо Аластора выглядело вполне серьёзно, он не издевался над ней.

«Держись от него подальше тоже».

Заткнись!

Смогла бы она держаться подальше от тени...

Вестания ничего не ответила, но её почти тронуло его участие. Она продолжила крутить ручку приёмника, когда Аластор сам протянул руку к прибору.

— Давай я, — сказал он. И медленно повернул рычаг, пробуя разные частоты. Внезапно ему показалось, что сквозь белый шум доносится голос. Он медленно вернул ручку назад и настроил громкость так, чтобы они могли слышать говорящего. Вестания подскочила на кресле.

— Девяносто... девять и девять. Повторяю. Девяносто девять и девять. — Раздался из приёмника слабый мужской голос.

— Это номер радиоволны! — Догадалась Вестания. — Но... такой частоты не существует.

На приёмнике в кабине «Восточного Вестника» волны заканчивались на отметке 70.9.

— Существует, но не здесь. Нужно поискать другое радио. Может, у Алея в хижине покрытие шире. — Предложил Аластор. — Пойдём, попробуем поймать волну?

Она внимательно разглядела его. Ужасный человек, страшный. Он был повинен в смерти мамы, но в то же самое время на Аластора хотелось положиться. Она сдержала колкости, припасённые для него, и кивнула в ответ.

534–537 дни после конца отчёта

Приёмника с частотой 99.9 они так и не нашли, остальные частоты выдавали угнетающую тишину. Было похоже, что весь внешний мир погрузился во мрак Тартара, но вероятнее всего, причина была в поломке радиовышек Термины. Аластор не спешил покидать хижину, прекрасно понимая, что это последний оплот цивилизации. Впереди их ждала лишь снежная пустыня до самого горизонта. Если верить Алею, а так уж вышло, что он согласился поверить отшельнику, им следовало двигаться куда-то на восток в поиске поселений аборигенов полуострова Пацифида. Путь обещал быть долгим и сложным, а ведь Аластор шёл в Белизну не один, ему предстояло вести за собой трёх детей. Но другого выхода у них не было.

Асфодель вызвал у Аластора искренний интерес. Он подозревал мальчика в том, что тот видит тени, хотя бы по задумчивым длинным взглядам, что тот адресовывал Вестании. В последний, проведённый в хижине, вечер, он с интересом разглядывал сломанные часы на запястье Вестании. Тогда Тереня предложила дать часы Асфоделю. Как только они попали в руки Асфо, он моментально принялся за работу, открутил крошечные болты, вскрыл механизм. Удивительно, но не прошло и пяти минут, как он завершил свою работу и отдал уже рабочие часы Вестании, и как только та захотела настроить время, взглянув на ходики на кухне, они обнаружили, что Асфодель успел и выставить верный час.

— Спасибо, — сказала ему Вестания, но Асфо уже не обращал на сестёр внимания, только продолжал пялиться на часы, как если бы во всем мире остались только они одни.

Тереня тоже похвалила его, на этот раз, можно сказать, Асфодель хоть как-то отреагировал, мельком кинул взгляд в её сторону, чуть качнув седой головой. Младшая пыталась приучить его к человеческому взаимодействию, но если он и делал успехи, то пока очень медленные.

На следующий день они отправились в путь. Шесть самоедов, из них две суки и четыре кобеля, славные, подвижные и сильные собаки, привыкшие к работе, быстро везли сани по подмёрзшему снегу. Алей уговаривал их взять побольше провизии, но тогда они бы не смогли ехать в санях вчетвером, пришлось бы делать больше остановок, чтобы давать собакам отдых. Хозяин самоедов упоминал лес, значит, там наверняка можно было встретить стаю карibu или небольшое заледеневшее озеро с рыбой. Рано или поздно им бы всё равно предстояло добывать еду самим, поэтому пришлось отказаться от лишнего груза. Иногда они тормозили собак и шли на снегоступах, или делали остановки и разводили небольшой костерок, на котором грели еду. К счастью, морозы ненадолго отступили, так что пока зима не приносила особенного дискомфорта. За два дня пути Тереня привязалась к самоедам, она знала имя каждого, играла с ними и даже подключала к этим играм Асфоделя. Поначалу Аластор относился с опаской к упряжке, всё же эти псы были суровыми, диковатыми, они знали, что такое голод, что такое усталость, они умели драться друг с другом за кусок мяса, и они умели охотиться, а значит, убивать. Но, к счастью, самоеды отличались дружелюбием, у них не было намерений причинить детям вред.

К полудню третьего дня, когда они уже собирались прерваться на остановку, Аластор вдруг заметил стадо оленей внизу под склоном. К северу от них лежал лес, о котором говорил Алей. Значит, отменённые земли не были такими уж пустыми. Он сожалел, что

никогда в жизни не охотился на диких животных, более того, никогда их не встречал.

— Ты собираешься... — спросила Вестания, смотревшая на стадо оленей вдалеке, мирно ковырявших глубокий снег копытами.

— Придётся. — Бросил он.

Она покивала.

— Вам лучше пойти со мной. — Сказал Аластор. — Я обещал научить вас стрелять.

— Зачем? — спросила девушка. — Ты же идёшь с нами.

— Я хочу, чтобы вы и сами могли за себя постоять, — ответил Аластор.

— Я пойду, — согласилась Тереня. — Только я не буду пока стрелять. Ладно?

— Хорошо, — разрешил Аластор. — Асфодель? — спросил он, и мальчик послушно слез с саней.

Вестания тоже поднялась, но, не говоря ни слова, принялась ставить палатки. Этому она быстро научилась.

— Тебе лучше пойти с нами, — повторил Аластор.

— Я не хочу учиться стрелять, — ответила она. — Тере это тоже ни к чему.

— Веста, мы не знаем, что впереди, — сказала её сестра. — Мне кажется, мы должны быть полностью ко всему готовы.

— Я сказала, что не буду ни в кого стрелять, — заявила она. — Если ты решила стать убийцей, я тебя не держу.

— Но, Вестания, если мы пойдём в Океанию, мы можем...

— Тера! Океании нет! — закричала Вестания, не вытерпев. — Всё это ненастоящее, понимаешь? Ты живёшь своими сказками, надеешься найти Океанию, встретить отца, который нас бросил!

— Отец не бросал нас, и ты это знаешь! — запротестовала Тереня. — И он нас всегда любил, и...

— И присылал подарки, да! Скажи это вслух! — продолжала она сыпать колкостями. — Неужели ты до сих пор в это веришь? Все подарки, которые ты получала, включая твой глупый компас, дарила нам мама, а не он! Когда ты уже повзрослеешь?!

Тут, кажется, она и сама поняла, что сболтнула лишнего. Тереня молчала, не зная, как реагировать на такое признание.

— Вестания, — окликнул её Аластор. Зачем она так? Зачем мучить Тереню? Он и сам знал о подделке, Алкиона рассказала ему о компасе, но ведь до сих пор именно компас был сердцевиной их взаимоотношений. Самым центром спирали.

— Что? — Тут её было уже не остановить. — Я сказала, что не собираюсь учиться стрелять. Если ты это умеешь и считаешь нормальным, это не означает, что мы тоже должны. Тебе не удастся нас всех превратить в убийц!

— Я не собирался, — ответил Аластор. — Просто я считаю, что на вашем пути это будет не лишним навыком.

— Делай, что хочешь, но я не стану такой, как ты!

Он хотел бы обломить эти копыта её глаз, хотел смягчить её гнев, обрушившийся вдруг на их головы. Все эти дни она вела себя мирно, не устраивала скандалов, но, видно, не сдержалась. Аластор открыл было рот, чтобы что-то сказать, но тут мгновенно онемел до того, как протест сорвался с губ. Он увидел её. Или его?

Странный образ, тёмная, шершавая, слегка прозрачная, как траурная вуалетка, тень висела перед её лицом, большая тень, наверняка, очень сильная. Он ожидал увидеть что

удобно, но только не настолько могущественного бестелесного противника. Она не походила на мутный, едва различимый оттенок, как если бы Вестания стояла в мрачном помещении. Это больше напоминало заслонку, твёрдую, непробиваемую стену. Тень обволакивала девушку, слегка присмотревшись, он понял, что запредельный сумрак покрывал не только её лицо, тень нависала над всей Вестанией, она стояла сзади неё и спереди, она была над ней и была в ней самой, плотно укоренившись в том потайном месте, где скрывается душа. Если бы Аластор не знал о тенях, если бы увидел паразита Вестании до встречи с Алкидом, то наверняка решил бы, что над девушкой нависла скорая смерть — какое-то непостижимое проклятье, а может, что и не только над ней одной, но и над всем её родом.

Открытие было таким неожиданным, что он не сумел скрыть его. Кажется, что-то всё же промелькнуло на его лице, выдало его. Это понимание не скрылось от взгляда-броска Вестании, она мгновенно считала это, сама переменялась в лице, и тогда Аластор почувствовал неловкость, словно увидел её вдруг без одежды, сам того не желая.

— Вестания... — произнёс он тихо, понимая, что лучше не врать ей.

Как теперь он мог остановить её? Ему было так хорошо знакомо то, что она чувствовала сейчас. Ни с чем нельзя спутать взгляд, когда на тебя смотрят, как на чудовище. Аластор сам так часто оказывался на её месте, когда подбирался к своим жертвам слишком близко.

— Хватит с меня! — разозлилась она, и тотчас залезла внутрь только что возведённой палатки, бросив все остальные дела.

Лучше уж оставить её одну сейчас. Уже достаточно всё испортил. Тут в голову пришло, что надо бы увести от неё детей.

— Пойдёшь со мной? — спросил он Теренею, стараясь, чтобы его голос звучал как можно мягче.

Выглядела она поникшей, значит, старшей удалось её расстроить.

— Ага... — протянула она невесело.

И втроём с Асфоделем они побрели к склону холма невдалеке.

Стадо оленей, кажется, искало траву под снегом. Неужели им ещё было что есть? Двухлетняя зима пощадилась хоть что-то? Правда, оленей было немного, наёмник насчитал шестерых, может, конечно, их было чуть больше, но скрытых из вида за соседним холмом. Аластор установил винтовку на склоне и направил прицел в сторону животных.

— Аластор, а Вестания отойдёт, да? — спросила Теренея, пока он этим занимался.

— Конечно, — отозвался он. Глупый был вопрос. Она и сама знала ответ, просто хотела поговорить.

— Мне кажется, она не права... зачем она назвала тебя убийцей?

— Ты же знаешь, что это правда.

Хорошо хоть, что Теренея не догадалась про тень. Хорошо, что не может видеть её.

— Нет, больше нет, — возразила вдруг она. — Теперь ты наш телохранитель.

— Но убивать мне всё равно приходится, — напомнил он ей. — Знаешь поговорку? Сколько дворнягу не мой, овчаркой она не станет. — *Поэтому их и пристреливают,* — подумал он, но не стал говорить вслух.

— Когда мы придём в Океанию, — вновь начала она свою любимую тему, — скорее всего, попасть туда будет непросто, потому что там живут только достойные. Так что лучше тебе перестать считать себя убийцей, а то не сможешь войти.

— А ты не путаешь Океанию с Элизием? — сощурился он. — Я думал, Океания — просто страна, а не какое-то загробное чистилище, где твою жизнь ставят под суд.

— Океания — всё равно, что Элизий на земле, — объяснила Тереня. — Так, во всяком случае, многие считают.

— Интересно, — заключил он.

— Мне кажется, ты хороший. У тебя как бы появился шанс исправить всё, что было. Тогда ты сможешь войти в Океанию.

Она так верила в него, что Аластору стало неуютно. Конечно, как вообще ребёнок мог понять, что некоторые вещи ничем нельзя исправить? И сам Аластор знал, что убивал слишком многих, столько не прощают никому и никогда.

— Асфо, — позвал он, — иди сюда, я покажу тебе, как целиться.

Асфодель стоял почти у самого края, слегка ссутулившись, смотрел на поле внизу, где паслись олени. Когда Аластор окликнул его, он слегка встрепенулся, и затем, словно с неохотой, пошёл на зов.

Наёмник так и не сумел раскусить парня. У него, несомненно, был удивительный талант к механике, то, как он быстро научился разбирать и собирать оружие, то, как починил часы Вестании в хижине Алея... он определённо слышал и понимал всё, что происходит, но избегал любого зрительного контакта, да и вообще любого взаимодействия с людьми. С Тереней, однако, он стал вести себя куда более открыто. Может, научился доверять ей? Они вдвоём проводили много времени вместе, играли, бегали, иногда Тереня рассказывала ему разные истории. Аластор замечал, что он даже позволял ей дотрагиваться до себя, при этом совершенно не показывая никакого недовольства. Что ж, дети были примерно одного возраста, им проще общаться друг с другом. Пока Аластора беспокоила только Вестания. Он не мог выбросить из головы этот серый кокон, обволакивающую её. Страшная пиявка, которая не собиралась отпускать свою жертву. Тереня говорила об Океании, как о месте, куда не может и не должно проникнуть зло. Что же это означало для Вестании? Можно ли было допустить, чтобы тень прошла вместе с ней в новый чистый мир?

— Асфодель, я хочу посмотреть, как ты целишься, — сказал он, пытаясь отогнать прочь тревожные мысли. — Сделаешь это?

Мальчик обронил блуждающий взгляд на винтовку, затем нерешительно присел подле неё и заглянул в глазок. Аластор подозвал Тереню поближе, затем ему пришлось положить руку на спину Асфоделя и приказать ей принять правильное положение. Мальчик не стал возражать, просто подчинился наёмнику.

— Наведи прицел на одного из оленей, — сказал он мягко, поспешно убирая руку с его спины, после чего проследил за тем, как плавно дуло заскользило немного вверх и влево до тех пор, пока не остановилось на мишени. — Неплохо, — оценил он намеренно прохладно. — Поправь приклад вот так, — Аластор приложил его плотнее к плечу Асфоделя. — Нужно прислонить ровно, так при отдаче упор будет твёрже, значит и выстрел более метким.

— Взрыв будет громким? — спросила Тереня.

— Не для них, они достаточно далеко, — Аластор указал на прикрученный к дулу глушитель. — Видишь? Он поглотит большую часть шума. Лучше использовать глушитель на оружии. Это не всегда поможет остаться незамеченным, зато уберёжёт твои уши от шума. Многие наёмники, пренебрегающие такими игрушками, страдают от проблем со слухом на закате карьеры. Но, я думаю, если мы раним одного из них, не пройдёт и нескольких секунд, как стадо скроется из вида.

— Они не знают, что мы здесь? — продолжила расспрос девочка.

— Здесь мало людей, они не знают, что мы несём угрозу.

— Жалко всё-таки... — заметила Тереня. — И нечестно. Они такие сильные...

— Убивать — чаще всего бесчестно, — признался ей Аластор. — Особенно издалека, из укрытия. Знал я одного наёмника, что предпочитал расправляться с врагами один на один. И, увы, плохо он кончил. Думай о том, что речь идёт только о выживании. Хочешь выживать — учишься прятаться, стрелять метко и убивать быстро.

Даже отсюда Аластор заметил, как выбранный Асфоделем олень немного продвинулся в сторону, наёмник плавно надавил на плечо мальчика, заставляя его уклонить дуло вслед за животным.

— Меть туда, где ты сможешь его убить или обездвигить, — посоветовал Аластор. — Это снайперская винтовка, хорошая модель, очень точный прицел даже с такого расстояния. С людьми лучше всего стрелять в голову, но, так как это олень, есть риск попасть в рога, им непросто прострелить лоб. — Сказал он, подумав о том, что не имеет ни малейшего понятия об охоте и об убойных точках крупных животных. — Попробуй ноги и горло. Нам всегда советовали не держать жертву на прицеле больше пятнадцати секунд, но потом я понял, что это тоже слишком долго. Стреляешь только на выдохе, промежутки между дыханием одна-две секунды — не больше. Целишься правым глазом, — Аластор отодвинул голову мальчика чуть дальше от окуляра, — расстояние чётко шестьдесят восемь миллиметров, иначе будет погрешность. Удостоверься, что нет кольцевой тени, ты должен ясно и ровно видеть прицел. Смотришь на прорезь прицела и мушку, не на оленя, иначе промажешь. Они все должны быть на одной линии. Для первого раза лучше не превышать порога в десять секунд на прицеливание, а то устанут глаза. Можешь стрелять. Главное, не моргай и не бойся, спокойно выдыхаешь и плавно нажимаешь на крючок.

Аластор и сам поймал себя на мысли, что задержал дыхание, выстроив его ровно, как будто собирался стрелять сам. Асфодель правильно выполнял все инструкции, но наёмник был не уверен, получится ли у него с первого раза попасть в живую мишень. Он бросил взгляд на маленький детский палец, который обладал особым даром созидания. Ему даже стало неловко, что он учил этого ребёнка убивать и разрушать, но, кажется, Асфодель не возражал.

Спустя ещё мгновение взрыв исторгся из винтовки. Пуля молниеносно оказалась на другом конце поляны, заставив крупного оленя разом осесть на землю, стадо всполошилось, их вожак покачнулся от неожиданности и боли, едва не свалился, но затем собрал все свои силы и воспрял. Как только олени пустились в бег, Аластор среагировал также моментально, занял место мальчика, выхватил у него винтовку и совершил ещё один выстрел в оленя, тот опять подкосился, ноги ушли вбок, передняя часть тела уползла вниз, провалившись в снег. Встревоженное стадо не стало ждать его, так уж были устроены все животные — если они чуяли угрозу, они убегали, не обращая внимания на своих братьев. Аластор подождал немного, раздумывая, требуется ли ещё один выстрел, но зверь замер неподвижно спустя несколько тщетных попыток подняться.

— Молодец, хорошо для первого раза, — произнёс Аластор, решив пока прогнать высокомерный тон Левиафана куда подальше.

— Нам придётся его как-то разделявать, да? — спросила Тереня явно без сильного энтузиазма.

— Да, — тут наёмник прищурился. — Думаю, тебе пока не стоит на это смотреть. Можешь сходить к собакам, заняться ими.

Он заметил сомнение на её лице, кажется, она бы с радостью согласилась на такое предложение, но что-то не позволяло просто так отказаться от перспективы смотреть на кровь вожака оленьего стада.

— Нет... я пойду, ничего... — в голосе не слышалось и тени воодушевления. Тереня насильно переступала через себя.

Он только кивнул. Затем снова натолкнулся на страх в этих больших серых глазах и понял, как ему хотелось развеять его.

— Я могу дать тебе компас, пока мы будем там.

— Да, спасибо! — и она опять расцвела. Как просто можно управлять людьми, если знаешь, за какие ниточки потянуть. И не нужно никого принуждать, не нужно давить. С Тереней всё получалось так легко.

Аластор протянул ей вещицу. Девочка заворожённо оглядела его, провела пальцами по надписи. Затем вдруг её лицо переменилось, в нём закралось сомнение.

— Вестания права, правильно? Отец не дарил его мне, это всё ложь.

— Почему компас должен потерять свою значимость от этого? — парировал Аластор. — Какая разница, кто его подарил, если для тебя он важен?

— Компас нужен, чтобы не потеряться в Аиде. Так можно найти правильную дорогу.

— Видишь, — ободрил он её. — Он по-прежнему такой же.

— Просто я всегда думала, что так мы имеем какую-то связь с папой. Что это знак того, что нужно найти его. Наверное, она права. Он нас бросил. Он не писал и не дарил нам ничего все эти годы. Не скучал, не хотел встретиться... Тогда получается, что и вся наша сделка не имеет того веса... Какая разница, этот компас или любой другой спасёт нас в Аиде? Это, — она кивнула на железный корпус старого механизма на своей руке, — просто ложь. Сделка, сделанная вокруг лжи — полная чушь.

Он посмотрел в глаза Теренеи — большие и серые, они лучились, словно свинцовое небо, сквозь которое стремится пробиться солнце; глаза Вестании — две разрытые могилы, что же могло таиться на их дне? И глаза Алкионы... небеса Океании во время прибоя, в них плескались волны, может, из-за этого они казались влажными, глаза цвета долга и цвета бесконечной скорби.

Кто был их отец? Какие тогда должны были быть глаза у него?

— Тера... — Аластор опустил к ней, встал на колени. — Я не знаю ничего о вашем отце. Ни кем он был, ни почему всё вышло так, как вышло. И ты, и Вестания думаете о нём слишком много, вспомни, что компас тебе подарила мать, и он приобретёт ещё большую важность.

Он видел, что она была готова заплакать. Не лучший момент для таких разговоров, нужно ещё дойти до подстреленного оленя, вдруг тот не умер. Аластор протянул к ней руку, и девочка сама бросилась ему в объятия.

— Посмотри по сторонам, — прошептал он, прижимая её к груди. — О какой сделке ты говоришь? Что меняет компас, если я уже тут? Хочешь, выброси его в сугроб, ничего не изменится, я останусь здесь. Даже если сейчас мы увидим, как где-то в небе горит вся Океания целиком, я останусь здесь. Тера, мне больше некуда идти. Мира уже нет, понимаешь? И идти назад некуда, потому что меня тоже уже нет. Кроме тебя, Вестании и Асфоделя, у меня больше нет ничего.

Её руки были такими слабыми, но она старалась обнять его так крепко, что становилось удивительно больно где-то в душе.

Много лет после «Чёртова Колеса» Аластор не жил, он искал того человека, кому сможет помочь, кому отдаст свои деньги, и тогда он не знал, что он способен помогать как-то по-другому. Он слишком давно похоронил себя, уже не мог воскреснуть, но только в эту минуту, когда Тереня обнимала его за шею, прижавшись к груди, он чувствовал незнакомый ему ранее трепет жизни, чувствовал, что поступает правильно, чувствовал, что впервые он нашёл кого-то, для кого стал важным и кто стал важным для него самого.

Она всё же отпустила его, потом посмотрела на свою руку с зажатым в ней компасом, раскрыла пальцы, перевернула надписью вверх.

— Ты прав, — сказала она в конце концов, утирая слёзы. — Но я не хочу его выбрасывать.

— Хочешь, оставь его себе, — предложил Аластор.

— Нет, — Тереня показалась ему особенно взрослой в этот момент. Она протянула ему компас. — Я хочу притвориться, что всё так и осталось. Пусть он будет у тебя, а я буду его брать иногда. Так лучше.

— Хорошо, — кивнул Аластор, поднимаясь. Пришлось прищуриться из-за ноги. — Пойдём, надо разобраться с оленем. А потом проведем Вестанию.

Вестания тщетно пыталась развести костёр. Пальцы покраснели и уже теряли чувствительность, а руки всё ещё ходили ходуном, только уже не из-за холода, а от отчаяния.

«Ты должна успокоиться». — Голос тени в голове с каждым днём становился всё громче.

Замолчи! Замолчи! — заклинала она тень. — *Я больше не хочу с тобой разговаривать...*

«Я не хотел тебя обидеть».

Почему ты не можешь просто уйти, просто оставить меня в покое?

«Тогда я потеряюсь. Ты это знаешь».

Несколько часов назад, когда они сделали остановку, она поругалась с Тереней и Аластором. Весь день Веста пыталась разговорить тень, пыталась узнать у него его имя, но он отказывался. И когда у неё, наконец, получилось его уговорить, Вестания быстро пожалела об этом.

«Серый».

Серый.

Стоило услышать это имя, как она почувствовала, что теряет способность управлять своим сознанием. Она словно изменилась, перестала быть собой. Стала какой-то другой, наговорила глупостей Теренее. Зачем только она это сделала?

«Он хотел научить тебя стрелять».

И что с того?

«Это нельзя».

Почему? Что в этом плохого?

«Он убивает просто так, понимаешь? Он убил столько, даже когда был выбор, он не сожалел о них. И сейчас он запросто убьёт оленя, не имея на то права. Разве он охотник, чтобы отбирать жизнь? Он убийца. Он несёт в себе зло».

Ты сам когда-нибудь убивал? Или кто-то убил тебя? В чем дело?

Было сложно управлять мыслями, чтобы формулировать такие сложные вопросы. У

Вестании ушло несколько дней на то, чтобы мысли не звучали в голове, как ворох оборванных слов. На то, чтобы произнести в голове предложение, не уходило и секунды, но Серый обычно не реагировал на эти спутанные нити её сознания, лучше удавалось с ним поговорить, когда Вестания «выкрикивала» — адресовывала ему громкие и чёткие послания. У самого краешка глаза. Тёмно-серая змея, свернувшаяся в клубок. Он отвернулся от неё. Не хотел сейчас разговаривать.

Отвечай! — потребовала она громко.

«Они умерли из-за меня...» — был жуткий ответ.

Что это значит? Кто умер? — злилась Вестания. — *Серый? Отвечай!*

Но он уклонялся от ответа.

И в тот момент Вестания ощутила в себе тяжелейшую ношу. Ей показалось, что вся её душа навсегда отравлена грехом. Тень Серого, призрак человека, повинного в смертях, совершившего, должно быть, так много зла — всё это теперь было частью её самой. Она почувствовала себя грязной, виновной, обречённой на такую же незавидную участь, что и сам Серый.

Уйди, оставь меня, уйди из моей головы!

«Я не могу этого сделать. Даже если бы хотел».

Вестания посмотрела на него. Всё на своём прежнем месте, в уголке глаза. Пугающий сгусток чьей-то души. Посторонний человек прямо внутри её сознания. Чужак, чувствовавший то же, что и она, читающий её мысли.

Спектр эмоций Вестании неизбежно изменился. Если раньше она чувствовала себя зрителем чьей-то чужой жизни, то с того момента, как Алкид рассказал ей о тени, ей стало казаться, что пресловутая спираль уносит её в самую бездну Тартара. Она становилась злой, срывалась на сестре и на Аласторе. И всё из-за Серого.

«Ты не права. Я не могу быть просто злым. Тогда я бы был в Тартаре, а не на Асфоделевых полях. Я бы не стал тенью».

В словах Серого было зерно правды, но сути это не меняло. Вестания оставалась носителем чужой души, которая рано или поздно начнёт вытеснять её собственную и тогда... что могло произойти? Вдруг она станет злой? Вдруг причинит вред Теренею.

«Я бы не стал...»

Ты только сегодня обидел её, довёл до слёз!

«Это был не я. Это ты».

Она вскочила и ударила ногой по груде сухих палок, сложенных в остов будущего костра. Теперь они валялись на белом снегу, как подстреленные птицы.

— Уйди, уйди, уйди из моей головы! — закричала она вслух.

Вестания бросила затею с костром и вернулась в палатку, чтобы хоть немного согреться. Серый замолчал, но по позвоночнику Вестании пробежал колючий холодок, будто жуткое насекомое со множеством маленьких ворсистых лапок. На что она надеялась? Что Серый просто уйдёт? Даже Алкид считал это невозможным. Но вдруг он не мог знать всего, и средство избавления всё-таки существовало?

Она почти успокоилась, когда снаружи до неё донёсся шум шагов. Вестания одёрнулась, устремила взгляд ко входу в палатку. Тяжёлые шаги, через раз слегка шаркающие по снегу, неровные. Как бы ей хотелось сейчас побыть одной, хотя бы пока тень молчала, но она понимала, что этого разговора ей не избежать.

Аластор замер у входа, не смея войти без предупреждения.

— Вестания? — позвал он негромко.

— Сейчас, — ответила она, спустя недолгую паузу.

Вестания вылезла наружу. Сам Аластор никогда бы не зашёл внутрь, она это знала, к тому же в двуспальной палатке и без того не хватало места. Палаток было две: в одной спали сестры, во второй — Аластор с Асфоделем.

Вестания и наёмник сели прямо у входа, держась на безопасном расстоянии друг от друга. Теры и Асфоделя поблизости видно не было, должно быть, она обиделась на неё. Аластор сидел напротив и пристально смотрел на девушку, сначала просто молчал, но Вестания прекрасно знала, что именно он разглядывал так тщательно.

— Ты теперь видишь его, да? — спросила она, не смея больше терпеть эту тишину.

Кажется, осознав свою ошибку, он отвёл от неё глаза.

— Сейчас не так ярко, как сегодня днём. — Ответил Аластор.

Днём? Сколько же времени? — и только теперь Вестания заметила, что начинало темнеть.

— Он уполз... не навсегда... не знаю, — она пыталась подобрать слова, чтобы описать состояние тени. — Знаешь, как черепахи, которые прячут головы в панцирь.

— Сегодня, когда ты... — он не договорил. — Это была тень, да? — Вестания только кивнула в ответ. — На что это похоже? Ты можешь научиться её контролировать?

— Тебя только это волнует, да? — нахмурилась она. — Чтобы я не поднимала шум, чтобы не устраивала скандалов, не обижала Теру?

— Вестания... — обронил он с сочувствием в голосе.

Вестания... всегда только Вестания... хватит произносить это дурацкое слово постоянно... просто хватит! — она хотела что-то сказать ему, но тут почувствовала, как сердце опять достигло самой вершины и вот-вот готово сорваться вниз. К глазам подступали слезы. Как же было сложно их сдерживать при нём!

Тут Аластор схватил её за левую руку. Вестания хотела отдёргнуться от этого жеста и только потом поняла, что произошло. Оказывается, она безостановочно царапала пальцами рисунок кривой спирали на заледенелой корке снега. Как она сама могла этого не заметить? Ладонь покраснела от холода и только сейчас, оказавшись в его кулаке, она почувствовала, что оцарапала кожу о крошечные грани льда. Его прикосновение, из него исходило тепло, так что Вестании стало вдруг не по себе, её всю сотрясло в рыдании, но каким-то чудом девушке удалось сдержать слезы. Вестания высвободила руку и на всякий случай утёрла невидимые слезы.

— Хочешь сигарету? — спросил Аластор, но Вестания только покачала головой. Разве ей что-то могло помочь теперь?

— Он говорил со мной... — сказала она. — Назвал своё имя... Я, правда, не думаю, что это вообще имя... Он называет себя Серым. Я не знаю, поверишь ты мне или нет, но сегодня это был он, я очень хорошо это почувствовала... — тут она вспомнила, что успела наговорить сестре. — Она злится на меня, да?

— Нет, — поспешил заверить её Аластор. — Ты можешь контролировать его?

— Я не знаю... Мне, — она замялась, вспоминая разговор с призраком. — Мне кажется, ты ему не нравишься... он назвал тебя убийцей... ему это не нравится. Я пыталась его прогнать, он замолчал, но никуда не ушёл.

— Вспомни, что говорил Алкид, — сказал он. — Не пытайся его прогнать, чем больше будешь сопротивляться, тем глубже провалишься. Лучше просто говори с ним. Узнай его

лучше, узнай, что ему надо, кем он был раньше.

Тут Вестания ощутила уже знакомое копошение внутри себя. Тень подползла к ней ближе. Девушка почувствовала посыл призрака. Серый стал внушать ей не просто мысли, а ощущения, и тут она сразу потеряла всякую злость на него.

— Я нужна ему, — произнесла она. — Когда он один... когда он был один, он был вместе с миллионами других теней. Лишённый памяти, лишённый чувств. В вечном океане холода, всегда один. Каждая тень — потерянная и обречённая. Те, что скитаются по миру — слабые и несчастные, не способны вернуться назад в Элизий, могут лишь кануть в своё собственном забвении. Смотреть на чужие жизни и завидовать чужому теплу. Всегда в стороне.

Невероятная жалость наполнила её сердце.

— Почему он выбрал тебя своим носителем? — Спросил Аластор мягко.

Вестания прислушалась к чужим мыслям, зарождавшимся внутри. Ей показалось, что Серый больше не решался отвечать ей иначе. Однако ответ она почувствовала.

— Он видел, что я тоже потерянная. И несчастная. Брошенный ребёнок. Он просто хотел...

«...помочь тебе». — Произнёс Серый.

— Он ведь оберегал тебя раньше, так?

Вестания кивнула. Она вспомнила странные невидимые объятия, которые подхватили её в поезде, когда они ехали в Термину. Задняя дверь тамбура, которая была не заперта, и Вестания чуть не выпала из состава. Это был Серый. И это Серый сразился вместо неё с Аластором в Белизне, ещё когда тот хотел убить её. Да, тень оберегала носителя. Он не пытался ей навредить.

— Да. — Согласилась она.

— Тогда узнай, как ему помочь. — Сказал Аластор.

Вестания опять не успела задуматься, как ответ сам родился на её губах:

— Ему нужно помочь вспомнить.

— Что именно вспомнить?

— Его настоящее имя. Его прошлую жизнь. Грехи, которые он совершал. Людей, которых любил. Вспомнить, кто он есть.

— И что будет в этом случае? — спросил Аластор. — Он оставит тебя? Освободится?

Вестания прислушалась к голосу призрака. И в этот раз ответ ей не понравился.

«Никто не знает, что будет».

— Это пока никому не удавалось. — Ответила Вестания вслух. — Значит, нам придётся стать первыми.

544 день после конца отчёта

И да, она всё-таки пришла. Когда уже казалось, что глаза Ники ослепли от слёз. Когда в ней не осталось никаких больше сил. Она лежала в пустой комнате и чувствовала, как постепенно засыхает. Так же, как гибли цветы в горшках, что она осмелилась завести после переезда в эти апартаменты. Конечно, Ника не поливала их с момента пропажи Эльпис. Они ссохлись и готовы были рассыпаться в прах от единого прикосновения.

Она пришла, когда Ника уже смирилась с неизбежным концом, приняла уготованную ей участь. Удивительно, но она скорее была готова погибнуть вместе с цветами, нежели допустить самую мысль о жизни без Эльпис. Ника слишком трезво осознавала, что её существование само по себе бессмысленно и бесценно. Она ждала, когда смолкнет её сердце. Ждала, когда перестанет, наконец, существовать. Когда, наконец-то рассеется в сладкой пустоте смерти. *Вот отчего тени так жадно пьют из вод реки забвения. Ничего не помнить — это самый дорогой подарок. Забвение — это спасение от боли.*

Не шевелиться было тяжело только первые сутки. На второй день Ника уже не могла найти в себе сил, чтобы встать с кровати. Она стремилась к заветной пустоте. Была, скорее всего, на полпути к царству Аида, когда вдруг услышала звонок в дверь, причём не просто звон, а комбинацию — два коротких гудка, один долгий.

Полусонное сердце вдруг с новой силой ударило в пустой груди. Ника прислушалась. Нет, это не могло быть правдой. Обречённые на скорую смерть тоже видят миражи в пустынях. Люди, пережившие клиническую смерть, рассказывали о том, что встречались с древними божеествами или с титанами. И сейчас тоже, наверняка рассудок Ники сам пытался спасти её тело. Заставить её встать с кровати, хотя бы выпить воды.

Звонок повторился. Всё тот же настойчивый код. Два коротких гудка, один длинный.

Хоть Ника уже и утратила веру в смысл жизни, она поднялась с места и на негнущихся ногах проковыляла к кухне. Её ослабевшая рука потянулась к гранённому стакану, на дне которого всё ещё багровели остатки вина. Она открыла воду в раковине, но в последний момент пальцы подвели её и стакан упал на пол, разбившись вдребезги. В следующий миг Ника приникла к крану и долго жадно пила до тех пор, пока звонок в дверь не повторился. *Нет, не мираж...* Напрочь забыв о стакане, она бросилась к прихожей, но оступилась, поранив ногу об осколки.

— Блять! — выругалась она. Пятка оставила на плитке пола протяжный красный росчерк.

Вода придала ей сил. Хромая, Ника всё же добралась до прихожей. Глаза действительно почти ослепли от слёз. Перед ней плясали белые огоньки и звёздочки. Казалось, что ноги налились бетоном. Каждый шаг, каждое движение в онемевшем теле давались ей с трудом.

У самой двери Ника вдруг испугалась, что откроет дверь и увидит Каллимаха. *Нет, тогда я точно пошлю его в Тартар. Никто не имеет права так подло подделывать наш тайный звонок. Да и откуда Каллимаху было знать о нём?* С содроганием, она повернула задвижку и открыла дверь.

Нежнейшее из существующих на земле созданий бросилось ей в объятья. Её хрупкое тело, худые плечи и мягкая округлая грудь. Бархатная кожа, ароматные волосы, тонкие пальцы, что с такой любовью скребут кожу на спине. Руки, которые не хотят отпускать.

Никогда. Ни за что. Губы, с которых не успеваешь сорваться ни единый звук, как ты сталкиваешься с её губами в поцелуе. Ника моментально наполняется жизнью от единственного её присутствия. Она перестала испытывать жажду, голод, перестаёт умирать. Всё её существование вновь наполнилось присутствием этого дивного божества. Её собственный ангел. Запретный. Несравненный.

— Я так боялась за тебя! — Воскликнула Эльпис. Ника растерянно смотрела на её осунувшееся лицо. Глаза Эли были такими красными, Нике показалось, что они навсегда останутся такими. — Боялась, что ты что-то сделаешь ужасное... с собой, — запричитала Эльпис, вновь срываясь на плач. — Боялась, что ты согласишься им. Что не простишь меня.

Ника едва слышала её. Не желала слышать, желала только целовать. Как потерпевшие крушение цепляются за обломки корабля, она вновь и вновь целовала щеки, руки, плечи Эльпис, закрывала своими поцелуями её трепещущие от рыдания губы. Ника потеряла рассудок. Она жаждала так долго и наконец-то могла пить.

— Пожалуйста, прости меня... прости... — повторяла Эльпис снова и снова. А Ника всё прижимала её к своей груди, целовала в глаза, в нос, ощущала её слезы во рту и свои тоже, и они опять были одним целым, и Ника любила их обеих, но вернуть назад уже не смогла бы. На безымянном пальце Эльпис теперь было кольцо.

— Он заставил меня, Ники... — Прошептала она. — Он сказал, что убьёт тебя. Что давно хочет избавиться от тебя. Что так будет проще всего.

— Пусть только попробует. — Ника прижалась к шее Эльпис. Утонула в океане её духов. Лилии и орхидеи — буйный, непокорный аромат. Если у революции был запах, то только такой. — Я больше не сдамся. — Она почувствовала, как ноги подкосились от слабости и переизбытка чувств. Эльпис была здесь. Больше ничто не имело значения.

— Он добьётся своего, Ники, — прошептала Эльпис. — Я уже заплатила большую цену, чтобы тебя спасти, но это его не остановит. Ты должна уходить.

— Дура! — Ника почувствовала, как слёзы вновь текут из глаз. Неужели её тело с такой охотой готово было отдать те глотки воды, что она успела сделать перед тем, как открыть дверь? Ведь Ника не пила целые сутки, откуда в ней вода? — Куда я уйду без тебя? Это бессмысленно! Я хотела умереть, потому что думала, что ты меня бросила. А сейчас, когда ты пришла, я просто не отпущу тебя. Пусть Пигмалиону придётся меня пристрелить, так лучше, чем просто позволить тебе уйти.

— Оставь драму мне, Ники. Из нас двоих я — фаталист.

Эльпис показалась Нике какой-то чужой. Как будто она изменилась за совсем короткое время. Такая хрупкая, ранимая в прошлом, так сильно подверженная нервным срывам, капризная и податливая — сейчас Ника видела её совершенно другой, но перемена отнюдь не нравилась ей. Как будто её любовь сломали, растоптали и ей просто стало всё равно на себя саму. Она никогда не простит Пигмалиону всё то зло, что он причинил её любимой музе. Как вообще можно было давить на это невероятное создание?

Ника протянула руку к её щеке, желая утереть слёзы с лица, и ей показалось, что Эльпис чуть отстранилась. Это могло значить лишь одно — она больше не считала, что они принадлежали друг другу. *Она помолвлена. Чужая невеста.* — Вспомнила Ника ужасающую новость.

— Пока ещё можешь, ты должна бежать. — Сказала Эльпис уверенно.

— Только вместе с тобой.

— Нет. — Отрезала она жёстко. — Вдвоём мы не сумеем. У нас был шанс в прошлом

году. Тогда мы не смогли, не сможем и теперь. Меня не отпустят.

— Как будто отпустят меня! — Разозлилась Ника.

— Тебя да. — Эльпис говорила уверенно. Как будто она действительно всё просчитала и спланировала, что тоже совершенно не было ей присуще. — Ты сбежишь в Океанию. И будешь жить за нас обеих. Через тебя я тоже обрету спасение.

И тут вдруг до Ники дошло, что за чудовищный план придумала Эльпис. Решила за них обеих. Как всегда!

— Нет! Ни за что!

— И у тебя всё получится. Ты спасёшься и будешь жить... — продолжала убеждать её Эльпис.

— Нет!

— Будешь жить там, в безопасности... мы ведь — одно целое, помнишь? Если спасёшься ты, то и я тоже... это одно и то же, потому что мы — две половинки одного. В тебе часть меня, во мне — тебя.

— Нет! Нет! Нет! — Ника закрыла уши руками, отказываясь поверить в то, что предлагала ей Эльпис. Боль пронизывала её насквозь. От радости от того, что Эли пришла не осталось и следа. Теперь она была всё равно что мёртвой для Ники. — Из нас двоих ты должна жить. Во мне нет смысла, Эли... — Бормотала Ника в помешательстве. — Ты красивая и талантливая. Ты лучше. Не делай этого. Ты спасаешь меня ценой своей жизни... должно быть наоборот.

Эльпис обняла её. На миг Нике показалось, что она дома. Она понятия не имела, где именно её дом, но ощущения от объятий были такие родные, что ей стало тепло и уютно на душе. Руки непроизвольно опустились и Эльпис тихо зашептала ей на ухо:

— Ты всегда делала так, как я хотела. И сейчас ничего не изменится. Ты сделаешь так, как я прошу. А я прошу тебя жить. Ради меня. Ради нас. Ради нашей любви друг к другу.

И только тогда Ника поняла, что выбора у неё тоже не было. Потому что Эльпис была права. Так было всегда. Эльпис вела, Ника шла за ней. Они были одним целым, и, если Ника хоть наполовину любила Эльпис так, как та любила Нику, она не могла подвести её.

Но и мы с тобой тоже

Очень похожи

На облака, —

Пропела Эльпис тихо, чуть покачивая Нику, словно баюкая капризного ребёнка. *Что же, теперь Пигмалион захочет завести с Эльпис детей? Она станет матерью, в ней проснётся материнский инстинкт, и она будет любить кого-то в разы сильнее, чем любила меня. В конце концов, эта любовь вытеснит из неё воспоминания обо мне. Боль пройдёт. Она забудет. Навсегда.*

Стелемся по ветру

Метр за метром

Издалека, —

Продолжала напевать Эли тихо и нежно, только для неё одной. Но могли ли эти руки врать? Нет, ей не суждено исполнить желания Пигмалиона. Она всё же молодец. Нашла исключительно хитрый способ сбежать от него. Сделать так, чтобы Пигмалион не смог завладеть ею несмотря ни на что. Коварству Эльпис стоит посвятить ни одну песню. Она никогда не подчинится мужчине.

Тут конец припева спела уже Ника:

В серой атмосфере

Словно смешные звери

Мы...

Эту песню Ника сочинила, когда они летели на дирижабле в поисках врат в Океанию. Далеко на севере, на полуострове Пацифида. Там осталась девочка по имени Психея, которой они помогли найти дорогу домой и вернуть своё настоящее имя — Торна. Судьба ей выпала стать предводительницей племени антропосов. Какую же судьбу тогда уготовила Эльпис ей? Её милая Эльпис, похожая на прекрасное облако. Такая переменчивая, величественная, далёкая.

Эльпис протянула ей маленький стеклянный флакон, от одного вида которого у Ники защемило сердце. Ей хотелось разбить его прямо сейчас, но она лишь сжала флакон в кулак. Как бы то ни было, она согласилась. Приняла предложение Эльпис. Приняла правила её игры. Выбор сделан, жребий брошен.

— Нужно спешить. — Заключила Эльпис. — До утра ты должна исчезнуть.

Ника бессильно опустила голову и покивала.

Эльпис потащила её в ванную, взяла ножницы из ящика и одним движением отрезала волосы Ники по плечи. Длинный хвост безжизненно лежал на полу, как старая тряпка или какой-то мёртвый зверёк. Эльпис потянула её к ванной, открыла кран и наспех смочила волосы Ники. Она принесла с собой краску, выдавила содержимое тюбика, и принялась поспешно втирать массу в её мокрые локоны.

— Прости, я боялась, что у нас будет мало времени и краска не схватится, поэтому взяла чёрный...

— Пустяки. — Цвет волос был последним, что могло сейчас тронуть Нику. Ей казалось, что она прыгнула с крыши небоскрёба и вот-вот готова была разбиться об асфальт.

От природы Ника была шатенкой. Когда в Академии они сошлись с Эли, то Нике пришлось осветлиться и перекраситься в блонд, чтобы их было невозможно отличить друг от друга. Они делали одинаковые стрижки с тех пор и Ника упорно поддерживала цвет волос, хоть постоянное окрашивание корней доставляло ей мало удовольствия.

— Никто не должен узнать тебя, — повторяла Эльпис, как одержимая. — Я не знаю, что они могут сделать, а они могут всё...

Когда краска смылась, Ника действительно изменилась внешне. Теперь она была брюнеткой и почти не узнавала себя саму в зеркале. Всё это время, что они выступали под псевдонимом Эльпиники, Ника стремилась к внешнему подражанию своей возлюбленной, красила волосы, училась ходить и двигаться, как Эльпис, пела так же, как она, делала точно такой же макияж. Сегодня они делали всё наоборот, старались изменить Нику, чтобы никто не узнал её.

Она смотрела на них двоих в отражении зеркала. Только недавно Ника была почти неотличима от Эли, а сейчас на неё смотрела испуганная, измождённая девушка с чёрными короткими волосами. Глаза Ники были всё ещё красными от слёз, синяки под ними выдавали пуд страданий, который ей пришлось вкусить. Выглядела она ужасно, а чувствовала себя ещё хуже. Словно долгие годы она упорно стремилась к образу и подобию своего божества, а теперь за считанные часы скатилась обратно в уродливое зазеркалье. Смотреть на это существо было неприятно. Нике показалось, что она стала похожей на себя прошлую, какой она была до знакомства с Эльпис, когда жила с матерью в душной квартире Харибды и ненавидела её, себя и весь мир вокруг. Ужасное, страшное время, полное

подавленной злости, ядовитого отчаянья и кажущейся безнадежности. От воспоминаний Ника содрогнулась и отвернулась от зеркала. Рядом всё ещё стояла Эльпис, разглядывавшая Нику.

— Получается, — сказала та.

— Когда-то давно ты сказала то же самое. Когда превращала меня в себя. — Вспомнила Ника. — Конец магии.

— Ещё не конец. — Возразила Эли. — Нужно скрыть синяки под глазами. И накрасить тебя так, чтобы мать родная не узнала.

Упоминание матери укололо Нику тонкой железной спицей. Конечно, Эльпис ничего подобного не имела в виду, не хотела её обидеть. *Мать давно отказалась меня признавать. Да и в живых её нет.*

Эльпис накрасила её достаточно ярко и броско. Руки музы мелко дрожали, поэтому макияж получился не вполне ровный, но сейчас это было меньшей из их проблем. Сбирать вещи Ника отказалась. Ни в чём она не ощущала необходимости больше.

Они покинули апартаменты «Орофуса» в одиннадцать вечера. Улицы Харибды были пустые и мрачные, с редких вывесок долетали неоновые лучи. Кажется, Эли пришла пешком. Или приехала на такси, Ника не знала, потому что машины снаружи не было. Они не говорили, шли быстро и постоянно оглядывались. Эльпис намеренно вела её дворами, постоянно петляя с одной улицы на другую.

— Мы идём на вокзал? — спросила Ника, вдруг осознав, что просто следует за Эльпис и понятия не имеет, в чём заключался её план.

— Что? Нет, — отмахнулась Эли.

— Я поеду не поездом?

— Ты не слышала, что случилось на востоке? — скривилась Эльпис.

— Нет.

— Не важно... Поезда больше не ходят туда.

— А что там случилось?

— Сама потом увидишь. — Эльпис явно не намеревалась посвящать Нику в подробности, и та прекратила вести допросы.

Они продолжали двигаться куда-то по хитросплетениям улиц. И вдруг Ника поняла, когда они вышли к реке Итака. Значит, Эльпис хотела отвезти её на фуникулёр. Как давно они не катались на нём! А ведь это было их любимое место в то время, когда они ещё жили в гостинице «Резиденция». Только там девушки могли скрываться от посторонних глаз, находясь вне дома. Держаться за руки, не боясь осуждения. Целоваться, не думая о риске.

Эльпис подвела её к фуникулёру и дождалась, когда подъедет кабинка. Ника вошла внутрь и обернулась, чтобы подать руку Эли, когда муза вдруг захлопнула дверь кабинки, стоя на платформе.

— Что ты делаешь? — Ника рванула к двери, из-за чего кабина зашаталась из стороны в сторону. Эльпис удержала дверь, не дав ей открыться.

— Дальше мне нельзя. Верь мне. Тебя проводят. И ты сбежишь. — В глазах девушки вновь зажглись слёзы. Кабинка медленно плыла по канату дальше. Ещё минута и она никогда больше не увидит...

— Эли, я... — Ника прижалась к стеклянной дверце. Что она могла ей сказать?

Лицо Эльпис, которое готово было разбиться вдребезги. Как подло она поступила с Никой, загнав её внутрь. Словно свинью на убой. Наверняка знала, что Ника не захочет

прощаться. Не сможет её отпустить. Никогда. Ни за что.

— Ты должна бежать... без оглядки. — Заклинала её Эльпис, а кабина сделала неумолимый поворот. — Бери моё крыло, оно мне не нужно больше, а ты лети... и пусть тебя никто не догонит.

Кабина фуникулёра отъехала от платформы. Система заблокировала двери, отрезав девушек друг от друга. Это навсегда. Ника больше не сожмёт её ладони, не поцелует губы, не посмотрит в глаза и не почувствует запах белокурых волос. Всё закончилось.

Она прижалась к окну кабины и смотрела на постепенно удаляющуюся Эльпис, пока та не растаяла в сумерках ночи, превратившись в крошечную точку где-то далеко внизу. Потом Ника разглядывала белые льдины замёрзшей Итаки, через которые кое-где проридралась вода. Она рыдала, чувствовала, как растекается макияж, который с таким старанием наносила Эльпис. Ей казалось, что рухнуло всё вокруг и не осталось ничего, кроме этих льдин.

Фуникулёр довёз её до другой стороны реки. Когда Ника вышла на посыпанную свежим снегом платформу, её ожидал там всего один силуэт, тонкий, точёный, застывший неподвижно, как фарфоровая статуэтка. Ника остолбенела. Перед ней стояла Леда, менеджер компании «Оморфия» и правая рука самого Пигмалиона. Что она тут делала? *Нет... этого не может...*

Женщина с лицом хищной птицы сверилась с часами на запястье.

— Ты поздно. — Сказала она с резкостью ножа для колки льда. — Долго прощались?

До того, как Леда задала такой личный вопрос, Ника подумала было, что она оказалась здесь случайно, или, что Эльпис всё же предала её и привела на убой, отдав прямо в руки Пигмалиона. Даже в это поверить было проще, чем в Леду, помогающую ей сбежать.

— Вообще не попрощались... — Ника знала, что никогда не забудет настоящее предательство Эльпис, на которое девушка всё же шагнула, втолкнув её в кабину фуникулёра. Лишив последнего поцелуя, не подарив ей даже рукопожатия. *Никогда больше я её не увижу.* — Эта мысль ранила так глубоко, что почти лишала Нику дыхания.

Странно, но на железном лице Леды всё же читалось что-то человеческое. Незнакомая раньше эмоция, едва уловимая, но Ника могла её прочесть даже под скудным светом ночного фонаря. Это было бы похоже на сострадание или сочувствие, но перед музой всё ещё стояла знакомая ей много лет Леда, а Ника была убеждена, что эта машина точно лишена сердца. Скорее это была эмоция уступки. Сытая кошка была согласна прикрыть глаза ненадолго, чтобы позволить мышонку проскользнуть в нору. Её милостью он будет жив, она прибережёт колючие когти для другого раза.

Хотелось бы Нике уметь читать мысли. Что всё-таки двигало Ледой? Но спросить она не смела. *Не хватало ещё, чтобы та передумала.*

— Долгие проводы, лишние слёзы. — Заключила та холодно. — Пошли, иначе будет слишком поздно.

— Куда мы идём? — спросила Ника, когда они побрели по ночной улице, прочь от станции канатной дороги.

— Я здесь не для того, чтобы расписывать тебе маршрутный лист.

Вот теперь узнаю старую добрую суку. Надеюсь, она не при смерти, раз решила совершить пару добрых поступков, чтобы причаститься. Ника смерила Леду оценивающим взглядом. Женщина оставалась такой невозмутимой. Возможно, морально Леда и не была плохой, а просто серой, как все тени на асфоделевых полях. Поэтому помочь решила просто ради разнообразия.

— Эльпис сама тебя попросила? — Всё же спросила Ника, когда они вышли на розовую от неоновых вывесок улицу.

— Попросила не то слово. Она умоляла. — Холодно ответила Леда. — Ты-то не в курсе. Тебя не было в «Оморфии» всё это время. Ты пропустила очень много новостей. Одна из них в том, что за тобой была организована слежка. Недавние твои выходки так расстроили начальство, что распоряжение им было дано максимально простое — если ты приблизишься к Эльпис ещё раз, получишь пулю в голову. И она знала об этом. Ты, должно быть, решила, что твой глупый маскарад кого-то собьёт с толку? Знаешь, какую цену пришлось заплатить Эльпис в ту ночь, чтобы снайпер не сработал сразу же? Вчера мы весь день планировали этот твой побег. — Леда остановилась возле чёрного автомобиля. Ника никогда раньше не видела эту машину. — Полежай. — Приказала она категорично.

Муза молча подчинилась. Она всё ещё не знала, куда её везут.

В салоне Леда села на заднее сиденье рядом с Никой. Водителя в ночной темноте видно не было. Расположившись поудобнее, Леда с невозмутимым видом зажгла сигарету и закурила.

— Что будет с другими музыкантами? — Спросила Ника, вспомнив о появлении Каллимаха на пороге её квартиры. — Я правильно понимаю, что группы больше нет?

Машина тронулась и медленно поплыла по безлюдной улице.

— Ну отчего же? Несколько дней назад музыкантам предложили заключить договор на новых условиях. Гермес и Махаон остаются в составе группы. Эльпиника — в лице самой Эльпис, естественно, тоже. Для остальных позиций объявят кастинг.

Евр отказался? Его больше не будет в группе. Ника очень сильно надеялась, что с ним всё будет хорошо. Следующий вопрос дался ей с трудом:

— Что станет с Каллимахом?

Леда стрельнула на неё опасным взглядом, молча приложила сигарету к губам и глубоко затянулась, выпустив облачко дыма.

— Давай ты о своей безопасности будешь волноваться. — Ответила она уклончиво. По спине Нике пробежал ледяной холодок. Ответ ей не понравился совершенно.

— Он приходил ко мне. — Настаивала Ника.

— Ха! Ты меня удивить решила? — Огрызнулась Леда. — Вы совершаете откровенно тупые поступки и понятия не имеете, кто потом разгребает ваше дерьмо. — Леда сделала ещё одну долгую затяжку, после которой уклончиво ответила: — Больше тебе за судьбу Каллимаха переживать не придётся. Забудь.

— Хорошо, могу я узнать судьбу Эльпис?

— А что Эльпис? Она выйдет замуж. За богатого и успешного предпринимателя, в ближайшем будущем — министра культуры Ойкумены. Будет выступать на всех государственных площадках. Станет главным голосом нашей прекрасной страны. Будет обеспечена всем: лучшая еда, дорогие наряды, персональные водители. Потом у них будет счастливый брак и очаровательный ребёнок, она отойдёт от шоу-бизнеса на время, чтобы посвятить себя семейной жизни. Жизнь, о которой мечтает любая провинциальная девчонка. То, к чему она всегда стремилась.

Ника видела по лицу Леды, что та сама не верит в свои слова. В глазах женщины она читала совершенно другое: насилие — физическое и психологическое, ограничения свободы воли, государственная заказуха вместо творчества. Подавление её божественной, переменчивой и непокорной натуры. Золотая клетка с колючими шипами внутри.

Медленная гибель в лапах тирана — вот, что ждало её Эли. И только Ника могла положить конец её мучениям.

— На всё есть своя цена, не смотри на меня своими щенячьими глазами. — Леда приоткрыла окно и швырнула сигарету на дорогу. Автомобиль вскоре остановился. — Пошли, сказала она.

Проехали они совсем недолго. Нике показалось, что машина нужна была лишь для того, чтобы запутать след. Если за ней действительно следили, то никакая осторожность не была лишней. Она почти не удивилась, когда они вышли возле гостиницы «Резиденция». Ника уже было двинулась ко входу, когда Леда одёрнула её за край шубы.

— Куда припустила? Ты беглянка теперь, а не приглашённая звезда.

Они обогнули здание и зашли через чёрный вход, попав сразу на пожарную лестницу и пошли пешком на самый верх, пока не вышли на крышу здания.

— С управлением, надеюсь, помнишь, как обращаться? — спросила Леда.

— Помню.

Ника смотрела на огромный дирижабль «Икар», который терпеливо дожидался её на взлётной площадке на крыше здания. Казалось, это было так недавно, когда они с Эли взошли впервые на его борт. Тогда они были счастливы — они думали, что убегают навсегда. Несмотря на все сложности, они верили в счастливый конец. Как же всё изменилось с тех пор. Теперь Ника бежала одна и впереди её ждал лишь самый ужасный поступок, который она только могла совершить в своей жизни. От предчувствия этого кошмара ей стало жутко не по себе. Ника набросила на голову капюшон. Он придал какое-то чувство уверенности, словно божественным судьям стало сложнее рассмотреть её под капюшоном.

— Тогда убирайся отсюда к чёрту. И никогда не возвращайся. Иначе умрёшь. Я не шучу, я сама тебя убью.

Ника точно знала, что Леда не шутит. Шутить она не умела.

— Спасибо тебе, Леда. — Сказала Ника. Фраза прозвучала на удивление искренне. Она была почти благодарна миру и судьбе за то, что рядом с ней этим вечером оказалась именно эта беспощадная служительница «Оморфии».

— Да иди ты! — огрызнулась она злобно. — Я не за «спасибо» работаю. Проваливай немедленно.

Ника последовала её совету. *Странно, но я почти уверена, что сегодня ты работала не за деньги.*

Она забралась на борт, бросила последний взгляд на залитую лунным светом крышу. Леда стояла там, у двери, ведущей на пожарную лестницу, курила и ждала, когда «Икар» покинет Харибду. Конечно, она должна была убедиться, что Ника действительно улетела. *Это и была её задача сегодня. Избавиться от меня. Она выполняла приказ Пигмалиона, а не просьбу Ники.* — Вдруг поняла девушка. *Она могла убить меня. Но вместо этого прогнала.*

Трясущейся рукой она потянула рычаг и дирижабль ожил, медленно поднявшись в чёрное небо. Его массивное тело поплыло над крышами зданий, постепенно набирая скорость и поднимаясь всё выше, вгрызаясь в облака, путаясь в их курчавых макушках. Ника смотрела на спящий город, который оставляла навсегда. Какая-то самая безумная мысль в голове вдруг стала твердить ей, что она может ещё увидеть Эльпис. Издалека, с высоты облаков...

Она приникла к иллюминатору и долго смотрела во мрак ночи, роняя хрупкие слёзы на стекло и вглядывалась в далёкие очертания города. Где-то там в ночной Харибде возле

площадки фуникулёров стояла её маленькая Эли, кутаясь в зимнее пальто и дрожа на ветру. Смотрела ли она в беззвёздное небо? Думала ли о ней?

— Эли... — прошептала Ника в пустоту. — Я обещаю тебе, я...

Придумаю что-то? Спасу тебя?

Она не знала, какую клятву принести. Ни одну из них Ника не смогла бы исполнить теперь, когда согласилась пойти на этот побег. То, что ей предстояло сделать станет самым страшным поступком в её жизни. Самым чудовищным, что она могла бы совершить. Но ведь именно такова была воля её богини? А боги, как известно, всегда просят от своих послушников жертв, зачастую кровавых и аморальных.

Ника собралась с мыслями и прошептала уверенно, глядя в ночной мрак:

— Я обещаю тебе, я сделаю всё правильно.

И сразу после её обещания, «Икар» набрал нужную высоту и провалился в облака так глубоко, что город исчез из поля зрения. Так Ника навсегда покинула Харибду.

538–542 дни после конца отчёта

Они продолжили двигаться вдоль границы с Гипербореей, туда, куда указал им Алей. Было решено держаться ближе к лесу, чтобы охотиться на оленей, правда, стадо им больше на глаза не попадалось, наверняка испуганные животные ускакали на много километров от них, а собаки своим лаем и вознёй могли отпугивать остальных. Так прошло ещё два дня, к концу которых у путников оставалось немного мяса оленя. Они заночевали возле границы с лесом, с чувством ложной защиты, производимой стеной величественных сосен.

Тереня и Асфодель много времени проводили с собаками. Она сказала, что Волк задирает Малыша, то и дело огрызается на него. Восток и Месяц иногда присоединяются к нему. Всё-таки эти собаки были очень серьёзные, совсем не как те, которые жили в городах вроде Сциллы. Аластор предложил привязывать Малыша вместе с девочками, подальше от Волка.

Вестания мало разговаривала с сестрой все эти дни. Отчасти из-за чувства стыда. Не стоило ей говорить про компас. Мама так просила. Она сожалела о том, что обидела её, но не могла просто так переступить через себя, чтобы попросить у Теренеи прощения. Та же, как ни странно, сама избегала Вестанию, проводя всё больше времени с Асфоделем или Аластором. Девушка всё чаще замечала на себе их озабоченные взгляды. Она знала, что они оба могут видеть Серого, и знала, что Асфодель видит его очень чётко и очень хорошо. Вестания часто говорила со своим призраком, но ничего нового о тени ей узнать не удалось, а каждый раз, когда она просила его уйти и оставить её в покое, тень замолкала и уползала куда-то в потаённые глубины сознания Вестании, куда она и сама не могла шагнуть.

С течением времени её потребность в спиральх становилась всё острее. Всякий раз, покидая место их стоянки, она оборачивалась и замечала на снегу начерченные ею самой рисунки скрученной линии, иногда небольшие, иногда огромные. Каждый раз перед сном она разглядывала спираль, нарисованную внутри их с сестрой палатки. Тереня не раз смотрела на неё с жалостью и беспокойством, но сохраняла молчание, никак не комментировала это и не задавала вопросов, так что Вестания была ей благодарна хотя бы за это.

В эту ночь она тоже смогла уснуть только после того, как медленно обвела глазами полный круг спирали, пожелала доброй ночи Серому, и лишь затем провалилась в сон.

Утро было холодным, Вестания сразу почувствовала, что замерзает, не спасали ни палатка, ни спальный мешок. Проснуться её заставил неугомонный собачий лай и визг. Такого раньше с самоедами никогда не происходило, и Вестания насторожилась. Когда девушка открыла глаза, она сперва решила, что ещё не рассвело, такая снаружи стояла темнота. Тут она заметила, как Тереня поспешно выбирается из мешка и ползёт к выходу из палатки. Как только сестра скрылась из вида, Вестания решила последовать за ней.

«Не ходи туда!» — окликнул её Серый.

Что происходит? Почему?

«Вам нужно убираться отсюда! Быстреей!»

Вестания испугалась такому предостережению, тут она почувствовала, как Серый пытается остановить её. Двигаться стало сложнее, он буквально пригвоздил её к земле, но

полностью подчинить себе не мог, как не мог и контролировать её слишком долго. Девушка выбежала наружу следом за Теренеей.

— Асфодель! Отойди оттуда! — тотчас услышала она голос Аластора, но ещё никак не могла понять, что происходит.

Представшая её вниманию сцена потрясла Вестанию. В том самом месте, где начинался лес, теперь висел густой беспроглядный туман, смыкая за своим полотном то, что могло таиться внутри. Она сразу поняла, что это за стена. Это все были тени, слабые, блеклые, они медленно копошились, о чём-то шептались, но слов разобрать она не могла. Асфодель стоял прямо перед этим занавесом, и Вестании показалось, что они зовут его к себе. Перепуганная Тереня уже спешила к нему, как тут мальчик наклонился навстречу теням и провалился в беспроглядный сумрак.

— Асфодель! — закричала её сестра, и тут сердце Вестании застыло, тени вздрогнули и захлестнули Теренею сумрачной волной.

— Тера! Нет! Тера! — потеряв рассудок, Вестания бросилась к туману и, наверняка, последовала бы за ней, но Аластор успел остановить её, схватил так крепко, как, должно быть, Серый бы не сумел никогда. — Пусти, меня! Тера! Она где-то там! — она вырывалась, но не могла совладать с наёмником. — Я должна её спасти!

— Нет! Нет, ты никуда не пойдёшь, — произнёс Аластор, удерживая её на одном месте. — С ума сошла? Я никуда тебя не пущу.

— Она же где-то тут, они не могли далеко уйти! Аластор! Почему они не возвращаются? Просто шагнули внутрь... они где-то здесь...

Он силой развернул её лицо к себе, оторвал взгляд от тумана, заставил посмотреть ему прямо в глаза.

— Веста... Веста... — его голос. На миг вдруг не стало ничего, кроме его голоса, на единый миг, в котором она бы так желала остаться навсегда. — Слышишь меня? Ты никуда не пойдёшь. Я приведу её. Ты останешься здесь. Не хватало тебе ещё туда провалиться. — Его руки все никак не ослабляли хватки, как если бы он, правда, боялся её отпустить. — Я найду её. И найду Асфоделя.

— Нет... ты же... ты же не знаешь, что там, за туманом... вдруг их уже нет? — она заплакала. Никак больше не могла сдерживать слёзы, повисла в его объятьях, стала безвольной, стала тряпичной куклой, прислонилась, прижалась к его плечу и не хотела никуда уходить. — Почему я не могла... Тереня... я не сказала ей, что люблю её... зачем я всегда ругала её за глупости... Ещё раньше, я даже хотела, чтобы её не было... — Она рыдала, и горячие слезы обжигали щеки, как расплавленный воск. Она прижалась к его плечу, она утонула в его руках и не могла остановиться, не могла перестать плакать. Сердце ломилось от боли, от страха за Теренею, от ненависти к самой себе.

— Ты ещё успеешь сказать ей, что любишь её. И она это всегда знала, — произнёс Аластор. — Только прошу, не делай глупостей. Не ходи за мной.

— Ты точно сможешь привести их назад? Откуда ты это знаешь? — спросила Вестания.

— Просто знаю. — Ответил он. — Потому что обещаю тебе. Обещаю, что они вернутся не важно, со мной или без меня, я обещаю, что верну их любой ценой.

Но тут это обещание окатило её ледяной водой. Она сама не поняла, откуда у неё вдруг взялись силы. Она оторвалась от него, перестала плакать, посмотрела на мужчину очень серьёзно, прямо ему в глаза, но не увидела там сомнения. Взгляд под густыми тяжёлыми бровями был решительным, непоколебимым, холодным. Как она могла позволить ему пойти

на такое?

— Нет! — вспыхнула Вестания. — Зачем ты так говоришь?! Нет! Ты вернёшься вместе с ними! Слышишь? Не смей давать таких обещаний!

— Это клятва, а не просто обещание. — Заявил Аластор. — Если потребуется умереть, я умру, но я верну тебе сестру.

— Не смей, я сказала: не смей! — закричала она, — Поклянись, что тоже вернёшься! Я хочу, чтобы ты поклялся мне в этом!

— Вестания, я должен охранять вас. Таков был договор...

— Да плевать всем на договор! — закричала она. — Я только сейчас поняла, что такое потерять сестру, я не хочу потерять ещё и тебя! Что мы будем делать без тебя? Что я буду делать без тебя?

— Вестания...

— Хватит, Аластор! Зови меня Веста! Ты слышишь? Я не хочу тебя потерять... как ты не можешь этого понять... — она заплакала опять и опять оказалась в его объятьях, таких близких, таких сильных.

В эту минуту говорить не хотелось, хотелось лишь осязать, потому прошло не одно мгновение, прежде чем Аластор осмелился прервать паузу.

— Веста... — прошептал он. — А раньше мне было незачем жить, до того, как нашёл вас. И я хотел умереть. Умереть просто так. Но никогда не думал, что захочу умереть за кого-то.

— Лучше захоти жить, зачем умирать? — ответила она. — Ты клянёшься вернуться живым?

— Да. Я вернусь к тебе.

— Поклянись, что вернёшься.

— Клянусь.

— Нет, скажи это вслух целиком.

— Я клянусь, что я приду к тебе. И приведу Теру.

— Аластор... — ей стало нравится произносить его имя, оно играло где-то на языке, перекатывалось, так звучно слетало с губ. — Поцелуй меня.

Он странно вздрогнул, отстранив её от себя, опять посмотрел ей в глаза. Видел ли он там тень? Видел ли каждый раз, когда смотрел на неё? Думал о том, что она полукровка, гиперборейка? Ещё ребёнок? Слишком глупая, слишком трусливая, своенравная, слабая и не слишком красивая? Странно, они оба жили в Сцилле, но встретились только в Термине, на другом конце света. И лишь сейчас, в отменённых землях, за сотни миль от городов и цивилизации, за границей ядерного взрыва, за Белизной, спустя более, чем пятьсот дней после конца света... только теперь они нашли друг друга.

— Нужно идти, — сказал он. — Мы теряем время.

— Но ты же хочешь поцеловать меня?

— Да. Но мы ещё успеем. Я вернусь оттуда, и этот поцелуй будет ждать меня. Мне будет за чем вернуться.

— А вдруг нет? — слезы всё не переставали, но Вестания уже не обращала на них внимания. — Я не хочу, чтоб мы расстались вот так... — она потянулась к нему навстречу. — Ты так будешь лучше знать, зачем вернуться...

В голове плясало ещё много мыслей, они порхали, как бабочки в давно позабытом тепле лета, перелетая с цветка на цветок, устремляя свои хоботки в сердцевинки жёлтых цветов. И

они были вместе. Вопреки всему. Забыв обо всем. Где-то на лугу забвения. И когда их губы всё же встретились, все эти мысли растаяли без следа, сомнения и страхи рассыпались в прах, и лёгкий летний ветерок разметал их по сочной молодой траве.

— Теперь иди... — сумела она выдать из себя, вложив всю свою волю в эту короткую фразу. Сказала вслух, а отпустить не могла. Не могла заставить себя разжать руки, сцепленные за его шей, не могла оторваться от груди. Ей казалось, что в противном случае она потеряет опору и упадёт в твёрдый колючий снег, просто не устоит на ногах. Где-то вокруг лаяли и скулили собаки, напуганные зловещим туманом. Но даже, несмотря на них, отпустит его сейчас — останется одна.

Аластор оказался решительнее Вестании, он разорвал эти объятия, он поднял с земли трость и проверил наличие патронов в пистолете. Поможет ли он ему? Могло ли огнестрельное оружие навредить призракам, бестелесным и бессмертным?

Способность мыслить вернулась к Вестании. Только теперь она сумела осознать, что произошло, вспомнила про сестру, поняла, на что она обрекла себя и Аластора. И затем она почувствовала это. Почувствовала так, как никогда раньше не могла. Хромая на правую ногу, с тростью в руке, он приблизился к теням, и те хищно зашипели, закопошились, издавая тихое посвистывание. Они же не знали, что скрывалось за тенями? Почему они решили, что оттуда можно вернуться? Вдруг Асфодель и Тереня уже мертвы? И сейчас она смотрела, как Аластор намеревался шагнуть туда добровольно.

— Аластор! — она бросилась к нему, не могла просто так позволить уйти. Схватила его за руку, но стоило ему лишь обернуться к Вестании, как протест моментально погас в её сердце.

— Не ходи за мной. — Приказал он. — Ни в коем случае. — Тут его взгляд изменился, он соскользнул куда-то дальше, глубже, — Эй, Серый! Ты должен позаботиться о ней. Не пускай её туда. Ты теперь обязан её охранять до тех пор, пока я не вернусь. — Он опять посмотрел на неё. — Если ничего не сработает... бери собак и уезжай.

Она хотела возразить ему, хотела ещё столько всего сказать, но совершенно онемела под этим холодным, упрямым взглядом. И, в конце концов, Вестания понимала, что он прав.

— Удачи тебе, — прошептала она, не смея больше препятствовать ему, отпустила его руку, на что он мягко провёл ладонью по её щеке.

— Я приведу её. — Что это было? Странное, чуждое и незнакомое, его лицо стало совсем другим. Вестания не сразу сумела понять, что дело в улыбке, которая на миг тронула губы Аластора. Совсем нерешительная, уголки губ лишь слегка воспарили к щекам, но в ней было столько искренности, неподдельности, что это нерешительная дуга тронула её сердце, ей захотелось вновь обнять его, но она сдержалась в этот раз.

Вестания смотрела ему вслед, смотрела, как серая полоса теней проглатывает его, как своды сходятся на его спине, и верила ему. И готова была поверить во всё, что он скажет. Готова была ждать его и ждать очень долго. И знать, что он вернётся.

Стена вздрогнула, затем жадные тени на миг затихли, получив ещё одну добычу. Вестания осталась одна.

За полосой густого тумана лежал лес. Тёмный, беспроглядный лес, где каждая веточка была омыта вездесущими тенями. Аластор осязал их кожей, чувствовал их ласковое шершавое прикосновение, слышал манящие голоса, которые звали его за собой, но почему-то эти тени не торопились вползти внутрь, не рвались захватить его душу. Может, они были

слишком малы и слабы для этого, поэтому собирались в толпы, построили целый теневой город посреди этого леса. Он шёл внутрь их столпотворения, некоторые, завидев его, уползали прочь, некоторые, словно желая напасть, подползали ближе, что-то шипя, как змеи, но не могли ни укусить, ни причинить хоть какой-то урон. Аластор упорно шёл вперёд, преодолевая трясину призраков, которые так и норовили запутаться в его ногах, помешать ему идти, заставить споткнуться. В конце концов, ему надоели их попытки встать на пути. После всего, что произошло у границы только что, после Вестании... теперь уже ничто не могло ему воспрепятствовать, это даже был не Цербер, не то трёхголовое чудовище, что воспитал в нём «Скиес» за все эти годы. Вестания посадила в нём совсем иные семена, которые в момент проросли и сделали его сильнее, чем когда-либо. Он знал, зачем он шёл, и теперь никто бы его не остановил.

Аластор решил забыть о боли в ноге. Пусть потом она припомнит ему, пусть потом боль станет нестерпимой, пусть заставит его кричать, лишит его возможности ходить, зато сейчас он вновь станет полноценным бойцом, лучшим из лучших, как это было до «Чёртова Колеса». Он выдернул клинок из ножен, убрав те за пояс, и разогнал сталью теней, которые заверещали в ответ с утроенной силой. Он не мог из рубить, не мог никак навредить им, но зато очистил себе дорогу. Серые призраки, кажется, стали переговариваться друг с другом, сдались и расползлись подальше от него. Аластор смог пройти немного вперёд. Затем оглянулся. Позади и во все стороны, куда бы он ни посмотрел, был один только лес, скрытый призрачным скользким туманом, он не видел того места, через которое вошёл сюда. Казалось, он стоял в самом центре чащи. Тогда он вспомнил про компас Теренеи, поискал его в кармане, извлёк наружу, но тут же обнаружил, что он показывал неверное направление. Стрелка сделала полный оборот, но не нашла севера, закружилась в обратную сторону, но так и не смогла определиться, продолжая танцевать справа налево и назад.

Ладно. Не страшно. — Решил он.

Размахнулся и со всей силы вонзил клинок в ствол ближайшей сосны. Оставил на нем заметную зарубку, но как только убрал оружие от дерева, с ужасом увидел, что тени тотчас сгруппировались на коре и залечили рану сосны, стёрли след из вида. Аластор попробовал отогнать их, но тщетно. Следа больше не было.

Если тени способны менять этот лес, то нам никогда не найти дорогу назад, — подумал он со всё растущей тревогой. Но пока было рано искать выход. Сперва нужно найти детей, потому что без них он возвращаться не планировал.

Аластор решил идти всегда прямо, хоть уже и начал сомневаться, что это поможет. Он шёл вперёд, порой, если то было необходимо, размахивая клинком и отгоняя тени в стороны. Лес был странный. Неба видно не было, словно его полностью скрывал сверху туман. Иногда до Аластора доносились странные свисты, заставлявшие его оглядываться назад, но, по всей видимости, это были происки теней, которые не переставали шуршать и перешёптываться, чем создавали жуткий назойливый шум.

Аластор пробовал кричать, зовя Асфоделя и Теренею по именам, но ему казалось, что его голос тонул в какофонии теней. Помимо прочего, в лесу была странная акустика, любой громкий звук словно сдувался, как в вакууме, не прорываясь на свободу. Иногда, когда он оглядывался назад, ему казалось, что деревья успевали сменить своё местоположение, как будто они перебегали с места на место прямо за его спиной, когда он не видел.

Аластор решил не думать об этом до тех пор, пока не найдёт детей. Он просто не имел права оставить надежду. Да, он поклялся Вестании вернуться, но ни за что в одиночку.

Мысль о девушке заставляла воспарить его дух. Он не сумел бы описать свои чувства, но знал, что пойдёт ради неё на все. *Нужно постараться найти их быстрее*, — думал он, представляя, как сейчас страшно всем им. Теренее и Асфоделю в этом жутком лесу, Вестании — совсем одной там, на опушке. Послушает ли она его? Не поддастся ли глупому велению слепого сердца, не решит ли броситься в тени? Тогда они все пропадут здесь.

Он отогнал эти мысли. Нельзя сейчас отвлекаться, нельзя думать ни о чём, кроме поисков, даже о Вестании. Если у него всё получится, то всё будет хорошо. Они выберутся отсюда, они поедут дальше, найдут Океанию, непременно найдут что угодно. И не будет ни конца света, ничего такого. Только тепло вновь наступившей весны. Сейчас он верил в это. Сейчас он верил во всё. Он не хотел умирать.

Тут в толчее теней что-то переменилось, Аластор даже удивился этому. На какой-то миг туман рассеялся, а где-то в сумрачной завесе теней проскользнуло что-то светлое, выбивающееся из общей картины, чужеродное и яркое. Аластор свернул в ту сторону, ускорил шаг, преодолевая боль в ноге, которая по какой-то причине возрастала с каждой минутой, становясь нудной, зудящей, настойчивой. Он сжал зубы сильнее, отрицая боль, заставил себя побежать, но идея оказалось не слишком удачной, пришлось снова перейти на шаг, но такой быстрый, насколько было возможно. Спустя мгновение за деревьями впереди опять возник белёсый свет. Теперь он показался Аластору более призрачным и блеклым, чем в первый раз, но он продолжил двигаться навстречу этому свечению, не обращая внимания на попытки теней замедлить его, сделать они всё равно ничего не могли.

Чем глубже он уходил в лес, тем незримый взгляду белый призрак был виден все отчётливее, но Аластор так и не смог понять, кому принадлежало это странное свечение. Тени в лесу скрывали всё, даже снег под ногами оказался совсем неразличимым. Он продолжал следовать за Белизной, вдогонку за этим чистым сиянием принадлежавшим, возможно, самой смерти. И тут проблеск ещё раз мелькнул где-то за ветками кустов, казалось, совсем близко; так, что Аластор даже почти мог слышать тихую поступь этого волшебного создания, его глубокое горячее дыхание и стук большого неживого сердца. Он презрел боль и бросился сквозь ветки зарослей, как тут же оказался на небольшой поляне, на которой спиной к нему стоял белокурый мальчик.

— Асфодель! — окликнул его Аластор и с облегчением увидел, как тот оборачивается, живой и невредимый.

Аластор подошёл к нему и, встав на колени, обнял. Нога сразу откликнулась протестом, но он опять подавил её мучительное напоминание о себе. Асфодель не стал сопротивляться, пусть и не любил прикосновений. Кажется, он был всё же рад, когда его отпустили, однако не выглядел недовольным.

— Асфо, зачем ты вошёл сюда? — спросил Аластор. На лице мальчика вдруг возникло мучительное понимание своей вины, это казалось странным, потому что раньше наёмник никогда не видел, чтобы парень показывал настолько ясные эмоции. Что толку ругать его сейчас? — Ладно, не важно. — Сжалился он. — Нам нужно найти Теру. Ты знаешь, где она может быть?

На лице Асфоделя мелькнуло понимание. Он огляделся, при этом сохраняя своё ровное и безучастное выражение. Затем вдруг выбрал направление и, сохраняя обычное для него молчание, пошёл в нужную сторону, не быстро, оборачиваясь на Аластора, как собака-ищейка, зовущая хозяина за собой. Аластор ненароком вспомнил Дружка.

Мужчина последовал за ним дальше, всё глубже в чащу проклятого леса, который был

создан словно лишь с той целью, чтобы сеять смерть.

Они шли довольно долго, в тишине, окружённые безостановочным шёпотом миллионов теней. Аластор оглядывался по сторонам, но больше не видел свечения меж ветвей деревьев. Он не знал, кто привёл его к Асфоделю. Оставалось найти Теренею, кажется, мальчик знал, куда идти, вот только как им выбраться из леса?

— Асфо, — обратился к нему Аластор, и тот моментально откликнулся, обернувшись, серые глаза на миг даже натолкнулись на лицо наёмника, но затем опять скатились куда-то к земле. — Этот лес особый. Как мы выберемся отсюда? Ты знаешь дорогу назад?

Асфодель задумчиво обернулся, остановился. Они шли вверх по застеленной тенями гряде, которая раньше могла быть небольшим холмом. Мальчик вынул из кармана свою катушку, нащупал ловкими пальцами конец нити и, занеся руку за голову, метнул её в скопище теней. С удивлением Аластор увидел, как тени, шипя, расползаются от неё в разные стороны, позволяя катушке беспрестанно катиться вниз по холму, а затем всё дальше и дальше, уносясь и скрываясь из вида, протягивая тонкую серебристую леску над пейзажем.

В конце концов, кажется, катушка остановилась где-то. Аластор мог лишь догадываться, насколько длинный был моток, и как далеко он укатился. Спустя несколько мгновений вдруг он увидел, как нить в руках Асфоделя слегка вздрогнула пару раз, как если бы за другой конец кто-то слегка подёргал. В эту секунду радости Аластора не было предела, он схватился за натянутую нить и тоже дёрнул её несколько раз, после чего опять получил ответ.

— Вестания! — воскликнул он. — Асфодель, это же отлично! Мы все выйдем отсюда!

Мальчик слегка кивнул. Аластор удивился, встретив такую отважную попытку к общению. Парень не уставал его удивлять. Он поймал себя на мысли, что проникся к нему не менее тёплым чувством, что и к сёстрам. Хотя, безусловно, Вестания занимала теперь отдельное место в его сердце: в ней хотелось забыться, её хотелось защитить от всех бед, от всех препятствий, но больше всего он хотел быть сейчас с ней, прикоснуться к её губам ещё раз, прижать её к себе и не отпускать, забыть о разнице в возрасте, о прошлом, обо всём. *Ничего, осталось найти здесь Теру. И тогда все будет хорошо,* — решил он. Теперь, когда стало понятно, как вернуться назад.

Они продолжили путь. Асфодель вёл его всё глубже в лес, а леска на другом конце всё распускалась, позволяя им идти. Аластор заметил и ещё одну странность. Как это ни удивительно, тени расступались перед мальчиком, пропуская их двоих вперёд. Они шли всё глубже и глубже, но серебристая нить всё никак не кончалась. Кажется, Вестания сняла последний оборот с лески, так туго та натянулась, когда вдруг они вышли на то самое место, где обнаружили Теренею. При едином взгляде на открывшуюся картину, Аластор тотчас утратил всякую надежду.

Посреди опушки, прямо на земле, усеянной шелковистыми тенями, лежала Теренея, откинув голову в сторону, распластавшись по серому туману. Она была без сознания. Прямо над ней, в изножье возвышалась массивная, тёмно-серая тень, одним своим видом демонстрируя главенство над остальными. Огромная лапа лежала на животе девочки, а само бестелесное чудовище склонилось над ней, гортанно рыча, пытаясь запугать её, подчинить своей воле и поглотить.

Аластор нашёл в себе силы шагнуть вперёд, загородив Асфоделя рукой, приказав ему жестом не двигаться с места. Сам он поковылял вперёд, навстречу властителю этого теневого леса.

— Отпусти её, — сказал он, стараясь перекрыть шипение вездесущих теней, собравшихся вокруг своего владыки. — Отпусти! Слышишь? — Повторил он, стараясь привлечь внимание главной тени.

Стуток серой массы затрепетал, зашевелился, обратил свой взор к нему. Тень переместилась, стелясь вдоль земли, подползла чуть ближе, но при этом не убрала лапы с девочки. Кажется, она состояла из десятков призраков, ей потребовалось собрать очень много сил, чтобы Аластор смог услышать ответ — тихое, едва различимое шипение, к которому требовалось прислушаться, прежде чем разобрать слова.

— С-с-с-счего? Она т-с-с-сперь в моей влас-с-с-сти, — отозвалась в конце концов тень, не громче шума ветра в засохшей листве.

Аластор шагнул ещё ближе к Теренее. Тут откуда-то поднялся ветер, словно препятствуя ему подойти ближе. Тень нависла над ними обоими, не переставая протяжно шипеть, не убирая лапы с девочки, а лишь ещё больше углубляя в её кожу свои полупрозрачные когти. Она повалила Аластора на землю очередным порывом ветра, но не смогла остановить его. Он дополз до Теренеи и дотронулся до её холодной руки.

— Ты не с-с-с-сможешь её унес-с-с-сти, — прошелестела тень. — Она ус-с-с-сже моя.

— Отпусти её! — повторил он упёрто. — Она не хотела сюда входить! И я никуда не уйду без неё.

Тереня была совсем ледяной. Он сумел подползти ещё ближе к ней, но не увидел ни колыхания груди, ни хоть какого-то признака жизни.

— Она моя! — заявила тень совсем звучно и решительно, так, что её слова не сошли за шёпот. Аластору показалось, что в эту секунду по поляне прошёл инородный ветер, смывший окончательно все краски с пейзажа.

В ту секунду, когда он схватил Теренею за руку, чтобы не соскользнуть с шаткой поверхности теней, он думал о Вестании, о том, как хорошо было бы вернуться к ней сейчас, потому что, несмотря ни на что, они бы могли остаться вместе. Вот только Аластор знал, зачем он сюда пришёл. Он пришёл, чтобы выполнить свою клятву, какой бы жестокой она ни была.

— Она не поддастся тебе! — заявил он, разом воспрянув духом. — Ни за что. Ты не подчинишь её себе, эта девочка гораздо сильнее, чем ты думаешь, иначе ты бы давно поглотил её.

Тень тихо зашипела, но не произнесла ничего разборчивого, просто выразила своё негодование.

— Возьми меня. Я не стану сопротивляться. — Сказал Аластор, чувствуя, как меняется всё вокруг него. — Отпусти её. Я добровольно согласен на всё.

Тень искажилась, задвигалась, пронзительно зашипела. Аластор подполз ещё ближе к Теренее, стараясь отодвинуть её подальше от чудовища, закрыть своим телом от порывов резкого ветра, которые могли ей навредить.

— Глупос-с-сть, — прошипела тень в конце концов.

— Нет, это честная сделка. Она чистая, белая, у тебя уйдёт немало сил, чтобы её поглотить. Тебе нужен я. Я серый. Я не стану сопротивляться, только отпусти её.

Сумрачный призрак заколебался.

— Ты понимаеш-ш-шь на что с-с-соглаш-ш-ш-шаеш-ш-с — с-ся? — Просипел он. — Я воз-с-с-сму не только твою душ-ш-ш-шу, но тебя вс-с-с-сего.

Больше всего на свете Аластор хотел сейчас оказаться рядом с Вестанией, но в это же

время он понимал, что не сможет вернуться к ней без Теренеи.

— Да. — Произнёс он, не найдя иного выхода.

Аластор видел, как тень обдумывает его предложение. Серые призраки скользили всё быстрее вдоль её туловища, пока, наконец, она не зашевелилась, и не сняла лапу с тела девочки. Теренея мгновенно отошла от страшного смертоносного сна, она закашлялась и зашлась мелкой дрожью, но Аластор был рядом для того, чтобы подхватить её на руки и обнять.

— Тера... — прошептал он.

Она с трудом смогла разомкнуть тяжёлые от глубокого сна веки. Посмотрела на него, чуть прикрыв глаза, выражение лица было таким измотанным, изнурённым.

— Аластор... — она попыталась улыбнуться, но, кажется, смогла лишь изобразить натянутую улыбку, как он сам всегда делал раньше. — Прости... я просто хотела помочь Асфо.

— С ним всё в порядке, — Аластор обернулся на мальчика, верно, густые тени расступились, и он мог видеть его. Парень стоял у края поляны, в том самом месте, где бывший наёмник остановил его. Асфодель ждал. Леска в его руках была наготове. Теперь они смогут вернуться назад, но уже без Аластора. Вот бы только найти способ... обхитрить тень, в последний момент уйти...

— Мне снился отец, — сказала она. — Как будто он пришёл и спас меня. — Тут вдруг детское личико немного потупилось в пустоту. — А пришёл ты. Я всегда знала, что ты как наш отец. Что ты спасёшь, если нужно...

— Я не мог просто бросить тебя. Поэтому я здесь, — сказал он. — Я обещал тебя охранять. Вот и пришёл.

— Я всегда в это верила, — сказала Теренея и сладко потянулась, поднимаясь с земли. — Теперь мы все сможем вернуться, да?

Аластор встал на ноги, щурясь от боли. Он старался не показывать это Теренее, но, кажется, от неё не укрылась судорога. Как только он поднялся, он с ужасом понял, что не может больше сделать ни шага от усталости. Его ноги словно приросли к земле, к мёртвой точке. Теренея с лёгкостью прошла немного вперёд, но тут же остановилась, обернулась к Аластору, ожидая, когда он догонит её.

— Тера... все немного сложнее, — выдавил из себя Аластор, не зная, как признаться ей в том, что произошло.

— Что сложнее? — по лицу было видно, что она не понимает, что происходит.

Он попытался шагнуть ей навстречу, но ноги словно налились свинцом. Он с трудом сумел преодолеть расстояние в несколько жалких шагов. Нога вопила в жуткой агонии, которую Аластор больше не мог игнорировать.

Он вынул ножны из пояса и бросил на землю к её ногам.

— Вот, возьми, — произнёс он, плохо отдавая отчёт в том, что происходит. Тут новая волна попыталась пригвоздить его к земле. — Перестань! Я же сказал, что сдамся! — Закричал он тени, — Дай мне всего минуту!

— Аластор... — Теренея выглядела испуганной. — Что происходит?

— Всё хорошо, малыш, — он попытался ободрить её, но разыгрывать непринуждённый вид в момент, когда испытываешь на себе тяжесть мира, было непросто. — Возьми это... — Он отстегнул кобуру пистолетов от пояса. — И оружие тоже. Оно мне ни к чему, а вам ещё пригодится.

— Что происходит? — повторила Теренея, с ужасом поглядывая на тень.

— Ничего, Тера... — сказал он. — Только то, что должно быть... ты уходишь. Я остаюсь.

— Нет! — воскликнула она и бросилась ему на шею, повиснув непосильным грузом. Он обнял её, но не смог продержаться слишком долго, в конце концов, правая нога подкосилась, Аластор осел на одно колено, с трудом сдержав стон боли.

— Тера... — прошептал он, чувствуя, что говорить становится всё тяжелее. — Вы с Асфоделем выберетесь отсюда. Он знает дорогу. Возьми всё оружие... оно вам ещё может пригодиться... жаль, я не успел научить вас стрелять, как следует... надеюсь, у вас всё будет хорошо. И вы втроём доберётесь до Океании... до волшебной страны, что всегда на пятнадцать секунд впереди... никогда не жди пятнадцати секунд, чтобы стрелять. Это слишком долго...

Он плохо понимал, что и зачем говорит. Слова сами лились из него. Это с ним было впервые. Груз теней все больней давил на плечи, не оставляя ему выбора. Скоро он осядет ещё ниже Теренеи, станет совсем бессильным, не сможет сопротивляться тени.

— Аластор, — произнесла она вновь. — Я не хочу уходить без тебя...

— Я знаю, милая, но так нужно, — как он мог уговорить её? Как мог заставить? — Тебя ждёт Веста... она ведь очень сильно тебя любит. Давай, ступай к ней. Вы только теряете время, заставляя её волноваться.

— Нет... почему мы не уйдём вместе? — Теренея морщилась, по щекам уже бежали слезы, а глаза вдруг стали такими чистыми... как у Алкионы... как бы он хотел пойти вместе с ней. Как бы хотел сделать так, чтоб ей не приходилось плакать... но он уже сделал всё, что мог.

— Слушай... — сказал Аластор вместо этого, затем с трудом оторвал руку от земли и влез в бескрайнюю глубину кармана. Каждое движение давалось с таким трудом, но он всё же сумел отыскать её компас, протянул Теренее. — Я же обещал, что отдам его в конце пути. Думаю, самое время... бери. — Он протянул ей металлический корпус.

Она замялась, с азартом осмотрела компас, но так и не притронулась к нему.

— Нет. Пусть уж он останется у тебя, — заявила Теренея.

— Зачем он мне теперь?

— А вдруг пригодится? Ты ведь теперь попадёшь на Асфоделевы поля. Без компаса ты потеряешься там.

— Тера...

— Я его не возьму ни за что, — заявила она. — Он твой.

«Никогда не теряйся», — гласила надпись. Как бы он хотел, чтобы это было правдой.

Тень алчно шипела где-то позади.

— Я уже сказал, что никуда не уйду! Просто дай нам всего минуту, чтобы попрощаться! — разозлился он. Однако тень и не думала умолкнуть, она была голодной, и она хотела своей добычи. — Значит, пока? — спросил он у девочки, понимая, что больше не может сохранять при ней спокойное выражение лица.

— Пока, — ответила она, обнимая его. — Пока — это ведь не навсегда? Мы ведь ещё увидимся?

— Да, конечно, — соврал он, не смея сказать ей правды.

— Ну, тогда пока, — согласилась, наконец, Тера, обнимая его в последний раз лишь затем, чтобы отпустить.

Она, наконец, ушла, пошла к Асфоделю, но Аластор уже не мог их видеть, не мог оглянуться и посмотреть ей вслед.

— Подожди... подожди хотя бы до тех пор, пока они уйдут... — прошептал он в ответ на недовольное посвистывание тени.

Он выждал ещё несколько минут до тех пор, пока шаги детей не смолкли в сени нависших теней. Аластор с трудом нашёл в себе сил подняться с земли, он слышал, как стрекотал от нетерпения серый монстр, готовясь проглотить его целиком, не оставив ни следа, ни малейшего упоминания о нём. Он поднялся. Он выпрямился в полный рост, повернувшись лицом к хищной тени, которая только и ждала своего часа.

Он видел, как она видоизменяется, как ворочается в нетерпении, желая побыстрее поглотить свою безвольную жертву. Аластор вскоре понял, что слышит уже не шипение, а тихое утробное рычание. Внезапно из мрака на него посмотрели огромные, налитые кровью глаза хтонического монстра, сначала лишь одна пара, потом рядом с ней — ещё две. Тяжёлые лапы с железными когтями в нетерпении взрыли землю, и шум от хриплого дыхания становился всё оглушительней. Тень оказалась огромным трёхголовым псом, из пасти которого клоками падала пена. Длинные языки свисали из пастей, морды исказились из-за рычания. Тут одна из голов угрожающе ощерилась и издала громогласный чудовищный лай. Аластор стоял неподвижно, забыв о всякой боли, забыв о давлении, что оказывали на него посторонние призраки. Глупо было бояться чудовищ в мире, где зло несут люди. И тем более глупо теперь пытаться избежать своей судьбы. Он был Цербером. Он убивал столько... неужели его можно было испугать отражением в зеркале?

Последнее, о чём он подумал, была Вестания, он нарушил клятву, но выполнил обещание. Хорошо или плохо он поступил? Решать уже было некогда, потому что трёхглавый монстр в эту секунду бросился на него, распахнув чудовищные пасти.

Вестания впивалась в катушку пальцами. Нить натянулась уже до предела, её сдерживал единственный узелок. Ещё до того, как игрушка Асфоделя перекатилась за стену тумана и одна из собак принялась с ней играть, Вестания несколько раз пыталась войти в лес, но Серый упорно не пускал её внутрь. Каким-то образом он сумел обхватить её руки за спиной и держал мёртвой хваткой, пресекая всякие попытки войти в лес.

Пусти! — кричала она ему мыслями, но он молчал, удерживая её на границе с лесом. В конце концов, ей пришлось оставить всякие попытки и просто ждать. Ожидание давалось особенно мучительно. Вестания не переставала думать, что теперь ей предстоит путешествовать одной. Куда она вообще пойдёт без Теренеи и без Аластора? Больше всего на свете она хотела, чтобы он пришёл. Тогда она сможет обнять его, поцеловать снова и уже не важно, что на это скажет Тера...

Хотя нет. Теперь она будет вести себя, как настоящая сестра. Она обнимет Теренею, скажет, что любит её... да, к чёрту! Она и Асфоделю была готова признаться в чем угодно, лишь бы они все вернулись оттуда невредимые.

И тут она почувствовала, как леска заходила ходуном. *Асфодель, какая умница!* — обрадовалась она, удерживая катушку в руках так крепко, будто это был спасательный трос. — *Нить Ариадны, теперь вы все выберетесь оттуда живые...* После нескольких часов ожидания, показавшихся ей самым длинным временным отрезком в жизни, она, наконец, поняла, что кто-то сейчас выйдет из леса. *Не кто-то, а все они. Все трое,* — завершила она себя.

И тут порог леса перешагнула её сестра.

— Тера! — закричала она и бросилась к ней, обняла её, прижала так крепко, как, должно быть, не обнимала никогда в жизни. Её даже не смутило заплаканное и измученное лицо сестры. Кто знает, через что им пришлось пройти в лесу? Главное — она была жива, и теперь они все были вместе, но вдруг... почему Тереня плакала?

— Асфо, он... он просто исчез, остался там, в лесу. Веста, я пыталась его увести, но он...

— Тера... — произнесла она сама сквозь слёзы. — Тера, где Аластор?

И тут вся её радость рухнула в бездну. Она ещё раз обняла сестру, обняла очень крепко, потому что больше никогда не хотела её терять. Она заплакала, прижавшись к её плечу, она почувствовала, как заплакала Тереня. И тут взгляд Вестании спустился ниже. Её сестра держала в руке трость. Скорбное свидетельство конца их пути. Потому что вдвоём они далеко не уйдут. И потому что без него она больше не представляла своего пути.

543–551 дни после конца отсчёта.

Все последующие дни Ника летела над городами Ойкумены и не узнавала их. Там, где раньше теплилась жизнь — даже на суровом севере, уже после конца отсчёта, теперь была лишь бескрайняя Белизна. Зима быстро отбирала своё, заполняла собой всё освободившееся пространство. Чем дальше летела Ника, тем страшнее и тревожнее становились пейзажи. Она видела разрушенные города, покинутые людьми, ещё дымящиеся и кровоточащие после ужасного взрыва. Видела свысока их улицы-спирали — словно скользкие щупальца ужасного спрута. Их обитатели — жалкие призраки людей, обугленные, заражённые, их срок был отмерен. Завидев аэростат в небе, они, как безумные — махали ей руками, кричали, умоляли помочь. Ника была уверена, что, если бы она приземлилась, они бы растерзали дирижабль в клочья от обуревавшего их помешательства. От осознания своей беспомощности она могла лишь страдать. Эти люди нуждались не в помощи, а в смерти. Ника надеялась, что жестокие боги вскоре оборвут сроки их жизней, прекратят их мучения.

Хуже всего выглядела Термина. Если в других поселениях царил ад, то она походила на его средоточие. Ника не увидела в городе выживших. Если они и были, то покинули место взрыва. От них остались только тени, но не призраки страны мёртвых, а силуэты людей на выгоревших стенах. Только эти наскальные рисунки на руинах павшей цивилизации.

У неё ушло несколько дней на то, чтобы понять, что же стало причиной такой страшной трагедии на северо-востоке. Кабина пилота «Икара» была оборудована не только радио, но и видео-монитором. И если на всех частотах были только помехи, то по видео ей удалось поймать единственный канал — 99.9. Оказалось, что его захватили террористы, называющие себя Сопротивлением. Они взяли на себя ответственность за ядерный взрыв в Термине, они же объявили себя новым правительством, обещая устроить переворот. Ника могла лишь посмеяться над такими смелыми заявлениями. Несомненно, север и отменённые земли пали, но вот Харибда, а уж тем более Сцилла, что была за тысячу километров на запад — в них ничего не изменилось. *Если бы им удалось совершить переворот, то хотя бы Эли была свободна. А так всё это — пустой треп.* — С сожалением подумала Ника.

Одиночество, в котором она пребывала, одновременно служило и утешением, и мукой для неё. Когда Ника хотела забыться, она играла на арфе, что осталась на борту «Икара» ещё с прошлой их поездки. Музыка всегда помогала ей сбежать из реальности в мир упорядоченной гармонии, но вот только ответ на главный вопрос — что ей делать, так и не приходил. Она знала, что дала клятву, но как исполнить то, что сама себе Ника никогда не простит? Предать Эли или предать свою любовь к ней? Ника решила, что ей во что бы то ни стало нужно решить этот сложнейший ребус. Ей казалось, что боги сами должны послать ответ. Вот только пейзаж снаружи дирижабля так и не менялся — если не считать смену чёрного пепелища на белоснежную пустыню. Поначалу она ещё видела чёрные рельсы поезда, затем пропали и они. Вокруг не было ничего, кроме снега, кроме беспредельной Белизны. Ненароком ей вспоминались истории антропосов. В них часто шла речь о том, как люди теряли рассудок в открытой тундре. Наверное, даже аборигенам, выросшим в условиях бесконечной зимы, требовались хоть какие-то краски, чтобы не сойти с ума. Белый цвет постепенно выедал в людях всё хорошее. Его слишком сильно хотелось раскрасить чёрным мазком отчаянья или красными брызгами крови.

Но Белизна не знала границ. Вскоре Ника поняла, что пропадёт в ней навсегда. Особенно, когда разыгравшаяся вьюга скрыла от неё небо. Она продолжала плыть в белом вакууме без начала и конца, глядя прямо в сердце снежному безумию. Только тогда до неё дошло, что на самом деле стало концом света для всего Элласа — не сама вечная зима, а то бесповоротное помешательство, что принесла с собой Белизна. Им всем была уготована судьба раствориться в белом цвете, потеряв свою идентичность, потеряв всяческие смыслы и узоры, потеряв все цвета кроме одного — обезличивающего.

И только она могла бы спастись. Уйти в Океанию, как она всегда мечтала. Быть может, если для неё не нашлось места в Элласе, то она сможет обрести целостность в другом мире. Больше не будет чувствовать себя такой неполноценной и ополовинчатой. Ей даже не потребуется другой человек рядом, чтобы придавать смысл её существованию.

Но как же... Эли...

Нет. Она была цельной. *Они* были цельными. И так было всегда раньше. Как андрогины в мифах о перволюдях. Обоеполые двойственные существа, которые были действительно достаточными. Все беды человечества лишь от того, что люди не могли найти свою вторую часть, потому страдали, болели и умирали. Нике же наоборот повезло в жизни. Она нашла свою половину. Только удержать её не смогла и остаться рядом тоже...

Ника смотрела в иллюминатор бесконечно долго, чувствуя, как её собственное сердце покрывается коркой льда. И пусть она была в тепле и комфорте, в кабине «Икара», её жизнь неумолимо повисла на волоске. Её спасло пятно. Она даже сначала не поверила в него. Думала, что ей только кажется, потом подумала, что это на стекле иллюминатора появился скол. Но нет, пятно всё-таки было на месте. Нике пришлось преодолеть в себе желание оставить всё как есть. Белизна уже основательно запустила ей в сердце свои корни. И у Белизны был свой интерес. Она заставляла Нику оставить управление «Икаром». Не делая вообще никакого выбора, а просто сгинуть в снегах, в этой безумной вьюге, в своих переживаниях. Раствориться в белом.

«Кануть в лету. Остановиться».

Она отогнала этот незнакомый голос в своей голове и взялась за рычаг, регулирующий высоту. Удивительно, но пришлось надавить на своё собственное сознание, чтобы заставить руку подвинуть рычаг, уводя «Икар» вниз. Дирижабль нырнул под облако снежной бури и заскользил прямо к земле.

Я обещала Эли. Остановиться я точно не могу.

Ей вдруг показалось, что в уголке глаза появилось ещё одно пятно. Слева, в какой-то слепой зоне. *Показалось*, — решила Ника, и накинула на голову капюшон, чтобы придать себе уверенности.

Аластор погиб. Он умер, чтобы спасти Теренею. Он давно говорил, что поступит так, если придётся, но... но тогда Вестания не верила ему. И уж точно не знала, как больно будет потерять его. Хуже того, Теренея винила во всём себя. Убивалась из-за того, что побежала вслед за Асфоделем в теневой лес. Асфодель так и не вернулся, и сёстры не знали, что с ним стало. Они прождали Аластора и Асфо возле леса. Всё ждали, думали, а вдруг им удастся обхитрить тень и сбежать... в конце концов, сёстры сдались.

Погода начинала портиться. Холодало, еды у них почти не осталось. Они покормили

собак и двинулись в сторону от леса, охваченного тенями. Вестания проплакала весь день, но не могла больше давать им возможность горевать. Она отчаянно старалась занять себя чем-то. Взяла командование на себя. Она не сдавалась, не хотела мириться с мыслью о том, что они уже обречены.

На следующий день начался снегопад. Сёстры не смогли развести костёр, кое-как закрепили одну палатку и спрятались в ней вдвоём.

Днём им встретился заяц, но застрелить его не удалось, он куда-то убежал. Они съели последние запасы мяса, у них были ещё сухари, но для собак уже ничего не осталось. Ночью вой ветра сливался с воем голодных самоедов.

К утру метель утихла, но ветер всё равно был сильный, небо оставалось стиснуто облаками.

На ночь собаки зарывались в снег, чтобы сохранить тепло. Они стали агрессивнее из-за того, что нечего есть. Может, если бы сёстры их отвязали, они бы смогли кого-нибудь поймать, но Вестания побоялась, что в этом случае они не вернуться, и тогда они точно обречены.

Вестания и Тереня ели сухари. Как назло — они не находили ни птиц, ни реки с рыбой, ни дичи. Голод нарастал. Ещё ужасно хотелось согреться.

На следующую ночь они взяли в палатку самых спокойных собак — Леди и Малыша. Места совсем не осталось, зато с ними было теплее. Тереня зарылась лицом в белоснежный мех и быстро уснула под вой остальных снаружи.

На следующий день Тереня совсем выбилась из сил. Была её очередь идти на снегоступах, они решили сменяться, потому что собаки слишком ослабли, чтобы везти всех через сугробы. Тера шла как могла, а потом так устала, что заплакала. И тогда Вестания впервые первая заговорила про Океанию. Она сказала, что она впереди, и что у них всё получится, главное, не сдаваться. Потом она уступила сани младшей и шла пешком до самого вечера. Удивительно, но, когда Тера уже потеряла надежду, она вдруг появилась у Весты.

Ночью они опять спали с Леди и Малышом, а потом проснулись от громкого визга и лая снаружи. Оказалось, что Волк и Месяц загрызли Востока. Вестания решила их не отгонять чтобы псы хотя бы поели. Увы, Сказка и остальные остались голодными.

На шестой день стало понятно, что им нужно поесть, чтобы продолжить поход. Путь к сытости был чудовищный. За день они так ничего и не нашли. Вечером, когда сёстры разбили лагерь, Вестания всё же не выдержала. Малыш совсем ослаб от голода, за день он несколько раз путался в постромках и падал. Тереня боялась, что Волк или Месяц со Сказкой загрызут его, но всё решилось раньше. Вестания взяла «агоназ», вышла из палатки, потом раздался выстрел. Теренее хотелось плакать от ужаса, но ещё больше хотелось есть. Вдвоём они справились с тушей. Кости и потроха они отдали собакам. Затем поднялась метель. У них осталось четыре собаки. Они не знали, куда шли. Ни следа Океании, ни карты, ни координат... Со всех сторон лишь бескрайняя Белизна.

Думаю, мы просто идём к концу. — Решила Вестания.

С каждым днём они проходили всё меньше. Сил уже не осталось ни на что. Кажется, что даже плакать они разучились. Отменённые земли — бескрайние, ледяные, пустые. Иногда Вестании казалось, что они ходят кругами.

Нет... не кругами. По спирали.

Потом им вдруг повезло. Тереня подстрелила сову, поэтому они опять поели. Собак покормить было, правда, нечем. Вестания смотрела на ослабевших псов и понимала, что следующей станет Леди, выглядела она очень измождённой, в палатку они их больше не брали, псы стали совсем злые от голода и бесконечной дороги.

На другой день Сказка напала на Леди, сёстры еле смогли их разнять, но Леди была так сильно изранена, что стало ясно — долго она не протянет. Потом утром они не нашли Волка. Кажется, он перегрыз ночью привязь и сбежал.

Может, так лучше. — Решила Веста. — *Думаю, он сможет о себе позаботиться. Но с двумя собаками далеко мы не уйдём.*

Мама, Аластор, Фрикс... скоро мы увидимся с вами. — Представляла она. — *Они уже ждут нас. Ждут там, где всегда тепло. На лугу среди белых цветов. Во владении спящей смерти.*

Они продолжали идти вперёд и не чувствовали ни рук, ни ног. Они шли сквозь белое облако отменённых земель. В санях теперь мог ехать только кто-то один, и всё реже Вестания позволяла дышать себе.

Сколько уже прошло? — Думала Вестания. — *Может, хотя бы Тера вела счёт дней?* Они почти не разговаривали, не хватало сил. Как только удавалось закрепить палатку, они влезали внутрь и проваливались в сон, тщетно надеясь согреться. Есть и спать хотелось постоянно. Спали они тоже недолго, сон этот был беспокойный, Вестания постоянно вздрагивала, просыпаясь от особенно резкого порыва ветра снаружи или от воя Месяца и Сказки. Леди издохла, выжившие собаки разодрали её, Вестании не удалось отобрать у них хотя бы жалкого куска. Дети Белизны — а именно так звали их мать-собаку, стали ожесточёнными и диковатыми.

Она чувствовала, как белое ничто пьёт их души алчнее любой тени. Постепенно холод захватывал их. Ледяное семя, что зима посеяла в путниках, уже давно дало ростки, скоро они станут льдом, станут снегом, скоро будет всё равно. Может, тогда дети Белизны сожрут их останки и последуют за Волком. Они создадут стаю белоснежных убийц, чьи пасти вымазаны в крови. Может, хотя бы им удастся выжить в отменённых землях.

Аластор... — иногда она просто повторяла его имя в своих мыслях. Она сама не знала зачем. Может, ей просто хотелось, чтобы оно звучало, чтобы не стёрлось, смешавшись с россыпью снегопада, как прах сгоревшей Термины. Иногда ей хотелось поговорить с ним. Хотелось попросить у него сил, но ей всё ещё не хватало духа, чтобы смириться с его смертью.

«Он не услышит», — отвечал Серый.

Я знаю.

«Пусти меня. Разреши мне, и я всё сделаю».

Нет. Я могу сама.

Она стала очень хорошо чувствовать тень после того, как Аластор погиб и они остались одни. Вестания знала точно, что это она решила застрелить Малыша, и она сама выпустила пулю в голову собаки. *Аластор говорил, что никогда не убивал собак. Только людей. Выходит, я теперь ещё хуже, чем он.*

«У тебя не было выбора. Ты должна выжить».

Ты ведь не за меня волнуешься, так? Что с тобой будет, если я умру? Ты вернёшься в Аид?

«Мы оба потеряемся, если ты умрёшь сейчас». — Ответил Серый. — «Но я не хочу,

чтобы ты умерла».

Прости, — говорила она, уже давно чувствуя, что больше не может идти и продолжая шагать, пробираясь сквозь океаны Белизны. — *Но мы все скоро умрём. Даже если я пушу тебя, ты уже ничего не изменишь. Слишком поздно...*

«Не поздно, если ты поддашься. Я могу все исправить. Могу помочь».

— Нет, Серый, — прошептала она в снегопад. — Я хочу умереть, оставаясь собой.

Даже когда совсем не останется сил жить, я смогу сдержаться и не пустить тебя, — подумала она, быстро осознав, что на разговоры у неё не хватает дыхания.

«Он сам сказал, что я должен тебя охранять, — не отступал Серый. — Если он столько значил для тебя, то ты обязана пустить меня».

Аластор... — вновь назвала она его имя. Снег летел прямо в глаза, усыпая бриллиантами и без того богатые отменённые земли. — *Серый, у тебя когда-нибудь был кто-то такой же важный в твоей прошлой жизни?*

«Ты все ещё надеешься разгадать меня? — его голос в голове Вестании прозвучал с искренним удивлением. — Зачем? Хочешь, чтобы я всё вспомнил и ушёл? Это невозможно».

Глупый. Оставайся здесь, если тебе некуда идти, я уже привыкла. Мне просто интересно.

«Твоё сердце бьётся всё медленней, и ты беспокоишься обо мне сейчас?»

Не только о тебе. Ещё о Тере... и об Асфо... что с ним стало в том лесу? А ещё о Веспер и о Фриксе. Мне кажется, перед смертью нельзя думать о себе, только о тех, кто тебе дорог.

«Ты не умрёшь сейчас».

Сейчас или позже. Не все ли равно? Я буду идти до тех пор, пока не упаду. Но я знаю, и ты тоже знаешь, что это произойдёт совсем скоро.

Серый замолчал, не захотел больше разговаривать. Она почувствовала, что он опять принялся проверять ограду, пытаясь найти какую-нибудь щель, чтобы проползти и завладеть её сознанием, как это ему удавалось раньше, но она не намеревалась его пускать. Пусть пытается. Ему она точно не сдастся после того, как научилась его контролировать.

— Вестания... — позвала её сестра. Девушка взглянула на Теру. За столпом снега её едва можно было различить, но выглядела она скверно. Бессильная, измождённая. Нельзя так продолжать. Она ещё маленькая, ей гораздо сложнее.

Тере не пришлось заканчивать фразу, Вестания всё поняла по её лицу. Идти дальше они не могли. Ещё шаг и Тереня упадёт, ещё через несколько шагов споткнётся и Вестания.

Не для того Аластор отдал свою жизнь. Теперь я не брошу тебя. Мы будем всегда вместе до тех пор, пока нуждаемся друг в друге. — Всё это она тоже хотела произнести вслух, но не могла.

Как только они оказались вдвоём в бескрайней белой степи, она поклялась себе, что не сдастся ни за что, что будет бороться до самого конца и сумеет выжить и уберечь сестру. Все эти дни Вестании удавалось, она смогла обратить боль и скорбь в волю. Она шла до тех пор, пока не кончались последние силы идти, она правила собаками, она находила еду, помогала Тере. Она не сдавалась, не позволяла себе расслабляться. Лишь по просьбе сестры Вестания согласилась отдохнуть. Совсем недолго, просто перевести дух, дать передышку собакам, может, переждать метель, если та могла хоть когда-то закончиться.

Они отвязали собак и добрались вместе до саней, легли там рядом друг с другом. Зимние меховые шубы худо-бедно сохраняли тепло, но холод был уже слишком глубоко внутри,

чтобы что-то могло его искоренить. Вестания положила голову сестры себе на плечо, так, чтобы та могла уткнуться лицом в шерсть. *Хотя бы немного отдохнуть*, — подумала она.

«Нельзя спать. Вы замёрзнете», — вдруг вспыхнул Серый.

Я не буду спать. Только прикрою глаза ненадолго. На пару минут. Ты разбудишь меня, если я задремлю.

Тут внезапно пришли собаки. Они легли им на ноги. Сказка и Месяц — последние выжившие из упряжки, такие же усталые и слабые, как и все они. Их мех был пушистый и густой, но Вестании показалось, что она уже не способна почувствовать его тепла.

«Если ты заснёшь, тебя уже никто не разбудит. Из этого сна не пробуждаются».

Было так хорошо и приятно лежать, мышцы расслабились, изнурённое тело лежало покойно. Глаза сковывала ядовитая нега, на лицо падал снег, цепляясь за ресницы. Зачем он отвлекал её? Всё же и так было понятно.

Серый... прошу, помолчи.

«Вестания!» — негодовал он. Девушка ощущала, как он суетится, вертится из стороны в сторону, переползает, кричит и зовёт её, но она уже проваливалась в уютное забытьё.

Прощай, Серый. Извини, что так вышло, — успела подумать она, прежде чем чёрная волна подползла совсем близко, захлёстывая ноги и лежащих в них собак, которые тихонько поскуливали, кажется, тоже понимая свою обречённость. Тереня не шевелилась. Скоро они все вместе с собаками перестанут дышать. Скоро заснут навсегда и проснутся уже в Аиде, под беззвёздным небом, на лугу среди белых цветов. Их сметёт с лица отменённых земель, и уже никто не вспомнит их имена.

В последнюю секунду до того, как Вестанию поглотил мрак, она услышала, как закопошилась Тереня, баламутя трясину вечного сна. Сама Вестания уже не могла открыть глаза, шум ветра тоже стихал, голос Серого был бесконечно далёким, но она услышала едва различимый бессильный шёпот сестры.

— Папа? — спросила Тера, и Вестания заснула.

Ему казалось, что он едет в поезде. В вагоне «Харона», как это было когда-то раньше. Колеса гремели под железным пузом паромщика, перевозящего грешные души. Холодный ветер дул в окно. Его жутко тошнило, как после долгих выходных на Краю, но вспомнить он ничего не мог, впрочем, это состояние забытья казалось очень знакомым.

Больше он никого рассмотреть не мог. Взгляд отказывался фокусироваться. Под потолком гудела почти перегоревшая лампочка, изредка вспыхивая и ослепляя пассажира, словно изломом молнии.

— Оплата... оплата... — вдруг раздался голос совсем рядом, прямо над ним. С трудом повернув трещащую по швам голову, он увидел высокий силуэт билетёра. — Оплата... — повторил он, протягивая тонкую негнущуюся руку с длинными крючковатыми пальцами, больше напоминавшими сучья старого дерева.

Пассажир принялся рыться в карманах. Движения давались тяжело. Пальцы не слушались, потеряли чувствительность, словно отекли. Он сделал несколько попыток нащупать какую-то мелочь, но так и не нашёл ничего, хоть отдалённо напоминавшего деньги.

— У меня нет ничего, старик. — Ответил он. — Прости...

— Нужно заплатить, чтобы ехать, — тихим сухим голосом прошелестел билетёр. — Оплата... нужна оплата...

— У меня ничего нет, кроме меня самого... — повторил пассажир, и вдруг эта мысль со всей силы ударила в голову, словно расколов её на куски. *Ничего нет. И даже самого меня нет.*

Старик всё ещё стоял над ним, вопрошая. Из глубоких пропастей выглядывали едва различимые чёрные глаза. Рот провалился в складках морщин, лишь нос был огромный, занимал почти всё пространство на лице, кряжистый, широкий с маленькими чёрными волосками, торчавшими из ноздрей. Лоб тоже больше напоминал горные хребты, из-за чего невозможно было догадаться, о чём думает билетёр, хмурится, злится, а может, насмехается?

— Куда ты дел свои монеты? — прошуршал голос столетий.

— Куда дел... куда дел... — Вспоминать было больно. Он не хотел, чтобы от него требовали думать. Каждое движение и мысль вызывали боль. — Приклеил на стекло в тамбуре, — вдруг ответил он. — Может, они ещё там? Они оттают только весной...

— Их там нет. — Изрёк старик осуждающе.

— Может, был другой поезд... я не помню, — признался он. На некоторое время пассажира оставили в покое. В вагоне повисла тишина, лишь снаружи выл ветер и стучали колеса.

— Сигареты есть? — спросил старик после долгого раздумья.

Пассажир заставил себя вернуть руку в карман, опять пришлось проводить долгую процедуру поиска. Зато в этот раз он изъясил портсигар, красивый, с бирюзовыми камнями. Поднял крышку, заглянул, сияясь разглядеть внутренности коробки, потом протянул билетёру.

— Там две последние. Бери вместе с портсигаром. — Чувствовал он себя так паршиво, что о сигаретах не хотелось и думать.

Цепкие когтистые пальцы, поражённые артритом, сжались на коробке. Очень медленно билетёр поднёс портсигар к лицу, подставил под самые глаза, принялся с интересом разглядывать, поглаживая инкрустацию неповоротливыми руками. В конце концов, после тщательного осмотра билетёр вынул одну сигарету и вернул коробку пассажиру.

— Последнюю сигарету и последнюю пулю оставляют для себя, — сказал он своим шершавым голосом.

Пассажир не смог найти дыхания, чтобы отблагодарить его, в этот момент тошнота подкатила к горлу, пришлось вложить все силы в то, чтоб не исторгнуть её.

За это время билетёр закурил. Он сделал две глубокие затяжки, после чего зашёлся долгим сокрушительным кашлем, который чуть не свалил его с ног. Алые искры от его сигареты заметались по вагону, осыпаясь на пол и тут же тлея. В воздухе повис дым. Почему-то даже ветер не мог разогнать его.

— Тебе бы лучше не курить, — заметил пассажир, когда билетёр вновь приложился к фильтру. — В твои-то годы...

Билетёр склонил голову, как если бы не расслышал или не понял пассажира, но повторять он не намеревался, слишком много уже произнёс вслух для такого состояния. «Ммм? Мmmm?» — вопрошал старик, не отводя сигареты от губ и выпуская кольца дыма этими «mmm». Потом вдруг, кажется, до него дошло, и он сразу же зашёлся хриплым гоготанием, в котором можно было распознать проблески смеха.

— Ты думаешь, я могу умереть, так? — губы расползлись по лицу, едва различимые,

бескровные, — Ты знаешь, кто я?

— Нет... — отозвался пассажир. — Я ничего не знаю. Ничего не помню.

— А знаешь, где ты?

— Похоже на «Харон», — сказал пассажир, уже сильно сомневаясь в сказанном.

Тогда старик вдруг приосанился, на мгновение ему даже удалось расправить кривые плечи. Вид у него сделался важным, хотя пассажира он, скорее, отталкивал своей новой позой.

— Я и есть Харон, — произнёс билетёр гордо.

Пассажиру это имя ни о чем не говорило. Он никогда раньше не слышал о таком человеке, впрочем, сейчас он бы не смог назвать ни одного имени, в том числе своего.

— Приятно познакомиться, — ответил пассажир. — Увы, я не помню... — договаривать он не захотел. Слишком тяжело и слишком лениво.

Харон докурил сигарету до самого бычка, затем швырнул её на пол и примял ботинком.

— Вы никто ничего не помните, — махнул он рукой. — Да и нечего помнить. Я тоже не помню... никто не помнит, — повторил он рассеяно.

— Никто... — пассажир зацепился за это слово. Что-то промелькнуло в голове, какой-то недостижимый привет из черноты прошлого. — «Никто» почему-то мне что-то напоминает.

Харон с удивлением расширил глаза. Пассажиру даже показалось, что он сумел рассмотреть его чёрные зрачки размером не больше перчинки. Потом он вдруг опять закашлялся, раскаты грома заглушали мысли пассажира, но когда этот приступ прошёл, он опять почувствовал уверенность в своей догадке. Никто. «Никто» был хорошо знаком ему.

— Хочешь сказать, что ты и есть Никто? — спросил Харон с оттенком сомнения.

— Я не знаю, — признался пассажир. — Может быть.

Харон снова рассмеялся, но уже не так залихватски, как в первый раз.

— Ну будешь, значит, Никто, — заключил он, а затем пробормотал что-то недовольно и неразборчиво: — Спит она среди цветов, белых, в царстве вечных снов. Кто разбудит смерть? Кто? Кто? Но ответ один... — в этот момент поезд издал оглушительный гудок, заставивший Харона резко замолкнуть, а пассажира схватиться за голову. Билетёр вдруг резко, насколько это могло сделать дряхлое тело, развернулся к тамбуру. — Мы скоро приезжаем. Пора мне идти.

— А куда мы едем? — Спросил Никто. — В Край? Или из Края?

Харон снова смерил его крошечными подслеповатыми глазками, а потом ответил, прежде чем уйти.

— Гораздо дальше. Сам Край ты уже пересёк. — С этими словами, он покинул вагон, оставив Никого в недоумении.

553 день после конца отчёта

Было так нестерпимо больно просыпаться. Во всё тело вонзались мелкие иголки, колючие тернии, она извивалась, пытаясь отползти от них, отбиться, но ничего не получалось, только ещё сильнее сводило руки. Её окаменевшие пальцы, вдруг обрётшие чувствительность, невыносимо болели. *Лучше бы я умерла. Лучше бы умерла*, — думала Вестания, всё ещё сопротивляясь внезапному теплу, внезапному спасению, возражая самой жизни. Сон казался ей самым прекрасным, что могло с ней произойти. Она бы заснула вместе с ними — с Терой и с самоедами в ногах. Им бы всем приснился один и тот же сон, самый прекрасный и волшебный, им бы снилась Великая Спираль, и всё было бы спокойно, ей бы не пришлось сейчас преодолевать такую сильную боль в замёрзшем теле.

— Держи глаза открытыми, ты поняла меня? — спросили Вестанию, и она сумела покивать головой, но ответить не могла.

Где мы? Что происходит? — но даже мысли в голове дрожали, таяли, растекались. Скорее всего, они были такие бесформенные, что даже Серый не смог бы их расслышать.

Держать глаза открытыми. Вот так задача. Вестания не была уверена, что способна с ней справиться. Боль вдруг отступила, тепло разлилось по её телу, отпугнув смерть, но на смену пришла жуткая усталость, ложное чувство безопасности. Нельзя ему поддаваться. Нельзя засыпать, не разобравшись в том, что происходит. Она боролась с собой, это странное желание: идти до конца и никогда не сдаваться, опять пробудилось в ней. Но усталость оказалась сильнее. В разы сильнее. Вестания почувствовала, как сползает на пол и даже не попыталась разобраться, откуда вдруг здесь появился пол. Все мышцы ослабли, лёд, что сковывал их, растаял, и она сделалась такой беспомощной. Держать глаза открытыми? Ну нет, это было выше неё.

Тера... где Тера?

Из последних сил она приподняла веки. Увидела сестру, как та ворочается, успела даже заметить Сказку и кого-то ещё, кого не знала. Затем она сдалась и вновь уснула.

«Вестания! Вестания!» — услышала она своё имя откуда-то издалека. Просыпаться всё ещё не хотелось, но теперь она чувствовала себя намного лучше. Пальцы всё ещё жутко болели, лицо тоже щипало, но собственное тело больше не казалось таким неуклюжим и размякшим. Она приподнялась и заставила себя открыть глаза.

Вдруг все вернулось. Она вспомнила все события, произошедшие до этих двух снов — смертельного и живительного. Проснулась окончательно. Тереня сидела рядом с ней.

— Тера... — она обхватила её, прижала к груди. Вестания держала своё слово. Теперь она ни за что её не отпустит...

Разжать руки всё же пришлось, но главное, они обе живы. Вестания впервые окинула взглядом помещение, все ещё не понимая, где они находятся. Тут она сразу же почувствовала движение вокруг, плавное, гладкое, едва различимое. Ни стука колёс, ни прыжков по рельсам, ни рывков от собачьей упряжки она не ощутила. Больше напоминало кабину на каком-нибудь пароходе, но Вестания никогда в жизни не плавала на судне и не была уверена, что сейчас находится на нём.

— Что происходит? Где мы? — задала Вестания тотчас те два вопроса, которые не

давали ей покоя.

— Нас спасли! — ответила Тереня. — И мы летим на дирижабле.

— Дирижабль... — Вестания оглядела каюту, в которой они находились. Небольшая комнатка с двухъярусной кроватью и маленьким откидным столиком, больше внутри ничего не было из мебели, зато убранство было довольно богатым: красивые бордовые обои, на стене висело зеркало в резной раме, постель была застелена бархатным покрывалом, но окон, чтобы удостовериться в полёте, она не увидела.

— Веста, ты не поверишь! — Тера выглядела на удивление весёлой с учётом того, что какое-то время назад их жизни висели на волоске. — Это просто чудо, что она спасла нас в последнюю минуту, а ещё, что она тоже направляется в Океанию, и мы теперь все спасёмся вместе, это очень-очень здорово!

— Тера... Тера, кто нас спас? — спросила Вестания, едва успев вставить слово, сестра возбуждённо тараторила с таким рьяным увлечением.

— Тебе лучше самой увидеть, а то ты мне не поверишь! — заявила она, — пойдём, тебе нужно поесть, ты же проспала почти двое суток...

— Что?! — испугалась Вестания, резко вскочив с кровати.

— Да... мы решили тебя не будить, ты так ослабла и устала, мы же чуть не погибли там... нам очень-очень повезло.

Вестания встала на ноги, они показались ей ватными, но девушка всё же смогла заставить себя пойти. *Серый... Серый, ты тут?* Своим внутренним зрением она увидела, как тень подползла ближе, выбравшись из ущелья её разума.

«Я пытался разбудить тебя раньше, но ты меня не слышала», — отозвался призрак.

Мне кажется, я могу не слышать тебя иногда, когда не хочу. Могу игнорировать.

«Не делай так больше», — попросил он.

Сначала Вестанию это задело. Имела она, в конце концов, право на уединение хотя бы в своём собственном сознании! Хотела уже заявить ему об этом, поставить его на своё место, как Серый поменялся с ней эмоциями. Эта резкая подмена немного удивила Вестанию. За единую секунду она испытала смену настроения. Он услышал её негодование, а она его смущение. Серый показался Вестании таким беспомощным, он очень сильно хотел помочь, но был совершенно бессилён. Тогда девушка не сдержалась, ей стало жаль тень.

Хорошо, — согласилась она, в конце концов.

Когда они успели научиться транслировать друг другу ощущения? Она не поняла, но это показалась ей более быстрым и удобным способом общения. Кажется, что-то всё-таки происходило между ней и Серым, они сходились всё теснее, а Вестании даже не у кого было спросить совета.

Сёстры оказались в небольшом коридоре, который сразу же вёл в основное помещение дирижабля — небольшой зал вроде гостиной с маленьким круглым столом посередине и кухонной рабочей зоной ближе к углу. Каким бы первоклассным экспрессом не был «Восточный Вестник» с его вагонами класса «люкс», дирижабль сразу показался Вестании удобным и продуманным передвижным домом.

Тереня повела её дальше, в кабину управления в носовой части кабины. Тут, войдя внутрь, девушка впервые увидела тёмно-серое небо прямо за фронтальным окном над панелью управления. Перед ним стояла женщина, которая тотчас отвлеклась и обернулась, услышав, как они подошли ближе. Её волосы были тёмно-коричневыми, почти чёрными, острижены совсем коротко, даже короче, чем у неё самой, они слегка завивались на

кончиках. Вдруг странная догадка поразила Вестанию. Она знала её! Точно видела, но не могла вспомнить, где.

— Вестания... — незнакомка распрямилась и подошла к ней ближе. — Рада, наконец-то, с тобой познакомиться, твоя сестра очень много про тебя рассказала.

— Вы... — Девушка всё ещё не могла понять, откуда она могла знать их спасительницу. Она перебирала в голове множество лиц, но отыскать верное не получалось.

— Веста, это Эльпиника, представляешь! — воскликнула Тереня, не сдержавшись, — Она тоже ищет Океанию! Я же говорила, что это всё правда!

— Эльпиника... — Только теперь Вестания узнала лицо известной певицы, музы Харибды. У неё родилось столько вопросов, но девушка никак не могла заставить себя их задать, слишком невероятной казалась ситуация.

— Тише-тише, — остудила муза Теру. — Просто «Ника», я уже тебе говорила...

— Веста, ты не поверишь! — не унималась Тереня. — Оказывается, «Эльпиника» — это сразу две певицы, и они держали это в секрете всё это время! И только Ника сумела отправиться искать Океанию, Эльпис пришлось остаться в Акрополе... не том, который взорвался, в другом, в Харибде.

Женщина улыбалась, глядя на свою поклонницу и всё же позволив той тараторить. Вестания с трудом понимала, что происходит, и пока не взялась бы прийти к самостоятельному выводу. Даже Серый, казалось, притих.

— Ладно, дай сестре передохнуть, — заключила она в конце. — Пока предлагаю обсудить дела.

Вестания, наконец, нашла в себе смелости для вопросов.

— Как вы нас нашли? — спросила она тут же. — Была же выюга и вообще... зачем вы это сделали?

— Из-за бури я держала дирижабль не очень высоко над землёй. Потом я заметила след, что тянулся за вами, глубокий, от саней и собак, его не успело занести снегом. Пока я шла по нему я видела остатки костей ваших псов, я читала целую драму на этой дороге. Странно, но, кажется, мы шли одним и тем же маршрутом. Потом, наконец, я увидела и вас, едва живых, но ещё не замёрзших, иначе бы след точно замело. Что мне ещё было делать? Не бросать же там...

— Как собаки? — вспомнила Вестания о тех, без кого бы они уже давно погибли.

— Сказка поправится, — ответила Тереня. — А Месяц замёрз...

Из шести выжила только одна, — подумала Вестания. — С тобой, Серый, нас было пятеро... сколько же дойдут до конца? — но он не стал отвечать, а она и не требовала ответа.

— Сожалею... — лицо Ники сделалось печальным. — Тереня рассказала мне о вас... о всех ваших потерях. — Тут она отвела глаза в сторону, а потом опять переключилась на сестёр. — Увы, у меня есть ещё одна новость, которую вам стоит узнать...

— Какая? — не поняла Вестания.

Ника молча подошла к панели управления, жестом позвав их за собой. Видимо, дирижабль управлялся автопилотом, как и «Восточный Вестник», но на консоли она увидела множество разных кнопок и переключателей, рычажков, о предназначении которых не могла и догадываться. Муза указала на монитор, один из тех, что Вестания видела на вокзале Термины.

— Тереня рассказала о Соппротивлении. — Объяснила Ника. — И о радиостанции

которую вы не могли поймать.

— Девяносто девять и девять, — вспомнила Вестания.

— Ты нашла её! — обрадовалась Тереня.

— На радио такой частоты нет, но я поймала видеоканал. — Сказала муза. — Похоже, они смогли записать сообщение для властей. Этот дирижабль, «Икар», раньше был военным кораблём, видимо, он настроен на особые частоты, не предназначенные для масс. — Она нажала несколько кнопок, и экран вспыхнул, на нём возникла блёклая чёрно-белая картинка, с такими размытыми контурами, что почти ничего нельзя было рассмотреть. — Я сразу скажу, что пролетала над Терминой. От неё мало что осталось, поэтому... — она замялась, — мне жаль, что приходится показывать это вам.

Вестания поняла, что не дышит. Сердце стучало, как барабан. Что, если они живы? Что хоть кто-то выжил, сумел перенести ядерный взрыв.

Постепенно контуры обретали чёткость. Она вглядывалась в блики на мониторе, и вскоре они образовали помещение с бетонным полом и стенами. Отдалённо комната походила на «обитель теней» Алкида, но вскоре стало очевидно, что это не так. Зафиксированное на видео пространство казалась шире и глубже, а через некоторое время Вестания удостоверилась в том, что намного.

Посередине экспозиции находился стул, на котором сидел человек. С тем, как камера приближалась к нему, делая изображение различимым, Вестания всё лучше ощущала слезы, подступавшие к глазам.

Его одежда была грязной, местами разорванной, местами обгоревшей. Больше всего Вестанию поразили пропитанные кровью бинты, покрывавшие процентов семьдесят его тела. Волос на голове не было. На лице, в том месте, где должен быть нос — провал, также спрятанный за бинтами. Тут у сообщения внезапно появился звук, и до Вестании донёлся громкий хрип, заменявший этому существу дыхание. Он вскинул голову, посмотрел пронзительными глазами прямо ей самой в душу и тогда заговорил:

— Привет. Меня зовут Алкид. — Раздались первые слова, неровные, надломанные, — Я беру на себя всю ответственность и подтверждаю свою причастность к взрыву ядерной бомбы над Акрополем в Термине, и многим другим террористическим актам, что имели место в отменённых землях и столицах за последние пять лет. — Он закашлялся, но быстро нашёл в себе силы продолжить. — Мы уничтожили Акрополь в Термине. Теперь мы пойдём дальше. Мы будем продолжать свою деятельность до тех пор, пока все власти не сдадут свои полномочия... или будут убиты. — Он выдержал паузу, безостановочно глядя прямо в камеру, не моргая. — Вы могли не замечать и игнорировать Соппротивление и меня раньше, но после взрыва «Пандоры» этого у вас больше не выйдет. Я уничтожу вас всех. Я буду сжигать и испепелять. Я буду сбрасывать бомбы на головы жадных и подлых политиков, отцов всех Акрополей и всех их детей до тех пор, пока не уничтожу ваш род. — Он произнёс это с такой ненавистью, с таким огнём в полыхающих яростью глазах, что даже чёрно-белый монитор передавал этот дух неповиновения. — Не надейтесь уничтожить нас. Мы — как опухоль в вашем поражённом болезнью мозге. Как тараканы, пережившие все концы света и ядерные войны. Вы отрубите гидре голову и на её месте появятся две новые. — Тут позади говорящего зажегся свет, точнее сразу сотни факелов, вспыхнувшие разом своим блёклым огнём. — С нами тень Алкида! — объявил он, и камера стала медленно отдаляться, охватывая всё больше и больше людей — целую армию с зажжёнными факелами, которые повторили лозунг громогласным хором. Рассмотреть кого-либо представлялось

невозможным, слишком далеко стояли фигуры, и слишком плохим было изображение, а затем глаза Вестании и вовсе передёрнулись слезами, и она заплакала. Картинка исчезла с монитора.

— Всё в порядке? — спросила Ника озабоченно.

— Это не Алкид. — Сумела выдавить из себя Вестания, пряча лицо в ладони.

— Веста... — сестра, кажется, тоже расстроилась, обняла её, и девушка ответила тем же.

— Это был не Алкид, — повторила она, зайдясь в рыданиях.

— Не Алкид? А кто, тогда? — спросила Ника.

Вестания почувствовала, что этот вопрос сломал её. Она хотела бы всё объяснить удивлённой Нике, но не могла говорить, хотелось найти какую-то точку опоры и не упасть.

Это был Фрикс... Я узнала его... это он.

«Ты же не знала, жив он или нет. Вот тебе ответ». — Ответил Серый.

Ты видел его? Видел, что с ним?! И считаешь, что меня это утешит?

Серый подполз ближе, чтобы расслышать все её мысли. Она показала ему, что чувствует и поделилась болью, представила ситуацию именно со своего ракурса, так, чтобы он понял всё, и затем он дал ей знать, что понял.

Она вспомнила слова Кирки. О том, что Фрикс при желании мог бы собрать ещё одну армию Сопротивления. Что, если этого он и хотел, когда шпионил за правительствами обеих стран? Алкид запретил ему говорить как раз из-за этого, он видел в Фриксе конкурента. Что тогда произошло между ними? На месте одной головы вырастут две...

Вестанию передёрнуло, когда она вспомнила о прощании с Некрополем. Алкид позволил всем принять добровольное решение — остаться внизу или покинуть город, но Фриксу он такого выбора не дал. «Ты знаешь все, что должен сделать?» — спросил его Алкид на прощанье. *Он готовил его на замену... мало кто знал Алкида в лицо, а ещё все эти парики, грим, он менял лица как маски...* Когда они запрыгнули на поезд... Вестания перенеслась в тот самый момент. Фрикс ничего не сказал ей. Скорее всего, правильно поступил. Она бы никогда не отпустила его. О чём он думал? Была ли у него хоть малейшая мысль бросить всё и поехать с ними? Оставить революцию, предать Алкида, начать всё с нуля? *Но он этого не сделал. Он предпочёл сгореть и занять дымящийся трон.*

Вечер тоже не стало... и Фрикс долго не проживёт. Они все погибнут. Кто-то более сильный просто займёт пустое место и назовёт себя Алкидом, и они продолжат его дело. На месте одной головы вырастут две.

«Это все позади», — напомнил Серый. — «Что было, то прошло. Забудь и иди вперёд».

Ты прав, но нет. Я не стану такой же, как ты. Я не хочу забывать. Я буду помнить. —

Она нашла в себе силы утереть слезы.

— Мы всё объясним, но я бы хотела сначала услышать ваш рассказ, — сказала она Нике. — Тереня говорила, что вас было две? Что это значит?

Он никогда не видел такого безграничного поля. Оно уносилось куда-то вдаль, теряясь за горизонтом. Казалось, небо и было его продолжением — бесцветное, равнодушное, на нем не было ни облаков, ни солнца, оно не несло ни капли света и ни капли тепла. *Интересно, я могу чувствовать тепло? Или холод? Или что-то ещё?* Он пробовал идти по

этой свежей луговой траве, даже снимал ботинки и ходил босиком, но не ощущал ничего особенного. Всё казалось каким-то непонятным, было странно. Пусто, как в голове, так и вокруг. Может, так чувствует себя новорождённый? Потому и кричит истошно? У него больше нет ничего, кроме слёз, нет воспоминаний, пока нет даже близких, так как мать не успела прижать его к груди. Никто чувствовал себя так же, но не видел смысла в слезах. Да и не было ему так уж страшно и грустно, чтобы заплакать. Было просто пусто. Никак. Он — Никто. Один в Нигде. Не помнил Ничего.

Какие ледяные слова. От них веяло безразличием, чудовищным роком, в них не было ни жизни, ни смерти, только пограничье, они были ни белыми и ни чёрными, серыми.

Он не знал, как долго бродил по этой сказочной пустоте, прежде чем страшно захотелось пить. В идеальном мире не было времени, точнее, оно не играло никакой роли, все равно, что отсутствовало. Да и как мерить время, если нет солнца, а день не сменяется ночью, постоянно находясь в каком-то то ли предрассветном, то ли послезакатном состоянии? Может, найдутся часы?

Он полез в карман. Почему раньше не проверил их? *А была ли нужда?* — в самом деле, он же не собирался выбираться из этой бесконечной степи, потому и смысла не было спешить. Но вот найти воду стоило. Во рту першило, хотя, если он не думал об этом, то и не чувствовал жажды.

Никто нашёл портсигар. Крышка показалась ему очень красивой, он долго рассматривал её, а потом, вдруг, вспомнил вагон поезда и Харона. Воспоминание оказалось поразительным, как яркая вспышка, как головная боль. Он даже сам не понял, понравилось ему вспоминать или нет. С одной стороны, стало не так пусто, с другой — приятное состояние покоя нарушилось, как брошенный камешек пускает рябь по стоячей воде.

Он открыл портсигар. Внутри оставалась последняя сигарета. Так, вроде говорил билетёр? — «Последнюю пулю и последнюю сигарету мы оставляем себе». Недолго раздумывая, Никто закурил. Зачем откладывать, раз уж сигарета всё равно последняя? Особо курить не хотелось, хотелось пить, но он всё же постарался получить хоть какое-то удовольствие от неё. Дым тоже повёл себя неестественно, он попросту повис перед ним. В мире идеальной пустоты не бывает ветра, как и воздуха. Никто понял, что, кажется, не дышал всё это время, просто не чувствовал в этом нужды. *Как же я зажжёт сигарету? Как курю её?* — попытался он сам себя подловить, но так и не понял.

Покончив с сигаретой, он убрал портсигар в карман. Было жалко оставлять его здесь, а сам он планировал идти дальше. Продолжил поиски в кармане и тогда нашёл что-то новое, что раньше не попадалось ему под руку.

Никто вынул предмет и удивился. Это был маленький металлический прибор, сначала он подумал, что найдёт часы, но быстро понял, что смотрит на компас. *Компас?* — удивился он. — *Может, с ним я смогу найти реку?* — Никто не знал, почему сразу подумал именно о реке, а не о пруде или другом водоёме. Почему-то ему казалось, что здесь должна быть именно река. Может, там, впереди, за горбатыми спинами невысоких холмов?

Стрелка забилась в конвульсии, пытаясь найти север, которого тут не существовало. Она забегала по кругу, сначала задержалась в одном месте, потом, кажется, передумала, сменила направление, заплясала опять, описывая долгие обороты, но так и не определилась. *Всё тщетно,* — понял Никто. Хотел уже было убрать его в карман, как тут заметил что-то на обратной стороне корпуса.

Прочсть надпись непросто, если не помнишь буквы, а в этом вычищенном мире думать

было особенно сложно, как во сне. Даже сфокусировать глаза на словах казалось сопоставимо с каким-то подвигом. *Никогда*, — прочитал он первое слово, но как ни щурился, как ни пытался, не мог прочесть остального. — *Пусть будет просто «Никогда»*, — решил он. — *«Никогда» вполне то, что надо. Такое же скользкое, свербящее слово. Самое страшное из существующих.*

Уже хотел попробовать поискать в карманах что-нибудь ещё, как тут его внимание привлёк далёкий силуэт где-то на самом горизонте. Присутствие другого человека в мире стёртых понятий показалось ему невообразимой удачей. Сначала Никто хотел окликнуть его, привлечь как-то внимание незнакомца, но тут спустя какое-то мгновение неведомый скрылся за верхушкой холма, исчезнув из поля зрения.

Никто бросил рассеянный взгляд на компас. Стрелка указала ровно на то место, где стоял человек. Тогда он решил просто пойти вперёд, к нему навстречу, к золотистым цветам, что покрывали ещё одну долину вдалеке. Интересно, как скоро он мог дойти до неё? Едва тронувшись с места, он понял, что расстояния здесь играли не менее вторичную роль, что и время. Быстро идти почему-то не получалось, да и не хотелось, но он словно мог проходить через пространство, если хотел. Нужно было только сосредоточиться на долине, заставить своё обленившееся сознание действительно захотеть попасть туда, как он оказывался на месте. Вообще любые осознанные действия требовали больших усилий. Никому казалось, что он может и вовсе расслабиться, отпустить зрение, слух и мысли на свободу, позволить им уйти куда угодно, рассеяться в этом пустом измерении, стать не больше и не важнее травы или цветов, но он боялся не вернуться, опасался, что у него не хватит сил собрать себя заново.

Долина была пустой, он не нашёл в ней незнакомца. Жёлтые цветы, названия которых он не знал, медленно цвели, но не благоухали. Никто не увидел ни одной пчелы или бабочки. Казалось, они были здесь по умолчанию, словно нарисованные на холсте, но не живые. Он даже прошёл по ним, желая растоптать очередную обманку ненастоящего мира, но и это не удалось. Цветы и не заметили его, ботинки Никого не могли причинить им вреда. Тогда он схватил пригоршню рукой и вырвал их из земли. Цветы в его руке сразу же разлетелись в прах, а на месте сорванных появились новые, стоило ему ненадолго отвести взгляд.

Цветы даже сумели вызвать в нем злость. Никого начали раздражать безысходные правила пустого мира, к тому же от стараний ещё больше захотелось пить. Но прежде чем он придумал, что делать дальше — продолжить уничтожать цветы, продолжить идти за тем незнакомцем, или возобновить поиски воды — его окликнули.

— Эй! Курить есть у тебя? — он оглянулся. На поляне среди жёлтых цветов сидела девушка. Разглядеть её было не просто, приходилось сильно присматриваться, так что, возможно, она уже была здесь, когда пришёл Никто.

Он подошёл ближе к ней, сверился с компасом и вдруг понял, что стрелка указывала именно на неё. Никто попытался понять, как она выглядит, но черты лица больше походили на танцующие блики на воде. Никто убрал компас и достал портсигар из кармана, хотел показать ей, что там пусто, но вдруг удивился — внутри лежала последняя сигарета, хотя он точно помнил, что скурил её.

— Последняя, — пояснил он.

— Покурим? — спросила девушка. Сначала он хотел отдать всю сигарету, но потом передумал. Сел на траву рядом, закурил и протянул ей.

— Спасибо... — сказала она, выдыхая блеклые облачка дыма, повисавшие над травой. — Давно здесь?

Никто задумался. «Давно» было странным понятием. Сложно делить время, если его просто не существовало. «Никогда».

— Не знаю. — Признался он.

— Ага... никто не знает. — Сказала она, не убирая сигарету от губ.

— Я видел здесь кого-то... на этом холме, — объяснил он. — Было похоже, что он зовёт меня за собой. Это была ты?

— Чего? — поморщилась она. — Нет, я сидела себе здесь... а потом ты пришёл. Никого не видела. И я не звала тебя, я тебя знать не знаю. — Заявила она.

— Я — Никто, — сказал он. Девушка удивлённо посмотрела на него, может, тоже пыталась разглядеть. — Ты помнишь своё имя?

Она тихо усмехнулась.

— Я только помню, что оно было. И это уже круто. А если бы помнила, меня бы здесь не было.

Она указала ему рукой в сторону.

— Посмотри, — приказала она.

Никто прищурился так же, как когда пытался прочесть надпись на компасе. По долине бродили люди, он мог видеть их, но не их лица, лишь размытые силуэты. Некоторые были совсем прозрачные, выглядели они задумчиво, отрешённо, другие метались в поиске чего-то, или просто останавливались и вечность смотрели на какой-нибудь цветок или на натянутый свод неба. Никто мог видеть и понимать, как долго они будут тут стоять. В Никогда не было временных рамок, ничего не происходило, чтобы можно было почувствовать хоть какой-то промежуток.

— Это всё тени? — спросил Никто, уже зная ответ.

— Мы все тени, — сказала она и передала ему половину сигареты. — Некоторые из них отчаялись. Они уже не вспомнят. Может, даже не хотят помнить.

— Я хочу пить. — Сказал Никто. — Здесь есть река?

Она посмотрела на него так, что он почти мог увидеть её глаза, но это всё ещё давалось слишком тяжело.

Девушка поднялась с травы и взяла его за руку, повела за собой, и они сразу же оказались возле широкой мирной реки с чёрными покойными водами. Никто бросил окурочек в траву и уже хотел пойти к берегу и напиться, но девушка удержала его за руку.

— Лучше не пить. — Сказала она строго. — Я иногда тоже очень хочу... такая страшная жажда... но когда пьёшь, забываешь то, что было. Если всегда пить, никогда ничего не вспомнишь, а пить всё равно будешь хотеть.

Никто взгляделся. Он увидел многих, кто подходил к реке и прикладывался к её спасительному боку забвения. Не помнить было хорошо. Может, кому-то из них удалось напиться так, что они забывали о жажде. Но почему-то этот выбор показался ему неправильным. Может, он ничего и не помнил, но пока ещё ощущал обрывочные миражи где-то глубоко в себе, ещё помнил, что он Никто, помнил Харона и то, как сюда попал. Не хотелось потерять и эти жалкие крохи.

Она, кажется, глубоко задумалась. Её тело чуть склонилось ближе к реке, и он уже подумал, что она сейчас поддастся искушению и выпьет отравленной воды. Никто взял девушку за руку, та сразу же отвлеклась, обернувшись к нему.

— Пойдём лучше отсюда, — предложил он.

Она согласилась, стараясь больше не смотреть на воду. И они ушли куда-то. Казалось, что далеко, но в любой момент можно было вернуться назад к реке. Какая разница, если нет пространства и времени?

На новой поляне цветы были красные. Сначала Никто снова попробовал сминать их, но вновь ничего не вышло.

— Бесполезно, — сказала она. — Их никто не может сорвать.

— Я и есть Никто. — Ответил он.

— Что ещё это за имя? — спросила она сердито. — Если бы ты себя помнил, то уже ушёл бы куда-то.

— Мне кажется, я помню тебя, — сказал он, не переставая разглядывать девушку. — Вдруг я знал тебя раньше?

— А ты помнишь что-то обо мне? — спросила девушка, сразу же заинтересовавшись. — Как меня звали? Кем я была?

Он напрягал память, выхватывал из нее какие-то отголоски забытых имен и размытые лица чужаков, но никак не удавалось вспомнить правильно.

— Не знаю... — признался он. — Мне только кажется, что мы знакомы. Больше не могу вспомнить ничего.

— Обидно. — Призналась она. — Жаль, у тебя не осталось сигарет. Я долго вспоминала что-то о себе, и сейчас мне кажется, что я курю. А больше ничего вспомнить не выходит.

— Что нужно делать, чтобы вспомнить? — спросил он.

Она пожала плечами.

— Ты ничего здесь не можешь делать. Думать, ходить, разговаривать с другими. Но сколько я ни пыталась, все разговоры выходят глупыми. Ни о чем. И все эти иногда пьют из реки. Думаю, я тоже не выдержу и как-то попью. А может, уже пила не раз... Потому что больше нечего делать.

Вдруг он задумался.

— А уснуть можно? И спать, и видеть сны?

Она покачала головой.

— Только смерть спит. Больше никто не спит.

«Спит она среди цветов, Белых, в царстве вечных снов. Кто разбудит смерть? Кто? Кто? Но ответ один — никто».

Он сам не знал, откуда в его пустой голове родились эти строки.

Никто взглянул на красные цветы. Жёлтые — нарциссы, красные — маки. Какой же цветок был белым?

— Ты видела здесь белые цветы? — вдруг спросил он.

Девушка удивлённо посмотрела на него.

— Белые? — она задумчиво взглянула на маки. Огляделась, встала, пошла куда-то, и он пошёл за ней. Они обошли ещё несколько полей, но везде цветы были синие, фиолетовые, розовые... Потом она остановилась. — Не знаю. — Призналась она. — Я не помню.

— Мне нужно найти белые цветы. — Повторил Никто.

— Иди ищи. Я не хочу. — Кажется, ей стало немного скучно. А может, она вспомнила про жажду.

Он вновь достал компас из кармана. Посмотрел на панель, и стрелка опять указала на тень девушки. Никто решил удостовериться точно, отошёл в сторону, повернул прибор, но

стрелка была непоколебимой, всякий раз она поворачивалась так, чтобы устремиться точно на девушку.

— Что ты делаешь? — спросила она, с сомнением наблюдая за ним.

— Это странно, но я думаю, мы должны держаться друг друга, — сказал он. — Я хочу найти тебя потом, ладно? Может, я смогу помочь тебе что-то вспомнить.

— Зачем тебе это надо? — нахмурилась она. — Ты же и себя не помнишь.

— Не пей из реки, ладно? — попросил он вместо ответа. — Я найду тебя потом.

— Если не забудешь, — бросила она равнодушно. — Я вот тебя совсем не помню. Жаль. — Заключила девушка. — Удачи в поисках. — И она ушла куда-то.

Никто бродил из стороны в сторону. Золотые цветы, оранжевые цветы, сиреневые цветы... Он почти не помнил их названий и уж точно не мог вспомнить ни одного белого. Иногда он заговаривал с другими тенями, но те тоже никак не могли ему помочь. Вскоре ему начало надоедать. Он оказался на очередной поляне с голубыми цветами и от злости принялся топтать их, но ничего не вышло. «Лучше пойти к реке и напиться чёрной воды, чтобы забыть о белых цветах, — подумал он. — Может, я никогда их не найду».

Никогда.

Никогда — это ледяное слово.

Он опять вынул компас из кармана. Перевернул обратной стороной, там, где была надпись.

«Никогда...»

Только бы разобраться, что там дальше...

Никто долго вглядывался, вложив все свои силы. Буквы расплывались, разбегались в разные стороны, словно играли в чехарду. Он даже принялся водить пальцем по гравировке, но уловить слова было сложно.

«Никогда не...»

Последнее слово было долгим. Таким же долгим, как «никогда», маленькая вечность на поверхности компаса.

«Никогда не теряйся», — вдруг прочитал он и содрогнулся от этих слов.

Он отвёл глаза от компаса и удивился. На горизонте стоял всё тот же силуэт, что и в первый раз, но теперь он показался значительно ближе. Никто даже почти смог рассмотреть его. Судя по росту и фигуре, это был ребёнок, просто мальчик, зазывавший его за собой. Никто бросился к нему навстречу. Он не знал, как долго он шёл, просто продолжал идти всегда вперёд, но силуэт так и не приближался к нему, оставаясь всегда на черте горизонта. Иногда он терял его из вида, но всегда неотступно замечал снова. Может, если бы Никто шёл в привычном ему мире, то давно бы состарился, может, за это время сменились бы тысячелетия, но только не здесь, да и мало чего он помнил о своей прошлой жизни и о её законах.

Компас и этот мальчик напоминали ему о чём-то важном. Он не мог понять, о чём именно, но согласился играть по правилам этой запутанной игры. Никто видел все цветы мира, некоторые названия он даже сумел вспомнить, но, когда добрался до поляны из белых цветов, всё равно оказался ошарашенным от их красоты и тотчас забыл и о мальчике, и о компасе, и обо всём остальном.

Эти белоснежные мягкие лепестки, что стали ей периной. Ему даже почудилось, что он может слышать сонное благоухание из их чашечек, что он способен тоже лечь прямо здесь и уснуть подле неё. Бескровные губы были плотно сомкнуты, как и веки с чёрными длинными

ресницами. Её кожа напоминала известняк. Лицо, не тронутое ни солнечным лучом, ни румянцем, было спокойно и божественно прекрасно. Длинные светлые волосы расплескались по обеим сторонам её тела, и ни малейшее дуновение ветерка не смело их потревожить. Под скромным шёлковым платьем покоились округлые груди, такие же неподвижные, как и время. Она тщательно спряталась. Сделала так, чтобы никто не нашёл белых цветов. Не просто цветов — асфоделей, символов смерти. Асфодели. Как он мог забыть их название? Они росли на могилах умерших. Они росли в Аиде. На них спала смерть. Волшебные цветы вечного забвенья.

Никто нашёл её. Нашёл смерть. Он не понимал, зачем должен был это сделать. Просто идея о том, что в его силах что-то изменить, кажется, очень давно была посеяна в его голове. Словно это была его загробная миссия, о которой он никогда не знал. Найти смерть — за этим он здесь. Но вот отыскав её, наконец, он не знал, что делать дальше. Уснуть он не мог. А как разбудить её — просто не знал.

Кто разбудит смерть? Никто.

Никто подошёл к ней. Не смея возвышаться над властительницей жизни, он наклонился, сел подле на белоснежные асфодели и ещё долго сидел и смотрел на бесподобное лицо. Он даже боялся её потревожить, но знал, что должен. Иначе, зачем ещё он её искал? Он и есть Никто. В его силах всё исправить. Исправить мир живых и мир мёртвых.

Но как разбудить её? Нельзя же просто взять и потревожить. Нельзя заговорить, закричать, чтобы она проснулась. Он не мог так поступить. Она же была совершенной, она стояла и над живыми, и над мёртвыми. Одна единственная, воплощённое божество.

Он наклонился ниже над мирным неподвижным лицом, ещё недолго рассматривал ровные, правильные линии, плавные изгибы, а затем нагнулся ещё ниже и поцеловал её в губы.

Глава XVII. Персефона

556–557 день после конца отчёта

И она проснулась. Чуть вздрогнули веки, смежённые вечным сном, прежде чем освободить её неземные глаза. В её лице мгновенно ожили все мыслимые и неподвластные пониманию эмоции и выражения, она глубоко вздохнула, и грудь вновь замерла без движения.

Стихийная богиня, заточенная в человеческой оболочке, оперлась рукой о пружинистую траву и приподнялась, чтобы встать. Никто вдруг испугался этого движения, вскочил сам на ноги и озабоченно подал ей руку, предлагая помощь, но она даже не взглянула на протянутую ладонь, распрямилась, воздушным мановением руки расправила складки на платье и, приняв величественный вид, посмотрела на него с вызовом и грозным осуждением. В её сказочных глазах горело истинное прозрение.

— Спит она среди цветов: белых, в царстве вечных снов. — Произнесла она мелодично. — Кто разбудит смерть? Кто? Кто? Но ответ один...

— Никто... — закончил он за неё.

Смерть чуть нахмурила изящные брови:

— Никто, — повторила она со скрытой насмешкой, с вызовом. — К чему это? Или ты до сих пор считаешь себя Никем, Аластор? — спросила она.

— Нет. Больше не считаю, — признался он, пряча глаза, не смея выносить её взгляд на себе.

— Ты всё вспомнил? — Её голос гремел мелодичной симфонией. Он был и пугающим, и прекрасным одновременно.

— Да. Я всё помню теперь...

Она молчала какое-то время, а он не мог посмотреть на неё.

— На что ты надеялся? — спросила смерть. — Зачем ты здесь?

— Ты спала... и я понял, что смогу разбудить тебя, — ответил Аластор.

— Считаешь себя избранным?

— Нет.

— И правильно, — строго согласилась она и опять замолчала. — Ты не смотришь на меня и не заговариваешь первым. — Произнесла она, в конце концов. — Ты меня боишься?

Он поднял голову, взглянул прямо в её дикие потусторонние глаза, в идеальное и грозное лицо.

— Я не хочу оскорбить тебя, — сказал он.

— К чему был этот поцелуй? — спросила смерть.

Он замялся.

— Решил, что только так можно снять чары? Это не сказка, Аластор. — Она протянула к нему тонкое запястье с длинными воздушными пальцами на точёной кисти. — Потрогай, если не веришь. Я настоящая.

Он с сомнением взглянул на её руку. Что делать? Доказать, что ничего не боится? Но это была ложь. Вдруг опять разозлится на него? Может, до неё никто не вправе дотронуться?

Аластор взял её за руку. Кожа оказалась нежной, как шёлк, тонкой, холодной, он поднёс ладонь к губам и нежно поцеловал в тыльную сторону, на что она ничего не сказала.

— Как мне называть тебя? — спросил он. — Смерть?

— Смерть — это не имя, — ответила она. — Имена нужны смертным, чтобы обозначать своё лицо. Такие, как я, обходятся без них. Люди дают мне тысячи имён для тысячи моих ликов. Выбери любое.

— Персефона, — произнёс Аластор.

Смерть кивнула:

— Годится.

— Я преклоняюсь перед тобой, Персефона. — Сказал он. — И восхищаюсь тобой.

— Ложь! — отрезала она, вырвав у него свою руку. — Ты считал, что равен мне! Ты убивал, отбирал мои жертвы! Называл это своей работой, превратил в свою миссию. Думаешь, что достоин быть мной?

— Нет... — ответил он. — Мне жаль за всё то, что я делал...

— Вновь ложь! — Персефона не на шутку разозлилась, шагнула к нему и нависла над ним. — Я вижу тебя насквозь, не смей мне врать! Ты не умеешь сожалеть о своих преступлениях. Чего ты хочешь от меня?

— Выбраться отсюда, — прямо ответил Аластор. — И, если возможно, увести кое-кого с собой.

Он думал, она ударит его, повергнет в траву, испепелит на месте. Интересно, можно умереть ещё раз, когда ты уже мёртв?

— Ты не имеешь права просить за других, — заявила смерть. — Слишком много возомнил о себе?

— Я же всё вспомнил. — Нашёлся он. — Вспомнил, кто я, и как умер. Теперь я могу помочь вспомнить и ей... а может, и кому-то ещё... Я не могу здесь оставаться, я нужен сёстрам...

— Назад дороги нет ни для кого, Аластор, — отрезала смерть. — Ты мёртв. Не существует способа это изменить.

— Должен быть, — не сдавался он. — Не важно, избранный я или нет, я разбудил тебя. И я вспомнил, кто я. Ты тоже знаешь, что мне здесь не место, это твои законы!

— Ты ничего не знаешь об этом мире и его законах! — сказала Персефона. — Та загадка и миссия пробудить ото сна смерть — была не для тебя! Хочешь найти выход? Тебе придётся пойти со мной, и я покажу тебе все возможные. — Она снова протянула ему руку, и на этот раз Аластор, не раздумывая, сжал её в своей.

Они перешли на другое поле, прочь от белых цветов. Теперь перемещение показалось Аластору сущим пустяком, они едва сделали шаг, вот только этот шаг вдруг отдался старой хорошо знакомой болью в ноге.

— Я опять хромаю? Разве так возможно? Я же мёртв. — удивился Аластор.

— Раны проходят. Шрамы остаются. — Равнодушно изрекла Персефона. — Ты вспомнил себя, значит и вспомнил свою боль.

Здесь не было холмов, прямо перед ними лежали две дороги, расщепленные в противоположные стороны и ускользающие за горизонт.

— Я создала этот мир для них. — Сказала Персефона, наконец, сменив свой озлобленный тон на нейтральный. Её голос плыл мелодично в неподвижном воздухе. — Аид. — Гордо произнесла она. — Раньше, когда мир живых был проще и примитивнее, люди делились на чёрных и белых. Чёрные — те, чьи сердца грязны, шли в Тартар, — она кивнула на дорогу слева. — Это те, что совершали при жизни убийства и не знали любви. Их судьба была плачевна. В Тартаре они навсегда теряли самих себя, растворялись в бесконечной

пустоте с подобными им. Белые, те, что совершали подвиги во имя близких, шли правой дорогой — попадали в Элизий — страну вечного счастья. Но со временем я поняла, что двух дорог стало недостаточно. — Сказала она поникшим голосом. — Души людей перестали быть чёрными и белыми, таких становилось всё меньше. Большинство — серые, всё заполняли и заполняли моё царство. Не хорошие и не злые, их было нельзя судить, и идти им было некуда. Они испытывали жажду и пили из Леты — реки забвения. Те, что находили покой и беспамятство в её берегах, желая поскорее забыть о том, что совершали — были достойны лишь Тартара, потому что нет греха более тяжкого — чем забвение. Другим я старалась помочь вспомнить, кто они, и давала шанс искупить их вину. Если им это удавалось — их ждал Элизий. Но со временем серых душ становилось всё больше и больше. Меня огорчало то, что многие предпочитали воды Леты. А затем кое-что переменялось в устройстве моего мира.

Она вдруг отвела Аластора в другое место, и увиденное потрясло его. Посреди пейзажа находилась трещина, рассекавшая его пополам. К ней никли тени, одна за другой проскальзывая, протискиваясь сквозь отверстие куда-то в пустоту.

— Между мирами возникла брешь. — Произнесла она внезапно дрогнувшим голосом. — Спираль мироздания треснула, и из переполненного Аида тени стали просачиваться в мир живых. Не знаю, на что они надеялись. Может, считали, что так могут вернуться к жизни. Тени оказывались лишь призраками среди людей. Одинокие, не помнящие себя, они стремились к живому и вскоре стали вселяться в людей. Это стало губительным для обоих миров. Правила изменились раз и навсегда. Постепенно, если им это удавалось, они вытесняли старую душу, крали у неё все воспоминания и чувства, и подменяли собой. Первая душа уходила, а тень получала ещё один шанс. Только будучи серыми, они не умели им распорядиться и снова возвращались на Асфоделевы поля в моё царство.

Вместо того чтобы отвести Аластора в новое место, Персефона вдруг показала ему спираль. Аластор не понял, как ей это удалось, но было похоже на то, что она отправила этот образ прямо ему в голову.

— Всё вращается по спирали, — сказала она. — Миры создаются и постепенно вырождаются. Для всех вселенных иногда нужна чистка — перезапуск. Тогда в новом витке спирали возникает новый мир. Беда в том, что каждый раз спираль становится всё уже и уже. — Она насупилась. — Конец света уже был, но тени всё ещё на свободе, и их становится всё больше. Это последний виток спирали — Океания. Если тени проберутся и туда, они отравят её. Ещё одного перелома спираль не выдержит. Тогда будет конец.

Она убрала спираль. Они оказались возле реки, теперь он знал название — Лета. Мирные воды вечного забвения. Как сладки они были для несчастных скитальцев, теней.

— Ты всё вспомнил, — согласилась она. — Но ожить ты не сможешь никак, а пройти через трещину я не позволю. Я предоставляю тебе выбор. Либо Тартар, либо Элизий. Тартар ты можешь получить прямо сейчас — зайди в воду с головой и пей. Волны Леты унесут тебя сами. Там будет забвение. Глубокое и бескрайнее.

— Я не согласен на это, — сказал Аластор. — Я нужен Вестании и Теренее. Моё место с ними.

В её взгляде вновь появился праведный гнев.

— Ты ошибаешься, если считаешь, что заслужил спасение своим поступком. — Заявила Персефона. — Ты сделал худшее из того, что можно было совершить — ты отдал себя тени,

накормил её. Поэтому ты и смог меня найти, твоя гибель была иной, не такой, как у остальных.

— У меня не было выбора...

— Считаешь, что совершил великий поступок, пожертвовав собой ради девочки? — брови изящно приподнялись. — Думаешь, одним этим можно смыть все грехи? Ты забыл, скольких ты убил? Детей, бродяг, сумасшедших, их мать? Ты был убийцей, и ты так и остался им. Может, эти две девочки и поверили тебе, разглядели твою светлую сторону, но я вижу правду, меня ты не обманешь. Твой поступок ничего не изменил, ты так и остался серым, и в твоём случае дорога в Элизий будет слишком тяжёлой. Я предлагаю Тартар.

— Я не хочу их забывать. — Сказал Аластор. — Ни за что на свете я не откажусь от воспоминаний.

Персефона стояла и смотрела на него с оценивающим видом.

— Значит, Элизий, — в конце концов, заключила она. — На что ты готов пойти?

— Я не знаю... — признался Аластор. Он бы отдал всё, чтобы вернуться в мир живых, но смерть не позволит ему. — Я готов искупить свои грехи. Расплатиться за тех, кого убивал.

— Тебе нужна индульгенция, а не Элизий, — сказала Персефона, ещё раз изучив его взглядом. — Цена будет очень велика.

— Я согласен. — Он говорил искренне. Терять всё равно было нечего.

— Ты не знаешь, на что соглашаешься. — Напомнила Персефона. — Тебе придётся пережить смерть. Раз за разом, пережить смерть тех, кого ты убил. Тогда я заберу их с твоего счета. Эти убийства станут моими, а я имею святое право на убийство.

— Я согласен. — Повторил Аластор.

— Ну что ж, — её губы впервые тронула улыбка. — Тогда крепче держи меня за руку.

Встреча с Вестанией и Теренеей почти смогла отвлечь Нику от скорбных событий последних недель. Она вспомнила, как приятно ей было заботиться о маленькой Торне, когда они также летели в кабине дирижабля на поиски легендарного Ууракулиса, Блуждающего города. Ника никогда не хотела детей и прекрасно понимала, что у неё их не будет. Её отталкивали младенцы, она испытывала только брезгливость и страх при виде них. Но вот с подростками ей на удивление нравилось общаться. Может, в их неуверенности и неказистости она находила что-то знакомое и похожее на неё саму? Оттого ей хотелось помочь им, словно так Ника могла спасти саму себя, вот только и она прекрасно понимала — в целой вселенной никто никого спасти не сможет, особенно теперь, когда мир обречён на конец.

И всё же она получала слабое утешение от того, как показывала Теренее, как играть на арфе. Её трогала та сестринская любовь, которую она видела в общении между Вестанией и младшей. А ещё на борту «Икара» теперь была собака — единственная из выживших, её звали Сказка. Если поначалу она просто лежала и тихонько скулила, то сегодня впервые стала вставать, даже поела немного варёной курицы. Позднее Теренее даже удалось с ней немного поиграть, пусть она ещё и оставалась слишком слабой. *Ничего, самоеды — крепкие собаки, а значит, она скоро совсем отойдёт.*

Ника рассказала сёстрам их с Эльпис историю любви с самого начала — как они встретились в Академии, обнаружили фантастическое внешнее сходство друг с другом. Как

решили всерьёз заняться музыкой и выступать вместе, потом о знакомстве с Пигмалионом и о контракте с «Оморфией». О жизни в Харибде, о попытке их побега в Океанию. Только вот Ника умолчала о том, почему именно он не состоялся.

— Зато в этот раз всё получится. Я уверена. — Сказала она, отведя взгляд от сестёр на заснеженный полуостров Пацифида, что лежал далеко под ними.

— Мне жаль, что всё так получилось. — Сказала Тереня.

— Путь к свободе всегда связан с потерями. — Отозвалась Ника. — Вы тоже многих потеряли на этой дороге.

Вестания ничего не сказала. Она поднялась с дивана и отошла к иллюминатору, отвернувшись от остальных. *Прячет слёзы. Старается быть сильной ради сестры.* Она уже слышала рассказ девочек об их путешествии. Удивительно, как дети смогли вынести столько испытаний, выпавших на их долю.

— Может, сыграешь что-то? — Спросила Тереня с надеждой в голосе. Наверное, хотела сменить тему.

Ника задумалась. Играть песни из их последнего альбома не хотелось. Слишком много воспоминаний.

— Я сыграю самую первую песню, что мы написали с Эльпис. Ещё когда учились в Академии. Она была о нас, но мы решили, что не будем исполнять её, когда стали Эльпиникой. Называется «Капля крови и капля вина».

Ника села за арфу и стала самозабвенно перебирать струны, вспоминая подзабытый мотив. Она запела:

*Вдруг потеряла отраженье я своё,
Его склевало этим утром воронье,
И я разбила на осколки зеркала
И ими срезала свои черты лица.*

*Ведь чтоб сложить себя в единое опять,
Сначала нужно всё-всё прежнее сломать
И осушить до дна загадочный дуэт:
Две алых капли — в них отличья нет.*

*Что ты есть — вино или кровь?
Проиграешь иль выиграешь вновь?
Яд испей до самого дна,
Капля крови и капля вина.
Что в бокале — кровь или вино?
Ты гадаешь, глядя на дно.
Этого зелья боли...
Капля вина и крови.*

*Все маски я, сорвав, в огне сожгла
И босиком плясала на углях костра
Я имена все стёрла со страниц,
Прочь прогнала я всех богов и жриц.*

Я отреклась от них, скиталась много лет

Не зная, что ты шла за мной вослед.

И, обернувшись, в ясном свете дня

В тебе вдруг я нашла саму себя...

Кровь и вино —

Мы теперь одно,

Но всегда есть плата...

Мне всё равно:

Кровь и вино —

И я снова буду крылата...

Ника выглядела такой самозабвенной, пока перебирала струны арфы, но как только пропела последние строки, вдруг резко отняла руки от инструмента. На её глазах навернулись слёзы, она еле сумела сдержать их.

— Я никогда не просила богов о счастье, — сказала она. — Только о том, чтобы мы с Эльпис были вместе, в печали и в радости, но вместе... — она замолчала на миг, собираясь с духом. — И чтобы мы были живы. Обе... — после этого Ника уже не смогла договорить, она посмотрела на сестёр, после чего немедленно встала, бросила извинение через плечо и ушла к себе в комнату.

А ещё эта строчка... про крылья.

Вестания почувствовала холодок, пробежавший по спине.

«И я снова буду крылата».

Фраза прозвучала дико, потому что Вестания поняла, о чем идёт речь.

Образ человека с огромными крыльями за плечами родился в воображении Вестании, как тотчас что-то внутреннее, подсознательное воспротивилось этой идее. Образ ангелов был табуирован во всей Ойкумене. Чувство, которое они вызывали в Вестании было похоже на отвращение и стыд, который она испытала после того, как Алкид открыл им тайну их происхождения. Умом она понимала, что виной всему было даже не воспитание, а самая настоящая пропаганда властей, которые навязали им своё мнение, привили конкретную мысль, спорить с которой она не могла.

Тереня тоже выглядела сбитой с толку, не только строчкой про крылья, но и реакцией Ники.

— Тяжело терять близких, — с жалостью в голосе заключила Вестания. Тера подседа к ней за стол.

— Я скучаю по Аластору. И по Асфоделю. — Пожаловалась сестра.

Скучает... она всё ещё думает о них так, словно они живы.

Удивительно, но прошло столько времени с момента их исчезновения в теневом лесу, а они с сестрой даже ни разу не обсудили произошедшее. Нужно было думать о своих жизнях.

В другой раз Вестания бы уколола младшую, непременно бы вернула её с небес на землю, но после всего, что они пережили, Веста научилась ценить их жизни. До тех пор, пока они живы, пока жива Тереня — она никогда не обидит её больше. Что бы та не говорила, какие бы глупости не несла, Тера всегда теперь будет важной для неё.

— Как ты думаешь, что стало с Асфоделем? — спросила Тереня.

Вестания не знала. Мальчик оставался для неё самой большой загадкой. Они несколько раз встречали его на своём пути, и всегда это было случайно. Вот только Вестания больше не верила в случайности. Асфо появлялся и в вагоне «Восточного Вестника», и в Акрополе, словно предупреждая их о чём-то важном. Благодаря ему, они спаслись в хижине, но вот стоило ли винить его в неосторожности возле теневого леса? Ведь Тера пошла вслед за ним, а на её поиски отправился и Аластор. Вдруг, мальчик опять пытался их спасти?

— Я не знаю. — Честно ответила Вестания.

— А Серый?

Серый? Как ты думаешь? — спросила она призрака.

Но он не ответил, так что Вестания тотчас поймала его на лжи.

Ты скрываешь что-то от меня! — поняла она.

«Я не помню», — попытался оправдаться он.

Попробуй вспомнить!

— Серый что-то знает, — сказала она вслух. Обычно Вестания предпочитала не делиться с сестрой их долгими разговорами с тенью, но сейчас не могла молчать, дело касалось Асфо, а его судьба тесно переплеталась с ними.

Серый! — потребовала Вестания снова. — *Ты от меня больше не скроешься.*

«Я и правда ничего не знаю. — Теперь он не обманывал её, она чувствовала. — Могу сказать лишь одно — он не просто человек. Это я точно знаю. А значит, он может быть жив».

Так кто он, если не человек? — не отставала Вестания. — *Тень? Ангел? Океаниец? Откуда он взялся?*

Серый вновь не спешил отвечать, но теперь она чувствовала его беспомощность.

«Я правда не знаю... Но что-то большее, чем всё, что ты назвала».

Значит, с ним все будет хорошо?

Но он боялся брать на себя такой груз ответственности. Серый не хотел внушать Вестании ложных надежд и причинить ей боль.

Что ты вообще за тень? Тоже мне, страшное привидение! Не можешь ответить на простой вопрос.

«Прости. Но, правда, не знаю, что тебе ответить».

Вестании пришлось дать ему знать, что она ценит эту кротость призрака. В конце концов, он не пытался подчинить её себе, как о том говорил Алкид. Последнее время Серый даже не стремился прорваться в глубину её сознания. Стоило отдать ему должное.

На следующий день Ника сделала вид, что не помнит о вчерашнем случае. Она пребывала в бодром настроении, заражая и их с сестрой. Она суетливо ходила из стороны в сторону по борту «Икара», то и дело отвлекаясь на карты и чертежи, перепроверяя маршрут.

— Всё, вроде, правильно, — не уставала повторять она. — Сегодня доберёмся до храма.

Вестания не знала, что и думать. Их путешествие должно скоро подойти к концу, теперь эта мысль казалась ей невероятной. Она лишь недавно поняла, что искала всё это время. Поверить в Океанию ей пришлось, чтобы не потерять желание жить, ещё когда они блуждали в отменённых землях. Это спасло её тогда. *Аластор хотел, чтобы мы нашли её. Мама тоже в это верила. Они вдвоём погибли ради того, чтобы дать нам этот шанс. Мы не можем подвести их.*

«Вы же ещё не знаете, как туда проникнуть», — Серый напомнил ей, как Ника рассказывала о своей первой попытке туда попасть.

В этот раз все получится, — упорно отвечала Вестания. — ты просто боишься, потому что не знаешь, что будет с тобой, когда мы войдём в Океанию, так?

«Никто не знает». Она почувствовала его страх, закравшийся и в её сердце.

Я не стану тебя прогонять. Я же говорила. До тех пор, пока ты не вспомнишь всё, ты можешь быть со мной. Может, в Океании мы найдём способ помочь нам обоим.

«Я боюсь не этого. Я боюсь за тебя».

Почему? — удивилась Вестания.

«Теням не место среди живых. Ни в этом мире, ни в любом другом. Если в Океании все действительно такие возвышенные и прекрасные, как гласят легенды, они могут запретить тебе войти».

Что-нибудь придумаем, — пообещала Вестания. Серый сделал вид, что согласился, но она хорошо распознавала его фальшь, он не мог просто так скрывать от неё свои чувства, которые моментально передавались и ей.

Теренея с увлечением перебирала тонкие струны арфы, тренируя простой мотив. *Слишком мало времени на практику, на это же годы уходят, — подумала Вестания, подсаживаясь к ней рядом и наблюдая за плавными движениями её рук, которые то и дело ошибались, нерешительно замирая, не зная, что делать дальше.*

— Нравится? — спросила Теренея, кажется, закончив партитуру.

Вестания слышала, как Ника играет на арфе и, конечно, это не шло ни в какое сравнение с попытками Теренеи, но она дала себе слово перестать ругаться с сестрой и, как могла, придерживалась его.

— Да, очень здорово, — сказала она. — Хочешь стать новой музой?

— Лучше не надо, — вмешалась Ника, которая теперь стояла с задумчивым видом у маленького иллюминатора.

— Мы скоро прилетим? — спросила Теренея в очередной раз, уставив на неё свои большие серые глаза, в которых теперь скрывалось столько потерь, что они перестали походить на детские.

— Скоро, — ответила Ника, но Вестания услышала в её голосе лишь надежду, а не уверенность.

— На что похож храм? — Вестании хотелось как можно лучше представлять, что именно они ищут, она боялась полностью доверять людям, пусть и не видела повода подвергать искренность Ники сомнению.

— Там есть город в скале, — объяснила муза. — За этой скалой стоят развалины древнего храма аборигенов. Мне кажется, это место как бы на стыке между Элласом и Океанией.

— Что вообще из себя представляет Океания? Там действуют другие законы? — спросила Вестания.

— Правда, что там плавают киты на небе? — тут же зажглась Теренея. Они вообще много говорили об Океании все эти дни, и Ника уже не раз отвечала на вопросы сестры. — И жемчуг...

— В жемчуге и китах я уверена. Мы видели их своими глазами. Но, скорее всего, наше небо — это океан в волшебной стране, а наша суша — самое её дно, отсюда и пошли сказания о летающих китах. Иногда они заплывают слишком глубоко, тогда можно увидеть

хвосты среди облаков.

— То есть, Океания — где-то на небе? — не унималась Тереня.

— И да, и нет. Она — это другой мир, который отделен от нашего временем и пространством. Вы же, наверняка, слышали легенду про пятнадцать секунд, на которые она опережает материк? В том месте, куда мы плывём, мы сможем пролезть через эту разницу во времени. — Ника снова отвернулась к окну. Вестания не понравился этот жест, он был немного наигранным. То ли она и впрямь не хотела говорить, то ли хотела произвести больший эффект, заставить их задохнуться от предвкушения.

«Она же певица, что ты от неё хочешь?» — прошептал ей Серый.

— Как? — не удержалась Тереня.

— Между нашими мирами есть лаз. Аборигены называли его «курчен тар» или «туннель смерти». Чтобы попасть к храму необходимо пролезть через него. Это сложно и не у каждого получается. Но мы обязательно справимся. — Её голос звучал непоколебимо.

Вестания немало напряглась от слов Ники. «Туннель смерти» звучало как что-то, чего она бы предпочла не делать. Серый тоже зашевелился от слов музыки

Ты предлагаешь отказаться? — спросила Вестания.

«Нет. Мы с тобой уже нарушили все законы. Я сбежал из Аида. Ты сбежала из Акрополя. Остаётся идти до конца».

И Вестания была готова к этому. Ради всех тех, кто помог им в пути. Ради всех тех, кого они потеряли.

И ради живых тоже. Теры, Серого и Асфоделя.

Глава XVIII. Капля крови и капля вина

558 день после конца отчёта

«Я покажу тебе твою жизнь вывернутой наизнанку. Я проведу тебя по тем местам, которые ты и сам успел забыть. Я буду менять тебя и другие фигуры на доске местами. Ты умрёшь. Умрёшь за каждого, кого убил».

Голос смерти в его голове. Холодный, равнодушный и мелодичный. Сначала Аластор ощущал прикосновение её руки, проваливаясь в самые глубинные тайники этого голоса. Потом пропало и осязание. Постепенно сквозь туман стали проступать примерные очертания предметов. Они были нечёткие, лишённые ясности. Он стоял посреди белоснежного поля. С одной стороны, вроде бы оставался сам собой, с другой — был кем-то иным, был больше, был сильнее, чем раньше. Потом вдруг в боку родилась странная боль. Он содрогнулся от неё, упал в глубокий снег, попытался подняться, но тут новая вспышка пронзила его горло. Предсмертная агония, боль, страх, попытка выжить, попытка перепрыгнуть эту черту, сбивавшую его с ног. Затем чёрный омут, новая боль, бесконечная, ощущение своей беспомощности, сопротивление стихии, борьба, проигрыш, боль и марево смерти.

Олень был тоже в счёт? — удивился Аластор.

Персефона слегка посмеялась.

«Не твоё дело — выбирать. Этот олень — да. Как ощущения?»

Скажи, ты сама это чувствовала? — спросил он.

«Знает ли смерть, каковы её объёты на вкус? — отозвалась Персефона из глубины его сознания. — И да, и нет. Каждое моё деяние уникально. Ты готов продолжать?»

Один позади. — Ответил он. — *Веди меня дальше.*

Она ничего не сказала.

Затем были люди. Те два уroda из хижины — Хион и Халкей. Пули входили в голову, как раскалённый огонь. Проникали в самые мысли, постепенно стирая всё то, что было личностью, выжигая следы жизни, принося пустоту. Люди умирали пронзительнее, цеплялись так отчаянно за свои воспоминания в последние минуты жизни. Секунда смерти неизбежно растягивалась. Даже для Аластора это стало открытием. Умирание никогда не происходило мгновенно. Тело всегда страдало, а сознание ревело от отчаянья. На то, чтобы погаснуть у мозга уходило порой целые минуты, помноженные на вечность, и даже пуля в лоб не ускоряла их.

Потом были солдаты янтарной армии. Пулевые ранения приносили собой страшный огонь в последние секунды. Тело отчаянно сопротивлялось, боролось, отказывалось поддаваться так легко, но всякий раз они оказывались бессильны, ломались и падали на твёрдый пол. Раз за разом, раз за разом. Аластор пообещал себе выдержать всех их, прежде чем попросить у смерти отдышаться, но он сбился со счёта, скольких из армии Акрополя успел положить за последнее время.

Пули — словно мухи. Головокружительная скорость, с которой наступал конец. Ещё и ещё. Свёрнутая шея. Ощущение свербящего неприятия. Его тело становилось раз за разом искорёженным, дырявым, истерзанным. Все они — просто игрушки для Цербера, тогда зверь не вёл им счёта, Аластор — тоже, но теперь ему пришлось осознать сколько было тех, кого он уничтожил.

Снова расстеленное до горизонта полотно Белизны. Холод и тошнотворный страх. Со стороны они казались такими обезличенными, наряженные в янтарные формы деревянные солдатики. На деле у каждого из них была своя история, своя судьба, целая жизнь, которая резко обрывалась. Повторяющееся раз за разом чувство обретения конца. И этот протест, это неприятие — Аластор никогда не испытывал страха перед смертью, а теперь переживал его десятки раз подряд. Если бы они застрелили его там — если бы только у кого-то из них хватило на это зубов, Аластор бы умер без сожалений, он тогда искал смерти, звал её, а она не приходила. О нём бы никто не вспомнил, ничего бы не перевернулось в мире, но теперь, снова и снова проваливаясь в сугробы Белизны, каждый раз он ощущал, как крошится вселенная, как друг за другом приходят концы света. Словно фейерверк из сотни маленьких «Пандор».

Битва возле поезда, кажется, наконец, завершилась. Он не выдержал: *Персефона, дай мне минуту...*

Она прервала свою экзекуцию. С задором посмотрела на него: «Уже готов сдаться?»

Нет... дай мне немного времени.

«Мы даже не дошли до того периода, когда ты работал смертью».

Я знаю. Мне нужно немного отдохнуть.

Она согласилась. Задумчиво смотрела на него, словно хотела испытать, на что ещё он способен.

«Тебе интересно узнать, скольких всего ты убил за свою жизнь? — спросила она. — Хочешь знать, через сколько тебе ещё придётся пройти? Может, лучше сразу отказаться?»

Я — калека, Персефона, — ответил ей Аластор. — Когда ты хромаешь на одну ногу и тебе надо подняться по лестнице, самое главное — не смотреть вверх, иначе не сможешь идти. Ты смотришь под ноги... и медленно взбираешься.

Она довольно улыбалась. Подождала ещё немного. «Готов продолжить?»

Да... пойдём, — согласился Аластор.

И они пошли дальше. От уже пережитого наёмник и забыл, что ещё ждало его впереди, кто должен был стать следующим. И тут он почувствовал страшный жар и тёплые объятия смерти у себя в груди.

Алкиона... — прошептал он.

Она была так слаба, теряла сознание, падала в круговорот своего скорого конца. Аластор прошёл чуть дальше необходимого, он понимал, что от этого будет только больнее, но ему ужасно хотелось дотронуться до неё, понять её, прочувствовать, он был согласен вынести большую боль лишь ради того, чтобы облегчить её мучения, не столько физические, сколько сердечные.

Алкиона, с ними все будет хорошо... — прошептал он.

Этот горячий лихорадочный страх. Высокие волны алой агонии. Шершавые языки лживого сна. Скоро она провалится в него, окажется взаперти. Эта поработавшая слабость. Лавина, что скроет её под собой, но ещё долго не отпустит.

Вдруг смерть резко вонзила пулю им в голову. Быстро, молниеносно, пронзительно. Ещё больший жар, только теперь проходящий прямо через лоб, порождающий такие страшные саднящие ожоги.

Всё сейчас закончится. Я найду их, я позабочусь о них. Они будут жить, — сказал он ей, сказал самому себе.

«Она не услышит тебя», — холодно изрекла Персефона.

Я хотел ей помочь. Не хотел убивать её просто так...

«Никакой разницы для меня, — ответила смерть. — Не нравится — уходи сейчас».

Нет. Я пойду до конца. — Упорно повторил Аластор. — *Кто там дальше? Манतिकор?*

Едва он успел спросить, как вновь оказался в том подвале. Хаос жуткого безумия, желание идти прямо навстречу гибели. Они стояли лицом к лицу, держали револьверы под челюстью. В нём трепетало предчувствие. О, как он хотел смерти! Как он ждал её... ждал чего-то возвышенного, исполненного смыслом. Чтобы всё было правильно, чтобы они оба пали одновременно. Манतिकор обожал Аластора, он любил его всеми осколками своего разбитого сердца. Он хотел стоять с ним плечом к плечу. Хотел, чтобы они убили друг друга, чтобы сделали это вместе, чтобы объединили свои судьбы в едином броске в пропасть.

Выстрел. Неожиданный. Предательский. Странное осознание подножки, подставы, обмана. Беспомощность. Всегда эта зудящая беспомощность. Он упал сразу, упал прямо навстречу смерти и провалился в её кипящий чан.

Я смогу найти его в Аиде? — спросил Аластор, оторвавшись от Манतिकора, когда всё завершилось. — *Он серый? Где он?*

Персефона задумалась на миг, словно проверила невидимые списки.

«Нет. Он сразу ушёл в Тартар, — ответила она. — В его жизни не было жалости. Он просто убивал».

У него не было выбора. Так же, как и у меня, — возразил Аластор.

«У каждого есть выбор. И он свой сделал».

Они шли дальше и дальше. Аластор видел их всех. Видел старика у вокзала — отца Лаэртеса, сумасшедшую Лиссу, мальчика-газетчика. Он чувствовал каждого из них. Раз за разом, чувствовал на себе их боль, иногда покорное смирение, но чаще всего нежелание и непонимание. Страх. Постоянный страх перед смертью и всегда этот нелепый вопрос: «И это конец?», он не успевал прозвучать в их умирающем сознании, но Аластор успевал услышать то, как он поднимался откуда-то изнутри. Были бесчисленные бедняки, бродяги, проститутки, полёгшие от руки Убийцы Обреченных. Иногда он просил смерть остановиться, но больше она не предлагала ему прекратить. Они прошли с ней рука об руку сквозь «Чёртово Колесо» и несколько сотен тех, кого он убивал в «Скиесе», казалось, им не будет конца. Аластор не помнил уже и половины своих жертв, и уж точно тогда не мог представить, каково им было умирать. В те годы он был моложе, он воспринимал убийство, как своё ремесло, и никогда не сожалел о содеянном.

«Ты чувствуешь раскаянье сейчас?» — спросила его Персефона.

Да... — он едва находил в себе силы отвечать ей. — *Я признаю твоё главенство.*

«Это ни к чему. Для меня важнее, чтобы ты признавал свою вину». Она проводила его вперёд и вперёд, всё чаще позволяя отдыхать. Аластор знал, что с ним ничего не случится. В конце концов, он был уже мёртв. Значит, ни одна усталость не могла вылиться в пагубные последствия. Но он чувствовал, как слабел. С каждым разом переживать их смерти становилось всё сложнее. В конце концов, они добрались до его первой жертвы — до связанного человека в «Скиесе».

Я посмотрел ему в глаза, — вспомнил он. — *Но ему от этого было лишь страшнее. Он видел, что его убивает ещё мальчишка. И он не мог смириться с этим поражением.*

«Теперь он тоже мой, — ответила Персефона. — Смерти позволено убивать любого».

Я испугал их всех? — спросил он. — *Теперь все закончится? Ты откроешь мне двери в Элизий?*

«Ещё не все. — Сурово отозвалась она. — Остался один. Твоё первое убийство».

Бред! — заявил Аластор. — *Я не убивал до «Скиеса» никогда. Это и был первый.*

Она тихо засмеялась.

«Может, ты и не до конца вернул себе память. Может, ты сам убедил себя в этом. Но меня ты провести не сможешь».

Сцена выросла перед ним. Старая сцена, из такого глубокого прошлого, которое Аластор точно предпочёл забыть ещё при жизни.

Сначала, ещё до того момента, как Аластор понял, где находится, он увидел тело женщины, распростёртое на полу. Она лежала неподвижно на одном боку, вся покрытая ударами, бессчётными кровоподтёками, но лежала она мирно, не дышала уже какое-то время. Он возвышался над ней. Он был пьян и держал в руках ножку стула, отбросил её в сторону, отошёл от тела. Аластор не чувствовал в нём ни капли сожаления, лишь пустоту и страшную усталость. Мужчина, в котором он находился, подошёл к столу, внутри него свербела дрожь, и он хотел успокоить её сигаретой. Тут Аластор содрогнулся от увиденного. Перед ним лежал старый портсигар с аквамариновыми камнями на крышке. Мужчина достал из него сигарету и закурил.

«Теперь вспомнил?» — спросила Персефона, но Аластор не нашёл, что ей ответить, он мог лишь следить за сценой, сидя внутри своей первой жертвы, глядя на мир её глазами, ощущая всё так же, как и она. «Это было очень глубоко внутри твоей памяти. Теперь я тоже это вижу, — сказала Персефона. — Но если хочешь пройти очищение, ты должен отдать его убийство мне».

В подвале горел огонь. Он всегда гнал там самогон. Иногда продавал, иногда пил сам. *Что она сделала ему? За что он убил её?* — спросил Аластор, едва находя в себе силы оставаться в теле этого человека, от отвращения ему хотелось сбежать отсюда.

«Это не твоё убийство, а его, — холодно ответила смерть. — Если тебе интересно, он ушёл за него в Тартар».

Там ему и место! — прорычал Аластор в ответ.

Потом он увидел себя. Ещё совсем ребёнка, сколько ему было тогда? Пятнадцать? Может, меньше? Аластор мог находиться в двух сознаниях одновременно. Он был пьяным мужчиной, убившим свою жену, и он был ещё совсем мальчиком, только что потерявшим мать. И он чувствовал его гнев, его яростную ненависть, неуправляемого зверя, который пробудился в нём в тот вечер. Теперь он точно знал. Вот как Цербер появился на свет. «Скиес» вскормил его, научил охотиться, но породил его только этот человек. И это была лишь его вина.

Останови это, Персефона! — потребовал Аластор немедленно. Он видел, как близко было убийство. Он вспомнил эту сцену от начала и до конца, именно так, как она происходила, именно так, как она снилась ему в кошмарных снах не один год после этого.

«Ты через столько прошёл. Ты не можешь отступить сейчас, — строго сказала она. — Отдай мне свой грех, и я отпущу тебя».

Нет! Ни за что! Нет! — закричал Аластор.

Мальчик поднял одну из бутылок, разбросанных на полу. Он кинулся к мужчине. Им правила ярость, сиюминутное решение, перечеркнувшее его жизнь после этого, заставившее сбежать из дома, скитаться по улицам, воровать... всё ради того, чтобы попасть потом в лапы Гектора и стать его золотым чудовищем.

«Аластор, смирись, ты не можешь попасть в Элизий, не испытывая раскаянья за своё

убийство».

Мне не нужен Элизий, если ты отберёшь у меня это! — разозлился он. — *Ты что, не видишь! Он убил мою мать! Он заслужил это! Заслужил умереть от моей руки!*

«Твой грех останется на тебе. Грех за его смерть. Тебе нужно отпустить его, если хочешь измениться».

Мне ничего не нужно, слышишь? Я отказываюсь от твоего очищения! Это сделал я, это моё убийство!

Мальчик разбил бутылку о край стола... ещё секунда, и он совершит то, что должен. Сколько решительности в глазах, полыхающих огнём, как эпицентр ядерной бомбы. Сейчас она разорвётся, и мальчик никогда не будет прежним. Теперь он вспомнил. Это и была точка отсчёта. День, определивший его навсегда.

«Аластор... — голос Персефоны звучал отчаянно. — Ты останешься обречён только из-за своего принципа. Он все равно уже мёртв. Что это меняет?»

Меняет все в корне! Я убил своего отца, и я поступил правильно!

Он занёс разбитый край бутылки для удара и вонзил в щетинистое горло. Аластор уже был готов ощутить, как стекло врезается в кожу, рвёт её, выпуская кровь наружу, но этого не произошло. Он оставался этим мальчиком. Он оставался собой. Он вонзал и вонзал разбитое горло бутылки. И ощущал слёзы и горячую кровь на своём лице. Это тоже было сродни опьянению, гнев полыхал в голове, сердце стучало так громко, как никогда раньше. Он чувствовал дичайшее, сбивающее с ног ощущение освобождения. Сладкую, почти приторную месть, где-то во рту, он давился своим превосходством, видя, как мужчина скатывается на пол, ещё шевелится, но недолго. Он не останавливался, всё бил и бил его разбитой бутылкой, и Кербер выл, рычал, вопил в его душе от непревзойдённого восторга.

Смерть шагнула в сторону, не произнося ни слова. Всё вдруг развеялось. Мальчик, стоявший над телом своего отца, пропал. Они вернулись к краю реки. Никого из душ видно не было, они остались одни, и Аластор не мог найти в себе сил удивиться этому. Он чувствовал невероятную слабость и дикую боль в ноге. Сел на траву, достал портсигар, долго рассматривал его, затем всё же открыл, взял последнюю сигарету и закурил.

Персефона стояла рядом. Вид у неё был равнодушный, но нотка разочарования всё же проскальзывала в бездонных глазах.

— Ты осуждаешь меня? — спросил он, боясь посмотреть в её сторону.

— Я — смерть, а не судья. — Ответила она ровно. — Ты сделал свой выбор.

— Он был не человеком. Просто скотом, — ответил Аластор, выпуская дым и глядя, как тот напряженно повисает в воздухе густой тучей. — Он должен был умереть от моей руки. По-другому неправильно. Это убийство я тебе не отдам никогда. Оно было полностью моим. Это не «Скиес», это не выживание, не мои глупые попытки найти смысл жизни. Он должен был умереть, и я это сделал.

— Твой выбор. — Повторила она отрешённо.

— Что теперь, Персефона? — спросил Аластор только после того, как докурил сигарету до конца и бросил в упругую траву. — Мне идти пить воду из той реки? Я бы с удовольствием выпил за его здоровье. Или ты дашь мне немного времени побродить здесь и пообщаться с тенями?

— Здесь нет времени. — Сказала Персефона. — Ты уйдёшь в Тартар, как того и заслуживаешь. Одно убийство остаётся убийством.

— Скажи мне сначала, как сестры? — попросил он. — С ними все хорошо?

Персефона отвела глаза в сторону. Не хотела отвечать.

— Всё будет так, как было запланировано, — упрямо сказала она. — Скоро одна из них присоединится к тебе.

С самого утра дирижабль швыряло от резких порывов ветра. Казалось, что они влетают в какой-то новый воздушный поток. Ника не покидала кресла пилота, пытаясь выровнять судно, но все её попытки были тщетны. Вдруг Вестания пришлось схватиться за ручку кресла. Внезапный толчок сменил курс дирижабля, и тот пошёл на снижение.

— Мы на месте, — объявила Ника голосом, в котором скопилось слишком много эмоций для того, чтобы выделить какую-то одну.

Вестания бросилась к ней. За лобовым стеклом их взгляду открылась огромная скала, полая внутри. Чем ближе они приближались, тем глубже казалась пещера, вскоре стало возможным рассмотреть разные уровни, на некоторых остались следы пребывания людей — звериные шкуры, остатки старых палаток, оленьи рога, подвешенные на стенах пещеры. Только людей видно не было.

— Это Уракулис. — Пояснила Ника. — Вернее, зимняя стоянка Блуждающего города. Тут дирижабль опять повело в сторону, и Вестания чуть не налетела на Теру от толчка.

— В порядке? — спросила она сестру. Та кивнула в ответ и тогда Веста взяла её за руку. Так они и стояли вдвоём, глядя, как подлетают к своей мечте. Страх, смешанный с необъятной радостью. Предвкушение вкупе с опасением. Восторг и неуверенность. И лишь неизвестность.

Вестания обняла Теренею и могла думать лишь о том, что они добрались сюда. Уже не важно, с кем они начали этот путь... они вместе, и они...

Аластор... — вновь повторила она. — *Мама... спасибо вам. Без вас мы бы никогда сюда не добрались.* Ей хотелось благодарить всех — живых и мёртвых, тех, кто стоял рядом с ней, и тех, кого уже давно не было в известном ей мире. *И тебе тоже, Серый,* — добавила она, зная, что и он купается во всех этих эмоциях, именах и нескончаемом водовороте мыслей, который порождала близость Океании. *Мы с тобой дошли сюда. Сколько мы вместе? двенадцать лет?*

«Неразлучно», — подтвердил он.

И теперь у самой цели...

Как только «Икар» приземлился, Ника тут же вскочила с места и бросилась к дверям. Вестания не знала, что делать, потому взяла сестру за руку и потянула туда же.

— Держитесь. Лёгкой посадки не обещаю. — Сказала Ника, потянув за рычаг.

«Икар» ушёл вниз носом вперёд, заметно накренившись. Вестания вцепилась в поручень и почти повисла на нём вместе с сестрой. С пронзительным звоном и грохотом на кухне посыпалась посуда и прочая утварь. На миг Веста испугалась, что они разобьются, но в последний момент «Икар» выровнялся, чтобы затем врезаться в заледеневший снег. Вестания и Тера рухнули на пол, не выдержав толчка.

Сказка завывала от ужаса в гостиную, а потом пронзительно залаяла. Прошла почти минута, прежде чем Вестания нашла в себе решимость подняться на ноги.

— Все целы? — Оглянулась к сёстрам Ника. Она выглядела совершенно непринуждённо.

— Видимо, да... — Тереня растерянно осмотрела себя.

— Одевайтесь. Пошли. — Решительно сказала Ника, после чего накинула на голову капюшон своей зимней куртки.

Снаружи действительно бесновался ледяной северный ветер, но после многих дней в кабине аэростата, Вестания почувствовала, как мороз очищает мысли и поднимает её боевой дух. Удивительно, что совсем недавно этот ветер чуть не стал погибелью для неё. Но как же хорошо было добраться до конца пути! Особенно, вместе с сестрой. Встретить Нику было удачей, о которой они не могли просить.

И она покажет нам дорогу. Она знает, как туда попасть.

Ника со знанием дела провела их пустой внутрь пещеры. Скала изнутри действительно походила на целый город, вот только...

— Куда делись жители? — спросила Тереня. Она немало вдохновилась рассказом Ники о северных племенах, и ей не терпелось познакомиться с ними.

— Должно быть, ушли в Океанию. — Ответила Ника. — Я бы поступила именно так на их месте.

Они шли за своей проводницей всё глубже и глубже, пока не достигли очень узкого туннеля, в котором им приходилось протискиваться внутрь. Вскоре проход сузился так сильно, что даже маленькой Теренее пришлось идти боком и, чуть прижав голову. Сказка отказалась следовать за людьми вглубь скалы. Сколько Тера не упрашивала собаку, та вскоре посеменила назад в широкий зал.

— В пещерах живут летучие мыши. В подземных реках водится рыба. Она не пропадёт.

Тера едва не плакала, но, должно быть, понимала, что не сможет увести с собой собаку через силу.

В конце туннеля они добрались до тупика, который заканчивался чёрной узкой дырой в стене.

— Это и есть «курчен тар». Туннель смерти. — Сказала Ника, разглядывая лаз с ужасом. — Нужно считать до пятнадцати, пока ползёшь. Ровно на счёт пятнадцать нужно вылезти на другой стороне.

— А если не получится вылезти? — с ужасом спросила Вестания.

— Вылезешь на этой стороне. И да, не спрашивай. — Остановила её Ника. — У меня были некоторые... сложности с этим местом. Наверное, в этот раз будет чуть проще. Лучше ползите вперёд, я пойду последней.

Вестания и Тереня переглянулись. Ей было страшно за сестру, но выбора у них не было. Дорога была только одна и вела вперёд.

— Неужели это то, как можно преодолеть разницу в пятнадцать секунд, разделяющих миры? — воскликнула Тера.

— Да. — Ответила Ника. — Если храм — это междумирье, то туннель — граница последний порог. Считайте достаточно медленно, чтобы прошла ровно секунда между счётом. Не слишком долго, не слишком медленно.

— Я пойду первой. — Сказала Вестания Тере. — Ты ползёшь следом за мной.

— Хорошо, — согласилась младшая, с ужасом поглядывая на чёрный беспроглядный лаз.

Вестания и сама испытывала смешанные чувства, глядя в эту воронку ужаса. Что ж, уже вызвалась идти первой.

«Будь осторожна, — посоветовал Серый. — Законы мира могут быть против того, чтобы

ть входила в другой мир. Они могут попытаться остановить тебя, не дать пролезть».

Меня или тебя?

«Не знаю. Может, нас обоих».

Вестания глубоко вздохнула, чтобы успокоить сердце. Ничего, она точно справится со всем, что её ждёт. Главное не напугать своей реакцией Теренею. Веста ободряюще поцеловала сестру в макушку, когда та приникла к ней.

— Ползи сразу за мной, — сказала она младшей. Та покорно кивнула.

Глаза Теренеи — такие огромные тихие озёра в рассветном утре. Сколько же любви в них таилось, сколько чистоты и открытости. Ведь только благодаря ей, они дошли так далеко. Это Теренея хотела попасть в Океанию, это она их привела — сила её большой веры. Её сестра была свечой в непроглядном лабиринте Некрополя, островком чистого неба в тяжёлых атомных тучах, пятном ярких красок посреди Белизны. Вестания вдруг поняла — Теренея была противоположностью всего, что уничтожало Эллас, она была самой жизнью.

Вестания решила: она обязательно дойдёт до Океании вместе с Теренеей, ни один туннель не остановит её на этом пути.

Мы справимся, Серый. — Сказала она призраку и бесстрашно протиснулась в щель.

Раз.

Туннель внутри был чёрным и сырым, нижняя его стенка была покрыта талым снегом из-за чего руки и носки ботинок неизбежно скользили.

Два.

Вестания не видела ни зги. «Курчен тар» также отрезал и любые звуки, ей показалось, что она провалилась в нору без дна и сторон света. Космический вакуум, в котором не существовало никакой материи вовсе.

Три.

Главное не сбиться со счёта. Она слышала только своё дыхание, напористое и рваное. Ползти было тяжело и довольно страшно. Веста представила, что будет, если она застрянет здесь. Ведь в этом случае, застрянет и Теренея тоже. Это ведь она велела ползти следом за ней.

Четыре.

Казалось, что в туннеле действительно можно потеряться. Секунды, которые она считала, оборачивались долгими минутами. Ей бы очень хотелось позвать хотя бы Серого, но она боялась сбиться со счёта.

Пять.

Колено упёрлось в выступающий острый камень. Кажется, ободрала об него ногу, но останавливаться было уже нельзя. Слишком многое зависело сейчас от Вестании, она просто не имела права сдаваться.

Шесть.

Однако чернота и духота туннеля давили на неё психологически и давили невыносимо. Её отравляла мысль о том, что она не видит никакого просвета впереди. С её перспективы туннель казался бесконечным, а ещё казалось, что он неизбежно сужается.

Семь.

Она помнила, как страшно ей было, когда они ползли по туннелю, ведущему в Некрополь, но он не шёл совершенно ни в какое сравнение с «курчен таром». Туннель смерти, казалось, высасывал из неё всякую надежду. Она была готова заплакать.

Восемь.

Слёзы уже подкатили к горлу и сжали его своими колючими терниями. Она же знала, что никогда не сможет спастись. Теренея — да. Она была достойна спасения, но не Вестания.

Девять.

Не Вестания, носящая в своём сердце тень. Самый худший и самый страшный из возможных вариантов. Это ведь означает, что её душа достаточно тёмная, чтобы принять в себя горсть зла. Это означает, что она никогда не попадёт в Элизий. И в Океанию тоже и вообще...

Она взорвалась слезами, пропустив ещё один рывок вперёд по туннелю. Весте уже показалось было, что она проиграла, сбившись со счёту, как вдруг в её голове донеслось поспешное:

«Десять».

Серый изо всех сил толкнул её тело вперёд. Против своей воли она переставила руку дальше по туннелю. Нога оттолкнулась и протянулась вперёд вне желания Вестании.

«Одиннадцать».

Вестания смутилась, но сил сопротивляться у неё не было. Она продолжала ползти, вернее, Серый продолжал толкать её вперёд до тех пор, пока она не смогла выровнять дыхание и собраться с духом.

«Двенадцать».

Двенадцать.

Сосчитали одновременно. Это было странно. Вестания уже примирилась с присутствием Серого в своей жизни, но вот то, что он будет так откровенно помогать ей вызывало в ней удивление. Она была рада внезапной поддержке.

«Тринадцать».

Тринадцать.

Продолжили они счёт. Теперь Веста и сама могла ползти вперёд. Ей показалось, что какая-то высшая сила недовольна сложившейся ситуацией. Что-то в туннеле противилось её успеху. Что-то пыталось удержать её. Но вдвоём с Серым они справились.

«Четырнадцать».

Четырнадцать.

Сердце наполнилось проникновенным теплом. Странно, она научилась доверять Аластору. Она нашла в себе место для любви к нему. Она смогла принять свою сестру, которая вот уже одиннадцать лет вызывала в ней только раздражение. А теперь Серый. Почему-то ему тоже хотелось довериться. И Нике тоже. Вестания успела обжечься об людей на этом пути, но в самом конце оказалось, что её окружают друзья. Это было приятно. Чувство плеча.

«Пятнадцать».

Пятнадцать!

Они выбрались на свежий воздух, и Вестания тут же распласталась на снегу. Она пыталась отдышаться, но чувство триумфа преобладало. У них действительно получилось!

Придя в себя, Вестания оглянулась и увидела его... место, куда они так хотели попасть.

Только посмотри на это, Серый, — подумала она. Огромные, взвивавшиеся к самым небесам, пики древних столбов словно пронзали реальность. Каждый камень выдыхал вечность, заточенную посреди отменённых земель в том месте, где смыкалась спираль, где, казалось, время уже опережало реальность на пятнадцать секунд. Они стояли прямо там, где

должны были быть. *Мы искали её. Мы нашли её.*

Вдруг из лаза вылезла Тереня. Она действительно ползла следом за Вестанией, не прошло и минуты, как Тера стояла рядом с ней.

— Как ты? — спросила Вестания обеспокоенно.

— Нормально, — улыбнулась младшая. Было немного страшно по началу, но... ничего особенного на самом деле.

Конечно, её сердце чистое. С ней ничего страшного не случилось бы.

Нику им пришлось подождать. Кажется, ей тоже «курчен тар» давался с трудом, впрочем, она сказала об этом у входа в него. Наверное, музе пришлось сложнее, чем Весте. Когда она вылезла, то рухнула на снег и ещё долго вытирала лицо о снег. Вестании даже показалось, что та не в себе, но как только она хотела предложить помощь, Ника сразу же очнулась и поднялась с земли.

— Всё в порядке, — заверила она Вестанию. — Просто... не люблю этот коридор.

Как только Ника оклемалась, она немедленно побежала вглубь развалин, куда-то к центру древнего строения. Девочки последовали за ней. Они были в состоянии невероятной эйфории. Вестании хотелось смеяться, хотелось вновь ощутить себя маленькой девочкой, может, такого же возраста, как Тереня, быть беззаботной, быть свободной, потому что теперь всё будет хорошо. Ей хотелось обнимать сестру, хотелось обнять Нику, а может, даже и Серого, если бы это было возможно.

— Что теперь, Ника? — спросила Тереня, когда они, наконец, остановились у огромной плоской плиты с незнакомыми им символами.

Ника с задумчивым видом взошла на помост, подошла к самому его центру, с интересом оглядывая камень и древние письмена. Потом, наконец, оглянулась и посмотрела на них. Тут у Вестании остановилось сердце. Она замерла на месте, не добежав до плиты, загородила рукой дорогу Теренее.

Что происходит, Серый? — спросила она, едва успев понять, что по неосторожности они все успели ступить в ловушку.

В глазах Ники застыли слезы, но взгляд не выражал радости, это было отчаяние, стыд, раскаяние, смешанные воедино. Глаза были красными. Ника выглядела подавленной. Вестании вдруг захотелось сбегать, но тут муза вынула руку из кармана и направила на них дуло «агоназа». *Как он оказался у неё? Где он был? Что происходит?* — но Серый не успел ответить на её вопросы, когда Ника заговорила.

— Простите, девочки... — странно, но извинение прозвучало искренне. — Я не была с вами полностью откровенна...

— Ника... — воскликнула Тереня, но не смогла закончить фразу.

— Сложите оружие. — Приказала она. — Всё, что есть... трость с клинком, ваши сумки с ружьями... всё.

Вестания, молча, разоружилась. Она не могла понять, что происходит и почему.

— Это ловушка? Что вы хотите от нас? Почему? — сумела пролепетать она.

— Прости, девочка, но да... это была ловушка. — Призналась Ника. — Но поступить иначе я не могу.

Глава XIX. Асфодель

558 день после конца отсчёта

— Что значит: «присоединится»?! — разозлился Аластор. — Ты хочешь сказать, они в опасности?

Её взгляд был полон присущего ей равнодушия.

— Это всегда одна и та же история, Аластор. — Сказала она спокойно. — История о самопожертвовании. Все истории мира всегда только об этом.

— Отпусти меня туда, — потребовал он. — Я должен всё исправить, я могу их спасти!

— Ты уже ничего не можешь! — отозвалась смерть грозно. — Право ходить между мирами есть только у одного существа.

— У кого?

Смерть посмотрела вдаль, за его плечо и кивнула ему в ту сторону. Он обернулся, проследил за её взором и увидел вдалеке уже знакомый ему силуэт мальчика.

— Он давно уже здесь. Присматривает за тобой, хочет, чтобы с тобой всё было в порядке, но боится подходить близко. Он думает, ты злишься на него.

— Кто он? — спросил Аластор, не понимая, что происходит. Мальчик всё так же стоял вдалеке, крошечная фигура на горизонте, так что невозможно было рассмотреть черты.

— Сам не догадаешься? — спросила смерть. — Позови его.

Аластор поднял руку и помахал ею. Несколько мгновений силуэт не шевелился, потом вдруг переместился, стал немного ближе, если в Аиде и могло существовать расстояние.

— Асфодель?! — воскликнул Аластор, увидев белоснежные кудри и отчуждённое выражение лица. Он хотел подойти к нему, но стоило сделать шаг, как мальчик опять отдалился, а затем и вовсе пропал из вида. — Как он здесь оказался? — спросил Аластор у Персефоны, которая с задумчивым видом не сводила глаз с чёрных вод реки. — Почему ты сказала, что он меня боится?

— Его настоящее имя — Орфей. — Ответила Персефона без особого интереса. — Ты мог, наверняка, слышать легенды о нём в детстве.

— Орфей и Эвридика — двое детей, что искали Океанию, — вспомнил Аластор. Е в детстве он не знал сказок. Эту ему рассказала Тереня, когда они ехали в поезде. — Эвридика умерла, и тогда он отправился за ней в царство мёртвых. А потом они оба нашли дорогу в Океанию.

— Это детская сказка, — кивнула она. — В реальности всё было не совсем так. Орфей сделал то же, что и ты, чтобы попасть сюда. Позволил теньям поглотить свою душу. Он специально пронёс с собой часы, чтобы суметь вернуться, но по дороге сюда ему нечем было заплатить Харону за проезд, потому ему пришлось плыть по Стиксу, реке раскаянья, которую ты уже видел раньше. — Объяснила смерть. — Часы сломались. Тогда он стал искать способ починить их. И он провёл много... очень много времени на Асфоделевых полях, пытаясь наладить механизм. Память то и дело покидала его, тогда он просто бродил среди прочих душ. Он всё продолжал бороться за свои воспоминания, пока вконец не потерял себя. В конце концов, ему удалось починить часы, тогда он нашёл меня. — Она выдержала паузу. — Его волосы побелели за ту вечность, что он провёл тут. Он просил меня вернуть девочку к жизни, и я согласилась, но лишь с условием...

— Ты говорила, никто не может вернуться! — перебил её Аластор. — Я видел его там, в

мире живых.

— Я была моложе тогда. И мне стало жаль его, — объяснила смерть. — А в ту пору я как раз готовилась уснуть вечным сном. Эвридика вернулась. Она сумела отыскать Океанию, но не Орфей... его я сделала своим посредником между мирами. Я позволила Орфею вершить мою работу. В мире живых его стали называть Асфоделем за его белоснежные волосы. Очень долго он появлялся на полях боя, на войнах, у изголовий умирающих, и он уводил их души ко мне. Когда его срок службы был завершён, я позволила ему оставаться в обоих мирах одновременно. Сейчас я вижу, что он заинтересован в тебе.

— Почему он меня боится? — спросил Аластор.

— Он считает, ты умер по его вине. Он хотел изгнать ту тень, потому и вошёл в лес. К сожалению, девочка и ты пошли следом за ним. Потом всё вышло так, как вышло...

— Если ты вернула Эвридику, это значит, ты можешь спасти и меня... и сестёр тоже! Я прошу: помоги им...

— Этого нельзя больше делать, Аластор. — Сказала смерть грустно. — Ты видишь, что стало с Орфеем? Когда я преступаю правила, мир крошится на части, теней становится ещё больше. Несколько раз я уже меняла порядок вещей и пообещала себе, что это не должно повториться. Чтобы выпустить Эвридику, я создала ту щель, что ты видел. Тени вскоре нашли её. Потому и начался конец света. Потому ты и умер. — Она погрустнела. — Каждое нарушение правила ведёт к тяжёлым последствиям. Я больше не могу этого делать.

Только теперь Аластор увидел, насколько усталой выглядела Персефона. Властительница мира живых и мира мёртвых — она больше не могла нести весь этот груз на себе. Она предпочла вечный сон — то же забвение, что и чёрные воды реки.

— Могу я хотя бы взглянуть на них? — спросил Аластор.

Смерть отвела его назад, на опушку с белыми цветами, странно, но теперь в том месте, где она спала, была небольшая лужица черной, как беззвёздная ночь, воды. Персефона подошла к воде, присела возле края и провела рукой по гладкой поверхности.

— Только недолго, — сказала она обеспокоенно. — Потом ты обещаешь мне уйти в Тартар.

— Я согласен, — кивнул Аластор.

Смерть жестом пригласила его к краю воды. Бывший наёмник медленно подошёл к кромке, и стоило лишь оказаться прямо над ней, как в мрачной поверхности отразился заснеженный пейзаж с высокими заледенелыми столбами.

— Что происходит? — потребовала Вестания. — Это Океания? В неё, правда, можно попасть? Что вы от нас хотите?

— Это — вход в Океанию. — Подтвердила Ника. — Мы были здесь с Эльпис несколько лет назад. И мы нашли способ попасть в неё. Но тогда не смогли этого сделать... понимаете, на всё есть плата. Плата за вход в Океанию — жертвоприношение. Ни я, ни Эльпис не могли пойти на такое, а сейчас... когда всё поменялось... — Она заплакала, но не вздрогнула, не убрала пистолета. Свободной рукой Ника влезла в карман и изъяла из него маленькую стеклянную колбу. — Эльпис отдала мне это. Свою кровь. «Если нужна капля крови, чтобы спастись, возьми меня», — сказала она. — «Возьми и будь свободна за нас двоих. Будь жива за нас. Будь крылатой». Я долго не могла примириться с мыслью о том, что Эльпис придётся

умереть за меня. Потом я нашла вас. — Её лицо переменилось, волна уверенности захлестнула его. — Ничего личного... мне жаль, что так нужно... но я не могу убить Эльпис. Если её кровь прольётся над этим алтарём, она умрёт. — Пистолет вдруг взвился выше, уставился прямо на них двоих. — Мне не хочется быть предателем... не хочется стать злодеем в этой истории... поэтому я говорю вам: выбирайте сами. Одна из вас должна умереть. Я не хочу это делать... поймите, — Вестания видела слезы в её глазах, но как бы она ни старалась, не могла сопереживать ей сейчас. — Это лишь ради любви и ради жизни...

Тереня держала её за руку. Держала сильно. Тут произошло страшное, она почувствовала, как Тера отпускает её, чтобы шагнуть вперёд и вызваться. Вестании удалось опередить её. Она заставила сестру отступить назад, а сама загородила Теру.

— Это буду я. — Заявила Вестания и сразу почувствовала, как всё внутри холодеет от предчувствия скорой смерти. Словно, едва она успела произнести эту фразу, она уже начала умирать. И отступить было уже некуда.

— Вестания... — закричала сестра, схватила её за руку, обняла так крепко, как только умела, девушка едва не оступилась. — Не ходи туда, давай я лучше пойду! Аластор и так уже меня спас, так несправедливо, я не могу быть обязанной кому-то всегда за свою жизнь, я не хочу, чтобы теперь это была ты! Пожалуйста, Веста!

— Тера... — прошептала она и уже не могла удержать слёз. — У тебя ещё целая жизнь впереди будет. Ещё столько всего хорошего... — она хотела рассказать ей всё, поведать обо всём на свете, но слова никак не выстраивались в предложения, Вестания сумела лишь нагнуться к ней, поцеловать в лоб и прошептать сквозь плач: — Я люблю тебя...

Как давно она пыталась ей это сказать? Как долго не могла произнести такой простой фразы. Теперь это показалось ей сущим пустяком. Она знала, что поступает правильно. *Ради вас... мама, Аластор... ради всех вас...*

— Я тоже, Вестания... только не ходи, прошу! — Тереня тоже плакала, но нельзя теперь тратить время на прощания. Вестания пошла к алтарю.

Несколько шагов за сестрой Тереня ещё сумела сделать, но Вестания запретила ей идти дальше. Отпускать её руку было ужасно страшно, но только бы с ней все было хорошо.

Тебе, должно быть, тоже обидно, Серый? — идти на алтарь к Нике было непросто, ноги стали такими тяжёлыми, словно налились свинцом.

«Ты совершаешь ошибку», — отчуждённо ответил призрак. Его голос казался совсем безнадежным.

У меня нет выбора. Я не пушу туда Тереню.

«Нечего искать на той стороне. Я вижу, ты надеешься выбраться. Надеешься встретить его. Я чувствую даже те твои мысли, которым ты сама не отдаёшь отчёта. Там ничего нет. Только забвенье».

Ты даже не пытаешься меня остановить. У тенистого леса ты пытался.

«Слишком поздно исправлять. Она все равно убьёт тебя теперь».

Ты так и не вспомнил ничего. Мне жаль, что я не сумела тебе помочь. Что мы ничего не узнали про тебя.

«Ничего. Я был рад быть с тобой. Ты дала мне шанс прожить ещё одну жизнь...»

Прожить ещё жизнь... — повторила Вестания его слова. Интересно, как бы она прожила ещё одну жизнь? Может, после смерти была такая возможность? Некая реинкарнация, начало чего-то нового. Может, если она попадёт в Элизий, что-то такое произойдёт. Или она встретится с мамой и Аластором... а потом и с Фриксом... *Если они*

тоже в Элизии... — вспомнила она.

Ника ждала её. Не торопила, но Вестания и не смогла бы идти быстрее. Жаль было думать, что они попались в её ловушку. Только она начала доверять людям, как тут же дождалась предательства. С другой стороны, у них и не было выбора. Всё же, если бы не Ника, они бы уже давно были мертвы. Замёрзли бы в отменённых землях, а так хотя бы у Теры был небольшой шанс.

У самого алтаря муза протянула ей руку, чтобы помочь забраться. Вестания смерила взглядом эту ладонь и поднялась сама. Хотя бы умереть она хотела с гордо поднятой головой, хотела показать Нике, что не боится её.

— Мне не хочется этого делать, — повторила пристыженная муза.

— Вы всё равно это делаете, — холодно отозвалась Вестания.

Что теперь? Попытаться вырвать у неё пистолет? Убежать? Одержать верх? Она же уже один раз сумела сбежать... там, в Белизне, она ударила Аластора, сделала все так быстро, так ловко... «Серый! Помоги мне! Я знаю, что там тогда, это был ты».

«Сейчас в этом не будет смысла, — ответил он. — Ей есть за что драться. Она будет драться. Ты тоже это знаешь».

Да и стояла Ника слишком далеко, чтобы внезапно напасть на неё. Она отошла ещё немного в сторону к дальнему краю платформы, так, чтобы Вестания заняла место в центре.

Посмотрев на резную поверхность каменного алтаря, Вестания даже не удивилась, увидев на ней огромный рисунок спирали. *Если кровь прольётся в центре, она постепенно начнёт заполняться, — догадалась Вестания. — Интересно, хватило бы на этот обряд той крови, что дала Нике Эльтис?*

Она посмотрела вниз, туда, где осталась Теренея. А ещё ведь где-то в Ууракулисе осталась Сказка. Может, вместе с собакой Тера выживет? *Вот бы у них всё было хорошо...* — подумала Вестания. О том, что вот-вот должно было произойти, она думать не хотела. Теренея плакала, что-то говорила, но Вестания старалась не слушать.

— Готова? — тихо спросила её Ника.

Прощай, Серый...

«Ещё увидимся на той стороне, — отозвался он. — Если смогу, найду тебя».

Если... какое страшное слово, — подумала она и нерешительно кивнула Нике. А умирать больно? — спросила она напоследок.

«Я не помню», — отозвался Серый со скорбью.

Вестания зажмурила глаза, чтобы не смотреть на Теренею, чтобы не было так ужасно страшно и холодно, как-то совсем нехорошо холодно где-то внутри, у самого сердца, скованного страхом и предчувствием неизбежного конца.

Она ощутила, как Ника прижала к её горлу лезвие. Как это она раньше не заметила кинжал? Что лучше — умереть от кинжала или от выстрела? Надо было спросить у Аластора. Теперь уже слишком поздно. Может, ещё успеет спросить.

Сталь промчалась по коже. Глубоко. Пронзительно. Тут же Вестания почувствовала непреодолимое желание вдохнуть воздух, но это уже было невозможно. Она издала неприятный звук, схватилась руками за горло, сразу почувствовала горячую кровь на коже. Стало так тяжело стоять. Страх ещё пульсировал в голове, она увидела алую кровь повсюду, пришлось опуститься на колени. Где-то далеко визжала и кричала сестра. Вестании даже захотелось побежать к ней, утешить, обнять, знать, что с ней всё будет хорошо, но боль затмевала сознание и способность мыслить. Она слабела так быстро. Пыталась зажать

открытую рану, но ничего не получалось. «Самого ценного в руках не унести», — произнёс Серый странную фразу. Внезапно лицо стало холодеть. И кончики пальцев тоже стали холодеть, а всё вокруг постепенно меркло, оборачиваясь бесконечной спиралью, что постепенно забирала из Вестании все силы.

— Нет! Останови это!!! — закричал Аластор и, не в силах смотреть на эту сцену, в гневе ударил рукой по воде. Отражение передёрнулось ленивой рябью, но тотчас восстановилось. Прямо как сорванные цветы, он не мог менять этот мир.

На его глазах Вестания умирала. Сердце, если оно вообще могло биться, стучало в груди дикой болью. Как он понял, любые чувства в этом мире были лишь на уровне воспоминаний, как и в случае с болью в ноге.

— Я уже говорила, что не могу вмешаться, — ответила Персефона строго. — Она должна умереть. Значит, так будет. Так уже случилось. Это не просто убийство. Это жертвоприношение.

— Так не должно было случиться! Я должен что-то сделать!

— Тебе придётся смириться, — сказала Персефона. — Я не могу остановить жертвоприношение. Теперь жизнь девочки принадлежит музе. Я не владею ни той, ни другой. Ника попадёт в Океанию. Вестания и её тень — на Асфоделевы поля.

— Персефона, прошу! — повторил он отчаянно.

Смерть посмотрела на него грозно. На сей раз ей удалось заставить его замолчать одним только этим взглядом, полным презрения.

Аластор отвернулся от воды, не мог смотреть на умирающую Вестанию. Он чувствовал себя беспомощным. *Но, если время здесь и там идёт неодинаково, значит, ещё можно что-то придумать...* Тут внезапно его озарило.

— Время...

Он огляделся по сторонам. Как всегда, у самой черты горизонта стоял мальчик. Не сказав смерти ни слова, он устремился к нему.

— Асфодель! — позвал он. Мальчик не уходил дальше, но и ближе не подступал. — Асфодель... — тут он вспомнил рассказ смерти. — Орфей! — позвал он снова. Белая макушка слегка вздрогнула. Безучастный взгляд пронёсся мимо Аластора. — Орфей! Я не злюсь на тебя! — закричал он. — Пожалуйста! Подойди! Ты мне очень нужен.

Мальчик стоял вдалеке. Аластор пошёл к нему навстречу, и, к счастью, теперь он позволил к себе приблизиться.

— Орфей... прошу тебя, — Аластор задышался спёртым воздухом Аида, — Веста и Тера в опасности... я не могу попасть к ним, но ты можешь... ты должен им помочь... нужно остановить Нику. Они не должны умереть... слышишь? Асфо?

Серые глаза посмотрели на него. Впервые за всё это время Аластор действительно почувствовал на себе взгляд ребёнка, который видел, как вечность проходит мимо него, который брал за руки тысячи и приводил их сюда, в царство мёртвых. Его белоснежные волосы... он не мог постареть, но они всё же поседели. Сколько земного времени он провёл, пытаясь вспомнить, зачем пришёл сюда? Столетия? Целые эры? Кто теперь мог сказать, когда он родился на свет? Сколько концов света уже миновало с тех пор?

— Прощу... сделай то, что должен сделать я...

Асфодель, или Орфей, седовласый призрак в теле мальчика, взял его за руку и сжал её очень крепко.

Больше не потребовалась чёрная гладь воды. Они перенеслись вместе с ним прямо к разрушенному древнему храму, они стояли возле алтаря. Перед собой Аластор увидел Теренею, она сидела в снегу, плакала, заливалась слезами, но он не мог бы её утешить, он знал, что не сможет прикоснуться к ней. Наёмник чувствовал, что также и остаётся где-то на Асфоделевых полях, только одновременно ещё и стоит здесь, вместе с ними, стоит перед огромным алтарём со спиралью посередине, спиралью, по которой струится кровь Вестании. Он мог лишь смотреть. Асфодель отпустил его руку, а может, он и не держал её, держал не он, а Орфей, где-то в Аиде на лугу среди белых цветов.

Что-то страшное происходило на алтаре, и Аластор мог хорошо видеть всю сцену. Ника возвышалась над телом Вестании в самом центре огромной гранитной плиты. Вдруг, внезапно, она застонала и опустилась на колени в приступе боли. Несколько секунд (здесь он, наконец, мог чувствовать настоящее движение времени) она не переставала корчиться, а кровь пачкала её руки и одежду. Потом вдруг он услышал неожиданный звук, с которым порвалась её куртка. Из-за спины Ники вырвались два огромных крыла с длинными серыми перьями и распластались в стороны. Ника неуверенно приподнялась. Наверное, ей было пока не просто сохранять равновесие. Она неуверенно распахнула свои новые крылья, и ворох перьев и пуха осыпался с них. Девушка медлила, может, пытаясь привыкнуть.

— И я снова буду крылата... — прошептала она, но даже Аластор сумел услышать её слова. — За тебя, Эльпис... — произнесла она, взмахивая крыльями и, вместе с этим, подпрыгнув на месте.

Тут взгляды и Аластора, и Теренеи устремились вслед за ней в поднебесье, и, только они запрокинули головы, их глазам предстала удивительная картина. Где-то высоко-высоко небо сливалось с морем, так, что можно было заметить неторопливое колыхание волн. Океания ждала их где-то там. Настоящая, в неё можно было попасть, миновав последнюю границу.

Видимо, первая попытка закончилась неудачно. Ника не сумела поймать поток ветра, а может, ещё не научилась летать, а потому упала в снег, рядом с алтарём. Однако теперь ничто не могло остановить её. Она вновь расправила серые крылья в стороны и опять взмахнула ими.

Тут Асфодель вдруг сорвался с места. Он перешагнул тонкую плёнку разделявшую мир мёртвых и живых. Уже в реальном мире, мире, где Вестания умирала на Алтаре, Теренея стояла потерянная, а Ника взлетала навстречу Океании, появился мальчик с серебряными волосами. Он подхватил трость Аластора, что лежала в снегу, и подбежал ближе к алтарю.

Ника обернулась на него, едва почувствовав движение рядом с собой. Теперь её лицо казалось совершенно иным. В нём было что-то новое, неземное, но тут Аластор увидел и тень... не тень Вестании, как можно было ожидать, эта была ему незнакомой; над Никой повисла другая — тёмная, она, несомненно, завладела крылатой девушкой.

Асфодель повернул ручку трости и изъял из ножен клинок. Время словно остановилось для них, потому что даже Теренея не могла ничего сделать, никак отреагировать на происходящее, просто замерла в снегу и смотрела на эту жуткую сцену.

Ещё до того, как Ника успела вновь взмыть в воздух, Асфодель нанёс первый удар клинком. Сталь гладко рассекла кожу, минуя мускулы и кости, она отсекала Нике правую руку у самого предплечья, заставив её завопить от боли. Желая спастись от нападения, она

вновь подпрыгнула в небо, но без руки сделать это стало ещё сложнее. Ника опять рухнула, теперь уже на алтарь, на одно мгновение загородив Вестанию своим крылом. Асфодель тотчас оказался рядом. Кем он был? Как мог совершать настолько стремительные движения? Опытный убийца, посланник смерти, вершащей её волю. Аластор вспомнил, как он учил мальчика обращаться с оружием. Может, ему самому было чему поучиться у Асфо?

Клинок с визгом рассёк воздух, и вторая рука скатилась по алтарю в снег. Теперь Ника не могла воспарить. Она попыталась развернуться, но уже была не в силах причинить ему вред или остановить его. Окрылённая муза смотрела на своего карателя, на беловолосого ребёнка, обернувшегося вдруг демоном мести для неё. В последней безнадежной попытке спастись, она оттолкнулась ногами от плиты, чтобы взлететь, как в ту же секунду Асфодель занёс клинок над музой и отсек ей голову.

Окрылённое туловище оторвалось от земли всего на несколько метров. Сразу после чего, оно свалилось в снег позади алтаря и замерло без движений. Тени на ней Аластор больше не увидел. Ника умерла.

Некоторое время, может, около минуты, никто не шевелился. Асфодель так и замер с опущенным клинком в руках. Голову и Нику Аластор не видел, они лежали где-то за гранитной плитой. Тереня стояла на коленях и не переставала рыдать.

Тут Аластор бросился к алтарю, чтобы помочь Вестании, но в эту же секунду понял, что всё ещё находится на лугу среди белых цветов, возле маленькой лужи с чёрной водой, у которой стояла Персефона.

— Что это было? — спросил он изумлённо.

— Орфей показал тебе их. И отомстил за тебя, — изрекла смерть. — Теперь всё кончено.

Аластор заглянул в лужу. На её дне лежала Вестания с перерезанным горлом и не дышала.

— Ты не можешь так поступить... — выкрикнул он. — Она всё ещё умирает...

— Считай, что уже мертва, — отозвалась смерть. — Ты видишь её последнюю секунду, но здесь время идёт не так, как в мире живых. Там она мертва.

— Не делай этого! — закричал Аластор. — Ради чего всё это было?! Верни её!

— Я уже говорила, что это невозможно... Орфей исправил, что мог. Теперь она попадёт в Элизий...

— Пусть она будет жить! — он чувствовал, как от отчаянья в глазах закипают слёзы. — Смерть, прошу! Я сделаю всё, что ты скажешь! Только верни её к жизни...

— Зачем тебе это?! — разозлилась Персефона. — Ты уже отдал жизнь за одну из них. Дай умереть второй.

— Нет, потому что так не должно быть! — запротестовал он. — Прощу тебя, смерть... если в тебе есть жалость... если ты хоть когда-то любила, прошу...

Персефона отвернулась от него с презрением на лице, но Аластор не успокоился:

— Я готов на всё, только скажи, что мне сделать...

— Она уже моя. Моя жертва. — Упрямо ответила Персефона. — Скоро она и её тень вернутся сюда.

Тут Аластору на ум пришла новая мысль, он даже боялся произносить её вслух.

— Почему тебе так нужна Вестания? Ты же отпустила когда-то Эвридику... скажи честно, тебе нужна её тень?

Персефона посмотрела на него диким, разгневанным взглядом, в котором, однако,

крылось столько печали и сожаления.

— Это он, так? Серый. — Догадался Аластор. — Это всё из-за него...

— Он пришёл в царство мёртвых из-за меня. — Произнесла она вдруг. — Это было очень давно, когда я ещё была молодой... всё было совсем не так, тени уже были, но совсем немного... И тогда я создала для него всё это... поля цветов. Мир, в котором можно жить в сладостном забвении, пить воду из Леты и не помнить прошлого... — она замолчала. — Когда он узнал, что всё это обман, он ушёл. Он был первым из тех, кто проник сквозь трещину и с тех пор не возвращался... просто бродил по миру, не помня ничего... Если она умрёт... он будет здесь... будет со мной опять.

Аластор слушал её и не мог поверить. Смерть стала выглядеть совсем слабой, лишённой хоть каких-либо сил, чтобы бороться дальше, чтобы творить своё предназначение.

— Тогда я уснула. — Сказала она. — Чтобы не помнить. Не думать. Не страдать.

— Персефона... — прошептал он. — Смерть... пожалуйста... ты же понимаешь меня... ты знаешь, как больно терять тех, кого любишь... спаси её сейчас. Она нужна сестре. Она мне нужна... я обещал ей, что вернусь... даже поклялся... не могу её подвести.

— Ты же уже мёртв. — Отрезала смерть. — Ты понимаешь, что ты никогда её не увидишь? Зачем тебе это? Просто знать, что она жива...

— Знать, что у неё целая жизнь впереди, — подхватил её Аластор. — что она будет счастлива, что будет смеяться, будет ещё любить... может, найдёт Океанию, но только не так... не так, как Ника. Наверняка, будет ещё одна дорога... прошу тебя... — Он подошёл к ней совсем близко. — Прощу тебя, смерть...

Персефона стояла, потупив глаза в зелёную траву, в которой цвели белоснежные головки асфоделей. Она была несчастна. Точно так же, как и все они в Аиде, за чертой смерти. Как можно променять жизнь на то, что было здесь? И всё же он это сделал... но не мог позволить Вестании поступить также.

— Есть последнее средство. Но это самое ужасное, что может существовать во всех мирах. — Сказала она. — Не так, как с Асфоделем. Всё будет хуже.

— Я согласен. — Произнёс он.

— Ты же не знаешь, на что идёшь, — сказала Персефона. — Это будет сроком в вечность. И назад дороги не будет.

— Я согласен. — Повторил Аластор. — Ты же любишь его... ты знаешь, что это... я буду согласен на всё, что ты скажешь... не нужно продолжать.

Смерть тяжело вздохнула. Её необыкновенные глаза стали такими грустными, будто тоже наполнились слезами, пусть Аластор и не верил, что Персефона могла вот так заплакать при нём.

Она вдруг взяла его за руку, перевернула её ладонью кверху, а потом положила что-то туда, сжав его пальцы в кулак.

— Ешь. До конца. — Сказала она, но теперь Аластору показалось, что в её голосе появилось облегчение.

Он не стал смотреть на то, что в руке. Просто поднёс кулак к губам и высypал содержимое в рот. Это оказались гранатовые ягоды. Аластор разжевал сочную мякоть и заставил себя проглотить косточки.

— Двенадцать гранатовых ягод... — прошептала Персефона задумчиво. — Так ничтожно... и столько проблем.

— Смерть... прошу тебя, спаси её, — произнёс он, не зная, что должен делать дальше.

Персефона подошла чуть ближе, прислонилась щекой к его щеке и нежно прошептала на ухо:

— Смерть, прошу, спаси её, — повторила она эхом, после чего нежно поцеловала его в щеку и с этим ушла прочь.

558–560 день после конца отчёта

Спираль. Бесконечная головокружительная спираль всё несла и несла её на своих волнах, и она проваливалась в её центр, без возможности остановиться, без сил оценить, где верх, а где низ.

Раз-два, небо-земля...

Эти черные спокойные воды обволакивали её со всех сторон, принося с собой тишину, спокойствие, мир. Всё то, к чему она так долго стремилась, когда хотела забыться, когда мечтала о том, чтобы никогда не нести ни за кого ответственности, избежать всего настоящего, спастись от реальности с её бесконечными проблемами и выборами, которые надо совершать. Забыть опасность, отказаться от боли, от жизни, от смерти, от...

— Вестания...

Но нет... этому голосу она не могла отказать. Так всегда было. Если он звал, она просыпалась. Только вот сейчас сделать это ей не под силу... Сколько усилий нужно приложить, чтобы пойти на него, чтобы откликнуться.

Кажется, Вестания даже хотела сказать ей, чтобы та не мешала, чтобы подождала совсем немного, когда она придёт в себя. Из спирали всегда сложно уходить, это она очень хорошо помнила. Только вот сказать ничего не получилось. Странно...

Спираль стала вдруг раскручиваться в обратную сторону. Так что теперь незримые воды несли её против течения. Уже когда, казалось, она достигает поверхности, когда давление этой бездонной глубины ослабло, рядом вдруг появился он.

Она не успела ничего произнести вслух, не успела даже отреагировать. Просто увидела его лицо и, прежде чем успеть броситься к нему навстречу, она с трудом набрала в лёгкие воздух и распахнула глаза.

— Вестания!!! — сестра обняла её и принялась целовать в щёки, а девушка никак не могла понять, что происходит, почему воздух проникает в лёгкие с таким трудом, а откуда-то раздаётся пугающий хрип.

Тут вернулась и боль. Она приподнялась, преодолевая усталость, невозможную истощённость. Прижала руку к горлу, туда, откуда электрическими раскатами боль разносилась по всему телу. Тут Вестания испугалась. Кожа была порезана. Вспомнив всё, что произошло недавно, она вдруг осознала, что чуть не умерла.

Что происходит? — хотела она спросить, уже начала говорить, но изо рта раздался только сиплый хрип, так, что Вестания здорово испугалась этого мерзкого звука.

— Только не говори сейчас, ладно? — попросила Теренея. — Это чудо, что ты выжила... не могу поверить... я так испугалась за тебя.

Я же видела Аластора... что происходит? Где Ника?

Ответ пришёл довольно скоро. Она вдруг поняла, что всё ещё лежит на алтаре, залитым её кровью, так что резная спираль заполнилось ею почти на всю длину. С краю от плиты Вестания увидела сломанные крылья, ворох перьев и ещё больше крови, вытекающей из искалеченного тела. Смотреть туда она больше не захотела, побоявшись, что её стошнит, а в её положении этого нужно избегать.

Как я вообще выжила? — не могла понять Вестания.

«Это было чудо».

Серый! — Обрадовалась она. — *Ты тоже здесь?*

«Мы с тобой неразлучны, помнишь?» — впервые за всё время, что она с ним разговаривала, его голос прозвучал радостно.

Неподалёку, тоже возле алтаря, стоял ещё и Асфодель, глядя куда-то в пустоту, как всегда.

Что произошло? — в который раз попыталась спросить Вестания, всё ещё ощупывая рукой рану на горле.

«Лучше не пытайся говорить, — посоветовал Серый. — Со вскрытой глоткой ничем хорошим это не кончится».

«Почему я живая?»

«Я не знаю», — честно ответил Серый.

— Вестания... наверное, нам нужно перевязать тебе горло... — запричитала тут же Тереня. — Странно, но кровь почему-то больше не идёт... но всё равно лучше перевязать.

Она тотчас бросилась заниматься повязками, а Вестания по-прежнему не могла понять, что происходило вокруг.

Ника мертва... у неё отросли крылья, но она умерла... я почему-то жива, хотя мне вскрыли горло...

«Бывает...» — заметил призрак, словно не зная, что ещё на это сказать.

Серый... — опять вспомнила Вестания невозможное видение за миг до того, как проснуться. — *Ты видел Аластора? До того, как я очнулась, мне показалось, я видела его...*

«Те, в ком тени, не помнят своих снов, — сказал он. — И тени их тоже не видят».

Это был не сон, — возразила Вестания. — *Он был как настоящий...*

После того, как перевязка была закончена, Вестании предложили умыться и стереть с себя кровь. Она была этому рада, хоть и сменной одежды у них не нашлось.

Что теперь? — спросила Вестания, сначала всё ещё по привычке хотела спросить сестру, но быстро одумалась. — *Куда нам идти?*

«Куда же ещё, — удивился Серый её вопросу. — Дальше, искать Океанию».

Я думала, мы уже нашли в неё вход. Да вот только плата слишком высока.

«Океания — это мечта. Пока ты в пути, ты на дороге к ней».

— Я думаю, мы можем переждать какое-то время в пещере. Там остались палатки. Может, племя аборигенов вернётся на свою стоянку. — Предложила Тереня.

Вестания кивнула. Выбора у них не было.

— В «Икаре» осталась еда. Может, со Сказкой получится поймать дичь...

Тереня вдруг оглянулась на мальчика, который всё ещё стоял с потерянным и смущённым видом в стороне. Она подошла к нему. Удивительно, но Асфодель отреагировал на её приближение и испуганно отступил.

— Асфодель, стой... — позвала его Тереня. Белая голова покачнулась, словно поздний одуванчик. — Ты же... останешься с нами? Не исчезнешь опять? — спросила Тера с надеждой. — Ни я, ни Вестания не злимся на тебя. Мы беспокоились. И я благодарна тебе, что ты нас спас.

Спас? Что здесь произошло, пока я... — Вестания решила, что у них с сестрой ещё будет время это выяснить.

Асфодель не шевелился, глядя сквозь девочку.

— Пожалуйста, останься с нами... — попросила она его и шагнула ещё ближе, так, что встала прямо напротив мальчика.

И тут прямо на глазах Вестания Асфодель шагнул навстречу Тере и встал вплотную к ней. Его подбородок почти приник к плечу девочки, так, что, если бы Тереня вытянула руки, они бы могли обняться. Они стояли в этой хрупкой позе достаточно долго, чтобы Вестания почувствовала, как в уголке её глаза появилась маленькая слезинка, которую сразу же сорвал ветер.

Всего за несколько дней они смогли обжиться в скалистом городе. Дни протекли в непрерывной работе по обустройству их жилья. Временного, как надеялась Вестания. Тереня много говорила. Может, ей было непросто мириться с постоянной тишиной, в которой теперь проходили дни. Может, она просто пыталась не дать заскучать Вестанию, скорее всего, забывая, что у той всегда есть верный спутник, с которым она могла общаться, не напрягая голосовые связки.

Интересно, я смогу опять разговаривать? — думала она.

«Подожди. Рана заживёт полностью, тогда проверим», — посоветовал он.

Начинаю понимать Фрикса и Асфо. Не так уж просто это, когда не можешь ответить, — заметила она.

Вестания перестала переживать и волноваться на счёт будущего. Если раньше её основной задачей было сделать так, чтобы с Теренеей ничего не случилось, чтобы они нашли какое-то спасение, нашли волшебную страну, то теперь они просто жили, и это было здорово. Еды хватало. Они научились ловить рыбу в озере пещеры, встречались и птицы, и прочая живность, кажется, всё, наконец, шло своим чередом.

В один из вечеров они все вместе возвращались к лагерю после охоты и Тереня рассказывала сказки. Сначала Асфоделю, потом собаке. *Какой же она, всё-таки ещё ребёнок,* — думала Вестания, не пытаясь прятать довольную улыбку.

«Для меня ты тоже ребёнок», — сказал ей Серый.

Ты уже вспомнил, сколько тебе было лет, когда ты умер?

Вестания задалась целью пробудить в тени все возможные воспоминания, если придётся, то даже силком. Не для того, чтобы избавиться от него. Просто хотела помочь.

«Не думаю, что много». — Отозвался он.

А ворчишь иногда, как старик! — девушка улыбнулась, но тут, взглянув вверх, она увидела, что сестра замерла на вершине холма с растерянным видом. Решив не терять ни секунды, Вестания поспешила к ней, едва ли не путаясь в снегоступах.

Добравшись до самой вершины, ей тоже ничего не оставалось, как замереть на холме, приобняв сестру за плечи. Сказать она всё равно ничего не могла, но в такую минуту и не было сил говорить. Блаженное спокойствие, в котором они пребывали все эти дни, всё же оборвалось у неё внутри, а где-то глубоко, в самом сердце, затаились слезы и пустота. Страшная пустота, что раньше снедала её душу, вдруг возвратилась вновь.

Прямо внизу, повсюду от них, долина была усыпана не снегом, а маленькими жемчужинами, сверкавшими под тусклым северным солнцем нежным перламутром. Только вот их блеск казался теперь мёртвым, лишённым красоты. Совсем недалеко, может, метрах в трёхстах от них, внизу, перед зимней стоянкой Ууракулиса, лежали огромные посеревшие кости, которые образовывали три громадных скелета китов.

Эпилог. Смерть

Гектор сидел в своём кабинете в главном офисе «Скиеса». В последнее время всё реже хотелось уходить отсюда, потому он проводил на работе долгие вечера, курил, читал «Фантасмагорию» и перебирал бумаги, от которых спустя столько лет службы начинало неприятно урчать в животе.

Трёхлапый пёс Гелиос лежал возле стола на ковре, на своём обычном месте, и, кажется, дремал. Гектор всегда приводил его с собой на работу, так как проводил здесь слишком много времени, чтобы оставлять пса дома. Первые несколько месяцев, что трёхлапый прожил у него, ел он безостановочно, будто опасался, что еда может вдруг закончиться. Потом же, отрастив себе бока, Гелиос превратился в спокойного и послушного пса, никогда не позволявшего себе поднять лай на незнакомцев. Гектор ни дня не жалел, что решил оставить его, вместо того чтобы подыскать других хозяев. Сколько бы члены «Скиеса» не произносили восклицающих тостов на собрании по поводу годовщины создания компании, Гектор знал, что он уже старик, и что, вероятнее всего, осталось ему не так долго. Жена у него умерла уже давно, так и не оставив наследника. Потому одинокая жизнь вдовца успела ему изрядно поднадоесть, а пёс сумел привнести в неё тот беспорядок, который и заставляет людей строить прочные связи.

Он затянулся в последний раз, затем неспешно затушил сигару. Часы показывали 23:15.

— Пора идти, Гелиос, — произнёс Гектор, ещё какое-то время вслушиваясь в тишину комнаты и сонное урчание собаки.

Внезапно в помещение нахлынул холод. Это казалось невозможным, ведь в кабинете не было окна, а система вентиляции, скорее, чаще подводила. Гелиос разом насторожился, наострил уши и грозно гавкнул куда-то в пустоту, потом обеспокоенно посмотрел на своего хозяина.

Гектор огляделся по сторонам. Дверь, прямо у него на виду, была закрыта, она и не открывалась, но создалось ощущение, будто кто-то вошёл. Глава «Скиеса» — самой страшной фирмы в Сцилле, вдруг почувствовал себя не в своей тарелке. Пришлось даже ослабить ворот рубашки, чтобы было легче дышать. Затем вдруг свет мигнул, лампочки тихо загудели, но потом опять загорелись обычным светом. На этот раз в кресле напротив стола возникла фигура.

— Здравствуй, Гектор, — произнёс посетитель, как только свет упал на него. — Успел соскучиться по мне?

Вглядываясь в плохо различимые сумерки, Гектор тут же узнал вошедшего. Только сама идея подобной встречи показалась ему одновременно такой невероятной и такой обнадеживающей, что он сразу не нашёлся с тем, как отреагировать. Посмеялся немного, затем всё же собрал волю в кулак и стукнул им по столу.

— Что ты здесь забыл, Аластор? Я же приказал тебе проваливать.

Мужчина в кресле ничуть не удивился подобной реакции, прислонил трость к краю его стола и порылся в кармане.

— Ты велел мне умереть. И даже одарил пулей. За что я благодарен тебе, — сказал бывший наёмник. — Но я здесь не затем, чтобы вести беседы, как раньше.

— Как ты вошёл? — спохватился вдруг Гектор. — Чем ты сейчас промышляешь?

— Всё тем же, — отозвался он, вынимая узорный портсигар. — Отнимаю жизни.

Только теперь я сменил работодателя. Говоря твоим языком, нашёл фирму-монополиста.

Гектор прищурился, не понимая, о чём идёт речь. Тем временем Аластор протянул ему портсигар.

— У меня осталась последняя, — сказал он. — Я привык её с кем-нибудь делить. Присоединишься?

— Что происходит? — не понял Гектор. — Ты пришёл, чтобы убить меня?

— Да... только в каком-то смысле ты уже мёртв. — Сказал Аластор, не опуская раскрытого портсигара. — Я немного притормозил время, чтобы мы могли поговорить. Иначе пёс начнёт скулить. Парень потеряет второго хозяина. Лучше этого не видеть.

Гектор, окончательно сбитый с толку, всё же взял сигарету и закурил её с задумчивым видом.

— Я умер? — спросил он только после третьей затяжки.

— Сожалею, — кивнул Аластор. — «Скиес» многое потеряет с твоим уходом. Надеюсь, ты сумел найти преемника?

— Мальчик, которого ты приволок, — сказал Гектор. — Не думаю, что он готов... хотя сколько уже прошло... года три?

— Здесь и в моём мире время идёт неодинаково, — пояснил Аластор. — Но я рад, что так вышло.

— Как ты стал смертью? Или мне это просто снится? — усмехнулся Гектор, кажется, входя во вкус этого диалога.

— Можешь считать это сном. Но ты действительно умер.

— Можно узнать от чего?

— Остановка сердца. — Процедил Аластор.

— Значит, всё же не сигары! — усмехнулся Гектор. — И что, значит, ты приходишь вот так ко всем, кто... умирает, во всём мире? И в Гиперборее тоже?

— Да, — кивнул бывший наёмник, и с этой фразой забрал сигарету у Гектора, сделал затяжку. — Я вездесущ. Но те, кто умирают не своей смертью, мне не принадлежат. Их смерти забирают убийцы. У Аида есть свои правила. Я не вправе их нарушать.

— Интересно, — глава «Скиеса» выглядел действительно заинтересованным, затем вдруг потупился и посмотрел на собаку. — За ним ты тоже придёшь когда-то?

Аластор взглянул на пса. Тот не шевелился, но это временно. Только дай ему волю сейчас, отпусти стрелки часов, как хромой тут же подскочит и зайдётся лаем и визгом.

— За ними нет. — Сказал он. — Люди бывают разными, хорошими и плохими. Для них созданы правила, Элизий, Тартар... собаки все хорошие. Думаю, у них есть свой рай где-нибудь и своя Царевна суповых костей.

— Жалко его, — кивнул Гектор. — Не хотел я его вот так оставлять... но за ним присмотрят, не волнуйся. Этот трёхлапый покорила сердца всей фирмы.

— Счастлив слышать, — довольно кивнул Аластор, докурил сигарету и бросил её на пол, где она тотчас потухла. — Скажешь, когда готов будешь идти.

Гектор тяжело вздохнул. С грустной улыбкой оглядел свой кабинет в последний раз, затем опять посмотрел на Аластора.

— Скажи честно, что меня ждёт? Тартар или Элизий?

— Не мне судить, — сказал Аластор. — Когда придёшь туда, узнаешь сам.

— Что там будет? — спросил Гектор.

— Там буду я. — Ответил он, после чего Гектор согласно кивнул, и они ушли.

Аластор постарался исчезнуть раньше того, как Гелиос поднял шум. Просто шагнул назад. Вернулся на луга с цветами — жёлтыми, красными, синими, белыми... их было бессчётное множество. Аид не менялся никогда. В нём не было ни погоды, ни времени, ни расстояний, ни смены дня и ночи.

Аластор вынул компас из кармана. Просто, чтобы проверить. Стрелка указала на Лету, реку забвения, и он прошёл к ней. На берегу его уже ждала тень, сидела к нему спиной и смотрела на воду. Они всегда встречались здесь.

Некоторое время Аластор смотрел на её затылок, не сразу подошёл. Ещё раз сверился с компасом, но стрелка оставалась непреклонна в своём решении. Она всегда показывала только на неё.

Вдруг тень словно почувствовала спиной постороннее присутствие и обернулась.

— Привет, — сказала она, улыбаясь. У него ушло много сил на то, чтобы она стала узнавать его так сразу.

— Здравствуй, — улыбнулся Аластор, садясь с ней рядом. — Видел твоего пса только что. У него все нормально.

— Пса? — переспросила девушка с сомнением.

— Да. У тебя был пёс. Помнишь? Сможешь назвать его имя? Или какого он цвета?

Если бы в Аиде всё же было время, Аластор предположил бы, что провёл вечность, пытаясь научить её помнить. Это было непросто. Даже те, которые не пили из Леты, теряли воспоминания. Так было устроено Асфоделево поле, таковы были законы для всех теней, но он всё равно старался ей помочь, не совершая ничего, противоречащего правилам. Они долго разговаривали, пока, наконец, она не произнесла уверенно:

— Да, чёрно-белый трёхлапый пёс... звали Гелиос. Гелиос — это означает «солнце».

— Неплохо, — похвалил её Аластор снисходительно. — Ты точно делаешь успехи.

Вдруг её призрачное лицо передёрнулось сомнением, он уловил эту перемену.

— Зачем ты это делаешь? — вновь начала она. — Зачем помогаешь мне? Почему бы просто не заниматься своими делами, не пройти мимо?

— Я хочу помочь тебе, — ответил он. — Помочь вспомнить, кто ты. Если хоть одной тенью станет меньше, значит, не всё потеряно для мира.

— Да, но если я всё вспомню, то я уйду в Элизий, так? — спросила она опять. — Ты же не хочешь, чтобы я уходила.

«Потому и не говорю тебе слишком многого», — признался он себе в этом, но не стал говорить вслух.

— Ты всё равно забудешь, если скажу сейчас, верно? — произнёс Аластор с сожалением в голосе. — Я виноват в твоей смерти и хочу исправить эту вину. Она не лежит на мне грехом, но я всё равно чувствую эту ношу.

— Ммм... — протянула тень. — И это всё?

— Нет. Ещё иногда мне кажется, что я люблю тебя. — С ней было просто говорить о чём угодно. Она всё равно забывала спустя какое-то время.

— У меня есть компас, и в этом мире он почему-то всегда указывает на тебя. Наверное — ты мой ориентир.

— Я бы тоже хотела любить, — призналась она. — Но мне кажется, уже не помню, как это. А может, и не знала... как ты думаешь?

— Конечно, знала. — Соврал он. Или не соврал? Кто теперь разберётся. — Не отвлекайся. Повтори всё, что помнишь о своей собаке...

Ему казалось, так было всегда. В Аиде не существовало ни времени, ни перемен. Если какие-то изменения и происходили в её памяти, то они были настолько незначительны по сравнению с вечностью, что совершенно терялись в ней.

Конец света, объявленный властями, всё не наступал, как если бы кто-то заморозил его. В перспективе, насколько Аластор мог заглянуть вперёд, он тоже не видел этого конца, но чувствовал застывший во времени взрыв. Соппротивление во главе с новым Алкидом постепенно захватывало власть, но не так быстро, как планировало. Во всяком случае, до столиц повстанцы пока не добрались.

Будучи смертью, Аластор мог охватить взглядом всё своё царство, безграничное и невозможное. Он мог быть здесь, на берегу реки, рядом с ней, или в тот же самый миг на поле среди цветов. *Красные. Ей больше нравятся красные*, хотя порой она и говорила, что любит жёлтые, а красный цвет ненавидит, это бывало нечасто. Он мог быть в мире живых, но только по делу — когда забирал души с собой. Он видел будущее и настоящее, пусть и никак не мог влиять на них.

С тех пор как Персефона ушла, Аластор нигде её не встречал. Он стал абсолютной смертью, полностью принял её обязанности, и у него не было права жалеть об этом выборе. *Потому что они обе живы*. Он не знал, ушла ли прошлая смерть в Элизий или в Тартар, или для неё существовало особенное место. Может, такие как они, просто исчезают без следа после того, как сдают свои полномочия? Он не знал, но пока не чувствовал себя настолько усталым, чтобы желать найти ответ. Он видел многих теней, в том числе и тех, кого знал при жизни. Со многими он заговаривал, помогая им нащупать ту самую жилку памяти, за которую нужно держаться, но ещё никому из них не удавалось вспомнить всё.

— О чём думаешь? — спросила его тень.

В Аиде её голос был совершенно иным, мягким, боязливым, бесконечно нежным. Аластору хотелось оградить её от всех бед, хотелось сломать для неё все законы, как он это сделал для сестёр. Но сёстры были живы — а ей уже ничто не могло помочь по-настоящему. Хотя, наверное, тень тоже заслужила преступление правил. Пусть его осудят боги, пусть продлят его срок на ещё одну вечность. Какая теперь разница? Кому вообще нужны законы, если нельзя их нарушить?

Он нагнулся к траве и сорвал алый цветок, подержал его в руке недолго и затем вставил в её волосы.

— О тебе. И обо всём, — ответил он честно, и она слегка улыбнулась, прислонилась к нему и положила голову на плечо.

Вдруг на миг он отвлёкся, посмотрел на черту горизонта, где опять возникла фигура мальчика. Асфодель подошёл к нему ближе, и Аластор тоже встал с травы, опираясь на трость, обнял его и предложил сесть рядом с ними. Асфо или Орфей, как его здесь называли, часто приходил сюда. Он всё так же не говорил, но зато Аластор мог чувствовать через него, что с сёстрами всё в порядке. Смотреть на них он не смел. У него ещё не было той силы, которой владела Персефона, да и такой выдержки ему тоже недоставало. *Лучше не видеть их пока*, — думал он. Если увидит — это будет плохой знак, значит, наступит их час, но пока он не собирался к ним приходиться.

Потому что здесь у Аластора была река забвенья, на чёрную мирную воду которой можно было смотреть в то время, пока проходили века и бессчётные людские жизни уносились во тьму, как падающие звёзды. Рядом была тень девушки, которой он мог признаваться в любви до бесконечности, и мальчик с глазами и волосами старика,

понимавший его, как никто другой. Аластор занимался тем же, чем и всегда, тем, что было его природой, единственным предназначением. Он был смертью. Наконец, спустя столько лет, он достиг желаемого, он оказался на вершине пищевой цепочки, на пьедестале человеческих законов. Он убивал. И у него была целая вечность на это.

Больше книг на сайте - Knigoed.net